

НОВЕЙШИЙ ШЕДЕВР ОТ ЧЕТЫРНАДЦАТИКРАТНОГО ФИНАЛИСТА
И ПЯТИКРАТНОГО ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ «ХЬЮГО»

МАЙКЛ СУЭНВИК

ДРАКОНЫ ВАВИЛОНА

NEW
FICTION

ДОЛГОЖДАННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В МИР
ЛЕГЕНДАРНОЙ «ДОЧЕРИ ЖЕЛЕЗНОГО ДРАКОНА»

Annotation

Впервые на русском — пожалуй, самый ожидаемый любителями фантастики роман нового десятилетия, триумфальное возвращение в мир культовой «Дочери железного дракона». Мастер смешения стилей и непредсказуемых зигзагов сюжета вновь разворачивает масштабное полотно, сталкивая жестоких эльфов и паровых драконов, лисиц-оборотней и политиков-популистов, вавилонских человекобыков и боевых кентавров, древние пророчества и неутолимую жажду мести. А начинается все с того, что в деревню, где живет полусмертный Вилл ле Фей, приползает дракон бомбардировочной авиации, сбитый василиском противовоздушной обороны, и объявляет себя новым властителем...

(задняя сторона обложки)

«Дочь железного дракона» Майкл Суэнвик создал целый новый жанр в литературе воображения. «Драконы Вавилона» — блестящее продолжение той поистине легендарной книги. Роман этот — стилистически безупречный, идеально выстроенный с точки зрения сюжетной динамики (другими словами, затягивающий читателя с головой) — является одной из тех редчайших книг фантастического жанра, которые я могу рекомендовать без малейших оговорок.

Майкл Муркок

Безусловный шедевр, вершина современной фантастики.

SF Site

Если вы уже знакомы с фэнтезийной вселенной Майкла Суэнвика, где драконы и эльфы сочетаются с паром и электричеством, то вам не терпится туда вернуться. А если еще не знакомы — приготовьтесь ловить челюсть, которая непременно отвалится от восторга. Суэнвик в буквальном смысле бесподобен...

Джин Вулф

Только у Суэнвика «BMW» может припарковаться рядом с гиппогрифом, а мантикора бегать взапуски с мотоциклом так, будто нет ничего более естественного.

Большинству авторов еще везет, если им удастся либо овладеть красотами стиля, либо придумать новую захватывающую идею, либо ярко выписать персонажей. Суэнвик же неизменно выигрывает по всем трем пунктам одновременно.

Вернор Виндж

Стимпанк-фэнтези высшего сорта... вскрывает темную изнанку волшебства не хуже «Задверья» или «Зеркальной маски» Нила Геймана.

Starlog

Я прощаю тебя, Майкл Суэнвик. Прощаю за то, что ты заставил меня ждать этой удивительной книги так долго. «Драконы Вавилона» как минимум не уступают «Дочери железного дракона»...

Джейн Йолен

Майкл Суэнвик — один из самых изощренных фантастов своего поколения.

The Washington Post Book World

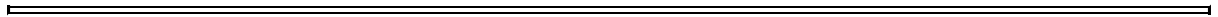

- [Майкл Суэнвик](#)
  -
  - [БЛАГОДАРНОСТИ](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)

- [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)

Майкл Суэнвик

Драконы Вавилона

*Моему отцу Джону Фрэнсису Суэнвику,
который дал мне жизнь.*

*И Уильяму Кристиану Портеру, давшему мне
нечто даже более драгоценное.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Как и всегда, я должен поблагодарить больше людей, чем вмещается на бумаге и в моей памяти.

Однако я особенно признателен Дэвиду Акслеру за помощь с фольклором, Сюзанне Кларк за разрешение использовать Малую Фейри (Fäerie Minor), Нику Геверсу за токолоше и «Джейсову жидкость», Влатко Юрич-Кокичу за помощь с хорватской мифологией, Грир Гилман за трубочистов и бета-тестирование подозрительных мест, Борису Долинго за то, что показал мне каменные цветы, Эллен Кашнер за то, что нечаянно одолжила мне Ричарда Сент-Вира, и Тому Пердому за мудрые музыкальные советы.

Отрывок из брошюры для туристов в начале главы 7 является почти точной цитатой из книги Э. Р. Эддисона «Червь Уроборос». Фрагмент, отнесенный к полностью вымышленной Мотсогнирсаге, взят из песни «Прорицание Вёльвы» («Старшая Эдда»). Виллово лошадиное заклинание — это компиляция англосаксонских рунических поэм. Среди прочих цитируемых и упоминаемых песен и стихов — «Песнь косы» Эндрю Ланга, роялистская баллада «Когда король опять воссядет на престол», боевая песня индейцев оджибве «С юга», Апокалипсис и неизбежная «Матушка Гусыня».

Наконец, я крайне признателен Фонду поддержки искусств имени М. К. Портера за некоторые особо вдохновляющие аспекты Алкионы.

Драконы появились на рассвете, они летели правильным строем, волна за волной, и так низко, что от рева двигателей содрогалась земля; если не смотреть вверх, можно было подумать, что где-то там, в глубине, бьется исполинское сердце мира. Старейшины деревни выскочили из домов кто в чем был; они кругообразно размахивали волшебными посохами и выкликали заклинания. «Скройся!» — кричали они земле. «Усните», — взывали к небесам, хотя и сами догадывались, что, пожелай того эльфы-полукровки, управлявшие драконами, они без труда бы прозрели сквозь жалкую пелену таких заклинаний. Но глаза и мысли пилотов были устремлены на запад, где расположены главные заводы Авалона и куда, если верить слухам, перебросили за последнее время очень много войск.

Тетка махнула наугад рукой, пытаясь зацепить, задержать Вилла, но тот ловко увернулся и пулей вылетел на пыльную немощеную улицу. Тем временем на юге заговорили зенитки, их иступленное тьяканье бросало в небо розовые, быстро расплывающиеся облачка дыма от рвущихся снарядов.

Деревенские дети, кого не успели отловить родители, прыгали и скакали по улицам, закинув к небу головы, а те, что с крыльями, сновали и крутились над головами своих бескрылых товарищей. Но тут из бочки вылезла, кряхтя и отдуваясь, ведьма-яга, она широко развела свои морщинистые, сплошь в склеротических бляшках руки, а затем — и откуда только силы взялись? — хлопнула в ладоши с таким оглушительным «БУХ!», что всех детей словно ветром сдуло назад, в родительские хижины.

Всех, но только не Вилла. Дело в том, что он уже три недели еженощно практиковался в специальном колдовстве, защищавшем от того колдовства, которым эти старики опутывают детей. Выбегая из деревни, он ощутил ведьмино заклинание как нечто вроде ладони, дружелюбно легшей ему на плечо. Слегка потянула назад и вновь исчезла.

Быстрый и легкий как ветер, он мчался вверх, на горку. Там, на самой-самой вершине все еще жила его прапрапрабабушка,

принявшая облик серого, торчком стоящего камня. Она ничего никому не говорила, но иногда, хотя никто этого ни разу не видел, спускалась ночью к реке, чтобы попить. Вилл, имевший свой собственный, хоть и крошечный челнок, любил по ночам рыбачить; возвращаясь под утро с рыбалки домой, он каждый раз видел ее там и вежливо здоровался. Если улов случался хороший, он потрошил угря или маленького хариуса и мазал бабкины ступни рыбьей кровью: взрослые — они же очень любят знаки внимания.

— Вилл, идиот ты малолетний, поворачивай назад! — крикнул коббли, гнездившийся на деревенской свалке в распотрошенном холодильнике. — Здесь опасно!

Но Вилл лишь упрямо тряхнул белокурой головой и прибавил ходу. Плавный, величественный полет драконов, их невероятная мощь, их волшебство влекли его как магнитом. Это было чем-то вроде мании — не интерес, не любопытство, а острая необходимость.

До округлой, поросшей травой вершины холма оставалось совсем немного. Вилл бежал с исступлением, непонятным ему самому. Его легким едва хватало воздуха, ветер от собственной скорости свистел у него в ушах.

И вот он уже стоял на вершине, держась рукою за бабушкин камень, стоял и никак не мог отдышаться.

Драконы все летели, волна за волной. От рева их двигателей закладывало уши. Вилл вскинул голову и ощутил лицом жар их полета, его словно омыло драконьей злобой и ненавистью. Это было как черное вино, после глотка которого тошнота подступает к горлу, а голова начинает раскалываться от боли, изумления и тщетных попыток понять. Мерзко, отвратительно, а хочется еще и еще.

Низко-низко над полями и фермами, над Старым лесом, уходившим куда-то за горизонт, прокатилась последняя их волна, следя за которой Вилл едва не вывернул шею, и в воздухе остался легкий, словно бы серный запах выхлопных газов. Сердце Вилла стало таким огромным, что казалось странным, как это оно вмещается в груди, таким огромным, что оно грозило поглотить и горку, и фермы, и лес, и драконов, и весь остальной мир.

Из-за дальнего леса в воздух взметнулось что-то черное и страшное, взметнулось и стало быстро догонять последнего дракона. Мир как-то дико, болезненно исказился, а затем на глаза Вилла легла

холодная каменная ладонь.

— *Не смотри,* — сказал древний спокойный каменный голос. — *Я не хочу, чтобы ты, моя кровиночка, умер от взгляда василиска.*

— *Бабушка?* — спросил Вилл.

— *Да?*

— *Если я обещаю стоять зажмурившись, ты расскажешь мне, что там происходит?*

— *Хорошо,* — сказал бабушкин голос после недолгой паузы. — *Дракон отвернул в сторону. Он спасается бегством.*

— *Драконы не бегут,* — убежденно возразил мальчик. — *Никогда и ни от кого.*

Он попытался убрать со своих глаз бабушкину руку, но ничего из этого не вышло, ведь его пальцы были не более чем плотью.

— *А вот этот бежит, и очень правильно делает. Но это его судьба. Она пришла из коралловых покоев, чтобы увлечь его в покои гранитные. Его пилот уже поет свою предсмертную песню.*

Она замолкла, а тем временем далекий рев дракона становился все тоньше и тоньше, пока не перешел в пронзительный визг. Вилл понимал, что происходит нечто грандиозное, но звук не давал ему ни малейших намеков, что именно.

— *Бабушка?* — пробормотал он нерешительно. — *А что сейчас?*

— *Этот — он очень умный, он прекрасно сражается и умеет ускользать. Но от василиска ему не уйти. Василиск уже знает два первых слога его тайного имени. В этот самый момент он обращается к его сердцу с приказом остановиться.*

Рев дракона снова стал громче, а потом еще громче. Отзвуки рева прыгали от холма к холму, складываясь в нечто невероятное. И сквозь всю эту какофонию прорезался звук, похожий на нечто среднее между воплем огородного пугала и скрипом ножа по стеклу.

— *Теперь они почти соприкасаются. Василиск тянется к своей жертве...*

Мир словно взорвался. Череп Вилла озарился изнутри ослепительно-белым светом, и на какой-то миг, показавшийся годами, всякая надежда остаться в живых пропала. Затем бабушка

укрыла его каменным плащом, обняла и низко пригнулась к земле, верной защитнице всех попавших в беду.

Когда Вилл очнулся, было темно и он лежал на холодной земле, никого рядом не было. Он собрался с силами и кое-как встал. На западе, куда улетели драконы, тускло светилась красно-оранжевая полоска заката. У реки и на болоте квакали лягушки. В темном вечернем небе метались ибисы, искавшие место для ночлега.

— Бабушка? — Вилл доковылял до вершины холма, часто запинаясь об острые, откуда-то взявшиеся камни, царапая о них лодыжки. Все его тело, каждый сустав нестерпимо ныли. В ушах стоял звон, словно фабричные колокола возвещали о конце смены. — Бабушка!

Никакого ответа.

А по склону холма, от вершины и до того места, где он очнулся, тянулась каменная осыпь. Торопясь подняться наверх, Вилл на камни толком не смотрел, теперь же он увидел, что поверхности у них разные: то гладкие и уютно-серые, как каменная бабушка, то зубристо-изломанные, липкие от крови.

Камень за камнем Вилл перетаскал их на вершину, на прежнее место, выбранное прапрапрабабушкой, чтобы ей удобнее было наблюдать за деревней. На это потребовалось несколько часов. Затем он начал громоздить их друг на друга, стараясь уложить повыше, однако в конечном итоге получившаяся пирамидка не достала ему даже до пояса. Вот и все, что осталось от той, которая столько уже поколений стояла на страже деревни.

К тому времени когда работа — самая тяжелая за всю его жизнь — была закончена, стемнело уже окончательно, в угольно-черном, безлунном небе сверкали яркие колючие звезды. Если прежде, работая, Вилл обливался потом и совсем не замечал холодного ветра, задувавшего ему под рубашку, теперь он начал дрожать от холода. А в голове вдруг всплыл естественный вопрос: почему никто его не хватился, никто не нашел? Где его тетя, да и все остальные?

Вилл никогда не расставался со своим колдовательным мешочком. Теперь он вытащил мешочек из кармана штанов и

высыпал все его содержимое на ладонь. Перемятое перо голубой сойки, маленький осколок зеркала, два желудя и плоский округлый камешек, одна сторона которого была помечена крестиком. Осколок зеркала он отложил, а все остальное покидал обратно в мешочек. Затем обратился по тайному имени к *lux aeterna*^[1], призывая его ниспослать в этот низменный мир малую толику своего сияния. Сквозь зеркало просочился мягкий, как от гнилушки, свет. Держа зеркальный осколок в вытянутой руке так, чтобы видеть в нем свое лицо, Вилл спросил:

— Как это вышло, что наши из деревни так за мною и не пришли?

Губы отражения слегка шевельнулись в серебристом омуте зеркала.

— Они приходили.

Губы эти были бледные и немного синюшные, словно у трупа.

— А почему они ушли? Почему не забрали меня домой?

Вилл бессознательно пнул прабабушкину пирамиду, водруженную им с такими трудами и без чьей-либо помощи.

— Они тебя не нашли.

Волшебное зеркало понимало все, что ему скажут, до ужаса буквально и всегда отвечало только на заданный вопрос, а не на тот вопрос, который имелся в виду. Но Вилл был упорен.

— Почему они меня не нашли?

— Тебя здесь не было.

— А где я был? Где была бабушка?

— Вас не было нигде.

— Как это может быть? Как могли мы не быть нигде?

— Взрыв василиска искривил мир и сеть времени, его заключающую, — бесстрастно объяснило зеркальце. — Булыжная леди и ты были отброшены вперед примерно на половину дня.

Было ясно, что ничего более внятного добиться от зеркала не удастся. Вилл пробормотал заклинание, разрешающее всезнающему свету вернуться туда, откуда тот пришел, а затем, опасаясь, что кровь

на его руках и одежде привлечет вечно голодных ночных духов, поспешил домой.

Добравшись до деревни, он узнал, что отряд, посланный на его розыски, все еще где-то там бродит и ищет. Те же, кто остался в деревне, поставили посреди деревенской площади высокий шест, вздернули на него головою вниз соломенное чучело и подожгли его, надеясь, что, если Вилл еще жив, свет укажет ему дорогу к дому.

Как, собственно, и вышло.

Через два дня после этих событий в деревню приполз из Старого леса искалеченный дракон. Он медленно, из последних сил дотащился до главной площади и рухнул без движения. Крылья его куда-то подевались, в фюзеляже зияли дыры, но даже и так от него исходили едкий запах мощи и миазмы ненависти. Из его распоротого брюха сочилась какая-то жидкость, наверное топливо, и теперь, когда дракон лежал, под ним на булыжниках медленно расплзлось маслянистое пятно. Среди тех, кто сбегался поглазеть на невиданное чудище, был, конечно же, и Вилл. Едва ли не все, кроме него, отпускали шуточки и едкие замечания — какая, мол, все-таки уродина. Ну да, конечно же, дракон был построен из холодного черного железа, а взрыв василиска сделал его еще чернее, на месте прежних крыльев торчали короткие иззубренные пеньки, боковые бронеплиты были во многих местах распороты. Но даже и в таком состоянии, полуубитый, дракон был прекрасен. Построенный искусными в ремеслах карликами по чертежам высоких эльфов, как мог он *не* быть прекрасен?

— Это твой, да? — спросил Пак Ягодник^[2], ткнув Вилла кулаком в бок.

Вилл раздраженно пожал плечами и ничего не ответил.

— В смысле, тот самый, которого сбил василиск.

— Не знаю, да мне и все равно. Не я же притащил его сюда.

Все надолго замолчали. Затем где-то в глубине драконьей груди заработала какая-то машина. Глухое урчанье постепенно перешло в дребезжащий вой и резко оборвалось. Дракон медленно, с явным трудом открыл один глаз.

— Приведите мне вашу правдосказательницу, — пророкотал он

голосом, похожим на отдаленные раскаты грома.

Правдосказательницей была торговка фруктами Яблочная Бесси. Как и положено по обычаю, все уважительно называли ее Старая Ведьма либо, для краткости, просто Ведьма, хотя лет этой «Старой Ведьме» было совсем еще немного. Она пришла, облаченная в просторную мантию и широкополую шляпу, служившие знаком ее положения, с обнаженной по древней традиции грудью, пришла и встала перед могучей боевой машиной.

— Отец Лжи^[3], — сказала она, почтительно поклонившись.

— Я искалечен, и все мои ракеты истрачены, — сказал дракон. — Но я все еще очень опасен.

— Это правда, — кивнула Старая Ведьма.

— В моих баках сохранилась добрая половина топлива, и мне ничего бы не стоило взорвать его самой простой электрической искрой. А сделай я такое, и ваша деревня, и все, кто в ней живет, мгновенно перестанут существовать. И теперь, так как сила порождает власть, я становлюсь вашим сеньором, вашим царем.

— Это правда.

По деревенской площади прокатилось негромкое бормотание.

— Но правление мое будет кратким. К самуинну^[4] здесь будут воины Всемогущего, и они заберут меня в великие кузни Востока, дабы там починить.

— Ты веришь, что так и будет.

Дракон распахнул второй глаз и в упор уставился на правдосказательницу.

— Я тобой недоволен, Ведьма. В один из дней я могу счесть необходимым вспороть твоё тело и съесть твоё трепещущее сердце.

— Это правда, — кивнула Ведьма Бесси.

И вдруг дракон рассмеялся. Смех был злобный, жестокий, как и любое веселье подобных существ, но все же это был смех. Многие деревенские заткнули от ужаса уши. Дети поменьше (им-то уж точно нечего было здесь делать) расплакались.

— Вы забавляете меня, — сказал дракон. — Все оптом и каждый в розницу — все вы меня забавляете. Мы начинаем мое правление на

радостной ноте.

Правдосказательница склонила голову. Вилл заметил в ее глазах огромную, безбрежную печаль — или так ему просто показалось. Во всяком случае, она смолчала.

— Пусть выйдет вперед ваша старейшина, дабы присягнуть мне на верность.

Сквозь расступившуюся толпу медленно прошаркала Черная Агнес — сухопарая горбатая старуха, согнутая чуть ли не вдвое тяжким грузом своей ответственности, знаки которой лежали в черном кожаном мешочке, всегда висевшем у нее на шее. Развязав мешочек, она вынула плоский камешек от первого возжженного в деревне очага и положила его перед драконом. Встав на колени, она опустила на камешек левую руку ладонью вверх.

А затем достала из мешочка маленький серебряный серпик.

— Твоя кровь и наша. Твоя судьба и моя. Наша радость и твоя жестокость. Да будут они едины.

Она уже не говорила, а голосила, как над покойником:

Духи черные и белые, духи красные и серые,
Мешайтесь воедино, как я вам повелела.

Ее правая рука, занесшая серпик над левой, судорожно подрагивала, однако косой режущий удар оказался сильным и точным. Хлынула кровь, и скрюченный ревматизмом мизинец отлетел в сторону.

И негромкий гортанный звук, похожий на одиночный крик чайки.

— Я доволен, — сказал дракон и тут же перешел к делу: — Мой пилот умер и уже начинает разлагаться. — В его боку с негромким шипением открылся люк. — Вытащите его наружу.

— Ты хочешь, чтоб его похоронили? — нерешительно спросил чей-то голос.

— Похороните, сожгите, порежьте на наживку для рыбалки — мне-то какое дело? Пока он был жив, я нуждался в нем, чтобы летать, а мертвец мне ни за чем не нужен.

— На колени.

Вилл опустился на колени в двух шагах от драконьего бока. Он простоял в очереди много часов, а были ведь и такие, кому еще стоять и стоять. Все заходили внутрь, стуча зубами от страха, а выходили совершенно ошеломленными. Когда из дракона вышла молоденькая цветочница и кто-то что-то ее спросил, она только всхлипнула и убежала. Да и все остальные — никто из них не хотел говорить о том, что было внутри.

Люк открылся.

— Заходи.

Вилл поднялся с колен и пролез в люк, крышка люка тут же закрылась. Сперва не было видно совсем ничего, затем из темноты начали выплывать тусклые огоньки. Мало-помалу белые и зеленые пятнышки приобрели отчетливые очертания и оказались фосфоресцирующими шкалами приборов. Под руку Виллу попало что-то кожаное. Пилотское кресло. Из кресла так еще и не выветрился сладковатый, тошнотворный запах разложения.

— Садись.

Вилл неловко вскарабкался в кресло, кожаная обшивка чуть слышно поскрипывала. Его руки сами собой, без драконьих указаний легли на подлокотники. Кресло было точно по нему, словно на заказ сделанное. Кроме подлокотников тут были ручки, чтобы за них держаться. По приказу дракона Вилл взялся за эти ручки и вывернул руки наружу сколько мог. На четверть оборота или около того. Откуда-то снизу в его запястья воткнулись иглы. Боль была жуткая, Вилл непроизвольно дернулся, но тут же обнаружил, что не может выпустить ручки. Его пальцы стали словно чужими.

— Мальчик, — внезапно сказал дракон, — как твое тайное имя?

— У меня его нет, — ответил Вилл, стараясь дрожать не слишком сильно.

И тут же осознал, *почувствовал*, что это не тот ответ. В душном, словно склеп, помещении повисла тишина.

— Я могу причинить тебе боль, — сообщил безразличный голос дракона.

— Господин, я весь в твоей власти.

— Тогда скажи мне свое тайное имя.

За это время его запястья стали совсем холодными, холодными как лед. И этот холод, поднимавшийся постепенно к локтям, не имел ничего общего с онемением — руки отчаянно болели.

— Я его не знаю! — страдальчески выкрикнул Вилл. — Не знаю, мне никто его не говорил, наверное, у меня его и вообще нет.

Огоньки, горевшие на пульте, были похожи на глаза зверей в ночном лесу.

— Интересно. — Впервые за все это время в драконьем голосе появилось что-то похожее на эмоцию. — А что у тебя за семья? Расскажи мне о них поподробнее.

На данный момент вся семья Вилла состояла из одной-единственной тетки. Его родители погибли в первый же день Войны. Они имели несчастье оказаться на вокзале Броселианда в тот самый день, когда налетевшие драконы обрушили на него золотой огонь. После этого Вилла отправили в горы к тетке, все согласились, что там сейчас самое безопасное место. Это было несколько лет назад, и за это время он почти забыл своих родителей. Скоро у него останутся одни воспоминания о том, что он их когда-то помнил.

Что же касается тетки, Слепая Энна представляла собой для Вилла нечто очень немногим большее, чем совокупность правил и указаний, которые следовало по возможности нарушать, и мелких домашних работ, от которых следовало отлынивать. Крайне набожная старуха, она чуть не каждый день убивала во славу Безымянных всяческих мелких зверьков и либо закапывала их трупки под полом, либо приколачивала гвоздями над дверью или окнами. В результате в их хижине постоянно воняло дохлятиной и, как казалось Виллу, благостным ханжеством. Тетка все время что-то бормотала себе под нос, а когда ей случалось напиваться (очень редко, два-три раза в год), она выбегала на ночную улицу в чем мать родила, садилась задом наперед на корову и принималась так нахлестывать ее по бокам ореховым прутом, что бедное животное носилось вверх-вниз по холмам что твой скакун, и продолжалось это до тех пор, пока тетка не падала на землю и не засыпала. Утром Вилл находил ее, заворачивал в одеяло и отводил домой. Но настоящей близости, как между родными, между ними никогда не было.

Вот это и рассказал он дракону, довольно бессвязно и с бесконечными остановками. Дракон слушал и молчал.

А холод тем временем добрался до подмышек. Почувствовав, что холодеют и плечи, Вилл содрогнулся.

— Ну пожалуйста, — взмолился он. — Господин дракон... твой лед подбирается к моей груди. Если он коснется сердца, я, наверное, умру.

— Хмм? Да, я немного задумался.

Кресло убрало свои иглы, руки Вилла все еще оставались онемевшими и безжизненными, но холод больше никуда не полз. А потом его пальцы начало слегка покалывать — первое обещание того, что чувствительность к ним в конце концов вернется.

Люк с шипением открылся.

— Теперь ты можешь уйти.

Вилл не столько вышел, сколько вывалился на забытый его глазами свет.

Всю следующую неделю, а то и дольше над деревней висело тревожное ожидание. Но так как дракон никак себя не проявлял и ничего страшного не случилось, деревенская жизнь мало-помалу вернулась в привычную, веками наезженную колею. Впрочем, одно отличие было: главная площадь погрузилась в полную глухую немоту. Люди на ней больше не появлялись, а все окна, на нее выходившие, были плотно закрыты ставнями.

Как-то раз Вилл и Пак Ягодник проверяли в лесу свои силки на кроликов и жирафов (последний жираф был пойман в Авалоне боги уж знают сколько лет назад, но они не теряли надежды), и тут на тропинке показался Точильщик Ножниц. Пыхтя и отдуваясь, он тащил в охапке что-то большое, жарко блестящее и, как видно, тяжелое.

— Эй ты, жиряга кривоногий! — крикнул Вилл, только что закончивший связывать за задние лапы двух кроликов, чтобы перекинуть их через плечо. — Где ты спер такую штуку? И что это вообще такое?

— Не знаю, ребята, само с неба упало.

— Врешь ты все! — фыркнул Пак.

Мальчики затанцевали вокруг толстого недотепы, пытаясь выхватить у него золотую (а как же иначе?) штуку. Она была похожа отчасти на корону, а отчасти на птичью клетку. Желтый металл ее прутьев и перекладин сверкал как надраенный, она была сплошь расписана черными рунами, каких в их деревне отродясь не видали.

— Зуб даю, это яйцо птицы Рух, а то и феникса! — сказал Пак.

— Куда ты ее тащишь? — перебил дружка Вилл.

— В кузницу. Может, они смогут сковать из нее что-нибудь полезное. — Точильщик Ножниц, так и продолжавший идти к деревне, оттолкнул чрезмерно разыгравшегося Пака, чуть не выпустив при этом свою добычу. — Может, они дадут мне за нее пенни, а то и все три.

Ромашковая Дженни вынырнула из цветов, густо росших на опушке за свалкой, а как только завидела золотую штуку, помчалась, тряся своими тощими косицами, прямо к ней с отчаянным криком:

— Это-мне-это-мне-это-мне!

Словно ниоткуда появились две вредные дразнючие девчонки и мальчишка, постоянно лазавший по крышам. Подручный Плавильщика с грохотом выронил охалку собранного на свалке металлолома и присоединился к общему веселью, так что к тому времени, когда Луговая тропинка перешла в Грязную улицу, пунцовый от злости, отчаянно ругающийся Точильщик уже из последних сил отбивался от облепивших его детей.

— Вилл, бездельник ты несчастный!

Повернувшись, Вилл увидел, что к ним идет его тетка, Слепая Энна. В руках у нее были два ивовых прута, очищенных от коры, и вот этими прутьями, словно длинными белыми усами, она ощупывала на пути свою землю. Ее лицо не предвещало ничего хорошего. Вилл попятился. Ему очень хотелось бы убежать, однако весь его долгий опыт говорил, что в этом нет никакого смысла.

— Тетя... — начал он неуверенно.

— Ну что, «тетя, тетя», — передразнила его Слепая Энна. — Жабы не закопаны, крыльцо сто лет не мыто, а этот оболтус тут прохлаждается. Ну почему, когда нужно работать, тебя непременно

нет дома?

Она взяла его под руку и потащила к дому, все так же ощупывая дорогу своими прутьями.

А Точильщик Ножниц был настолько зол на детей, что совсем забылся и позволил своим ногам направиться старым привычным путем — через главную площадь, а не в обход. В первый раз с того времени, как в деревню приполз дракон, умолкшую было площадь огласили звонкие детские голоса.

Вилл, которого тетка уводила в другую сторону, с завистью оглядывался на своих резвящихся друзей.

Желая прояснить причину столь неожиданного шума, дракон приоткрыл один глаз и тут же встревоженно вскинул голову. И громогласно скомандовал:

— *Брось это!*

Точильщик Ножниц послушно разжал руки. Непонятное устройство взорвалось.

Магия представляется воображению чем-то привлекательным, великолепным, но на практике она ужаснее всего, что может нарисовать воображение. Бесконечно долгий момент ошеломления и смятения оставил Вилла лежащим навзничь на утоптанной, твердой, как камень, уличной земле. В ушах у него стоял звон, все тело онемело. Рядом с его головой мелькали чьи-то ноги — какие-то люди куда-то бежали. И кто-то стучал его палкой. Нет, двумя палками.

Он кое-как сел, и конец одной из палок чуть не угодил ему в глаз. Он поймал эту палку двумя руками, дернул ее и обиженно завопил:

— Тетя, ты что?!

Слепая Энна попыталась выдернуть у него свою палку, продолжая при этом размахивать второй.

— Да перестань же ты, тетя!

Но она, конечно же, ничего не слышала, он и сам-то себя почти не слышал, так звенело в ушах. Он встал на ноги и плотно обхватил тетку руками. Тетка отчаянно вырывалась, и только тут Вилл

запоздало обнаружил, что она ничуть не выше его. Да когда же это произошло? Когда его привезли в деревню, он был хорошо если ей по пояс.

— Тетя Энна! — крикнул он ей прямо в ухо. — Это я, Вилл, я здесь и никуда не подевался.

— Вилл. — Теткины глаза наполнились слезами. — Ты никчемный, непоседливый мальчишка. Ну где ты гуляешь, когда дома полным-полно дел?

За ее спиной он увидел площадь, сплошь исполосованную чем-то черным и чем-то красным. А длинные штуки, валявшиеся на ней, были очень похожи на трупы. Вилл сморгнул и присмотрелся получше. И еще на площади было много людей, и люди эти наклонялись над мертвыми телами. Что-то с ними делали. У некоторых лица были вскинуты к небу, словно люди эти отчаянно голосили. Только он их, конечно, не слышал из-за звона в ушах.

— Тетя, я поймал двух кроликов! — крикнул он тетке в ухо, чтобы та услышала. Кролики, по счастью, никуда не пропали, так и висели у него на плече. А ведь могли бы — в такой-то неразберихе. — Вот нам и будет чем пообедать.

— Это хорошо, — сказала тетка. — Пока ты моешь крыльцо, я их как раз и разделаю.

Чтобы выкинуть из головы страшные мысли, Слепая Энна занялась домашними делами. Она тщательно обмела потолок и выскребла пол. Она заставила Вилла до блеска начистить все ножи и вилки. Затем вся мебель была разобрана, вычищена и собрана снова. Половики потребовалось не просто постирать, но даже прокипятить. Маленькую филигранную шкатулку с ее сердцем потребовалось достать из буфета, где она всегда стояла, и запрятать в самую глубь кладовки. Список необходимых работ не имел, казалось, конца. Весь день до глубокой темноты тетка не давала ни себе, ни Виллу ни секунды продыху. Иногда он вспоминал о погибших друзьях и начинал плакать, и тогда Слепая Энна ковыляла к нему и стучала палкой, чтобы перестал. А перестав плакать, он уже больше ничего не чувствовал. А не чувствуя ничего, он чувствовал себя каким-то чудовищем из-за того, что ребята же умерли, а он ничего не чувствует. Думая об этом, он снова начинал плакать, но теперь

прятал лицо в рукав, чтобы заглушить всхлипы, чтобы тетка не услышала и не начала снова бить.

Трудно сказать, когда ему было хуже — когда он чувствовал или когда не чувствовал.

На следующий день на главной площади деревни зазвонил призывный колокол; волей-неволей всем сельчанам пришлось еще раз предстать перед своим новоявленным царем.

— О, сколь же глупы вы, жалкие создания! — возгласил дракон. — Вчера погибли шестеро детей, а с ними и старый Танарахумбра — тот, кого вы называли Точильщиком Ножниц, и все потому, что вы не умеете держать себя в руках.

— Это правда, — согласно кивнула Старая Ведьма Яблочная Бесси.

— Вы истощаете мое терпение, — продолжил дракон. — Хуже того, вы истощаете мои аккумуляторы. Мои запасы энергии быстро скудеют, и за день я не могу их толком пополнить. И все же теперь я отчетливо вижу, что мне нельзя быть царем-чурбаном. Вы нуждаетесь в твердой руке. А потому мне нужен возглашатель. Кто-нибудь мелкого телосложения, чтобы жил внутри меня и передавал наружу мои указания.

— Пусть это буду я, — сказала, выходя вперед, Черная Агнес, — я знаю свой долг.

— Нет! — презрительно кинул дракон. — Вы, дряхлые развалины, слишком уж хитрые. Я выберу из этой толпы кого-нибудь другого. Кого-нибудь простоватого... ну, скажем, ребенка.

«Только не меня, — беззвучно взмолился Вилл. — Кого угодно, только не меня».

— Пусть будет этот, — сказал дракон.

Вот так и вышло, что Вилл стал жить внутри дракона. Весь этот день до глубокой ночи он по подробным указаниям своего повелителя изображал на листах пергамента чертежи неких устройств, похожих на стоячие велосипеды и предназначенных для подзарядки драконьих аккумуляторов. Утром он сбегал на край села в

кузницу с повелением к кузнецу незамедлительно изготовить шесть таких штуковин. Затем он сходил к Старой Черной Агнес и передал ей от дракона, что весь этот день и каждый следующий шестеро селян, выбранных по жребию, или по очереди, или как уж ей там заблагорассудится, будут сидеть на этих велосипедах, крутя и крутя педали без малейшей остановки вплоть до самого заката, когда Вилл возьмет аккумуляторы и затащит их в чрево дракона.

Поднимая босыми ногами облака пыли, Вилл носился по деревне, стараясь поскорее передать все драконьи приказания, предупреждения и советы — в первый же день их набралось не меньше дюжины. От жестокого недосыпа все окружающее приобрело для него невероятную яркость и выпуклость. Зеленый мох на черепах, надетых на колья вдоль первой полумили Приречной дороги, саламандры, неспешно совокуплявшиеся на углях кузнечного горна, даже мертвая неподвижность плотоядных растений, поджидавших в теткинском саду неосторожную жабу, которая приблизится к ним на расстояние броска, — все эти знакомые будничные картины преобразились. Все стало новым и необычным.

К полудню все драконьи поручения были выполнены, и Вилл пошел искать своих друзей. Мало удивительного, что на площади было пусто и тихо, однако пустыми оказались и улицы поменьше, соседствующие с ней. Подул и тут же исчез легкий ветерок. Затем Вилл услышал за углом высокий девчоночий голос и радостно на него побежал.

Там маленькая девочка скакала через скакалку и в такт себе пела:

Вот-она-я
Со-всем-о-дна;
Как-меня-звать?
Поскаку-чая-Джо...

— Джоун! — обрадовался Вилл.

Поскакучая Джоун остановилась. В движении она еще занимала какое-то место, но в состоянии покоя ее, почитай, и не было. Над ее маленькой чернявой головкой плясали сто тонюсеньких косичек. Руки и ноги у нее были словно из соломинок сделаны. Единственным, что имело тут нормальные (и даже свыше того)

размеры, были карие сверкающие глаза.

— Я скакала до миллиона! — сказала Джоун, сердито топнув крошечной ножкой. — А теперь из-за тебя начинай все сначала.

— А ты просто, когда начнешь, начинай считать с миллиона один.

— Будто ты не знаешь, что так не по правилам! Чего тебе надо?

— А куда это все подевались?

— Кто-то рыбу ловит, кто-то охотится, в поле много работают. Кузнецы, жестянщик и Мрачный Тип делают стоячие велосипеды для Самозванцевой площади. Горшечница и ее подмастерья копают на реке глину. А целительницы засели в Курилке, и Пак тоже там.

— Вот туда я тогда и пойду. Спасибо, соплюха.

Поскакучая Джоун не ответила. Она уже снова прыгала через скакалку, сосредоточенно считая:

— Сто-тысяч-раз, сто-тысяч-двас...

Курилкой называли шаткую лачугу с некрашеными стенами, стоящую так глубоко в зарослях тростника, что при сильном дожде она всерьез рисковала утонуть в болоте. Под навесом ее крыши осы слепили себе гнездо и теперь постоянно крутились рядом. Вилл подошел к Курилке и без лишних церемоний открыл скрипучую дверь. Женщины дружно, как одна, вскинули на него глаза; перед ними на полу лачуги смутно белело тело Пака Ягодника. У всех как одной целительниц глаза были зеленые и никогда не мигающие, ну прямо как у лесных зверей. Они смотрели и молчали.

— Я т-только хотел п-посмотреть, чт-то вы тут д-дела-ете, — заикаясь, выдавил заробевший Вилл.

— Мы погружаем его в глубокий транс, — сказала одна из женщин. — А теперь тихо, смотри и учись.

Целительницы курили над Паком сигары. Они глубоко затягивались, а затем наклонялись и медленно, тонкими струйками выпускали дым на его голое изломанное тело. Мало-помалу хижину заволочло туманной синевой, превращавшей целительниц в привидения, а лежавшее перед ними тело — в расплывчатое пятно.

Пак всхлипывал от боли и что-то бормотал, но постепенно стал затихать, а потом и совсем умолк. В конце концов по его телу прошла длинная судорога, он словно окаменел и перестал дышать.

Целительницы размалевали грудь Пака охрой, а потом замазали ему рот, ноздри и задний проход липкой замазкой из алоэ и белой глины. Покончив с этим, запеленали его тело длинной полосой белой льняной ткани. Твердое как дерево, спеленатое тело они закопали в черную болотную землю на самом берегу Ведьмячьего пруда.

Закидав могилу землей и затоптав, женщины отвернулись от нее и молча разошлись по домам, каждая своим путем.

Вилл смотрел им вслед, пока его живот не заурчал, обиженно напоминая, что с самого утра не получил ни крошки пищи. Ну ничего, тут неподалеку росла вишня, чьи ягоды как раз должны были созреть, и лежал пирог с голубятиной, который, как он знал почти наверняка, не слишком хорошо сторожили.

Не теряя зря времени, он поспешил в деревню.

Весь остаток дня Вилл гулял и развлекался и вернулся в необъятное брюхо дракона, когда солнце уже закатилось, заранее уверенный, что огромный Червяк закатит ему скандал. Но когда он сел в кожаное кресло и иголки вонзились ему в запястья, дракон заворковал, почти замурлыкал:

— Ну какой же ты пугливый! Весь дрожишь, с головы до ног. Не бойся меня, малыш. Я буду защищать тебя и заботиться о тебе. А ты, в свою очередь, будешь моими глазами и ушами, ладно? Вижу, вижу, что ты согласен. Ну а теперь давай посмотрим, что ты узнал за сегодня.

— Я...

— Тсс, — выдохнул дракон. — Ничего не говори. Мне нужен не твой рассказ, а непосредственный доступ к твоим воспоминаниям. Постарайся расслабиться сколько можешь. Сначала будет немного больно, но потом ты привыкнешь — и станет полегче. Вполне возможно, что со временем ты даже научишься получать от этого удовольствие.

В сознание Вилла внедрилось нечто влажное, холодное и скользкое. На языке появился противный привкус, словно медяшку

долго во рту держал. В ноздри ударила мерзкая вонь. Еле сдерживая подступающую к горлу тошноту, Вилл попытался встать с кресла.

— Не сопротивляйся. Будет гораздо легче, если ты сам мне откроешься.

Вилл ощущал, что в него проникает нечто черное, гладкое и маслянистое. Кольцо за кольцом оно протискивалось все дальше и дальше. В какой-то момент он обнаружил, что парит в воздухе прямо над своим телом, которое теперь уже как чужое. Он слышал, как оно мучается сухой, безысходной тошнотой.

— Прими его целиком.

Боль. Боль несравненно худшая, чем любая испытанная Виллом до той поры. Его череп не мог, никак не мог выдержать такого давления. И все же это чужое продолжало проталкиваться в него, и мерзкая, пульсирующая слизь пропитала все его мысли, все его чувства, все воспоминания. Уродливо их раздула и поглотила. А потом, когда у Вилла уже не было сомнений, что голова его лопнет, процесс завершился.

Весь, без остатка дракон был внутри него.

Вилл закрыл глаза и в ослепительной, болью пронизанной тьме увидел царя-дракона таким, каким тот существует в духовном мире: гибким, светозарным, гудящим от энергии. Здесь, в царстве идеальных форм, он был не сломанной искаленной *вещью*, но изящным существом, сочетающим красоту животного с обдуманном совершенством машины.

— Ну разве я не прекрасен? — проворковал дракон. — Разве я не отрада для созерцания?

Вилл задохнулся от боли и отвращения. И все же — да простят ему Семеро непотребную мысль! — это было чистейшей правдой.

Каждое утро, как только поднимется солнце, Вилл вытаскивал тяжеленные, весом с него самого, аккумуляторы на Самозванцеву площадь, и дежурные сельчане их подзаряжали — сперва один, а затем, по мере того как на кузне делались остальные стоячие велосипеды, и два, и три, а в конце концов и все шесть. Одна из деревенских женщин, тоже назначаемая по очереди, ждала его с готовым завтраком. Как представитель дракона, он имел законное право зайти в любой дом и съесть там все, что найдет, но такой, по очереди, способ казался дракону более уважительным. Весь остаток дня Вилл по приказу своего господина бродил по деревне и ее окрестностям, день ото дня уходя все дальше и дальше, — бродил и смотрел. Первое время Вилл не понимал, что это такое он высматривает. Однако, сравнивая приказы, передаваемые им жителям деревни, с тем, что запомнилось за предыдущий день, он постепенно понял, что дракон исследует обороноспособность деревни и ищет пути ее укрепления.

Правду говоря, защитить деревню от сколько-нибудь серьезной военной силы было невозможно. Но можно было сделать ее менее заметной и менее привлекательной для возможного противника. Были посажены живые изгороди из колючих кустов и — в изобилии — ядовитый сумах. Были засажены деревьями и завалены буреломом все ведущие в деревню тропинки. Был спущен и осушен пруд, чтобы солидный запас пресной воды не привлек внимания наступающей армии. Когда по Приречной дороге приходил еженедельный грузовик с почтой и товарами для лавки, Вилл подолгу листал журналы у прилавка, отвлекая водителя, чтобы тот поменьше глазел по сторонам, а то еще заметит что-нибудь необычное. Когда главный пасечник с гордостью объявил, что есть излишки меда и что можно продать их в низовье реки за серебро, Вилл передал ему приказ дракона уничтожить половину излишков, чтобы деревня не прослыла слишком уж процветающей.

После заката, когда небо быстро темнело, Вилл ощущал привычное покалывание в запястьях и некую смутную тревожную потребность, и тогда он возвращался к дракону, чтобы вступить с

ним в тесное мучительное общение и поделиться всем, что видел за день.

Вечер на вечер не приходился. Иногда внедрение дракона оставляло его слишком разбитым, чтобы делать потом хоть что-нибудь. А иногда он проводил часы и часы, начищая и надраивая драконье нутро. Впрочем, чаще всего он просто сидел в пилотском кресле, прислушиваясь к еле слышному рокоту драконьего голоса, говорившего вещи, болезненные, как пытка, были они там правдой или нет, потому что нельзя было точно сказать, что они — неправда.

— Рака у тебя, похоже, нет, — бормотал старый бойцовый змей. Снаружи, если верить часам на панели управления, совсем уже стемнело. Впрочем, люк все равно держался закрытым, а окон в кабине не было, так что светили здесь только шкалы приборов. — Прямая кишка не кровоточит, потери энергии не ощущается, что скажешь, мальчик?

— Нет, ужасный господин.

— Похоже, мне повезло при выборе, повезло куда больше, чем я ожидал. В твоих жилах есть доля смертной крови, это уж ясно как полная луна. Твоя мать была ничем не лучше, чем ей быть положено.

— Как, господин?

— Я сказал, что твоя мать была шлюхой! Ты глухой или просто недоумок? Твоя мать была шлюхой, твой отец — рогоносцем, сам ты — ублюдок, трава — зеленая, камни — твердые, а вода — мокрая.

— Моя мать была честная женщина!

— Честные женщины спят не только со своими мужьями, но и с другими мужчинами, это происходит повсеместно и по причинам, которых куда больше, чем этих других мужчин. Тебе что, никто про это не говорил? Она могла заскучать, или просто была безрассудной, или ее шантажировали. Она могла искать денег или приключений или мстить своему отцу. Она могла быть отчаянной женщиной и поставить свою честь на бросок монеты — орел или решка. Она могла поклоняться Рогатому. Может быть, ею овладело желание поваляться в вонючей канаве, опоганить себя. Она могла даже влюбиться. В жизни случается и не такое.

— Я не буду этого слушать!

— А у тебя что, есть выбор? — Виллу показалось, что по лицу

дракона — *отсутствующему* лицу — скользнула саркастическая улыбка. — Люк закрыт, и ты не можешь выйти. Да и вообще я больше и сильнее тебя. Это *lex mundi*^[5], уйти от которого невозможно.

— Ты лжешь! Лжешь! Лжешь!

— Верь во что душе твоей угодно. Но откуда бы там она ни взялась, эта смертная кровь — большая для тебя удача. Живи ты не в этой вонючей дыре, а в каком-нибудь более цивилизованном месте, тебя непременно призвали бы в военно-воздушные силы. Как тебе, конечно же, известно, все пилоты наполовину смертные, потому что лишь смертная кровь может с успехом противостоять холодному железу. Ты бы жил словно князь и учился быть воином. При удаче ты мог бы убить тысячи и тысячи. — Дракон на секунду задумался, а потом заговорил чуть тише. — Как бы мне отметить это неожиданное открытие? Может быть, стоит... Ну да, конечно! Я назначу тебя своим первым заместителем.

— А я что, стану от этого каким-нибудь другим? — спросил Вилл и со злостью скovyрнул струп на левом запястье.

— Не презирай титулы и звания. Это как минимум произведет впечатление на твоих друзей.

Это было намеренное оскорбление, потому что друзей у Вилла не было, и дракон прекрасно это знал. Были когда-то, а теперь их не стало. Все по возможности его избегали, а если такой возможности не было, вели себя при нем с предельной осторожностью. Дети дразнили его и всячески обзывали. Иногда они бросали в него камни или глиняные черепки или даже — как-то раз и такое было — коровьи лепешки, подсохшие снаружи, но мягкие и липкие внутри. В общем-то, все это случалось нечасто, потому что он непременно ловил обидчиков и задавал им хорошую трепку. И каждый раз это вызывало у малышни искреннее удивление.

Мир детей был устроен значительно проще, чем тот, в котором жил он сам. Когда Маленькая Рыжая Маргошка попала в него той самой коровьей лепешкой, он поймал ее за ухо и препроводил к матери.

— Вот, посмотри, что твоя паршивка мне устроила! — крикнул он, тыча ей под нос кожаную безрукавку, измаранную навозом.

Большая Рыжая Маргошка отвернулась от стола, на котором закатывала в консервные банки жаб, ее глаза выражали холодное безразличие, но на какой-то момент Виллу показалось, что в них дрожит еле сдерживаемый смех.

— Сними, и я тут же замою.

Выражение лица, с которым она это сказала, было настолько презрительным, что Виллу нестерпимо захотелось стянуть с себя заодно и штаны, швырнуть их этой наглой бабе в лицо и приказать, чтобы постирала, в порядке наказания. Но в тот же момент он словно наново увидел крепкую розовую плоть Большой Рыжей Маргошки, ее обильные груди и широкие бедра. Его причинный орган набряк с такой силой, что едва уже помещался в штанах, и они оттопырились. Большая Рыжая тут же это заметила, и не скрываемое теперь презрение в ее взгляде заставило Вилла побагроветь от смущения. Хуже того, пока ее мать замывала безрукавку, Маленькая Маргошка плясала вокруг Вилла на безопасном расстоянии, высоко задирая юбчонку, виляя перед ним своей голой задницей, а он не знал, куда глаза девать.

Зато чуть позже, уже выходя из двери с влажной безрукавкой, перекинутой через руку, Вилл остановился, повернулся и сказал, словно только что вспомнив:

— Да, и еще. Изготовь-ка ты мне рубаху из белого камчатного полотна с вышитым гербом на груди: на серебряном поле красный дракон, вставший на дыбы над черным селением. И чтобы было готово к завтрашнему рассвету, принесешь мне сама.

— Ну вы видали такую наглость! — воскликнула Большая Рыжая Маргошка. — Ты не имеешь права требовать от меня такое.

— Я первый заместитель дракона, и это дает мне право на что угодно.

Он вышел с приятным сознанием, что теперь этой рыжей сучке придется просидеть за шитьем для него всю ночь напролет, и заранее радуясь ее бессильной злобе.

С того дня, как схоронили Пака, прошло ровно три недели, и целительницы решили, что пора бы его и выкопать. Они ничего не сказали на заявление Вилла, что он тоже будет при этом

присутствовать: никто из взрослых никогда ему ничего не говорил, разве что не было иного выхода, — и все равно, уныло тащась вслед за ними, он отлично понимал, что никому здесь не нужен.

Когда тело Пака достали из могилы и отнесли в Курилку, оно было похоже на огромный шишковатый корень какого-то растения. Непрерывно что-то напевая, женщины размотали полотняный свивальник, вымыли тело коровьей мочой и извлекли из всех его отверстий замазку. Затем под язык ему засунули тонкую пальцевую косточку летучей мыши. О его переносицу разбили куриное яйцо, тщательно отделенный белок выпила одна из целительниц, а желток проглотила другая.

А под конец они вкололи ему пять кубиков декстроамфетаминсульфата.

Паковы глаза широко распахнулись. От долгого лежания в мокрой болотной земле его кожа почернела как уголь, а волосы отбелились и стали совсем как седые, однако глаза его сохранили свой удивительный ярко-зеленый цвет. Во всем, за исключением одной детали, его тело осталось таким же, как и прежде, но это единственное исключение заставило целительниц грустно вздохнуть.

Правая нога его сохранилась лишь по колено. — Земля взяла свою дань, — объяснила одна из мудрых старух.

— Ноги было слишком уж мало, чтобы ее спасти, — сказала другая.

— Жалко, — вздохнула третья.

Затем все они вышли из хижины, оставив Пака на попечение Вилла.

Пак долго ничего не говорил, а только смотрел на свою культяпку; он сел и осторожно ее ощупал, словно убеждая себя, что отсутствующая плоть действительно отсутствует, а не стала вдруг невидимой под воздействием какого-то колдовства. Затем он скользнул глазами по белой рубашке Вилла и драконьему гербу на ней. А под конец его немигающий взгляд уперся Виллу прямо в глаза.

— Это ты во всем виноват.

— Так нечестно! — завопил Вилл. — Эта мина никаким боком не связана с драконом. Точильщик Ножниц и так бы нашел ее и притащил в деревню. Во всем виновата война, это она принесла на

нашу голову и дракона, и мину, а уж в войне-то — ты не можешь этого не признать — я никак не виноват. — Для большей убедительности Вилл взял Пака за руку. — Чёртирион... — продолжил он, сильно понизив голос, чтобы никто вдруг не подслушал.

Но Пак с негодованием вырвал свою руку.

— Это больше не мое тайное имя! Я прошел сквозь тьму, и мой дух вернулся из гранитных покоев с новым именем — именем, которого и дракон не знает.

— Не знает, так скоро узнает, — печально заметил Вилл.

— Тебе что, очень этого хочется?

— Пак...

— Мое прежнее обычное имя тоже умерло, — сказал тот, кто был когда-то Паком Ягодником. Цепляясь за стену, он встал на единственную ногу и завернулся в то самое одеяло, на котором лежал. — Можешь звать меня Без-имени, потому что ни одно мое имя не слетит больше с твоих губ.

Без-имени неуклюже поскакал к двери. Там он секунду отдохнул, держась за косяк, а затем решительно преодолел порог и запрыгал дальше.

— Подожди! Да ты послушай меня, пожалуйста! — крикнул вслед ему Вилл.

Молча и не поворачиваясь, Без-имени вскинул правую руку с выставленным средним пальцем.

От бессильного гнева глаза Вилла застлало красной пеленой.

— Мудила хренов! — закричал он вслед бывшему другу. — Поскакунчик безногий! Джонни-полторы-ноги!

С той самой ночи, как в него вошел дракон, Вилл не плакал ни разу, а теперь из его глаз так и хлынули слезы.

На самой вершине лета в деревню с диким ревом мощного мотора влетел на мотоцикле армейский вербовщик; к его заднему сиденью был приторочен большой желто-зеленый барабан. На нем был красивый красный мундир с двумя рядами медных пуговиц, и он

приехал аж из самого Броселианда, выискивая парней, которых можно было бы призвать в авалонскую армию. Взвизгнув покрывками и подняв огромное облако пыли, он затормозил перед «Тощей собакой», опустил ногою подпорку, вошел в трактир и снял на весь вечер главный зал.

Выйдя опять наружу, он надел барабан и сыпанул на его туго натянутую кожу горсть золотых монет. *Бум-Бум-де-Бум!* Палочки выбивали из барабана громовые раскаты. *Pan-Pann-э-Tan!* Монеты подпрыгивали и танцевали, как капли на горячей сковородке. К этому времени у «Тощей собаки» собралась уже целая толпа.

— Сержант Бомбаст — так меня звать! — хохотал вербовщик. *Бум! Бум! Та-ра-ра-ра-Бум!* — Я послан сюда, чтоб героев искать! — Он вскинул палочки над головой и звонко ими постучал. *Щелк! Щелк! Щелк!* Затем он сунул их за пояс, снял с себя барабан и поставил его рядом с собою на землю. Блеск золота слепил глаза, заставлял толпу забыть обо всем, кроме алчности. — Я хочу предложить отважным парням самолучшую службу, какая только предлагалась когда-либо мужчине. Прекрасную возможность обучиться профессии, стать достойным воином... и получать за это весьма, *очень* даже весьма хорошие деньги. Вот посмотрите на меня! — Он любовно похлопал себя по обширному брюху, — Разве я похож на заморыша?

Собравшиеся дружно засмеялись. Смеясь вместе с ними, сержант Бомбаст замешался в толпу, он бродил то туда, то сюда, обращаясь то к этому слушателю, то к другому.

— Нет, отнюдь не похож. По той очень простой и приятной причине, что армия прекрасно меня кормит. Она меня кормит, одевает и обувает, делает мне все, что я ни попрошу, разве что жопу не подтирает. А благодарен ли я ей за это? Благодарен ли? Так вот, я ей *не* благодарен. Нет, уважаемые сэры и девицы. Я настолько далек от какой-либо благодарности, что еще требую, чтобы армия за это же мне и платила! И сколько вы думаете? Сколько вы думаете, они мне платят? Принимая во внимание, что вся моя жратва, мои сапоги и штаны и даже моя сморкалка... — он выхватил из-за обшлага кружевной носовой платок и помахал им в воздухе, — что все это дается мне бесплатно, бесплатно, как воздух, которым мы дышим, и как земля, которую втираем себе в волосы в канун возжигания свеч. Так угадайте: сколько мне *платят!* — В этот момент случайные

вроде бы блуждания в толпе вновь привели сержанта к барабану. Его кулак обрушился на барабан, заставив золотые монеты высоко подпрыгнуть, а собравшихся вздрогнуть. — Сорок три медных пенни в месяц! Толпа изумленно ахнула.

— И платят без всяких задержек, ежеквартально, взаправдашним золотом! Каковое вы здесь и видите! Или серебром, это для тех, кто поклоняется рогатой дамочке. — Он пощекотал под подбородком старушку Ой-Я-Боюсь, отчего та вспыхнула и разулыбалась. — Но это еще не все — нет, даже не половина! Как я вижу, вы уже заметили эти монеты. Заметили? Черта с два! Вы просто заметили, что я *хотел*, чтобы вы заметили эти монеты! А почему бы и нет! Каждая из этих красавиц весит целую тройскую унцию, без малейшего недовеса! Каждая отчеканена из прекрасного червонного золота, добытого трудами кобольдов в шахтах Лунных гор — гор, населенных грифонами. Ну как же вам было их не заметить? Как же вам было не задаться вопросом, что же я думаю с ними делать? Неужели я привез их только затем, чтобы потом, отыграв свой спектакль, попросту сгрести их и закинуть назад в свой карман?.. Нет, ничего подобного! Я глубочайше надеюсь уйти из этой деревни без гроша за душой. Я намерен уехать из вашей деревни с пустым, хоть выверни, карманом. А теперь наострите уши, потому что мы дошли до главного. Вот это золото предназначено для выплаты подъемных. Да, вы ничуть не ослышались! Подъемные для тех, кто завербует. Еще минута, и я кончу трепать языком. Думаю, вы рады это услышать! — Он подождал, пока слушатели отсмеются. — Да, уж вы там верите или нет, но не позже чем через минуту сержант Бомбаст заткнет свою пасть и войдет в это прекрасное заведение, где я заранее заказал исключительное использование главного зала — и, конечно же, кое что еще. Так вот, все, что я хочу, это просто поговорить — только поговорить, обратите внимание! — с парнями, достаточно сильными и достаточно взрослыми, чтобы записаться в солдаты. Ну и какой же это возраст? Возраст достаточный, чтобы ваша подружка рисковала подзалететь. — (Новый взрыв хохота.) — Ну и чтобы не слишком уж много лет. А слишком много — это сколько? А столько, чтобы, когда ваша подружка пойдет гулять налево, вы не обиделись, а сказали: ну и пруха же мне!.. Так вот, я люблю потрепаться, и мне нужны парни, с которыми можно бы потрепаться. И если вы здесь такие, если не слишком молоды и не слишком стары и если хотите просто меня послушать без никаких обязательств... — Он выдержал паузу. — Ну что ж, тогда все путем, а пиво ставлю я. Пейте, сколько

душе угодно и в брюхо влезет, а я за все заплачу. — Он направился было к трактиру, но затем повернулся, изобразил удивление и поскреб себя в затылке. — Мать твою за ногу, я же тут вроде чего-то забыл.

— Золото! — подсказал чей-то писклявый голос.

— Ну да, конечно же, золото! Я б и репу свою где-нибудь позабыл бы, не будь она крепко прибита гвоздями. Как я вам уже говорил, золото — это на подъемные. Вы получите его прямо в ту же минуту, как распишетесь в вербовочном контракте. Ну и сколько же вы получите? Одну золотую монету? Или две? — Он хищно ухмыльнулся. — Так что же, никто и угадывать не хочет? Нет? Ну ладно, держитесь покрепче за ваши пиписьки... Парню, который запишется сегодня, я предлагаю *десять золотых*! И еще по десять всем его друзьям, кто захочет последовать его примеру.

Под ликующие крики толпы он вошел в дверь трактира.

Дракон, предвидевший заранее, что из дальних мест приедет вербовщик, дал Виллу подробные наставления, что тот должен делать.

— Теперь мы должны достойно отплатить нашим людям за их беззаветную службу, — начал он. — Этот тип очень опасен как для них, так и для нас. С ним нужно разобраться, и лучше, если это станет полной для него неожиданностью.

— А почему бы не успокоить его дружелюбными улыбками? — спросил Вилл. — Выслушать его, накормить от пуза, и пусть себе едет дальше. Мне кажется, так будет проще всего.

— Можешь не сомневаться, что он наберет себе рекрутов. В добавление к хорошо подвешенным языкам все эти типы располагают мощными волшебными камнями.

— И что же из этого следует?

— Авалону не везет в этой войне. Сегодня набраны уже трое, вряд ли хоть один из них вернется домой.

— Мне это как-то и все равно, я за них думать не нанимался.

— Ты быстро учишься, — одобрил дракон. — Но вот другое обстоятельство не может нас не волновать: первый же новобранец,

которого приведут к присяге вассальной верности, расскажет своим офицерам, что в вашей деревне поселился я. Он предаст нас всех, ни на секунду не задумавшись о благополучии своей деревни, своей родни и своих друзей. Такова уж сила армейских колдунов.

Так что Вилл с драконом посоветовались и все спланировали.

А теперь пришло время претворить эти планы в жизнь.

«Тощая собака» буквально ломилась от перспективных новобранцев, и никому из них не было отказа ни в пиве, ни в табаке. Дымились все кальяны, имевшиеся в трактире, так что сержанту Бомбасту пришлось послать за подкреплением. В плотном облаке сизого дыма деревенская молодежь шутила, заливисто хохотала и улюлюкала, а тем временем вербовщик высматривал опытным глазом какого-нибудь парнишку, совсем уже вроде готового записаться, сахарно улыбался ему и подзывал к себе. Вилл увидел это прямо с порога.

Он отпустил дверь, и та с треском захлопнулась за его спиной.

Все взгляды обратились на него. В комнате повисла гробовая тишина.

Он шел через зал под скрип отодвигаемых стульев и стук тяжелых кружек, опускавшихся на столы. Кто-то выскользнул в кухонную дверь, за ним кто-то еще. Трое парней в зеленых рубашках, тесно сидевших за одним из столиков, ушли через главную дверь. Люди зачем-то вставали, куда-то двигались и уходили, уходили... К тому времени как Вилл подошел к вербовщику, в зале не осталось, кроме них, никого.

— Драть меня в рот и ухо, — поразился сержант Бомбаст, — если я в жизни видел такое.

— Это я во всем виноват, — смущенно пояснил Вилл.

— Уж это-то я как-нибудь и сам вижу! Все дело в тебе, это видно любому, кто не совсем ослеп, но чтоб мне спяну жениться на бритой козе, если башка моя понимает, в чем тут, собственно, дело. Да ты садись, парнишка, садись. На тебе что, проклятье какое-нибудь? У тебя дурной глаз? Подхватил эльфийскую чумку?

— Да нет, все не так. Просто я... — Вилл запнулся и густо покраснел. — Просто я наполовину смертный.

Долгое мучительное молчание.

— Ты это что, серьезно?

— Да, сэр. У меня железо в крови. Потому у меня и нет тайного имени. Ну и потому же все смотрят на меня как не знаю на что. — Он заставил себя посмотреть вербовщику прямо в глаза и с удивлением обнаружил, что тот верит каждому его слову. — Теперь, когда все это знают, в этой деревне нет для меня места.

Бомбаст задумчиво пожевал косточку своего большого пальца, а затем указал на черный округлый камень, лежавший на стопке пергаментных вербовочных договоров.

— Это тут у меня именной камень. Бульжник бульжником, и взглянуть-то не на что, верно?

— Да, сэр.

— А вот его напарник, который лежит у меня под языком, стоит того, чтобы на него посмотреть. — Он вынул изо рта маленький, похожий на обсосанный леденец камешек и показал его Виллу. В самой середине блестящего, кроваво-красного камня проглядывало что-то черное. Дав Виллу налюбоваться, сержант снова сунул камешек под язык. — Так вот, если ты положишь руку на этот, что на столе, именной камень, твое тайное имя тут же сообщится камешку, который у меня во рту, а затем напрямую поступит мне в мозг. Это мы таким образом гарантируем выполнение договоров, подписанных новобранцами.

— Ясно.

Внимательно глядя на лицо вербовщика, Вилл положил ладонь на черный именной камень. Ничего, ни малейшей реакции. Были, конечно же, способы скрыть свое тайное имя, но кто же их, эти способы, знает в глухой деревушке, затерявшейся на Спорных холмах? Проверка именным камнем ничего не доказывала, однако давала серьезные основания верить его словам. Сержант Бомбаст медленно вдохнул, медленно выдохнул, а затем открыл небольшой ларец, стоявший на столе рядом с его левым локтем.

— Мальчик, ты видишь это золото?

— Да, вижу.

— Эти восемьдесят унций превосходного червонного — ты

заметь, что не какого-то там белого, а об электруме^[6] не стоит даже и вспоминать! — золота ближе сейчас к тебе, чем одно твое ухо к другому. Но это лишь задаток, твое полное вознаграждение будет во много, в дюжину раз больше всего, что есть у меня при себе. Если, конечно же, ты сказал мне правду. Ты можешь как-нибудь это доказать?

— Да, сэр. Могу.

— А теперь объясни-ка мне все это еще раз и поподробнее, — сказал сержант. — Ты это что же, живешь в *железном* доме?

Они уже шли по тревожно молчавшей деревне. Вербовщик оставил свой барабан в трактире, однако именной камень он сунул себе в карман, а тяжелый ларец запер на ключ и подвесил к поясу.

— Ну да, там я по ночам и сплю. Ведь это доказывает мои слова, верно? Доказывает, что я... ну, то, что я сказал.

За разговором Вилл вывел вербовщика на Самозванцеву площадь. День был теплый, безоблачный, площадь пахла пылью и словно бы корицей, с чуть заметной горьковатой примесью запахов горячего, медленно сочившегося из дракона, и холодного железа. Время только-только перевалило за полдень. При виде дракона сержант Бомбаст изменился в лице.

— В глаз и в нюх, — пораженно выдохнул он, на чем разговор, собственно, и закончился.

Словно по сигналу, Вилл крепко обхватил сержанта, прижав его руки к телу, а все двери, выходившие на площадь, разом распахнулись, и на площадь хлынули, размахивая граблями и мотыгами, селянки, таившиеся там в засаде. Некая старая птичница с размаху саданула вербовщика по голове прялкой, и тот обмяк у Вилла в руках; не в силах держать такую тушу, Вилл уронил его на землю.

А тут уж женщины вдосталь поизмывались над павшим воином: они били его и пинали, кололи и драли за волосы, сопровождая все это действие непрерывным потоком проклятий. Их ярость не знала предела, ведь это все были матери тех, кого сержант заманивал в армию. Они выполняли приказ дракона, отданный им через Вилла, и выполняли с рвением куда большим, чем любой из предыдущих его

приказов. Теперь же они не только отводили душу, но и вдвойне гарантировали, что вербовщик никогда уже больше не придет, чтобы сладкими песнями сманивать их сыновей.

Покончив со своей серьезной работой, они молча, словно и говорить-то тут было не о чем, разошлись по домам.

— Утопи мотоцикл в реке, — приказал чуть позднее дракон. — Барабан разломай и сожги, чтобы не было никаких улик. Труп закопай на свалке, и поглубже. Ничто не должно указывать, что он сюда заезжал. Ты взял его денежный ящик?

— Нет, его не было при трупе. Не иначе как украла одна из этих баб.

— Ох уж эти мне крестьяне! — хохотнул дракон, — Будь у них возможность, они б украли золотые коронки с собственных своих зубов. Но в целом и это в плюс. Монеты уже надежно погребены под каменными плитами, устилающими пол какого-нибудь подвала, и останутся там едва ли не навсегда. А когда сюда заявится следователь, ищущий пропавшего вербовщика, его встретят полным непониманием, замысловатым враньем и якобы случайными, но тщательно продуманными мелкими свидетельствами, наводящими на ложный след. Из чистой своей жадности они послужат нашему делу лучше, чем служили бы по приказу.

Полная луна, восседавшая в небе на императорском троне созвездия Бешеной Собаки, правила со своей недостижимой высоты одной из самых душных за лето ночей, когда дракон неожиданно заявил:

— Намечается сопротивление.

— Как?

Вилл стоял у открытого люка, апатично наблюдая за каплями пота, падавшими в пыль с его наклоненной головы. Он мечтал хоть о малейшем ветерке, однако в это время года, когда те, у кого были хорошие дома, спали нагишом на своих плоских крышах, а у кого таких домов не было, шли на реку и зарывались в прибрежный ил, ночью не бывало ветерков достаточно пронзительных, чтобы пробраться сквозь лабиринт домов и домиков и выпорхнуть на площадь.

— Бунтовщики, не признающие моей верховной власти. Мятежники. Сумасброды, готовые пойти на верное самоубийство.

Капнула еще одна капля. Вилл отдернул голову в сторону, чтобы передвинуть ее тень, и увидел, как по пыли расползается черный отчетливый кружок.

— Кто это?

— Зеленорубашечники.

— Да это ж дети, — отмахнулся Вилл. — Сопляки желторотые.

— Не нужно презирать их за молодость. Из молодых получают отличные солдаты и еще лучшие мученики. Ими легко управлять, они быстро учатся и могут быть предельно беспощадными, если получают на то приказ. Они убивают без сожаления и без колебаний идут на смерть, потому что не могут до конца осознать, что смерть — это всерьез и, более того, навсегда.

— Ты уделяешь им слишком много внимания. Все, что они могут, — это показывать мне потихоньку кукиш, смотреть глазами, бледными от ненависти, и плевать на мою тень. Так это ж и все делают.

— Их число и отвага растут день ото дня. Их вожак, так называемый Без-имени, парень ушлый и весьма небесталанный. Меня тревожит, что он сумел сделать себя невидимым и для твоих глаз, и, как следствие, для моих. Ты не раз натыкался на логово в полях, где он спал прошлой ночью, либо чуял характерный запах его помета. Но когда, скажи мне на милость, ты последний раз видел его лично?

— Я даже не видел эти его лежбища и не чуял запаха дерьма, о котором ты тут говорил.

— Ты и видел, и чуял, только сам того не понимал. Тем временем этот Без-имени умело избегает попадаться тебе на глаза. Он превратился фактически в призрака.

— Чем призрачнее, тем лучше. Да хоть бы и никогда его больше не видеть.

— Увидишь, и скоро. А тогда не забывай мое предупреждение.

Не прошло и недели, как драконье предсказание сбылось. Вилл

шел куда-то по его делам, смотря по сторонам и поражаясь, как это часто бывало в последние дни, насколько неказистой и уродливой стала казаться ему деревня. Половину домов составляли убогие мазанки, кое-как сплетенные из прутьев и палок и облепленные речною глиной. Домишки, построенные из взаправдашных досок, все как один оставались некрашеными и быстро серели от ветра и дождя, чтобы снизить оценку их стоимости, ежегодно проводившуюся налоговым инспектором центрального правительства. По улицам бродили свиньи, а бывало, что и помоечный медведь, тощий и облезлый, словно молью побитый. Ничего здесь не было чистого, ничего нового, ничего и никогда не чинили. Вот таковы-то были Вилловы мысли, когда кто-то с размаху надел ему на голову царапучий рогожный мешок, кто-то другой ударил его под дых, а кто-то третий подшиб ему ноги.

Это было похоже на фокус. Секунду назад он шел по оживленной улице, где шумно играли дети, трудолюбивые ремесленники спешили в свои мастерские, а добропорядочные хозяйки либо высовывались из окон, обмениваясь новейшими сплетнями, либо сидели в дверях своих хижин и лутили горох. И вот весь мир погрузился в темноту, и четверо крепких парней куда-то его торопливо тащат.

Он отчаянно сопротивлялся, однако вырваться не сумел. На его полузадушенные крики парни не обращали никакого внимания. Даже если кто-нибудь их и слышал — ведь на улице было много народу, — желающих помочь ему не находилось.

По прошествии бесконечно долгого, как показалось Виллу, времени его бесцеремонно, словно какой-нибудь тюк уронили на землю. Он тут же сорвал с головы ненавистный мешок и обнаружил себя на влажном, сплошь усыпанном камнями дне заброшенного щебеночного карьера, находившегося к югу от деревни. Склоны карьера заросли плющом и диким виноградом. Где-то неподалеку пели птицы. Поднявшись с земли, он с ненавистью отшвырнул мешок и взглянул на своих похитителей.

Их было двенадцать, все в зеленом^[7].

Вилл их, конечно же, знал, как знал он и всех жителей деревни. Более того, все они в то или иное время были его друзьями. Если бы не служба дракону, он бы тоже, без всяких сомнений, был бы одним из них. Но сейчас он не испытывал к этим ребятам ничего, кроме

презрения, потому что прекрасно знал, как поступит с ними дракон, осмелюсь они причинить хоть какой-либо вред его главному и единственному помощнику. Одного за другим он будет принимать их в свое тело, лишая их разума и покрывая их тела мучительными язвами. Первому из них он заранее опишет во всех кошмарных подробностях все этапы предстоящей ему смерти, а затем на глазах одиннадцати остальных исполнит свое обещание. Смерть за смертью, а те, кто еще жив, будут смотреть и дрожать от ужаса, предвкушая свою собственную участь. А последним будет их вожак, Без-имени. Вилл понимал ход мыслей дракона.

— Отпустите меня, — высокомерно сказал он. — Так будет лучше для вашего дела.

Двое зеленорубашечников схватили его за локти и поставили перед Без-имени. Тот, кто был в прошлом Паком Ягодником, стоял, опираясь на ясеновый костыль. Его лицо исказилось от ненависти, глаза лихорадочно блестели.

— Очень, конечно, любезно, что ты так беспокоишься о нашем деле. Только ты же не совсем понимаешь, в чем оно, это дело, состоит, согласен? А состоит наше дело вот в чем. — Без-имени полоснул Вилла чем-то твердым и острым, сверху вниз по лбу и левой щеке. — *Ландрисос*, — крикнул он, — я велю тебе: умри!

Зеленорубашечники отпустили локти Вилла. Он чуть пошатнулся и отступил на шаг. По его лицу стекало что-то теплое. Он потрогал свою щеку и взглянул на палец. Кровь. Без-имени смотрел и словно чего-то ждал. Его пальцы сжимали чертов ножик — плоский, в форме наконечника стрелы камень, какие во множестве вымывает из земли едва ли не каждый дождь. Вилл толком и не знал, рукотворные это предметы, оставшиеся от какой-нибудь древней цивилизации, или так, случайный каприз природы. Не знал он прежде и того, что, если оцарапать кого-нибудь одним из этих камешков, обратиться к нему по тайному имени с приказом умереть, этот кто-нибудь умрет. Но в воздухе появился резкий запах озона, непременно сопровождающий любую смертоносную магию. Мелкие волоски, росшие на затылке, зашевелились, а в носу невыносимо защекотало, все это было точным подтверждением, что секунду назад едва не случилось непоправимое.

После недолгого недоумения Без-имени буквально взорвался.

— Ты и не был мне другом, никогда не был! — крикнул он, яростно швырнув чертов ножик на землю. — В ту ночь, когда мы обменялись своими тайными именами и смешали нашу кровь, ты и тогда, с самого начала врал! Ты все, все врал! Какой ты был тогда, такой и сейчас!

В общем-то, все так и было. Вилл помнил тот день, когда они с Паком доплыли на своих челноках аж до дальнего острова, наловили там рыбы, которую поджарили потом на углях, и поймали большую черепаху, из которой в ее же собственном панцире сварили прекрасный суп. И вот тогда-то Паку вдруг захотелось обменяться с ним тайными именами и поклясться в вечной дружбе, а Вилл и сам давно уже хотел иметь настоящего друга, но заранее знал, что Пак ни за что не поверит, что нет у него тайного имени, нет, и все тут, а потому взял да выдумал для себя вот это самое имя, Ландрисос. Он предусмотрительно позволил другу открыть свое тайное имя первым, а потому, произнося позднее свое «имя», вовремя задрожал как припадочный и вовремя закатил глаза. Но при каждом воспоминании об этом вынужденном спектакле его охватывал мучительный стыд.

Даже вот и сейчас.

Стоя на своей единственной ноге, Без-имени подбросил костыль, перехватил его за нижний конец, а затем широко размахнулся и ударил Вилла тяжелой рукоятью по лицу.

Вилл упал.

И тут же остальные зеленорубашечники принялись избивать его руками и ногами.

На какую-то секунду Виллу пришла в голову странная мысль, что, если бы в свое время и он стал одним из них, сейчас их была бы ровно чертова дюжина, чертова дюжина и общее темное дело. Тринадцать, как колдунов или ведьм, собравшихся на малый шабаш. Вот шабаш тут и есть, а он — случайный прохожий, которого приносят в жертву дьяволу, приносят посредством пинков и ударов. А потом не осталось ничего, кроме боли и ярости, вскипевшей в нем настолько бурно, что она хоть и не могла приглушить боль, но зато полностью подавила страх, который он должен был бы чувствовать, понимая, что непременно умрет. Он ощущал только боль и изумление — огромное, словно мир, изумление, что такая серьезная, непостижимая вещь, как смерть, может случиться с *ним*, и где-то

рядом удивление поменьше, что Паку и его славным громилам достало духу довести задуманную ими кару до порога смерти и они даже готовы решиться на последний решающий шаг. А ведь кто они такие? Просто мальчишки. Где же они успели этому научиться?

— Помер вроде бы, — сказал чей-то голос.

Может быть, Пака. А может, и нет. Голос донесся словно очень, очень издалека.

— А вот мы сейчас проверим.

Еще один удар сапога по уже переломанным ребрам. Вилл судорожно, всем телом передернулся и с хрипом и свистом хватил глоток воздуха. Кто-то глумливо хохотнул.

— Это наше послание твоему хозяину, — сказал вроде бы проверяльщик. — Передай ему, если вдруг выживешь.

И тишина. Через какое-то время Вилл заставил себя открыть левый глаз — правый заплыл до такой степени, что не открывался, — и увидел, что остался в карьере один. День был просто роскошный: солнечный, но совсем не жаркий. Щебетали птицы. Теплый, еле заметный ветер шевелил его волосы.

Он заставил себя подняться, с огромным трудом вылез из карьера и потащился в деревню, к дракону, плача от ярости и оставляя за собой кровавый след.

3

ПОСЛЕДНИЙ ЗЕЛЕНОРУБАШЕЧНИК

Так как дракон не доверял целительницам и не хотел пропускать внутрь себя никого из них, Вилловы травмы лечила «промокашка». Вилл лежал, а девушка стояла рядом на коленях и впитывала из его тела все страдания и повреждения, принимая их на себя. Немного набравшись сил, он сумел наконец осознать, что девушка совсем еще молодая — даже младше его самого. Безмерно смутившись, он попытался оттолкнуть ее прочь, но дракон не позволил. И только когда из него истекли последние капли боли, девочка встала.

От вида того, с каким трудом и мучениями ковыляет она к выходному люку, даже, пожалуй, и василиску стало бы стыдно и тошно.

— Скажи мне, кто это сделал, — прошептал, когда она ушла, дракон, — и мы отомстим.

— Нет.

Длительное шипение, словно где-то в глубине драконьего горла приоткрылся, сбрасывая пар, какой-то клапан.

— Я бы тебе не советовал так со мною дурачиться.

— Это моя проблема, а совсем не твоя, — сказал Вилл и отвернулся к стенке.

— Зато ты сам — моя проблема.

В пилотской кабине постоянно звучало еле слышное ворчание и бурчание какой-то механики, сходившее почти на нет, когда перестаешь его замечать. Частично это было за счет вентиляционной системы, никогда не дававшей воздуху стать окончательно затхлым, хотя в нем порою и ощущался некий неприятный пресноватый привкус. Все прочие звуки производились рефлекторно — отражение процессов, поддерживающих драконью жизнь. Прислушиваясь к этим механическим голосам, глохнувшим и затухавшим в глубинах змеиного тела, Вилл начинал видеть некий округлый лаз, который

никогда и нигде не кончался, но сам по себе был целым миром, вся ночь которого была замкнута в мрачных пределах этой огромной железной туши и расширялась инверсно к естественному порядку вещей: звезды, мерцающие в бездонных глубинах далеких конденсаторов и топливных насосов, и, может быть, лунный серп, застрявший в шестернях зубчатой передачи.

— Я не буду с тобою спорить, — отрезал Вилл, — но и на вопрос твой не отвечу.

— Ответишь как миленький.

— Жди хоть до той поры, когда Воинство Мрака восстанет из моря, чтобы ринуться на землю, и все равно ты ничего не добьешься.

— Ты так думаешь? А вот я обещаю, что за какой-нибудь час сумею склонить тебя к своей воле.

— Нет!

Кожаная обивка пилотского кресла чуть поблескивала в тлеющем свете приборной доски. Вилловым запястьям стало вдруг очень больно.

Исход был предрешен. Сколько Вилл ни старался, он не мог противиться зову кожаного кресла, рукояток, заполнявших его ладони, и иголок, вонзавшихся ему в запястья. Дракон вошел в него, быстро узнал абсолютно все, что ему хотелось, но на этот раз, в отличие от прошлых, не стал выходить.

Вилл шел босиком по деревне, оставляя за собою огненные следы. Его переполняли гнев и дракон.

— Выходите, не прячьтесь! — ревел он диким, как у хищного зверя, голосом. — Выдайте мне этих ваших зеленорубашечников, всех до единого, или я сам обыщу всю деревню, улицу за улицей, дом за домом, конуру за конурой. — Он ухватился за дверь ближайшего дома и сорвал ее с петель, объятые пламенем обломки досок рухнули на землю, как огненный град. Смутные фигуры метнулись от двери в глубь дома. — Здесь укрывается Спилликин. Не заставляйте меня самого выволакивать его за шкуру!

Смутные, дрожащие руки швырнули Спилликина к Вилловым ногам.

Спилликин, безобидный альбинос с тоненькими, как спички, руками и ногами болотника, отчаянно завопил, ощутив на себе руку Вилла, которая взяла его за шкурку и вздернула на ноги.

— Следуй за мной, — бесстрастно бросил Вилл-дракон. И столь велика была ярость Вилла, удвоенная яростью дракона, что устоять перед ней не могло ничто. Словно добела раскаленный бронзовый идол, он гнал перед собой волну иссушающего жара, от которой сохли и съеживались растения, обугливались фасады домов и пламенем вспыхивали волосы нерасторопных раззяв, не успевших убежать или спрятаться.

— Я — гнев! — ревел он во все горло. — Я — кровавое отмщение! Я — скорый и безжалостный суд! Выбирайте сами: утолить мою жажду или погибнуть!

Парней в зеленых рубашках, конечно же, выдали.

Вроде бы всех, но Без-имени в их число не попал.

Их привели на Самозванцеву площадь; понутив головы, они стояли перед драконом на коленях. Двое из них даже оказались настолько неосторожными, что не успели снять с себя зеленых рубашек, остальных притащили полуголыми или в обычной одежде. Все они дрожали от страха, а кое-кто и обмочился. Родственники и соседи пришли вместе с ними на площадь и теперь оглашали ее стонами и воплями. Одним угрожающим взглядом Вилл заставил их стихнуть.

— Повелителю известны ваши тайные имена, — сурово сказал он зеленорубашечникам, — и он может убить вас одним своим словом.

— Это правда, — подтвердила Старая Ведьма; ее лицо оставалось бесстрастным, голос звучал спокойно и ровно, хотя среди зеленорубашечников был ее младший брат.

— Более того, он способен так помрачить ваш ум, что вы ощутите себя в аду, претерпевающими вечные муки.

— Это правда, — подтвердила Бесси.

— И все равно он не склонен обрушить на вас всю мощь своего гнева. Вы для него ничуть не опасны. Он считает вас существами жалкими, незначительными.

— Это правда.

— И лишь один из вашего круга вызывает у повелителя жажду мести. Ваш вожак — тот, кто назвал себя Без-имени. А посему наимилостивейший из всех повелителей хочет сделать вам предложение. Встаньте. — Парни послушно встали, а Вилл схватил грабли, стоявшие прислоненными к стене одного из домов; деревянная ручка тут же вспыхнула. Вилл подкинул грабли вверх и ловко поймал их за железные зубья. — Приведите ко мне вашего Без-имени, пока горит еще этот огонь, и я всех вас отпущу. — Он вскинул свой факел над головой. — Если же нет, вы испытаете все муки, какие только способен придумать драконий, нечеловеческий ум.

— Это правда.

Кто-то в толпе негромко безостановочно всхлипывал. Вилл словно и не слышал эти жалкие звуки, сейчас в нем было больше дракона, чем его самого. Странное это чувство, когда ты сам собою не владеешь. Виллу это даже нравилось. Это было, словно ты — утлый челнок, безвольно уносимый мощным ревущим потоком. У потока эмоций есть собственная логика, он течет по своему разумению, ни с кем ничего не обсуждая.

— Ну! Чего вы тут стоите?! — крикнул Вилл. — Живо!

Зеленорубашечники прыснули прочь, словно испуганные зайцы.

Не прошло и получаса, как отчаянно вырывавшегося Без-имени приволокли на площадь. Бывшие его верные последователи связали ему руки за спиной и заткнули рот скомканным красным платком. Он был избит — не так изуверски, как недавно Вилл, но все равно довольно сильно. Из его носа безостановочно капала кровь.

Вилл заложил руки за спину и пару раз прошелся перед пленником. Изумрудно-зеленые глаза сверкали на него ничем не замутненной праведной ненавистью. Нет, этого парня словами не переспоришь, и боли он тоже не испугается. Он был по сути своей некой стихийной силой, полным отрицанием Вилла, духом возмездия, воплотившимся и устремленным к одной-единственной цели. И все слова, что не мог произнести этот мальчик, этот мятежник, шквалом неслись из его поразительных глаз. Они без труда, как острейшие иглы, проникали в голову Вилла, и тот принимал их, словно свои.

За спиной Без-имени ровной неподвижной шеренгой стояли

старейшины. Мрачный Тип неспешно жевал пустоту — точь-в-точь престарелая черепаха, вся ушедшая в глубокие размышления. Но вслух он ничего не говорил. Молчали и Старая Черная Агнес, и ведьма-яга, чьего повседневного имени не знал никто из живущих ныне, и Бабушка Капустница, и Плоскопят, и Бабка Анни Чехарда, и Папаша Костлявый Палец, и все остальные, кто там был. Селяне, тесно столпившиеся за спинами старейшин, бормотали и перешептывались, но ничего определенного там не звучало. Ничего такого, что можно было расслышать, за что можно было бы наказать. Время от времени сквозь смутный ропот прорывалось жужжание крыльев, прорывалось и тут же стихало, как цикада в жаркий летний день, однако в воздух так никто и не взлетел.

Вилл продолжал ходить взад-вперед, как леопард, запертый в клетку, а тем временем дракон, невидимо для глаза находящийся в нем, обдумывал возможные наказания. Порка кнутом лишь укрепит в этом самом Без-имени его ненависть и решимость. Отрубить ему руку? Это тоже не решение, ведь он уже лишился одной конечности и все равно остался опасным, не знающим колебаний врагом. Заточить его навечно в темницу? В деревне нет такой темницы, если не считать самого дракона, но дракон отнюдь не желал принимать в свое тело это дьяволово отродье со всей его непредсказуемостью. Значит, смерть. Кроме смерти, ничего тут не придумаешь.

Смерть, но какого рода? Удушить? Нет, слишком уж это быстро. Сожжение было бы гораздо лучше, но у всех окрестных домов соломенные крыши. Топить пришлось бы в реке, вдали от самого дракона, а тому непременно хотелось, чтобы мана^[8] страшной кары была для подвластных ему селян неразрывно связана не только с его собственной духовной личностью, но и с его материальной оболочкой. Можно бы, конечно, притащить сюда огромный чан, наполненный водой, а лучше бы даже вином, но тогда в брыканьях и барахтаньях казнимого появится юмористический элемент, абсолютно здесь лишний. Ну и опять же, слишком уж это быстро.

Дракон неспешно перебрал все варианты, а затем остановил Вилла перед сидевшим на земле Без-имени. Он вскинул голову Вилла и дал малой доле драконьего света воссиять из Вилловых глаз.

— Распните его.

К полному Виллову ужасу, селяне так и сделали.

Это продолжалось часы и часы, но незадолго до рассвета мальчик, звавшийся когда-то Паком Ягодником и бывший лучшим другом Вилла, уже умерший однажды и возродившийся к роли его Немезиды, а затем готовивший мятеж, который мог при удаче закончиться падением дракона, устал бороться за жизнь и испустил дух. Он передал свое имя своей высокочтимой прародительнице Матушке Ночи, его тело обмякло, а утомленные бурным днем и невыносимо долгой ночью селяне смогли наконец разойтись по домам, чтобы лечь спать.

Чуть позднее, уже покинув тело Вилла, дракон сказал:

— Хорошая работа, хвалю.

Вилл, недвижно лежавший в пилотском кресле, ничего не ответил.

— Ты достоин вознаграждения и непременно его получишь.

— Не надо, господин, — устало отмахнулся Вилл. — Ты и так слишком много для меня сделал.

— Хмм. А ты знаешь первый и верный признак того, что холуй признал наконец справедливость своего жалкого положения?

— Нет, господин.

— Этот признак — жалкая наглость. По каковой причине ты получишь не наказание, а, как я уже сказал, награду. Прислуживая мне, ты заметно вырос. Твои вкусы стали более зрелыми. Ты заслуживаешь чего-то большего, чем твоя собственная рука. Заслуживаешь и получишь. Иди к любой женщине и скажи ей, что она должна делать. Ты имеешь на то мое дозволение.

— Мне не нужен этот твой дар.

— Так я тебе и поверил. У Большой Рыжей Маргошки есть три дыры, и ни в одной из них она тебе не откажет. Проникай в нее, как тебе угодно и сколько угодно. Крути ее сиськи, как только тебе заблагорассудится. Скажи ей, чтобы она ликовала, едва завидев тебя. Скажи ей вилять хвостом и радостно лаять подобно дворовой собаке. Пока у нее есть дочка, ей не остается иного выбора, как подчиняться. Примерно то же относится и к любому из моих возлюбленных подданных вне зависимости от их пола и возраста.

— Они тебя ненавидят, — заметил Вилл.

— Как и тебя, моя радость, как и тебя.

— Но тебя по вполне серьезной причине.

Последовало долгое молчание. А затем огнедышащий дракон сказал:

— Я знаю твой мозг так подробно, как не знаешь его и ты сам. Я знаю, чем ты хотел бы заняться с Рыжей Маргошкой — с ее согласия или даже без. Верно говорю, в тебе таится жестокость, далеко превосходящая все, что знаю я. Этот дар получает от рождения любое плотское существо.

— Ты лжешь!

— Правда, что ли? Тогда скажи мне одну вещь, моя дражайшая безвинная жертва. Да, когда ты повелел старейшим распять Безимени, приказ отдавался мною, моим дыханием и голосом. А вот что касается формы... разве не ты выбрал, как именно будет осуществляться кара?

Все это время Вилл вяло лежал в пилотском кресле, бездумно разглядывая безликий стальной потолок. Теперь он резко сел, его лицо побелело от потрясения, как в тот короткий момент после того, как тебя ударят, и до того, как кровь прихлынет к голове. Без задержки продолжая то же самое движение, он встал и повернулся к люку.

— Да никак ты собрался уйти от меня? — презрительно хохотнул дракон. — И тебе правда кажется, что ты сможешь? Ну попробуй, попробуй!

Дракон своими собственными силами с лязгом распахнул наружный люк. В кабину хлынули прохлада и безжалостный свет едва занявшегося утра. Свежий ветер принес ароматы лесов и полей. Это заставило Вилла болезненно ощутить свою собственную кислую вонь, насквозь пропитавшую внутренности дракона.

— Ты нуждаешься во мне куда больше, нежели сам я когда-либо нуждался в тебе, — я об этом заранее побеспокоился! — продолжал дракон. — Ты не сможешь никуда убежать, а если и сможешь, твой ненасытный голод быстро приведет тебя обратно, с оголенными руками, запястьями вперед. Ты меня желаешь. Ты без меня нестерпимо пуст. Ну давай! Попробуй убежать! И сам потом

посмотришь, что из этого получится.

Вилл задрожал.

А потом вылетел из люка и рванул, не разбирая дороги, лишь бы подальше от дракона.

Вечером, как только село солнце, Вилла начало рвать, буквально выворачивая наизнанку. Затем ему свело живот, начался жестокий понос. Скрючившись от боли, грязный и зловонный, он забился поглубже в непролазную чащу Старого леса и то выл по-волчьи от тоски, то катался по земле от нестерпимой боли. Тысячу раз ему хотелось вернуться в село, вернуться к дракону. И тысячу раз он говорил себе: ну потерпи еще немного. Еще немного, а потом можно будет и сдаться. А пока еще рано.

Еще немного. Пока еще рано.

Скоро, совсем скоро. А пока еще рано.

Страстное желание вернуться то накатывало, то чуть отступало. Когда оно отступало, Вилл начинал хоть что-то соображать и думал: если я продержусь целый день, следующий день будет легче, а третий — и еще легче. Когда тошнотворное желание вновь накатывало, проникая в каждую клеточку его тела и воспламеняя мучительной ломотою каждую его кость, он снова твердил себе: пока еще рано. Продержись еще хотя бы пару минут, а потом можно будет и сдаться. Скоро, совсем скоро. Ну продержись еще немного. Еще немного.

Он нашел в небе Косу и прикинул по ее положению, что до рассвета еще долго, что ночь не дошла еще до половины. Вся эта его твердая решимость, все его старания держать себя в руках хоть и казались бесконечно долгими, но реального времени почти не заняли. От жалости к себе он даже заплакал. Но разве же он не старался? Старался, Безымянные тому свидетелями, ну и что же из этого вышло? Их промыслом было предначертано, что он потерпит поражение, а раз так, можно и бросить тщетную борьбу. И он решил ее бросить.

Но не сейчас, а скоро, совсем скоро.

Так продолжалось всю ночь. Цепью постоянных поражений и постоянным откладыванием окончательной капитуляции. Иногда Вилл начинал лупить кулаками по жестким, покрытым корявой корой

стволам столетних вязов, чтобы боль в разбитых костяшках хоть чуть-чуть отвлекла его мысли. Равнодушная ко всем его страданиям Коса тащилась по небу и мало-помалу бледнела. Нет, ничего не получалось! И пора бы в этом признаться и бросить тщетные старания. Пора вернуться к господину и честно признать, что разлука с ним просто невыносима.

Но пока еще рано.

Скоро, совсем скоро.

К утру самое страшное было позади. Едва забрезжил рассвет, Вилл постирал свою одежду в ручье и развесил ее сохнуть. Чтобы совсем не продрогнуть, он расхаживал взад-вперед, в голос горланя «Chansons Amoreuses»^[9] Мерлина Сильвануса, те из пяти с лишним сотен куплетов, какие ему удалось припомнить. Когда одежда подсохла и ее, хоть и влажную, можно было уже надеть, он отыскал огромный, с детства знакомый дуб и выудил из глубокого дупла в детстве же украденную бельевую веревку. Забравшись повыше, чуть не на самую верхушку огромного дерева, он привязал себя к его стволу и быстро уснул, убаюканный неумолчным шепотом листьев.

Время шло и шло.

Через две недели к Виллу пришла Старая Ведьма Бесси. Вилл сидел в тени огромного дуба на лужайке, буйно поросшей молочаем, кисточками рогатого бога и кружевами царицы Мэб^[10]. Пчелы прилежно и не без выгоды для себя опыляли скромную лесную флору. Чуть в стороне виднелся древний курган, раскопанный когда-то искателями сокровищ, которые выкинули оттуда все кости и оставили валяться на солнце. Там-то, в некоем подобии пещеры, и спал Вилл прошлой ненастной ночью под плеск дождя, завывания ветра и пушечные раскаты грома. Сельские избегали кургана, в котором, по их мнению, угнездились неприкаянные души далеких предков, но Вилл этим сказкам не верил, и никакие духи так за всю ночь ему и не явились, не потревожили его сон.

Правдосказательница поклонилась и официально, без всяких эмоций произнесла:

— Господин дракон просит тебя вернуться.

Вилл не стал расспрашивать высокочтимую ведьму, как она

сумела его найти. Мудрые женщины умеют многое и никогда не объясняют свои умения.

— Я вернусь, — ответил он, — когда буду готов. Мои дела здесь еще не закончены.

Иголкой, многотрудно изготовленной из длинного шипа терновника, и нитками из раздернутых на волоконца травинок Вилл сшивал воедино листья дуба, ольхи, ясеня и тиса. Работа оказалась очень нелегкой и заставила Вилла навсегда проникнуться уважением к прилежным мастерицам, день и ночь корпящим над своим шитьем.

— Ты подвергаешь нас серьезной опасности, — нахмурилась Бесси.

— Он не станет убиваться из-за такой ерунды, как сбежавший мальчишка. А уж тем более когда он точно знает, что рано или поздно я вернусь.

— Это правда.

— Только зачем же, высокочтимая леди, щеголять здесь этим твоим ремеслом? — безрадостно усмехнулся Вилл. — Говорила бы ты лучше со мной, как с любым другим из наших сельских. Я больше на дракона не работаю.

— Это уж как тебе хочется.

Правдосказательница поправила обвивавший ее плечи платок, с размаху плюхнулась на землю и скрестила ноги. Одно-единственное движение, и она снова стала той давно знакомой Бесси.

— Забавно, — сказал Вилл, ни на секунду не оставляя свою работу. — Ты немногим старше меня, теперь я это прекрасно вижу. Будь сейчас спокойное, мирное время — кто знает? Года через два, ну через шесть лет я повзрослел бы достаточно, чтобы заявить на тебя права согласно древнему обычаю зеленой травы и полной луны.

— Что это, Вилл? — улыбнулась Бесси. — Да никак ты со мною заигрываешь?

— Если бы так, — Вилл поймал нитку на зуб и перекусил ее, — я постарался бы сесть к тебе поближе. И шитье бы на время оставил — освободил бы руки, чтобы говорить по-доходчивей.

— Уж больно ты сегодня смелый.

— Я повзрослел. Какие-то месяцы назад я был совсем еще сосунком и очень бы встревожился, приди мне подобные мысли в голову. Но теперь... Ладно, все равно ничего такого не будет, или ты думаешь иначе?

— Нет, — качнула головой Бесси, — не будет. — И осторожно добавила: — Вилл, что это ты задумал?

— Я теперь стал зеленорубашечником, — сказал Вилл, демонстрируя Бесси наконец-то дошитую рубашку.

Он был голым до пояса, потому что в первый же день своей жизни в лесу разорвал красивую, с красным драконом рубашку на полосы, немного их обуглил и использовал в качестве трута при разведении огня. А вот теперь гордо облачался в рубашку лиственную, только что им изготовленную.

Подпоясавшись сплетенным из травинок поясом, Вилл спросил Бесси:

— Как ты думаешь, много ли наших последует за мной, если я смогу прямо у них на глазах покончить с драконьим правлением?

— Никто, совсем никто. Нельзя же так вот сразу поверить ставленнику дракона. И еще, многие никогда не простят тебе распятого Пака.

— Никто? И даже ты мне неверишь?

— Ну в общем-то... — Бесси смешалась и покраснела. — Да, конечно, я бы за тобой пошла, только толку-то во мне совсем немного. Я — это только я, ну что я могу полезного сделать?

— Ты можешь соврать. — Вилл взглянул ей прямо в глаза. — Ты же можешь соврать, — сказал он с упором на «можешь». — Можешь ведь, правда?

Бесси побледнела.

— Однажды могу, — сказала она еле слышным, дрожащим голосом и инстинктивно прикрыла руками низ живота. И смотрела она только вниз, пряча от Вилла глаза. — Только слишком уж велика цена, непомерна велика.

— Так или иначе, но ее придется заплатить, — сказал Вилл, вставая. — А теперь поищем-ка мы где-нибудь лопату. Самое время малость пограбить могилы.

К тому времени когда Вилл вернулся наконец к дракону, солнце почти уже закатилось. За эти дни Самозванцеву площадь огородили по периметру колючей проволокой; мощные, на скорую руку прилаженные светильники начисто вытравили многоцветие жизни, сделали все на площади белым и серым. На высоком столбе был повешен динамик, провода от которого вели внутрь металлической туши дракона, чтобы тот мог отдавать приказания подданным и в отсутствие сбежавшего помощника. С учетом всех нововведений площадь сделалась похожей на маленький концлагерь.

— Иди ты первой, — сказал Вилл Старой Ведьме, — убеди его, что у меня нет никаких злых умыслов.

С обнаженной грудью, облаченная в соответствии со своим высоким статусом в длинную мантию и широкополую шляпу, Яблочная Бесси миновала калитку в колючей ограде (сторожевой гримпкин открыл калитку и сразу же за ней закрыл) и вступила на черно-белую арену площади.

— Порождение жестокости, — склонилась она перед драконом. — Твой помощник к тебе вернулся.

Вилл стоял в тени, зябко ссутулившись, виновато опустив голову и пряча руки в карманах.

— Я пошел поперек твоей воли, о величайший, — сказал он бесцветным голосом. — Я готов исполнить любое твое повеление, сделать все, чего ты ни пожелаешь. Заставь меня пресмыкаться, заставь меня ползать в пыли, только прими меня снова.

— Это правда, — сказала Бесси, широко раскинув руки, и вновь поклонилась дракону.

— Ты можешь приблизиться. — Даже сквозь треск и шипение плохой усилительной системы в голосе дракона ощущалось торжество.

Старый кисломордый гримпкин отворил перед Виллом калитку точно так же, как минуту назад отворил ее перед Бесси. Понуро, как привычный к побоям пес, возвращающийся к единственному в жизни хозяину, который хоть когда-нибудь бросал ему кусок, Вилл пересек пыльную, булыжником мощенную площадь. Он помедлил перед динамиком, тронул его столб дрожащими пальцами и тут же снова

засунул руку в карман.

— Ты победил, твоя победа несомненна. Ты торжествуешь надо всеми моими желаниями.

Вилл даже сам удивился, насколько искренне звучали эти слова, насколько естественно сходили они с его языка. Он ощущал подленькое желание капитулировать перед тираном, безоговорочно принять любое наказание, какое только тот возжелает на него наложить, и с благодарностью вновь погрузиться в пучину рабства. «Это так просто! — кричал ему в уши какой-то тонюсенький голос. — Это так просто!» И так это и было — до ужаса просто, устрашающе просто. Унизительное осознание, что какая-то часть его страстно того желает, заставило Вилла густо покраснеть.

Дракон неспешно приоткрыл левый глаз.

— Итак, мой мальчик... — Это игра воображения или и вправду драконий голос звучал не так сильно и уверенно, как две недели назад? — За эти дни ты осознал и прочувствовал вкус необходимости. Ты исстрадался от своих желаний точно так же, как и я. Я... я... я, признаюсь, ослабел, и все же я не настолько еще слаб! Ты думал доказать, что это я в тебе нуждаюсь, а сам доказал обратное. Хотя нет у меня ни крыльев, ни ракет и мои запасы электричества ничтожны, хотя я не могу даже включить свои двигатели, не уничтожив вашу деревню и себя вместе с ней, все равно я могуч, потому что не знаю ни сострадания, ни сожаления. Ты думал, что я истоскуюсь по какому-то там мальчишке? Думал заставить меня пресмыкаться перед жалким, хлипким, мягкотелым ублюдочным полусмертным эльфом? Тьфу на тебя! Ты мне не нужен. Даже не думай, что я... что я нуждаюсь в тебе.

— Пусти меня к себе, — проскулил Вилл. — Я буду делать, что ты только захочешь.

— Ты... ты понимаешь, что ты должен быть наказан за свое непослушание?

— Да, — затараторил Вилл. — Да, наказывай меня сколько хочешь. Оскорбляй меня и унижай, я мечтаю об этом.

— Ну, как ты хочешь, — (люк в драконьем боку с шипением открылся), — так оно и будет.

Вилл неуверенно шагнул вперед, шагнул еще раз и, спотыкаясь,

не глядя под ноги, побежал к открытому люку. Когда его левая рука плотно сомкнулась на перильцах короткого, в четыре ступеньки, трапа, по всему его телу прокатилась волна безумного облегчения, и на какой-то миг он подумал, не вернулся ли к дракону слишком уж рано.

Но затем он отпустил трап и сделал шаг в сторону, так что оказался перед черной безликой стеной драконьего бока. Сунув руку в левый карман, он достал округлый черный камень — именной камень покойного сержанта Бомбаста. Маленький кроваво-красный напарник этого камня уже лежал у него во рту. На первом так и осталась присохшая могильная земля, а у второго был какой-то странный вкус; но это все были мелочи. Вилл дотронулся черным камнем до стального покато бока, и тут же тайное имя дракона само, безо всяких усилий скользнуло ему в голову.

Едва ли не в тот же самый момент он выхватил из правого кармана чертов ножик и с размаху полоснул им по стальной броне, оставив на ржавчине длинную блестящую царапину.

— Что ты там делаешь? — всполошился дракон. — Прекрати, прекрати сейчас же! Люк открыт, кресло тебя заждалось! — Его крики раскатывались по площади, эхом прыгая между домами, за плотно закрытыми ставнями которых притаились, конечно же, селяне, притаились и молча слушали. Затем драконий голос поприших, в его жестяном, как из плохого телефона звучании появились молящие нотки. — Мои иглы тоскуют по твоим запястьям, о мой единственный. Как и я сам истосковался по...

— Ваалфазар из рода Ваалмолоха, что из рода Ваалшабата! — крикнул во все горло Вилл. — Я велю тебе: умри!

И так оно и случилось. Буквально через мгновение, без всяких криков и шума повелевавший селянами дракон умер, скончался, сдох. Вся его мощь и вся его злобность превратились в бездушную грудку металла, который предстояло теперь разрезать на куски, отвезти в город и продать в полукустарные плавильни, снабжавшие своих более солидных сестер стальными чушками, из которых ковалось новое оружие для продолжения все той же войны.

Чтобы выразить свое презрение к мертвому дракону, Вилл ударил его ногою в бок. Затем набрал в рот побольше слюны, яростно плюнул и стал смотреть, как слюна неспешно стекает по черному

гладкому металлу. В заключение он расстегнул штаны и помочился на недавнего угнетателя, тем окончательно доказав себе, что тиран действительно умер, умер бесповоротно.

Яблочная Бесси — теперь уже не Старая Ведьма — стояла тут же, за его спиной, тихая и потерянная. Без слез и слов она оплакивала свое бесплодное чрево и невидящие глаза. Вилл взял Бесси за руку и повел ее к ее хижине. Он открыл перед нею дверь. Он посадил ее на кровать.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил он. — Воды? Поесть?

— Нет, — качнула головою Бесси. — Ты просто уйди. Дай мне оплакать нашу победу в одиночестве.

И Вилл ушел, неслышно прикрыв за собою дверь. Кроме как домой, идти ему было некуда. Только он не сразу вспомнил — куда это.

Домик Слепой Энны стоял в конце кургузого переулка, сплошь заросшего жимолостью, чей тяжелый сладковатый запах густо висел в ночном воздухе. Когда подошел Вилл, Энна стояла на четвереньках и отскребала сверкающее чистотою крыльцо от воображаемой грязи.

— Тетушка! — крикнул Вилл. — Это я, я вернулся!

Не выпуская ведерка из рук, старушка вскочила на ноги.

Оглушенная неожиданностью, она поводила головой из стороны в сторону, словно пытаясь обнаружить племянника по запаху. В лунном неверном свете ее невидящие глаза казались черными кляксами, а старческий сморщенный рот — разверстой в полном отчаяньи ямой. Простояв так несколько секунд, она вдруг выплеснула воду из ведерка прямо перед собой, словно отгоняя омерзительную собаку-стервятницу.

Вилла меньше бы, пожалуй, удивило, отрасти она вдруг крылья и упорхни прочь.

— Да что это ты, тетя? — спросил он неуверенно. — Да никак ты меня забыла? Я же Вилл, твой племянник.

— Уж тебя-то я как-нибудь помню! — воскликнула старая ведьма. — И тебя, и все твои дела, и позор, принесенный тобою нашей семье. Это ж надо такое придумать — якшаться с драконами!

А потом и распинать своих друзей! Ну какой же ты гнусный, паршивый, упрямый мальчишка! И не мальчишка ты даже, а мерзкая маленькая говешка! Жуткое, нечестивое дьяволово отродье! Будь ты прикован у адских врат, дабы вечно служить цепным псом Эрешкигала, даже и тогда всех твоих мучений не достало бы, чтобы искупить твою вину!

Раскинув, чтобы обнять ее, руки, Вилл неуверенно шагнул вперед. Однако Слепая Энна, услышав шорох его шагов, выпустила ведро и опрометью бросилась в дом. И только теперь Вилл осознал, что она действительно его боится.

— Уходи! — крикнула она и попыталась захлопнуть дверь.

Но Вилл успел вовремя подставить ногу, да и сил у него было побольше. Невзирая на тетино сопротивление, он вошел в дом.

Все здесь было на удивление знакомым и уютным. Просторная комната, где провел он так много дней и ночей, была мягко освещена парящими в воздухе огоньками. От каждой вроде бы пустяшной подробности у него щемило сердце. Вот в нише над каменным, дочерна закопченным камином его кровать с соломенным матрасом, а в головах у нее отставший камень, за которым он в детстве — то есть какие-то месяцы назад — прятал волшебные камни, цветные стеклышки и прочую подобную чепуху. Вот чайник в виде петуха, который из-за ошибки в заклинании не умел ни кукарекать, ни даже свистеть. Вот благочестивая гравюра, на которой двое из Семерых сдирают с дриады заживо кожу. Вот большая плетеная корзина, многожды бывшая для него то кораблем, то птицей Рух, то пещерой, и маленькая корзина, в равной степени бывавшая для него то шлемом, то котлом для колдовского варева, то бочонком с драгоценностями. Жарко сверкают медные кухонные котелки, каждый висит на своем, только ему назначенном крючке. За стропилами сохнут пучки тимьяна, орегано и розмарина. Ко всем оконным рамам и косяку двери приколоты булавками бабочки.

Слепая Энна забилась в свой швейный уголок и в жалкой попытке защититься махала перед собою валиком от прялки.

— Не подходи, — осадил ее Вилл дрожащим от страха голосом. — Не смей меня мучить.

И тут вдруг Вилл почувствовал себя совершенно разбитым, ему стало до смерти тошно и от этого тетиного страха, и от всего, что

сегодня было, и вообще ото всей этой жизни, всей без изъятия. У него уже не было ни сил, ни терпения с кем-то там спорить и что-то там доказывать.

— Ох, Энна, Энна, — сказал он со вздохом. — Ну кто там кого собирается мучить? С этим покончено раз и навсегда.

А затем привычно вскарабкался по стенке камина и лег на свою кровать. И какой же маленькой она показалась! В такое было трудно поверить, но, судя по всему, за эти короткие месяцы он заметно вырос.

Когда Вилл проснулся, время шло уже к полудню, в окна лились потоки солнца, и в них весело плясали пылинки. Видимо, тетя позволила ему спать допоздна, что было совсем не в ее обычаях. Кстати, ее самой в комнате не было. Она оставила дверь настежь открытой, что тоже было не в ее обычаях. Вилл пожал плечами, оделся, умылся, позавтракал хлебом с вареньем, запил это дело пинтой подкисшего пива и отправился на поиски тети.

День был словно на заказ, с легким ветерком и без единого облачка в небе, а дракон еще вчера благополучно сдох. На Самозванцевой площади мастеровые, одетые в защитные комбинезоны, раздраковывали его труп. Чтобы поднимать непосильные тяжести, они привели с дальних холмов придурочного, но вполне добродушного великана. И вся деревня должна была вроде бы петь и плясать.

Но не пела она и не плясала. Враждебность стояла в воздухе так густо, что от нее можно было задохнуться. Старая карга, развешивавшая постирушки в чердачном окне, завидев Вилла, с треском захлопнула ставни. Малоознакомый хобгоблин, кативший по улице бочку с элем, едва не отдал Виллу ногу — и отдал бы, не отскочи Вилл вовремя в сторону. А когда Вилл начал ругаться, этот ублюдок еще и сделал вид, что ничего не видит и не слышит. Все было так, словно вчерашних событий вовсе и не было. Духи васильков и колокольчиков хмурились и бегом убегали от его заискивающей улыбки. Наглый Развозчик Льда двумя руками показал ему нос и тут же снова схватился за вожжи, чтобы послать свою кобылу рысью. Вся деревня не удостоила своего спасителя ни одним добрым взглядом, не говоря уж о добром слове.

Тебя вызывают.

Призадержавшийся на распутье Вилл рефлекторно оглянулся. Рядом не было ни души.

Иди.

Слово прозвучало прямо в ухе. Вилл раздраженно махнул рукою над головой, хотя и понимал, что толку от этого не будет. Голос ниоткуда явно принадлежал Старой Черной Агнес. Значит, это было вынуждение, приказ, относящийся только к нему и не слышный никому из окружающих. Злой и возмущенный, он попытался заслонить свой мозг от назойливого вторжения.

Ты не можешь послушаться.

— Хрен там я не могу.

Улица, уходившая влево, призывно манила: плавный спуск, божественная прохлада, слева и справа густые заросли изумрудной травы и полевых цветов. Путь направо казался плохим: слишком трудным, слишком жарким и вообще каким-то неприятным. Вилл упрямо набычился и пошел направо.

Поверни назад.

— Щас, обязательно, — скривился Вилл. Наклонившись вперед, словно противясь встречному ветру, он бродил по улицам, не направляясь ни в какое конкретное место, но повсюду высматривая тетю. Все на пути было ему так же знакомо, как воздух, которым он дышал. Вот здесь, за околицей, рядом с мусорной ямой, была лужайка, сплошь заросшая кисточками рогатого бога и кружевами царицы Мэб, лужайка, на которой он, совсем еще маленький, собирал в пузырек светляков. А это тот самый проулок, где ребята, и он вместе с ними, загнали в угол детеныша мантикоры и забили камнями насмерть. А тут, за консервным заводиком, то самое место, с которого он совершенно случайно увидел в окне второго этажа раздевающуюся русалку и так и стоял разинув рот, пока пара черных кожистых лап не утащила ее в глубь дома. И вся его юная жизнь была навеки впечатана в хитросплетение деревенских улиц. И везде, куда бы он ни шел, его избегали и сторонились. Будто ничего и не изменилось. Будто в нем, внутри, все еще сидит дракон.

А в каком-то смысле так оно и было. Он не мог притворяться, что дракона в нем никогда и не было. Он не мог так просто взять и вычеркнуть то, что узнал и осознал за это время. Он и теперь видел мир глазами дракона, без всяких иллюзий. Видел его таким, какой он

есть. И пивовар, разбавляющий пиво водой, и кабатчик, добавляющий в него для крепости эфир, и горемыка пьяница, жадно дохлебывающий чужие опивки, — все они были законными гражданами этого мира. Так же как и сапожник, бьющий свою жену, разносчик, ее утешающий, и зеленая дамочка, которая живет в лесу и за умеренную плату предоставляет сапожнику, как и любому другому желающему, то, что его жена более не может ему предоставить. Не говоря уж о зеленорубашечниках. А также об их соседях и родственниках, которые предали их так быстро и так легко, и о нем самом, который их к этому вынудил. Жалкая, насквозь прогнившая деревенька, а он в ней — худший из всех, безнадежно неисправимый.

Вот так, без цели и направления, он блуждал по каким-то улицам, каждый раз выбирая тот путь, который представлялся ему самым удобным, и в конце концов обнаружил себя перед распахнутой дверью домика Старой Черной Агнес. Черный манящий прямоугольник.

Войди.

Терзаясь угрызеньями совести, весь ушедший в раздумья, Вилл позволил своим ногам брести, куда им самим захочется, а если вспомнить про вынуждение, то мало удивительного, что он оказался перед этой дверью. Тайнственная темнота притягивала почти физически. Словно очнувшись от забытья, он несколько раз встряхнул головой и начал поворачиваться.

А куда тебе еще идти?

Вилл застыл в нерешительности.

Войди.

Он вошел.

Садись.

Старая Черная Агнес сидела, глубоко утонув в мягком кресле, обтянутом дешевеньким ситцем и с кружевными чехлами на подлокотниках. Ее маленькое, сплошь в морщинах лицо было похоже на печеное яблоко, старческие узловатые руки покоились на коленях, как бледный отощавший паук. Подняв одну из них, она указала на

маленький, почти детский стул, стоявший посреди гостиной.

Вилл сел, чувствуя себя до крайности неуютно.

Здесь же были и остальные старейшины, составлявшие деревенский совет. Одни из них стояли, другие сидели на принесенных с собою стульях. Трое, недвижные и немигающие, как три совиных чучела, расположились на единственном диване, а один, с босыми ногами, даже взгромоздился на буфет. В ногах у Агнес сидела на скамеечке Попрыгучая Джоун; в кои-то веки утомившаяся, она чинно держала руки на коленях, и лишь огромные ее глазища все так же горели любопытством. Вот это было хотя бы понятно. Яблочная Бесси перестала быть Старой Ведьмой, а значит, нужно учить на правдосказательницу кого-то другого. Джоун еще долго будет сидеть на советах и молчать, однако ее присутствие необходимо, потому что участников собрания непременно должно быть тринадцать, иначе все решения будут незаконными.

А деревенские старейшины всегда хранили верность букве закона.

— Чаю? — спросила Черная Агнес.

Вилл молча кивнул и принял предложенную чашку. И тупо смотрел, как она доликает туда молоко и кладет два кусочка сахара.

— Ты очень задержался с приходом. Я почти уже махнула на тебя рукой.

— Я... Я искал свою тетю.

Нос старой карги, похожий на клюв какой-то хищной птицы, почти окунался в ее чашку; теперь она его приподняла и ткнула пальцем в дальний угол погруженной в полумрак гостиной, откуда арочный проем вел в совсем уже темную кухню.

— А чего было искать, вот она.

Чуть-чуть присмотревшись, Вилл различил в темноте смутный силуэт своей тети. Слепая Энна испуганно дернулась, словно ощутив его взгляд; судя по голове, чуть наклоненной набок, она внимательно вслушивалась в разговор. Виллу даже показалось, что она, как любопытный зверек, насторожила уши.

— Тетушка, — начал он.

Слепая Энна в голос завывала от страха, заслонила, как от сглаза,

свое лицо фартуком и убежала в темные глубины дома.

— Подожди... — Ошеломленный ее реакцией Вилл вскочил на ноги. — Да я же совсем... Я в жизни бы не подумал...

Он не знал, что и сказать, и вдруг, к своему полному смущению, расплакался, как когда-то в детстве. И тут же Агнес, будто только того и ждавшая, сказала громким командным голосом:

— Ладно, теперь все мужчины-старейшины могут удалиться. Мы проведем этот совет в узком женском кругу.

— А ты не зря это? — гулко пророкотал Мрачный Тип. — Без нас ты лишишься права принуждения.

— Он заплакал, — напомнила Агнес. — Так что мы обойдемся без принуждения, одним убеждением.

Со многими вздохами, недовольным ворчанием и шарканьем стульями Папаша Костлявый Палец, и Плоскопят, и оба Ночных Ходильца, и Ральф Перевозчик потянулись вслед за Мрачным Типом на выход. Добрейшая Анни Чехарда вынула из рук Вилла совсем позабытую им чашку.

— Похоже, она тебе ни к чему, — улыбнулась старушка. — Ты и глотка так и не отпил.

Вилл молча кивнул.

— Вы только взгляните на этого мальчика. — Она погладила Вилла по всклокоченным вихрам, — Беленький и пушистый, как одуванчик, и так же готовый в любую секунду потерять свою голову. Сердце рвется, глядя на таких героев, младших сыновей и блаженненьких дурачков. На тех, кто безудержно рвется защитить этот мир от всех напастей, даже не пытаясь задаться вопросом, да хочет ли мир, чтоб его спасали, и не думая о неравенстве сил — (Прочие советницы согласно завохтали.) — Жаль, что придется его изгнать.

— Что? — пораженно вскинулся Вилл.

— Здесь нет для тебя места, — пояснила Анни. — Ты же видел свою тетю. Бедняжка от тебя в диком ужасе.

— Да если б она одна, — пробормотала ведьма-яга, — а то ведь все, все и каждый.

Ни одна из прочих старух не стала ей перечить.

— Но я же убил дракона! — крикнул в отчаянии Вилл. — Я свершил для вас деяние, непосильное и всем вам вместе!

— Это совершенно ни при чем, — улыбнулась Анни.

— Как это ни при чем?

— А вот так, милый мой, и ни при чем. В том-то, собственно, все и дело.

— Я никак не...

— Вопрос не в том, что ты сделал, а в том, какой ты есть, — заговорила Черная Агнес. — Ты презираешь и нас, и то, как мы живем. Ты не можешь, не способен видеть в нашей жизни хоть что-то хорошее, наши глупости и промахи застыт тебе глаза. Ты полон гнева и нетерпения и рвешься что-нибудь сделать, но в то же время ты молод и не набрался еще мудрости, а здесь у нас нет никого, кто мог бы эту мудрость тебе преподать. Хуже того, ты и не принял бы такое обучение ни от кого из нас. Так что выхода нет. Ты должен покинуть деревню.

Каждое сказанное ею слово было чистейшей правдой, и Вилл не мог ничего возразить.

— Но куда же я теперь? — спросил он с отчаяньем.

— Увы, — пожала плечами Агнес, — это не моя проблема.

Уйти из деревни, конечно же, пришлось, и первые дни все было спокойно. Вилл пошел на юг по приречной дороге, а когда болотистые берега стали круто подниматься, свернул вместе с дорогой налево и пошел по ней на восток, петляя между фермами и все больше удаляясь от реки. Время от времени ему удавалось немного подъехать на возу с сеном или на тракторе, а иногда даже побатрачить на какого-нибудь фермера и получить в оплату хороший, сытный ужин. А так он кормился тем, что земля пошлет, и купался при свете небесных светильников, звезд в темных загадочных прудах. Когда ему не удавалось найти подходящий амбар или незапертый сарай со всякой хозяйственной всячиной, он заворачивался для защиты от клещей в свой выдавший виды плащ и залезал под стог душистого сена. Все эти мелкие хитрости и уловки не представляли для него, деревенского фея, ни малейших трудностей.

А вот настроение его все время менялось. Иногда эта новая, вольная жизнь, сменившая тоскливое однообразие старой, вызывала у него бездумное ликование. А иногда он мрачно замыслил грядущее возмездие изгнавшей его деревне, рисовал в уме картины кровавые и сладостные. Занятие крайне постыдное, потому что главным виновником всех его злоключений он же сам и был, а все прочие жители деревни были такими же, как и он, безвинными жертвами принесенного войною дракона. Но он не умел распоряжаться своими мыслями, а потому начинал в такие моменты сам себя щипать, кусать и царапать, истязая свою плоть, пока приступ черной ярости не проходил.

А затем как-то утром вдруг оказалось, что все дороги запружены народом. Это было вроде фокуса, когда ладонь на мгновение накрывают легким шелковым платком, а затем платок сдергивают и на недавно пустой ладони удивленным зрителям предстает клубок извивающихся червей. Когда Вилл засыпал, дороги были совершенно пустые, и всю эту ночь ему снилось море. Он проснулся от непонятных бормочущих звуков, а когда вылез из-под скирды, с удивлением обнаружил, что это голоса, бессвязные разговоры смертельно уставших людей, пришедших из невесть какой дали и

идущих куда-то очень далеко.

Вилл стоял у дороги, глядя, как течет по ней река обветренных, пропыленных странников, и тщетно пытаясь высмотреть среди них какое-нибудь знакомое или хотя бы чем-то интересное лицо. Тщетно — пока он не увидел, как женщина, чья голая грудь и зеленый шарф надежно свидетельствовали о ее высоком звании ведьмы, сошла с дороги, устало уронила свой рюкзак и села на камень. Вилл подошел к ней, церемонно поклонился и столь же церемонно заговорил:

— Достопочтенная госпожа, я жажду припасть к хрустальному роднику твоей мудрости. Кто эти, здесь идущие? Куда они все направляются?

Ведьма подняла глаза.

— Войска Всемогущего, — сказала она, — идут по этой земле, сжигая посевы и сравнивая с землею селения. Их опережает ужас, и нет никого, кто бы решился воспротивиться их безмерной мощи, а потому все от них бегут: одни — в Старый лес, другие — через границу. Ходят слухи, что там открывают лагерь для беженцев.

— В том ли состоит твоя мудрость, — спросил Вилл, тронув правой рукою лоб, как того требовала эта ритуальная формула, — что этим путем нам и нужно следовать?

Присмотревшись, становилось понятно, что ведьма едва еще вышла из детского возраста, хотя усталость заставляла ее казаться старше.

— Мудрость это или нет, — сказала она, — но лично я туда и направляюсь.

Без дальнейших слов она встала, вскинула на плечи рюкзак и влилась в поток беженцев.

Грозящие беды выгнали из горных и лесных убежищ большую часть их обитателей, в том числе и существ, считавшихся обычно вымершими. Тролли с далеких известняковых холмов и красноглазые, с полупрозрачной кожей и вялым, как тапиоковый пудинг, телом великаны-альбиносы брели по дороге на общих правах с заурядными феями и хобгоблинами, с людоедами, брауни, селки и чалки. Помедлив в нерешительности пару секунд, Вилл встроился в их ряды.

Так он стал беженцем.

В тот же день, но позднее, когда солнце стояло уже высоко, Вилл, все так же шедший по пыльной дороге и бездумно смотревший на поле, засаженное золотым овсом, и пронзительно синее небо, вдруг почувствовал, что ему нужно отлить. Далеко за полем, где небо сходилось с землей, смутно виделся лес. Он повернулся к дороге спиной и в тот же самый момент снова стал беззаботным бродягой. Ни разу не обернувшись, он шел, раздвигая низкорослый, с крепкими колосьями овес, и сам себе пел песню жатвы:

Косарь усталый на солнце знойном,
Тебе ли не знать тайное слово...

День был прекрасный, и при всех своих бедах Вилл не мог не ликовать, что он жив и способен радоваться густому золотому запаху, поднимавшемуся от колосьев, бодрящему зеленому аромату, долетавшему от далекого леса, и резкому треску кузнечиков, мелькавших под самым его носом.

Какое слово снова и снова
Поет Коса траве и цветам?

А еще Вилл думал о жестянщиковой дочке, которая отрастила за зиму просто роскошный бюст, а весной однажды покраснела и разлилась, когда он всего-то и сделал, что посмотрел на нее, хотя тогда, в то время, он ни о чем таком и не думал. Впрочем, позднее при воспоминаниях об этом случае его мысли приобрели то самое направление, в котором она тогда его зазря подозревала. А теперь он очень бы хотел привести ее сюда в такой вот жаркий полдень, захватив с собою одеяло, подыскать в поле уютную низинку, где овес совсем их укроет, и подробнейшим образом исполнить известные ритуалы, которыми с давних пор повышают урожай.

— Папа! Папочка!

По полю бежит маленькая девочка — руки раскинуты по сторонам, за спиною треплется червонное золото локонов.

— Папочка! — кричит она отчаянным голосом. — Па-поч-ка!

До изумленного Вилла не сразу дошло, что она направляется прямо к нему. За нею, чуть подотстав, поспешали два карикатурно тощих, словно и правда из палок сделанных, палочника и коренастый приземистый лубин, и было очень похоже, что она только что от них сбежала. Подбежав к Виллу, девочка крепко, словно ища спасения, обхватила его руками за пояс и уткнулась носом ему в плечо.

— Помоги мне, — прошептала она, — ну пожалуйста. Они хотят меня изнасиловать.

Вполне возможно, что в жилах Вилла текла какая-то капля крови правдоговорительниц, потому что он поверил этому мгновенно и до конца. Тут же вступая в роль, прописанную девочкой, он приподнял ее, покрутил в воздухе, вызвав тем самым восторженный визг, а потом поставил на землю, положил руки ей на плечи и строго сказал:

— Ну что же ты это делаешь? Никогда — ты слышишь меня? — никогда не убегай, как сегодня, а то я так вспорю тебе задницу, что месяц сесть не сможешь! Ты хорошо меня поняла?

— Да, папочка.

Виновато потупившись, девочка ковыряла носком туфли потихоньку расширявшуюся ямку в земле.

Тут как раз подоспели, задыхаясь от бега, ее преследователи.

— Милостивый сэр! — воскликнул лубин. Как и у всей их породы, у него была собачья голова, а заодно — обширное брюхо, привычные к труду руки и плечи и широкополая, с грязным белым плюмажем шляпа. Он сдернул шляпу с головы и церемонно поклонился. — Мое имя, почтеннейший сэр, Салигос де Граллох. Мы с моими товарищами нашли вашу дочку, бродившую в полном одиночестве, голодную и не знавшую, куда ей идти. Слава Семерым, что мы... — Он оборвал фразу, нахмурился и подергал себя за шерстистое ухо. — Так вы, говорите, ее *отец*?

— Огромное вам спасибо, — сказал Вилл, словно не расслышав вопроса. Он присел на корточки и крепко обнял девочку, ни на миг не переставая лихорадочно думать. — Хорошо, что вы не поленились вернуть ее мне.

По молчаливому знаку лубина палочники зашли слева и справа от Вилла. Сам он шагнул вперед и устоялся на Вилла в упор, так скривив фиолетовые губы, что стали видны желтые клыки.

— Так вы ее отец? — переспросил он. — Не можете вы быть ее отцом. Вы слишком для этого молоды.

Вилл ощутил, как в нем поднимается черная драконья ярость, и постарался взять себя в руки. Лубин был тяжелее его раза в два, а при всей видимой хлипкости палочников руки у них быстрые, ловкие и крепкие, как те палки. Оставалось только хитрить.

— Грудным еще ребенком она подверглась действию черного железа и чуть не умерла, — объяснил он почти легкомысленным тоном. — Чтобы купить спасительное зелье, мне пришлось продать Пожирателю Лет десять лет своей жизни.

Один из палочников замер, пытаясь постигнуть логику сказанного Виллом, и стал похож на черное высохшее дерево, а другой нетерпеливо приплясывал взад-вперед на своих длинных ногах и еще более длинных руках. Лубин презрительно сощурился.

— Оно же не так все бывает, — прорычал он, словно выплевывая слова. — Все же как раз наоборот. Запродав этому безмерному ужасу часть своей жизни, ты становишься не младше, а старее.

Но Вилл уже протянул довольно времени, чтобы точно спланировать дальнейшие действия.

— Родная моя, — пробормотал он, а затем поцеловал большой палец своей же собственной правой руки и тронул им девочкин лоб. Все это было так, спектакль, для отвлечения внимания. С сердцем, колотящимся от страха, но стараясь выглядеть беззаботным, он взял девочку за руку, так что крошечный мазок теплой слюны перешел на ее пальцы. — Маленькая, моя сладкая...

Это было мелкое колдовство, знакомое каждому деревенскому мальчишке. Ты подходил к спящему товарищу и осторожно, чтобы не разбудить, совал его руку в посудину с теплой водой. И тут же, без задержки некие хитрые магические принципы заставляли бедного дружка обмочиться. Капля слюны могла прекрасно заменить воду. Сосредоточив на ней все свои мысли, Вилл пробормотал среди потока ласковых слов одно из так любимых его тетей симпатических заклинаний — то, в котором мочегонное действие сочеталось со слабительным.

С раскатистым, удивительно громким для такой крохи звуком выпускные шлюзы девочкиного тела открылись, и по ногам ее неожиданно хлынули вонючие потоки мочи и жидкого кала.

— Ой! — закричала она в ужасе и смятении. — Ой! Ой! Ой!

Ее похитители скривились от отвращения и подались назад.

— Фу! — сказал один из палочников и замахал у себя под носом длинной костлявой ладонью; его напарник уже опрометью бежал к дороге.

— Вы уж простите нас, — смущенно улыбнулся Вилл. — У нее такое давно, и мы никак не можем справиться с этой бедой... — Девочка попыталась пнуть его, однако Вилл ловко увернулся. — Она не очень умеет управлять своим телом.

— Ой!

На прежнем месте остался только лубин. Он выставил вперед кургузый указательный палец, а большой палец поднял вверх, словно держал в руке пистолет, и ткнул воображаемым оружием в сторону Вилла.

— Других ты, может, и одурачил, но только не меня. Перейдешь еще раз дорогу Салигосу — пеняй на себя.

Он окинул Вилла тяжелым неприязненным, взглядом, повернулся и затрусил, не оборачиваясь, прочь.

— Посмотри, что ты со мною сделал! — возмущенно сказала девочка, когда Салигос окончательно исчез из виду. Она с отвращением дернула себя за краешек платья, мокрого, вонючего и грязно-бурого.

— Зато это спасло тебя от серьезной неприятности, или ты будешь спорить? — широко улыбнулся Вилл. — Спасло нас обоих от серьезной неприятности... Там, в лесу, — он махнул рукой, — течет ручеек. Пошли, и мы быстренько тебя отмоем.

Осторожно придерживая девочку подальше от себя, он повел ее в лес.

Девочку звали Эсме. Пока она отмывала себя в ручье, Вилл чуть спустился вниз по течению с ворохом ее одежек; он усердно тер, полоскал и выкручивал несчастные тряпицы, пока не избавил их от гнусного коричневого цвета. Затем разложил их сохнуть на ближайших кустах. К этому времени Эсме уже закончила свое

купание и как была, голая и мокрая, присела на берегу ручья, подобрала какой-то сучок и принялась увлеченно рисовать на мокром песке. Чтобы подсушить малолетнюю дуреху, Вилл развязал рюкзак и обернул ее своим одеялом.

Придерживая на себе одеяло, словно это была королевская мантия, Эсме отломила стебель рогоза, хлестнула им Вилла по плечам и торжественно возгласила:

— Дарованной мне свыше властью я посвящаю тебя в рыцари! Восстань, сэр Герой Бобово-Злаковых Ристалищ.

Кто угодно другой был бы очарован, но на Вилла вдруг вновь опустилась знакомая черная ярость, и он мог думать только о том, как бы сбыть эту Эсме с рук. У него ведь не было ровно ничего, в том числе и перспектив. Странствуя налегке — а как иначе мог он странствовать? — он не решался, да и не имел никакого права, взвалить на себя ответственность за ребенка.

— Откуда ты взялась?

Эсме равнодушно пожала плечами.

— Сколько времени ты идешь по этой дороге?

— Я не помню.

— Где твои родители? Как их звать?

— Не знаю.

— Но у тебя же есть какие-то родители? Есть ведь?

— Не знаю.

— Не слишком ты много знаешь. Или как тебе кажется?

— Я знаю, как отскребывать дочиста пол, испечь пирог из батата, делать мыло из животного жира и щелока и свечки — из льняного шнура и пчелиного воска, как чистить скребницей лошадь, как стричь баранов, как налаживать карбюратор и как надраивать сапоги до зеркального блеска. А еще... — Она отпустила края одеяла, невольно выставив на обозрение свою левую плоскую, едва завязавшуюся грудь, и приняла горделивую позу. — На мое сладостное пение слетаются замороженные птицы.

— Только сейчас не нужно, пожалуйста! — расхохотался Вилл. И тут же тяжело вздохнул. — Вот же свалилась на мою несчастную

голову. Ну что ж, никуда мне от тебя не деться — в ближайшее, во всяком случае, время. Когда твои одежды подсохнут, мы сходим выше по течению, и я научу тебя ловить форель руками. Это будет совсем не лишней прибавкой к твоим прочим многочисленным умениям.

Наступали чьи-то там войска, и ни одно сколько-нибудь разумное существо не задерживалось в зоне военных действий ни на одну лишнюю минуту. А вот они задержались. К тому времени, как село солнце, они поймали пару форелей, насобирали грибов и накопили съедобных корней более чем достаточно для хорошего ужина и устроили на лесной опушке нечто вроде походного лагеря. Подобно большинству феев, Вилл не мог похвастаться особой чистокровностью, но в его жилах текла солидная доля крови лесных эльфов, и если бы не эта война, он с превеликим удовольствием прожил бы здесь как угодно долго. Сейчас же он устроил для Эсме гнездышко из лапника и снова завернул ее в свое одеяло. Эсме потребовала, чтобы он спел ей песню, затем рассказал сказку, затем еще одну сказку, а затем — спел колыбельную. Мало-помалу глаза у нее начали слипаться, она сладко зевала и как-то почти незаметно ускользнула в просторы сна.

Эта девочка приводила Вилла в полное недоумение. Она вела себя так, словно провела в лесу, в таком вот лагере, всю свою жизнь. Можно было ожидать, что после всех дневных тревожлений она будет упорно бороться со сном, а заснув — тут же с криком просыпаться от кошмарных сновидений. Но вот тебе пожалуйста, прекрасно уснула и сопит себе в две дырочки, ничего не боясь.

Со смутным подозрением, что его нагло использовали, Вилл завернулся в свою ветровку и почти мгновенно уснул. Несколько часов спустя — хотя, возможно, это были минуты — его вырвал из беспокойного сна какой-то громкий, настойчивый звук, оказавшийся ревом реактивных двигателей. Вилл открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как пролетает звено драконов. Набирая высоту на форсаже, крылатые чудовища чертили в ночном небе тонкие огненные линии, постепенно уменьшались, улетаая на запад, а потом и совсем исчезли за горизонтом. Он сунул левую руку в рот и стал кусать кожу между большим и указательным пальцами, пока не почувствовал вкус крови. И как же он когда-то восхищался этими

кошмарными машинами! И даже, в невинности юного сердца, любил их и мечтал, как будет когда-нибудь управлять одной из них. А теперь от одного их вида его начинало тошнить.

Он встал, с кислой завистью отметил, что Эсме как спала, так и спит, и подкинул в огонь несколько толстых дровин. Сегодня уж точно не уснуть, так что главное теперь — не продрогнуть в ожидании восхода.

Так вот и вышло, что он не спал, когда по лунной освещенному полю проскакал отряд кентавров, туманно-серых, как призраки, и молчаливых, как олени. При виде горящего костерка передний сделал рукою знак, трое из них отделились и поскакали в сторону Вилла. Вилл встал им навстречу.

Дробно грохоча копытами и разбрасывая ими же комья земли, кентавры, вернее, кентаврихи осадили сами себя.

— Это какой-то гражданский, сардж, — хрипло сказала одна из них; на кентаврихах были красные мундиры с узкими золотыми кантами и такие же кивера. — Веселенький лопоухий придурок выволок сюда свою долбаную жопу на трижды долбанный пикник. Видимо.

— Так он что, даже не знает про эту, гори она огнем, войну?

— Видимо, нет. Ты знаешь, что Сыны Огня выступили в поход? — спросила кентавриха у Вилла.

— Я не имею представления, о чем это вы говорите. — Голос Вилла предательски подрагивал. — Ни даже о том, на чьей вы стороне, — добавил он, собрав все остатки своей храбрости.

Одна из кентаврих презрительно фыркнула. Вторая стукнула кулаком по знакам различия на своей груди и громко возгласила:

— Мы Пятый Амазонский — племенные кобылы смерти. Ты что, совсем идиот, что никогда о нас не слыхал?

— И нет никакого значения, на чьей мы стороне, — вступила третья. — Грядет народ камня, обитающий в потаенных глубинах Страны Огня. В этот самый момент они уже карабкаются к поверхности, неся с собою нестерпимый жар и огромную, наводящую ужас кинетическую энергию. Когда они выйдут на свет, земля вскипит и окутается дымом. Все вот это... — она широко взмахнула рукой, — будет смыто огнем, уничтожено. А уж потом дойдет дело

до битвы. И это будет такая битва, что любой, оказавшийся поблизости, за кого бы он ни был, неминуемо погибнет.

— Пошли отсюда, Антиопа, — сказала первая, старшая и как раз и бывшая, судя по начальственному голосу, у них сержантом. — Нам сказали очистить эту землю ото всех зазевавшихся нонкомбатантов. Приказ не вменяет нам в обязанность еще и спасать идиотов.

— А это что еще такое? — спросила вторая, опускаясь на колени. — Ребенок, да к тому же еще и девочка.

Вилл дернулся выхватить у кентаврихи Эсме, однако две другие преградили ему путь.

— Ты только взгляни на нее, сержант Лукаста, — продолжила вторая. — Бедную засранку совсем сморило, она даже не проснулась, когда я взяла ее на руки.

Она передала Эсме своей командирше.

— Ну ладно, двигаем дальше, — сказала сержант Лукаста, подхватывая спящую девочку и трогаясь с места. — Мы и так тут потратили уйму времени.

— Костер-то зальем? — спросила Антиопа вслед ей.

— Да пускай себе горит. Через сутки здесь такое будет, что какой там костер.

Вторая кентавриха поразительно быстро и ловко собрала Виллово хозяйство, затолкала его в набедренные сумки и последовала за командиршей. Третья, младшая из них, схватила Вилла за руку и легко, как пушинку, закинула себе за спину. Затем она поднялась на дыбы, и он, чтобы не упасть, спешно обхватил ее за талию.

— Меня звать Кампаспа, — ухмыльнулась она через плечо. — Держись, мальчонка, покрепче. Я тебя так покатаю, как тебя еще никто в жизни не катал.

Вот так и начался их полуночный галоп, они скакали то в гору, то под гору, мимо рощ и лесов, мимо фермерских домиков и несжатых полей. Мир струился мимо, как вздуваемый ветром занавес, тонкий покров, кое-как накинутый на нечто огромное и с трудом постижимое. Вилл пытался представить себе, что таится за ним, и не мог.

— Неужели все это действительно погибнет? — спросил он сквозь свист ветра Кампаспу. — Неужели такое возможно?

— Повидай ты хоть малую долю того, что видела я, этот вопрос у тебя даже не возник бы. А теперь затихни и устройся поудобнее, нам скакать еще долго.

Ловя Кампаспу на слове, Вилл прижался щекою к ее спине. Спина была теплая, почти горячая. Под ним и между его ногами ритмично двигались мощные мышцы кентаврихи. Его ноздри заполнял чистый, свежий запах пота.

— Эй, сардж, похоже, этот гражданский ко мне равнодушен — у него встал!

— Чтобы в тебя такую воткнуть, ему потребуется встать на пенек, — кинула через плечо Лукаста.

— Хорошо, что ему хотя бы не потребуется вазелина! — встряла Антиопа.

— Да это просто... Я же совсем... — растерялся Вилл, и кентаврихи дружно расхохотались.

— Правда, что ли? — презрительно ухмыльнулась Кампаспа, а затем переложив его ладони со своей талии на грудь. — Ну а теперь что ты скажешь?

Вилл в ужасе, словно обжегшись, отдернул руки, чуть не свалился на землю и снова схватил Кампаспу за пояс.

— Я бы никак, ни за что не мог! Безымянные за это строго карают!

— Для меня, мелкий ты павиан, это тоже было бы скотоложством! — расхохоталась Кампаспа. — Но на хрена придумали войну, как не затем, чтобы на время малость смягчать законы? Ты согласна, сардж?

— Других причин я как-то и не вижу.

— Я знала одну девку из Седьмого, которой страсть как нравилось с собаками, — вступила Антиопа. — С большими, конечно же, вроде мастифа. И вот как-то раз эта самая девка...

И она принялась живописать историю настолько непристойную, что Вилл покраснел почище ее мундира. Две другие ржали как

лошади сперва над ее рассказом, а затем над его смущением.

Они скакали прямо, как сокол летает, и почти столь же быстро. Мало-помалу Вилл по привычке к грубым шуточкам Кампаспы. Она, как он сообразил, не вкладывала в них никакого особого смысла, а просто была еще очень молода, участвовала в войне и флиртовала с ним от чистой нервозности. Он снова припал щекою к ее спине, а она закинула руку назад и дружелюбно, ободряюще почесала его макушку. В этот самый момент он заметил на ее плече латунный значок и попытался его рассмотреть. При ярком свете полной Селены сверкал рисунок, сделанный по латуни тонкой ниточкой лунного серебра: три вооруженные мечами руки, расходящиеся из общего центра наподобие трехчленной свастики. Вилл с ужасом и даже с отвращением узнал трискелион армии Всемогущего. И ведь он находится в полной их власти.

Сержант Лукаста, скакавшая рядом, заметила его реакцию и переложила мирно спавшую Эсме с одного плеча на другое.

— Ну наконец-то до парня дошло, — сказала она. — Мы ваши злобные, насквозь порочные, едящие на завтрак младенцев враги. И в то же время, как это ни странно, именно мы, а не ваша долбаная армия, вытащили тебя из смертельной жопы. Есть о чем задуматься или ты так не считаешь?

— Это же все потому, что он гражданский, верно, сержант? Ну какое тебе удовольствие, когда убиваешь гражданских, — сказала Кампаспа.

— Они не умеют драться и не умеют стрелять, — вставила Антиопа. — Хорошо еще, если кто-нибудь из них умеет хоть толком умирать. По счастью, у них есть для всей этой работы мы. — Сержант Лукаста вскинула руку, и вся группа перешла на шаг. — Нам давно бы пора соединиться с нашим взводом.

— Не бойся, мы их не прозевали, — сказала Антиопа. — Вон же их следы.

— И запах их помета тоже чувствуется, — добавила Кампаспа. Справа от них была осиновая роща.

— Мы остановимся здесь и немного отдохнем, — сказала Лукаста. — А я тем временем попробую понять, как же это все

получается.

Кампаспа остановилась, и Вилл благодарно соскользнул на землю. Расстегнув одну из своих сумок, кентавриха вытащила термос и протянула его Виллу.

— Это кофе, горячий, — сказала она. — Пей, если хочешь, и мне оставь.

— Мне... мне нужно отлить. — Вилл залился краской и потупился.

— Ссы сколько хочешь, — безразлично кинула Кампаспа. — И с чего это ты просишь у меня разрешения? — А затем, увидев, что он пошел в сторону леса, удивленно крикнула: — Эй! Ты куда это, на хрен, намылился?

Вилл снова покраснел, вспомнив, как непринужденно облегчались его спутницы этой ночью, роняя катышки помета прямо во время разговора.

— Моя порода нуждается для этого в уединении, — сказал он, ныряя в кусты.

— Фу-ты ну-ты! — расхохоталась Кампаспа, ее дружно поддержали товарки.

Забравшись в рощу так глубоко, что уже не были слышны голоса кентаврих, он расстегнул штаны и помочился на бледный ствол худосочной осинки. Появилась мысль, а не сделать ли ноги. Леса были его стихией, в то время как кентавры предпочитали открытую местность. Он мог быстро и совершенно бесшумно скользнуть сквозь подлесок, который замедлит их бег до шага, мог закопаться в опавшие листья настолько искусно, что им ни за что его не найти. Но разве можно оставлять с ними Эсме? Кентавры не отличаются особым изяществом манер, потому что они из самых ранних творений, подобно троллям и великанам. Они и думают куда прямолинейнее, чем большинство мыслящих существ, и более примитивны в своих эмоциях. Желание убить возникает у них куда легче, чем просто враждебность, необузданная похоть — легче, чем любовь, восторг — легче жалости. С них очень даже станется убить малолетнюю девочку просто из-за раздражения, что он от них улизнул.

Эсме ничего для него не значила. И все равно он не хотел брать

на себя ответственность за ее гибель.

Но все было вроде бы не так уж и тревожно: возвращаясь к месту привала своих пленительниц, он издали услышал детский смех. Эсме уже не спала и, очевидно, от всей души веселилась. Выбравшись наконец из зарослей осины, он увидел, что сержант Лукаста сидит на траве, поджав под себя передние ноги, и смотрит на Эсме с нескрываемой нежностью, словно на собственного жеребенка. Вилл невольно улыбнулся. Все-таки бабы они и есть бабы, вне зависимости от породы и от того, на чьей стороне воюют. Надо думать, с этими лихими скакуньями Эсме была ничуть не в большей опасности, чем с ним самим.

— Еще! — весело взвизгнула Эсме. — Еще, ладно?

— Ну хорошо, хорошо, — нежно улыбнулась Лукаста, а затем вскинула револьвер, крутанула пару раз барабан, взвела курок и приложила вороненый ствол прямо ко лбу девочки.

— Стой!!! — заорал Вилл. Бросившись вперед, он подхватил Эсме на руки. — Ты что, совсем?..

Сержант откинула барабан и заглянула в верхнее гнездо.

— Патрон. Не останови ты меня, она бы умерла. Повезло.

— Нет, это мне! — обиженно крикнула Эсме. — Это мне повезло!

Кентавриха защелкнула барабан, крутанула его, а затем быстро, продолжением того же движения прицелилась в голову Эсме и нажала на спуск.

Щелк! Курок ударил по пустому гнезду.

Эсме восторженно расхохоталась.

— Ради всех Семерых! — в отчаянии крикнул Вилл. — Она же совсем ребенок!

Только теперь он заметил, что ни Кампаспы, ни Антиопы поблизости не видно. В этом ему почудилось нечто зловещее.

— У нее такое невинное личико, — заметила Лукаста, пряча револьвер в кобуру. — Двадцать три раза я крутила барабан и стреляла ей в голову, и двадцать три раза курок попадал на пустое гнездо. Ты знаешь, какая тут вероятность?

— Я не слишком-то силен в математике.

— Как и я. Но точно какая-то очень маленькая, уж в этом-то я уверена.

— Я же говорила тебе, что мне везет, — сказала Эсме, вырываясь у Вилла из рук. — Никто никогда меня не слушает.

— Давай я задам тебе вопрос, а потом внимательно тебя послушаю. Вот он... — она указала на Вилла, — кто он тебе?

— Мой папа, — уверенно ответила Эсме.

— А я тебе кто?

Девочка погрузилась в раздумье, ее лоб сосредоточенно наморщился.

— Моя... Моя мама?

— Спи.

Кентавриха положила ладонь на лоб девочки, а затем сдвинула ее на глаза. Когда она убрала ладонь, Эсме уже сладко спала. Осторожно, заботливо кентавриха положила девочку на траву.

— Мне уже доводилось с таким встречаться, — сказала она. — Я повидала множество вещей, о которых почти никто и не знает. Она ведь старая, эта красотка, и очень давно вышла из детского возраста, хотя и думает, и ведет себя как ребенок. Почти наверняка она старше нас с тобою, вместе взятых.

— Но как же это может быть?

— Она продала свое прошлое и свое будущее, свои воспоминания, свои юные и зрелые годы Пожирателю Лет в обмен на бесконечное настоящее и особое везение, необходимое ребенку, чтобы выжить без посторонней помощи в таком, как наш, мире.

Вилл вспомнил, как и что соврал он лубину, и зябко передернулся. Придуманная история пришла ему в голову вроде бы ниоткуда, однако это не могло быть простым совпадением. И все же он упрямо сказал:

— Не верю я в это.

— Что вас с нею свело?

— Она убегала от мужиков, хотевших ее изнасиловать.

— Повезло ей, что ты вовремя подвернулся. — Сержант похлопала себя по карману и достала трубку. — Ты вообще замечал, что количество везения в нашем мире строго ограничено? Его не может быть больше или меньше ни на вот столько. А эта притягивает к себе все близлежащее везение. Мы должны были соединиться с однополчанками еще много часов назад. Ей повезло, что мы провезли вас гораздо дальше, чем собирались. Но для нас это было невезение. — Она порылась в одном из набедренных мешков и достала кисет. — Эта девчонка чудовище, у нее нет памяти. Если ты оставишь ее и уйдешь, уже к утру она забудет тебя начисто.

— Ты это что, к тому, что я должен ее бросить?

— На произвол судьбы? Да.

Вилл посмотрел на спящую девочку, такую мирную и так ему доверявшую.

— Я... Я не могу.

— Тебе решать, — пожала плечами Лукаста. — Теперь мы подошли ко второй части нашего разговора. Ты уже заметил, что я отослала своих девочек. Это потому, что ты им нравишься. У них нет моего трезвого взгляда на вещи. У этой маленькой поганки двойное дно, но ведь не только, я думаю, у нее. — Разговаривая, она набивала свою трубку табаком и аккуратно уминала его пальцем. — В тебе есть какая-то темнота, хотя эти салаги ее и не видят. Расскажи мне, как это вышло, что ты шел по дороге один, без родных и товарищей.

— Моя деревня меня изгнала.

Сержант сунула трубку в рот, раскурила ее и задумчиво затанулась.

— Ты был коллаборационистом?

— Это слишком упрощает суть дела, и можно подумать, будто я мог сказать «да» или «нет». Но, в общем-то, да, был.

— Ты рассказывай, рассказывай.

— Дракон... В нашу деревню приполз дракон и объявил себя царем. Раненый дракон. Вся его электрика была расшиблена в хлам, голоса почти не слышно. Ему нужен был помощник, посредник между ним и деревней. Чтобы... чтобы приказывать. На мое несчастье, он выбрал меня.

— Могу предположить, что ты делал плохие вещи. Сперва ты вроде не собирался, но одно вело к другому, другое к третьему. Односельчане тебя не слушались, и потому приходилось их наказывать.

— Они меня ненавидели! Они винили меня в своей собственной слабости!

— О?

— Они не подчинялись! У меня-то не было выбора. Я должен был им приказывать. Если бы они подчинялись, их бы никто не наказывал!

— Говори, говори.

— Ну да, согласен, я делал всякое! Но если бы я не делал, дракон бы сразу об этом узнал. Я был бы наказан. И они тоже были бы наказаны. Наказаны более жестоко, чем это было потом. Я просто пытался их защитить.

Вилл начал всхлипывать.

Сержант Лукаста замолчала и молчала долго. Затем она вздохнула и спросила:

— Убил кого-нибудь?

— Одного парня. Он был моим лучшим другом.

— Ну что ж, познакомился поближе с войной. Думаю, ты совсем не так плох, как тебе кажется. Во всяком случае, ты не шпион и не провокатор, а это все, что мне нужно знать. Так что я могу с чистой совестью оставить тебя здесь.

— С чистой совестью?

— Теперь ты уже на безопасном расстоянии от эпицентра. А нам не встретиться со своим взводом, если мы сперва не бросим эту пожирательницу везения. — Лукаста извлекла из кобуры револьвер и прицелилась в спящую девочку. — Ну как, испробуем везение этого чудища по последнему разу? Или лучше я выстрелю в воздух?

— В воздух, — попросил Вилл. — Пожалуйста.

Лукаста направила ствол вверх и нажала спуск. Грохот выстрела в ключья разорвал ночную тишину, но ничуть не потревожил спящую Эсме.

— Опять повезло, — сказала сержант Лукаста.

На выстрел легкой рысью притрусили Кампаспа и Антиопа. Они восприняли известие, что гражданские останутся здесь, без всяких видимых эмоций, однако Кампаспа, прощаясь с Виллом, наклонилась, чтобы вроде бы клюнуть его губами в щеку, а сама вместо этого засунула язык ему в рот едва ли не до горла и весьма ощутимо даванула рукою мошонку. Антиопа сбросила ему под ноги все их с Эсме походное хозяйство и игриво шлепнула его по заднице, и так отчаянно болевшей после долгой ночной скачки. Когда Лукаста тоже нагнулась вроде бы с намерением его поцеловать, Вилл рефлекторно напрягся. Однако она просто сказала:

— Прислушайся к словам старой служивой. Пока этот ребенок остается на твоём попечении, беды будут ходить за тобой косяком. А что касается прочего, — Лукаста выпрямилась, — держи путеводную звезду по правое плечо, а как только рассветет, поворачивай в сторону солнца. Так ты будешь двигаться в основном на восток, а там, сразу за Большой рекой, есть лагеря для беженцев. И лучше все-таки поторопись.

— Спасибо.

— Двигаем дальше, мадамочки, эта долбаная, на хрен, война не станет воеваться сама собою.

И кавалердамы ускакали прочь, ни разу даже не оглянувшись.

Вилл осторожно растолкал Эсме, а затем вскинул на плечи рюкзак и взял ее за руку. Они шли до тех пор, пока не рассвело, и даже какое-то время потом, шли на восток и на восток. Когда Эсме устала, он подхватил ее на руки и понес. Солнце не успело еще сильно подняться, когда Вилл окончательно понял, что больше ему ее не пронести. Он нашел в зарослях сумаха чуть не насквозь проржавевшую машину и постелил себе на переднем сиденье, а Эсме — на заднем.

И на какое-то время уснул.

В деревне, выпроваживая Вилла, женщины-старейшины наделали ему гору бутербродов и наложили на приготовленный в дорогу рюкзак специальное заклинание, не позволявшее проспать,

если кто-нибудь вдруг захочет покопаться в его вещах.

И теперь Вилл мгновенно проснулся, сел и уставился на рюкзак. В нем копался, запустив руки чуть не по локоть, не кто иной как Салигос де Граллох.

— Проснулись, молодой господин? — оскалился он волчьей ухмылкой. — Это хорошо, хорошо. Только тут почему-то нету ни крошечки золота.

— А что это ты без своих палочников?

— Мы немного разошлись во мнениях, и мне пришлось их убить. По счастливой случайности я нашел тут тебя — а то ведь остался бы в полном одиночестве.

— Какая там случайность, — качнул головою Вилл. — Найдя эту девочку, ты разломал пополам булавку или пуговицу и подсунул одну половинку в ее одежду — вдруг улизнет. Ну а сегодня вторая половинка привела тебя сюда.

— Надо же, какой он сообразительный, и это ведь едва проснувшись, — одобрительно ухмыльнулся Салигос. — Однако я должен заметить, что ты сказал не «мою дочку», а просто «девочку». Так что никакой ты ей не отец. Я ведь вас, мужицкое отродье, вижу насквозь. Где-то при тебе должно быть припрятано золото, пусть хоть одна-единственная монета, чтобы привести когда-нибудь к заветному горшку, зарытому на заднем дворе.

— Нет у меня золота, ты уж извини.

— Жаль, очень жаль. — Салигас непринужденно, словно так и полагается, снял свой широкий пояс. — Вчера ты кое-что прервал. Поэтому прежде, чем заняться проверкой, не припрятал ли ты на себе что-нибудь интересное, я привяжу твои руки к баранке. Ты получишь полную возможность наблюдать, как я ее отделаю. — Он кивнул на Эсме, так и продолжавшую мирно спать. — Отделаю добротнo и со вкусом.

Вилл снова почувствовал, как в нем поднимается драконья тьма, однако теперь не стал с ней бороться, а как раз наоборот — приветствовал ее, позволил ей заполнить его мозг, черным пламенем сверкнуть из его глаз.

Лубин злобно ощерился — и вскрикнул от боли, когда Вилл рванулся вперед и схватил его за руки.

Он сжимал запястья омерзительной твари, с восторгом ощущая, как трещат и дробятся ее кости.

— Ну а вот это, *вот это* тебе нравится? — спрашивал он. — Нравится, когда такое делают с *тобой*?

Псоглавец извивался и корчился, тщетно пытаясь разорвать безжалостную хватку. Его рот был распахнут, губы шевелились, однако Вилл если что и слышал, то лишь стук крови в собственных ушах. Ну конечно же, лубин умолял пощадить его. Ну конечно же, скулил. Ну конечно же, визжал. А что бы еще мог он делать? Вилл прекрасно знал эту породу.

Сперва драконья страсть сделала весь мир кроваво-красным, словно Вилл смотрел на него сквозь прозрачную пелену чистой, незамутненной ярости, а затем нахлынула полная тьма. Когда он снова начал видеть, рядом с машиной лежало безжизненное, страшно изуродованное тело Салигоса де Граллоха. Вилловы пальцы нестерпимо болели, его руки были по запястья в крови. Глаза лубина слепо таращились в небо, его зубы оскалились кошмарной предсмертной гримасой. Рядом с разорванной, вспоротой грудью на земле валялось нечто, бывшее, наверное, его сердцем.

— Папа? — Эсме, разбуженная шумом и криками опустила стекло и высунула голову наружу. — С тобой все в порядке?

Еле сдерживая тошноту, Вилл отвернулся от машины и помотал головой.

— Тебе обязательно нужно уйти, — сказал он тяжелым голосом. — Беги от меня, беги со всех ног!

— Почему?

— Во мне есть что-то... что-то очень плохое.

— Ничего, не тревожься.

Руки. Вилл смотрел на них и смотрел. Руки убийцы. Его голова была как свинцовая, сердце колотилось так сильно, что даже болела грудь. Он попробовал встать и был удивлен, когда встать получилось.

— Ты не понимаешь. Во мне так и остался кусочек дракона. Я никак не могу от него избавиться!

— Ну и что? — Эсме вылезла из машины, старательно избегая наступать на труп и на пятна крови. — Меня ничто плохое не

беспокоит, потому-то я и продала себя Пожирателю Лет.

Вилл повернулся и смерил девочку долгим пристальным взглядом. Небесное невинное создание: золотые кудряшки, чуть великоватая для тела голова, ножки как спички, чуть не дочерна загорелая кожа.

— У тебя же нет памяти, — сказал он наконец. — Так откуда ты тогда знаешь про Пожирателя Лет?

— Это леди-лошадь так думает, что у меня нету памяти. И совсем все не так. Я забываю только людей и всякое, что происходит. А все, что важное, я помню. Ты учил меня ловить форель руками, и теперь я это помню. Кто-то другой научил меня, как снимать усыпляющие заклинания. — Она взглянула на жуткий, как в страшном сне, труп и равнодушно отвернулась. — Сегодня к вечеру я уже позабуду и про него, и про то, что пришлось тебе с ним сделать.

Затем Эсме отвела Вилла к ближайшей луже, чтобы тот вымыл руки. Тем временем сама она стирала его рубашку, стирала, пока не исчезли все следы крови. И мурлыкала при этом мотив той песни, которую пел он, когда увидел ее впервые. Несмотря на все, что случилось, она выглядела веселенькой и беззаботной. Она была, осознал наконец-то Вилл, таким же извращенным, пропащим созданием, как и он сам. И если он где-нибудь ее бросит, никто не сможет его осудить.

Да уж, сладкая парочка — и он, и она со сдвигом. Он все пытался, и все без толку, понять, как будет лучше поступить.

Ровно в полдень небо у них за спиной вспухло облаком дыма, а чуть позднее земля содрогнулась от взрыва настолько мощного, что все беженцы попадали на дорогу, зажимая ладонями уши, и прошел еще добрый час, пока к ним хоть немного вернулся слух. Весь запад поглотила глубокая, непроглядная тьма, которую иногда прорывали выплески пламени, это вспыхивали и взрывались домики, сараи и силосные башни, захлестнутые потоком расплавленного камня. Те, чьи оставленные дома постигла эта участь, вознесли к небу скорбные вопли. В какой-то кратчайший миг все бесчисленные поколения, неразрывно связавшие с этой землей свою жизнь, были стерты с ее лица. Словно их, этих предков, никогда и не было — ни тех, чья память бережно хранилась, ни тех, кого зарыли и забыли.

Гиганты, восставшие из дыма, горели огнем, ослепительным, как сам Священный город, нестерпимо жарким, как кузницы заката. Медленно, постепенно они остывали и темнели, сперва до тусклого, словно вполнакала, сияния, а потом и до серого цвета, едва различимого на фоне облаков. Их было двое, и в руках у них были дубины. Еще горя остаточным тускло-красным светом, они начали поднимать дубины. К тому времени как их дубины были вскинуты до предела, сами они превратились в серые туши, непомерно огромные и еле заметные в облачном небе.

Движения гигантов были столь медлительны, что глаз их не видел, как не видит он движения часовой стрелки. Но если Вилл несколько минут на них не смотрел, а потом смотрел снова, их позы оказывались немного другими. Все долгое, очень долгое утро огромные дубины сближались. Ровно в полдень они соприкоснулись. И еще столько времени, сколько требуется, чтобы досчитать до тридцати, тишину ничто не нарушало. Затем по земле прокатилась ударная волна. Вилл видел, как она приближается подобно мощному порыву ветра, гнущему и ломающему деревья. Он схватил Эсме за руку и бросился вместе с нею в канаву, в результате чего удар их почти не затронул.

В тот день они прошли много миль, но Большая река словно бы и не стала ближе. Иногда они садились, но только на пару минут, отдыхать дольше Вилл не решался. В конце концов, уже ближе к закату, Эсме так утомилась, что стала плакать. Тогда Вилл нагнулся, натужно крикнул и подхватил ее на руки. Его ноги подламывались и не хотели идти.

— Тише, тише, спи-усни, — пел он девочке; вот так же поет коса в жаркий летний день. — Спи-усни. — Все-таки она была малым ребенком, а кем там еще — не имеет значения.

Эсме хныкала все тише и тише, а затем и вовсе уснула, положив головку Виллу на плечо. Вилл упорно ковылял по дороге, а через какое-то время рядом с ним остановился трактор, и водитель предложил ему сесть на задний борт прицепа, где уже сидели четверо других бедолаг. Он сказал, что у Эсме очень трогательный вид, такая маленькая и сонная — притомилась, наверное, бедняжка, а еще он сказал, что едет прямо до этих лагерей и при удаче они будут там уже к утру.

Так что, если разобраться, она за себя заплатила.

Лагерь «Оберон»^[11] насквозь пропитался вонью через край переполненных сортиров и грошовым волшебством; первая автоматически порождала настоящую потребность в последнем. Хлипкие, как листки папиросной бумаги, заклинания были кое-как наложены на двери едва ли не каждой палатки, так что, пробираясь между рядами брезентовых обиталищ по немощным проходам (ну и грязь же здесь будет, если хлынет дождь), Вилл попеременно улавливал запахи то шиповника, то пчелиного воска, то корицы или мокрых дубовых листьев, ощущал на лице холодные брызги водопада, слышал далекие, едва различимые звуки эльфийской музыки. Ничто из этого не было реальным или хотя бы достаточно убедительным и все же хоть немного отвлекало от беспросветно унылой окружающей обстановки. Жалкие, плохо ухоженные клумбы, успевшие появиться рядом с теми палатками, что постарше, были обложены бордюрами из выбеленных известкой булыжников.

Лагерь располагался рядом с Эльфвайном на высоком, продуваемом всеми ветрами плато. Его обвод хоть изредка, но патрулировался, а вот ограды не было вовсе — ну куда им отсюда идти? Три раза в день «канарейки»-охранники в желтых куртках разводили своих подопечных по огромным шатровым палаткам, приспособленным под столовые. В промежутках между кормежками старики коротали время, без конца рассказывая друг другу о прошлой жизни и о родных, навсегда ушедших деревнях. В отличие от них те, что помладше, рассуждали о серьезных делах и о политике.

— Они отправят всех нас на восток, в самое брюхо зверя, — просвещал своих слушателей некий многознающий кобольд. — В самое сердце этой злобной и жестокой, без царя живущей империи, в пресловутую Башню Шлюх. Там каждый из нас получит временный паспорт, пятьдесят долларов, ваучер на месячную оплату жилья и сапогом под задницу за то, что ввел их в такие расходы.

— Не пожги они, на хрен, наши долбанные халупы, не нужно бы было никаких этих, на хрен, расходов, — прорычал коренастый карлик. — Ну и какой же тут, на хрен, смысл?

— Это у них политика такая. Чем оставлять у своих границ орды голодных, бездомных врагов, они поглощают их и стараются переварить. К тому времени, как упорный труд и деловая смекалка помогут нам почувствовать почву под ногами, мы позабудем о былой вражде и станем здесь нормальными законопослушными гражданами.

— И это что же, так оно и получается? — усомнился Вилл.

— Пока что не очень. — Кобольд встал, расстегнул дверь палатки и, не выходя наружу, блаженно помочился. — Пока это только превратило их в самый вздорный и плохо управляемый народ из всех когда-либо существовавших. И то, что они послали сюда войска, желая разрешить все наши проблемы, тоже, без всяких сомнений, как-нибудь с этим связано, только вот я, хоть убейте, не знаю — как именно.

Он повернулся лицом внутрь палатки и застегнул ширинку.

— Все это пустое сотрясание воздуха, — сказал чей-то голос. — А главный вопрос в том, что же нам следует *делать*.

Из дальних глубин палатки, где мрак купался во мраке, зыбкое, едва различимое мерцание, бывшее жутенем, вставило свое слово:

— Из длинной проволоки, небольшой связки спичек и куска наждачной бумаги получается прекрасный взрыватель для кофейной банки, набитой черным порохом и мелкими гвоздями. Щепотка мелко порубленных тигриных усов, подсыпанная в пищу, вызовет сильное желудочное кровотечение. Если привязать прядь волос к жабе-альбиносу и закопать в полночь на глухом перекрестке, произнеся нужные заклинания, намеченная жертва будет обречена на долгую, мучительную смерть. Попросите меня хорошенько — и я преподам патриотически настроенным гражданам как упомянутые мною искусства, так и многие, им подобные.

Наступило неловкое молчание, кое-кто из присутствующих встал и вышел из палатки. Вилл последовал за ними.

Один из вышедших, тот самый карлик, достал из кармана пачку сигарет. Снабдив одной из них Вилла, он сунул другую себе в рот.

— Как я могу догадаться, ты тоже не из долбанных патриотов.

— Да тут, в общем-то... — Вилл пожал плечами. — Я просто спросил себя: будь этот лагерь под моим управлением, не захотелось бы мне посадить в такую вот группу своего информатора?

Карлик негодуяюще фыркнул. Рыжий, со смуглым лицом, он явно принадлежал к так называемым «ржавым» карликам.

— Ты подозреваешь нашего любимого коменданта в применении неэтичных методов? Услышь такое сам Безногий, он бы от обиды нажрался в хлам.

— Я просто думаю, что кто-то у него здесь есть.

— Ха! В этой палатке нас было десять. По моему личному опыту это значит, что стукачей не меньшей мере двое. Один за деньги, а другой потому, что вот такое он говно.

— Ты циник.

— Я отбарабанил срок. И теперь, выйдя на свободу, я по возможности стараюсь не распускать сопли и все время держать топор под рукой, сечешь? Ну пока, еще увидимся.

Он повернулся и пошел прочь.

Вилл тут же бросил сигарету на землю — первая в его жизни, она должна была, по его глубокому убеждению, остаться и последней — и отправился на поиски Эсме.

Эсме вписалась в лагерь для перемещенных лиц не только легко, но и с полным восторгом. Она с ходу становилась вожакom любой детской компании, ее обожали все взрослые, с ней любили играть все старушки. Она часами пела песни лежащим пациентам лазарета и играла в любительских спектаклях. Посторонние несли ей свои старые кимоно, расклешенные брюки и юбки с фижмами, чтобы забавной малютке было во что вырядиться на маскарад, и решительно пресекали каждую ее попытку прогуляться по дороге, проходившей в опасной близости от Провала. Она свободно могла себя прокормить — конфетка здесь, кусочек там, — просто бегая вприпрыжку от палатки к палатке и бесцеремонно любопытствуя, чем это заняты ее обитатели. Вилл знал, что за ней постоянно приглядывают десятки любящих глаз, и это сильно упрощало ему жизнь. Теперь же половинка разломанного шиллинга, постоянно лежавшая у него в кармане, вела его прямо к своей сестричке, безжалостно продырявленной, чтобы продеть тесемку, и висевшей у Эсме на шее.

Эта красотка играла с дохлой крысой. Эсме где-то раздобыла фельдшерский рябиновый жезл, все еще хранивший остатки

живительной энергии, и теперь пыталась вернуть крысу к жизни. Уставив жезл на крошечный трупик, она победительно возгласила:

— Восстань! Живи!

Лапки крысы судорожно дернулись и зацарапали землю. Яблочный имп, стоявший по другую сторону крысы, разинул от удивления рот.

— Как ты это сделала?

Глаза у него были большие, как блюдца.

— Я предприняла, — начала Эсме, — оживление архипаллиума, он же рептильный мозг. Архипаллиум является древнейшей, примитивнейшей частью центральной нервной системы и контролирует мускулы равновесия и функции вегетативной нервной системы. — Она выписала жезлом над крысиной головой замысловатую кривую. Судорожными рывками, как марионетка, управляемая неопытным кукловодом, крыса поднялась на ноги. — Теперь тепло достигло ее палеопаллиума, который отвечает за инстинкты и эмоции, за драки, за бегство от опасности и сексуальное поведение. Заметьте, что крыса физически возбуждена. Далее я получу доступ к миндалевидной железе, ее центру страха. Это даст...

— Эсме, брось ее сейчас же! — тревожно вмешался чей-то голос. Женский. — Ты же не знаешь, откуда она взялась и где была раньше. У нее могут быть микробы.

Девочка расплылась в улыбке, крыса упала и больше не шевелилась.

— Мама, мама!

Из дверей своей палатки озабоченно хмурилась Матушка Григ.

В лагере было нечто вроде округов, образованных более-менее в соответствии с прежним местом жизни беженцев, поселившихся в них; у администрации лагеря возникали когда-то планы искусственно упорядочить его социальную жизнь, но планы эти она давно позабросила. Вилл и Эсме жили в квартале «Ж», куда попадали все те, кто был вроде и не к месту в прочих кварталах, — изгои, нелюдимы и те, у кого, как и у них самих, не было здесь единоплеменников. Как-то так вышло, что Матушка Григ стала тут чем-то вроде мэра: сурово отчитывала лентяев, хвалила трудолюбивых и была неиссякаемым источником все новых и новых

планов по обустройству отведенного им участка. Через два дня на третий она вершила суд, куда просители приходили с мелкими склоками и жалобами, разбираться в которых комендант считал ниже своего достоинства.

Теперь же она повелительно махнула дубовой палкой, помогавшей ей при ходьбе:

— Иди сюда. Нам надо кое-что обсудить, — и добавила, обращаясь к Виллу: — И ты, внучек, тоже.

— Я?

— Что, с соображением слабовато? Да, ты.

Вилл последовал за ней.

Войдя в зеленый полумрак палатки, Вилл с удивлением увидел, что изнутри та гораздо больше, чем выглядела снаружи. Сперва ему показалось, что опорных кольев невероятно много, но потом, когда глаза попривыкли, стало видно, что это не колья, а стволы деревьев. Мимо пропорхнула птица, другие птицы чирикали где-то в кустах. Высоко над головой висело что-то, что никак уж не могло быть луной.

Утоптанная тропка вывела их на прогалину.

— Садись. — Матушка Григ села сама и взяла Эсме себе на колени. — Ты когда последний раз расчесывала волосы? Сплошные колтуны, ужас какой-то.

— Я не помню.

— Так, значит, это ты отец Эсме? — Матушка Григ критически оглядела Вилла. — Немного помладше, чем можно бы ожидать.

— В общем-то, я ее брат. Эсме вечно все путает.

— Уж это точно, от этой паршивки никогда не дождешься прямого ответа. — Она достала из сумочки гребенку и принялась безжалостно драть лохмы Эсме. — Не ерзай, не так уж это и больно. А сколько ей лет? — Матушка Григ вскинула на Вилла внимательные голубые глаза, будто видевшие его насквозь. И добавила, когда он замялся: — Она старше тебя?

— Она... не знаю, может быть.

— А-а, значит, я не ошиблась.

Матушка Григ низко опустила голову, деревья задрожали и немного расплылись, воздух наполнился запахом горячего брезента. На мгновение показалось, что они сидят в такой же, как остальные, палатке с деревянным полом и шестью койками, возле каждой из которых стоит тумбочка. Затем лес вернулся. Матушка Григ взглянула на Вилла, по ее щекам катились слезы.

— И никакой ты ей не брат. А теперь расскажи, как ты с ней встретился.

Слушая Вилла, Матушка Григ промокала слезы бумажным носовым платком.

— А теперь послушай меня ты, — сказала она, когда рассказ был закончен.

У нее на коленях Эсме опрокинулась на спину и беспечно улыбалась, старушка гладила ее по щеке.

— Я родилась в Гробосвечной Пустоши, деревне ничем не примечательной, кроме того, что на ней лежало проклятье. Или мне так просто казалось, потому что все там шло пропадом. Отец мой умер, а мать куда-то сбежала, когда я была еще совсем крошечной. Так что растили меня «всем миром», как у нас говорят. Меня передавали из дома в дом, сквозь нескончаемый строй недолгих сестричек, братьев, мучителей, защитников и друзей. Когда я подросла, кто-то из них стал мужем или любовником, и они тоже были недолгими. Все текло, просыпалось сквозь пальцы: предприятия лопались, трубы тоже, кредиторы забирали мебель. Моей единственной надеждой были мои дети. Какими милыми они были, какими хорошими! Я любила их каждой долькой своего существа. Ну и как же, ты думаешь, они мне отплатили?

— Я не знаю.

— Эти маленькие ублюдки выросли. Выросли, повыходили замуж и переженились — и все разъехались. А поскольку их отцы, все пятеро, ушли на болота и сгинули — но это другая история, и вряд ли ты ее когда-нибудь услышишь, — я снова осталась одна, слишком старая, чтобы родить еще одного ребенка, хотя и очень его хотела... Я была настолько глупа, что купила черного козла, позолотила ему рога и глубокой ночью завела его в трясинистые дебри, к омуту, где часто топились. Ровно в полночь я столкнула козла в этот омут и держала его под водой, пока он не затих; так

genius loci^[12] принял мою жертву, и я молила этого всемогущего духа даровать мне одного-единственного ребенка. В страстном своем желании я подняла такой отчаянный вой, что сбежал бы в страхе и саблезубый волк. — Матушка Григ на секунду замолкла. — Слушай внимательно юноша, потом может быть проверка.

— Я все время слушаю внимательно.

— Ну и прекрасно. С первыми лучами встающего солнца тростники зашуршали, и на поляну вышла очаровательная девочка — вот эта самая девочка. — Она пощекотала Эсме, та с хохотом отбивалась, — Она не знала, кто она и откуда, и начисто забыла свое имя, что случилось с ней, можно не сомневаться, далеко не первый раз, так что я назвала ее Ирия. Ты помнишь хоть что-нибудь из этого, малышка?

— Я не помню ничего, — сказала Эсме. — Ничего и никогда. Поэтому мне всегда весело.

— Она продала свою память не кому иному, как...

— Тихо, — оборвала его Матушка Григ. — Я же говорила, что ты не слишком умен. Никогда не поминай никого из Семерых, если ты не под открытым небом. — Она снова принялась орудовать гребенкой. — Она была точно такая же, как сейчас, каждый восход был первым в ее жизни, каждый вечер радовал ее неожиданным появлением луны. В ней было для меня все, весь мир.

— Так, значит, она ваша, — подытожил Вилл и почувствовал неожиданный укол сожаления.

— Да ты взгляни на меня повнимательнее, я же умру не сегодня-завтра. Нет, так просто тебе от нее не отделаться. Так на чем же я остановилась? Ах да. Десять или двадцать лет я была безмерно счастлива. Ведь чего другого может желать мамаша? Но постепенно соседи начали роптать. Им все время не везло. Коровы переставали доиться, в подвалах выступала вода, один неурожай шел за другим, расплодилось невиданное множество мышей. Сыновей забирали в армию, незамужние дочери брюхатели, их папаши валились в подвал и ломали ноги. У холодильников отказывали насосы, а запасных частей, чтобы их починить, нигде уже не было — старая марка. Как-то ночью все пугала в деревне разом вспыхнули и сгорели. И подозрения добрых соседешек сошлись на моем ребенке. Поэтому они сожгли мой дом и прогнали меня из Гробосвечной Пустоши,

одну-одинешеньку, без гроша в кармане и без какой-нибудь надежды на пристанище. Ирия со всегдашним ее везением тем самым утром ушла на болото и так пропустила свое собственное линчевание. И я никогда ее больше не видела — до, как теперь оказывается, этих последних дней.

— Наверное, у вас было разбито сердце.

— До чего же тонко ты подмечаешь очевидные вещи. Но в кузнице бед куется мудрость, через боль и страдание я постепенно осознала, что эта утрата совсем не проклятие, павшее на меня и мою деревню, а просто так устроен мир. Ну и быть по сему. Будь весь мир в моей власти, единственное, что я бы в нем изменила, — это вернула бы Эсме-Ирии утраченную ею память.

— Я не хочу, — надула губки Эсме.

— Дурочка. Если ты ничего не помнишь, ничему и не научишься. Ну, может быть, как потрошить рыбу или работать с газовым хроматографом, но уж никак не вещам действительно *важным*. Когда за тобою придет смерть, она задаст тебе три вопроса, и ни один из них не будет никоим образом связан ни с рыбьими кишками, ни со временем задержки образца.

— Я никогда не умру.

— Никогда, моя милая, — это очень долго. Когда-нибудь завершится древняя война между Океаном и Сушей и Луна вернется в утробу своей матери. Так что же, ты и это переживешь? — Матушка Григ взяла свою сумочку и начала в ней копаться. — Конечно, если ты и вправду никогда не умрешь, эта твоя блаженная забывчивость просто незаменима. — Она принялась обшаривать сумку по второму разу. — Только никто ведь не живет вечно, и ты не будешь. — Ее рука извлекла из сумочки какой-то маленький предмет. — Видишь это кольцо? Его сделал мне Гинарр Гномсбастард в благодарность за некую услугу. Ты можешь прочитать надпись, которая на нем внутри?

Эсме откинула с лица прядь волос и прищурилась.

— Могу, только я не знаю, что это значит.

— *Memento mori*. Это обозначает «не забудь умереть»^[13]. Это один из пунктов перечня того, что ты должен сделать, и если ты этого еще не сделал, твоя жизнь была неполна. Надень это кольцо себе на

палец. Я прошептала над ним свое имя, когда серебро еще не застыло. Носи его постоянно, и когда я умру, что бы другое ты ни забывала, меня ты будешь помнить.

— А оно не заставит меня взрослеть?

— Нет, маленькая. Это можешь сделать только ты сама.

— Оно не золотое, — критически отметила Эсме.

— Нет, это серебро. Серебро — самый колдовской металл, оно принимает заклинания куда легче, чем золото, да и удерживает их лучше. Оно проводит электричество почти так же хорошо, как золото, а так как точка плавления у него выше, оно применяется в электронике гораздо шире. Да к тому же оно и дешевле.

— Я умею ремонтировать электронику.

— Уж в этом-то я не сомневаюсь. Ладно, кончаю тебя мучить. Иди играй. — Она шлепнула девочку по заднику и проследила взглядом, как та убегает. А потом повернулась к Виллу. — Твои руки кровоточат от бесчисленных ран.

Вилл недоуменно посмотрел на свои руки.

— Это метафора, идиот. Раны — это твои воспоминания, а кровь — это боль, причиняемая ими тебе. Вы с этой девочкой подобны Бенжамену и Молли Делл^[14]. Она все забывает, а ты все помнишь. И то и другое ненормально. И неразумно. Ты, юноша, должен научиться более легкому отношению к жизни, а то ведь эти метафорические кровопускания доведут тебя до самой настоящей смерти.

Ехидный ответ прямо крутился у Вилла на кончике языка, но он постарался его проглотить. Ему не раз доводилось иметь дело с такими старухами, и споры никогда ничему не помогали. И если уж хочется сказать: шла бы ты, мол, подальше, лучше сделать это со всем возможным тактом.

— Спасибо за совет, — выдавил он из себя и встал. — А теперь мне нужно идти, дела еще всякие.

Хотя тропинка была вроде довольно длинная, три не слишком размашистых шага вынесли его наружу. После полумрака палатки солнечный свет показался ему нестерпимо резким, заставил зажмуриться. Двое канареечных схватили его за руки.

— Мусорный наряд, — сказал один из них.

Вилла уже раз отправляли на такую работу; и в мыслях не имея сопротивляться, он прошел вместе с ними к служебному фургончику. Фургончик протарахтел через сектор «Ж», выехал из лагеря, а когда палатки почти уже исчезли вдали, притормозил и замер. Совершенно неожиданно один из солдат надернул ему на голову кожаный мешок, а другой с привычной ловкостью опоясал его веревкой, так что руки оказались прижатыми к телу.

— Эй, что это вы?

— Не вырывайся, а то придется сделать тебе больно.

Машина дернулась, клацнула передачей и стала набирать скорость. Вскоре появилось ощущение, что она взбирается по не слишком крутому склону. В ближних окрестностях лагеря «Оберон» был один-единственный холм, довольно плюгавый, с лысой верхушкой, где стоял старинный особняк, реквизированный комендантом под свою контору. Машина остановилась; так ничего и не видевшего Вилла тычками провели по каким-то коридорам, где пахло вроде как кошками, но больше всего рептилиями, словно в этом доме кишмя кишели жабы.

Осторожный стук костяшек пальцев по дереву.

— Перемещенное лицо, за которым вы посылали, господин комендант.

— Введите его и подождите снаружи.

Вилла протолкнули вперед, мешок развязали и стянули с его головы. Дверь за спиной закрылась. На коменданте были неформенная, с короткими рукавами рубашка цвета хаки и галстук ей в тон. И никаких знаков различия. А голова зеркально лысая и в крапинку, как перепелиное яйцо. Крепкие, поросшие жестким волосом руки покоились на столе. Непринужденно, словно так и полагается, комендант сунул руку в салатницу сдохлыми крысами, подцепил одну из них за хвост, отправил в рот и проглотил. Вилл вспомнил, с какой игрушкой играла сегодня Эсме, и с трудом подавил желание рассмеяться.

Смеяться было бы весьма неразумно. Мимика коменданта, его движения, а в первую руку надменность, с какой он себя держал, рассказали Виллу абсолютно все, что стоило знать об этом типе. Это

была пародия на сильную личность, любитель всеми помыкать, возомнивший себя диктатором, дракон Ваалфазар в карманном исполнении. По спине Вилла пробежал нервный холодок. Жестокость плюс власть, пусть даже и мелкая, — это очень опасная смесь.

Комендант взял со стола какую-то папку и бегло ее пролистал.

— Донесение из ЛПЛ «Лесной царь», — пояснил он Виллу. — Это туда попало население твоей деревни.

— Правда?

— Они отзываются о тебе не больно-то лестно. В частности, — он начал читать из папки, — незаконный захват частной собственности. Шантаж. Сексуальные домогательства. Принудительный труд. Поджоги. Еще тут говорится, что ты приговорил одного из граждан к смертной казни и привел эту казнь в исполнение — Комендант уронил папку на стол. — Вряд ли ты стал бы там всеобщим любимцем, реши я тебя перевести.

— Переводите, если вам хочется. Я тут совершенно бессилен.

— Смело, очень смело, — нехорошо улыбнулся комендант. — Особенно для того, кто полчаса назад участвовал в сборище подрывных элементов. Ты ведь не знал, что у меня было там свое ухо?

— Не ухо, а два. Жутень и карлик.

Несколько секунд комендант молчал и только втягивал воздух через зубы. Затем он поднялся из-за стола, оказавшись очень высоким, почти коснувшись головой потолка. От пояса вниз тело у него было змеиное.

Он медленно, угрожающе заскользил вперед. Вилл не вздрогнул и не издал ни звука, даже когда лапками ^[15] окружил его петлями своего тела.

— Ты понимаешь, чего я от тебя хочу?

Да, думал Вилл, я понимаю, чего ты хочешь. Ты хочешь вставить внутрь меня руку и управлять мной, как тряпичной куклой. Чтобы я прыгал и плясал по малейшему движению твоего пальца.

— Я был уже раз коллаборационистом, и это оказалось большой ошибкой, — сказал он вслух. — Мне не хочется ее повторять.

— Тогда ты выйдешь отсюда через главную дверь и без всяких мешков на голове. Ну и сколько же ты потом проживешь? Потом, когда все узнают, что ты со мною подружился?

Вилл устоял на свои ноги и упрямо помотал головой. Комендант проскользил к двери и открыл ее. Там замерли в ожидании двое канареечных, молчаливых как волкодавы.

— Постой там, в вестибюле, и получше все обдумай. Когда что-нибудь надумаешь, стучись, да посильнее, эта штука из красного дерева и в дюйм толщиной. А в общем-то, — нехорошо улыбнулся ламий, — ты всегда можешь выйти через главную дверь.

В грязноватом, с чуть не до дыр протертым линолеумным полом вестибюле не было никакой мебели, кроме того самого стола и хлипкого канцелярского столика, на котором лежали тощенькие стопки медицинских брошюр по хламидиозу, СПИДу, сглазу и диарее. Слева и справа от двери были высокие, с рифлеными стеклами окна, через них в вестибюль пробивались косые пучки солнечного света. Справа от двери было два выключателя, для внутреннего и внешнего освещения, но когда Вилл попытался это освещение выключить, выключатели звонко щелкнули — и этим все ограничилось. Работа на коменданта исключена, уж в этом-то не было никаких сомнений. Но точно так же он не хотел получить клеймо стукача и уповать потом на сомнительную милость собратьев по несчастью. Ему не раз приходилось наблюдать, как поступает эта бдительная публика с теми, кого они заподозрили не то что в доносительстве — в недостатке солидарности. Вилл мерил вестибюль шагами — туда и назад, туда и назад, — лихорадочно перебирая немногие варианты действий, пока не остановился на одном из них. Именно на нем, потому что других просто не было.

Положив ладони на полированную крышку массивного, невесть когда сработанного стола и стараясь держать распрямленные руки под прямым углом к телу, Вилл попятился как можно дальше. Он не был так уж уверен, что наберется духа исполнить задуманное.

Взглянув на свое отражение в блестящей, как зеркало, крышке стола, он зажмурился и набрал в легкие побольше воздуха.

А затем одним резким движением, словно подрубая под собой опору, убрал руки за спину и крепко их там сцепил. Противу всяких

его намерений голова крутанулась на сторону, тщетно пытаясь защитить ни в чем не повинный нос. И тут же лицо ощутило сильный безжалостный удар.

— Кернунн!^[16]

Держась рукою за сломанный нос, Вилл кое-как поднялся на ноги, кровь обильно струилась между его пальцами и стекала вниз на рубашку. словно пожар в сухостойном лесу, в нем мгновенно вспыхнула ярость, и потребовалась секунда-другая, чтобы надежно ее смирить.

Он покинул комендантское логово через главную дверь.

Вилл медленно брел по сектору «А»; его кровью пропитанная рубашка была сейчас гордым символом на манер государственного флага или клубного шарфа какой-нибудь байкерской шайки. К тому времени, как он дошел до лазарета, по лагерю лесным пожаром пронесся слух, что его жестоко избили «канареечники». Сестричка остановила ему кровотечение, а он ей объяснил, что поскользнулся и сломал нос о край стола. После этого он мог бы баллотироваться в президенты лагеря, существуй такая должность в природе, и выиграл бы выборы под всеобщие рукоплескания. На всем долгом пути домой каждый встречный считал своим долгом хлопнуть его по спине, многозначительно ткнуть локтем в бок или заговорщицки ему подмигнуть. Кто-то шепотом сулил «им» скорое неминуемое возмездие, кто-то бормотал в «их» адрес непристойные проклятья. Неожиданно оказалось, что союзники нравятся ему ничуть не больше врагов.

Такое поневоле вгоняло в тоску. Огромная безысходная тоска выгнала его из палатки и повела на околицу лагеря, по железнодорожному переезду и со склона вниз, короткой тупиковой дорогой, упиравшейся в Горло. Лагерь был совсем рядом, однако отсюда палатки не просматривались, и редко кто сюда забегал. Одним словом, это было прекрасное место для уединения, и Вилл давно это знал.

Горло имело в длину чуть более полумили — от верхнего бьефа плотины гидростанции до водопада, после которого Эльфвайн вырывался на простор и, ничем уже не стесненный, нес свои воды на юг, чтобы влить их в Большую реку. Ущелье, пробитое им в скальной

основе, было таким прямым и узким, что обрывы на обоих берегах были почти отвесными, а внизу неудержимо стремился белый от пены поток; он ревел, как обуянный сотнями бесов, и, гордясь своей мощностью, в щепки дробил толстые бревна и катил, словно мячики, огромные валуны. Любой, кто попытался бы спуститься здесь с обрыва, неминуемо упал бы. Но если хорошенько разбежаться и изо всех сил оттолкнуться ногами от края, очень даже можно не зацепиться за скалы и упасть прямо в воду. И тогда он обязательно умрет. Ни один, кто взглянул бы сейчас вниз, на эту бушующую ярость, не стал бы утверждать обратного.

Зрелище завораживало, не позволяло оторвать от него взгляд: скала, поток, скала. Твердое, взвихренное, твердое. Ни одно дерево, ни один цветок или кустик не нарушали совершенства его безжизненности. Вода казалась на взгляд холодной, бесконечно холодной.

— Не надо, парнишка.

Вилл резко обернулся. В нескольких шагах от него стоял тот самый карлик, стоял настолько спокойно, что почти сливался с окружающими камнями, и Вилл никогда бы его не заметил, не начни он говорить.

— Чего не надо?

— Ну да, ты вроде как и в мыслях не имел туда прыгнуть. — В руке у карлика была пачка сигарет, открытая с уголка; постучав ее по донцу так, что вылезли две сигареты, он сунул одну из них в рот, а пачку с высунутой второй протянул Виллу. Вилл взял сигарету. — И я не имел. — Чуть прищурившись, он посмотрел вниз. — Ты посмотри на эту вгрызлую долбаную маслобойку! И поразмысли обо всем том времени, которое потребовалось, чтобы прорезать такую вот щель, не имея другого ножа, кроме воды. И тогда вся твоя жизнь покажется коротенькой, как дристнуть поносом, ведь правда же?

Вилл должен был согласиться, что так оно и есть.

— Видишь на скалах эти полоски? Эти слои, по-ученому страты? Каждый слой — это одна из нот, прозвучавших при долбаном начале времен, когда Мать Тьмы своим пением призвала мир к бытию. Ты бывал когда-нибудь в нашем Дварфенхейме?

Вилл молча помотал головой.

— Вот уж где долбаное полицейское государство. У Ассая шпионы под каждой кроватью. Даже отлить спокойно нельзя, обязательно кто-то подсматривает. Ты можешь быть последним мелким говном из последней сраной жопы, и все равно у них есть на тебя досье. Как же они такое могут? Да очень просто. Они вербуют всех и каждого, без никаких долбанных исключений. Тебя вызывают в штаб-квартиру Ассая, и этот долбанный бюрократ читает тебе вслух самые сочные кусочки из твоего собственного досье. Необязательно, чтобы много, но достаточно, чтобы ты ясно увидел: на горизонте маячит полный пиздец. И тогда, когда ты совсем уже готов обосраться, он говорит, с милой такой улыбкой, что им нужен кто-нибудь, кто приглядывал бы за твоими друзьями и родными. — Карлик яростно сплюнул. — Ты удивишься, какие вещи они могут заставить тебя сделать.

— А может, и нет, — сказал Вилл. — Может, я совсем и не удивлюсь.

— А как тебя звать, парнишка?

— Вилл ле Фей.

— Хорнбори Монаднок. — Карлик протянул Виллу руку для пожатия. — Рад с тобою, жопа, познакомиться.

— Послушай, — устало сказал Вилл, — ты, Монаднок, отличный вроде бы парень, но у меня сегодня выдался очень трудный день. И нос болит не утихая, и подумать нужно о многом. Так что, если ты не против...

— Не жми на слезу, я должен рассказать тебе нечто важное. Но сперва мне обязательно нужно заставить тебя понять, что я мужик не совсем уж пропащий. Конечно, не без некоторых шероховатостей, но кой же хрен, у кого их нет. — Он положил руку Виллу на плечо. — Ты только чего не подумай, никого я, на хрен, не убил.

— Я послушаю, — сказал Вилл, стряхивая руку карлика. — Только не нужно меня лапать, ладно?

— Сказано с достоинством раздолбучего джентльмена. Слышал досужую басню, что, если раскроить карлику череп, в самой глубине его мозга найдешь бесценную жемчужину? Это и правда, и нет. В царстве мертвых несть числа раздолбаям, самоуверенно решившим, что какой-нибудь там сраный карлик будет для них очень легкой добычей. А если бы и так, никаких драгоценностей они бы не нашли.

Но *метафорически* это верно. Каждый из нас носит здесь, в своей репе, распробесценную жемчужину. Только толку нам самим от этого чуть. Не пройдет и суток, как я сдохну.

— Что?

— Какой-то говнюк меня заложил. Генералиссимус Гадюкко махался языком, что надежно меня защитит. Хрен там он чего защитит. Сколько бы он ни командовал днем, ночь принадлежит сопротивленцам. Счастье еще будет, если они не наденут мне «ожерелье». Ты ведь знаешь, что это такое? Они мочат покрывку в бензине, надевают тебе на шею и чиркают зажигалкой.

— Послушай, — встревожился Вилл, — ты же спокойненько можешь сбежать. Наружные патрули — это чистый смех. Я сбегаю в палатку и принесу тебе и еду на первое время, и все, что нужно. Бритву принесу. Сбрей бороду, а если вдруг где-нибудь схватят, просто назови им другое имя. Ты уж извини меня, но для нас все ваше племя на одно лицо.

— Поздно, парнишка, слишком поздно. А эта жемчужина, о которой я говорил? У каждого карлика есть одно истинное пророчество, которое он может сделать в день своей смерти. И я давно уже чувствую, как мое рвется наружу. Как правило, мы берегаем эту в глаз долбаную драгоценность для своих единоплеменников. Только в «Обероне» карликов раз, два — и обчелся, и все это такие, что, загорись у них волоса, я и поссать бы на них побрезговал. Вот и думаю отдать этот трижды долбаный и достойный королей дар тебе.

— Не понимаю. Почему именно мне?

— Потому что ты здесь, под рукой. А теперь кончай свои долбанные вопросы и слушай.

Монаднок встряхнул свои руки так, что они повисли плетями, и глубоко вздохнул. По его телу пробежала дрожь, а затем он затрясся как припадочный. Его глаза закатились, так что были видны только белки. Высоким, полузадушенным голосом он не то проговорил, не то пропел (а в голове Вилла одновременно звучали слова перевода):

<i>Sol tersortna,</i>	(Солнце померкло,
<i>sigrfold i mar,</i>	земля тонет в море,
<i>hverfaafhimni</i>	срываются с неба

<i>heidar stior nor.</i>	светлые звезды,
<i>Geisareimi</i>	пламя бушует
<i>Vidaldrnara,</i>	питателя жизни,
<i>Leikrharhiti</i>	жар нестерпимый
<i>Vidhimin sialfan.</i>	до неба доходит.) ^[17]

Затем карлик двумя руками схватил Вилла за ворот и резко дернул, так что теперь их головы были на одном уровне. С глазами устрашающе пустыми и белыми, он правой широченной ладонью схватил Вилла за лоб и сжал.

Его словно ударило молнией, весь мир вспыхнул раскаленной бездной. Долго, очень долго он недвижно стоял на холодной безжизненной равнине под беззвездным небом. Камень, камень, везде рваный камень. И никаких признаков жизни. Сквозь его несуществующее тело струилась радиация.

Вилл совершенно не понимал, что значит это видение. Однако он знал, знал с той же самой беспричинной уверенностью, какая бывает во сне, что все это правда, а может быть, даже его судьба. И уж совсем не подлежало сомнению, что это — ключевой, наиважнейший момент его жизни. А все остальное, что было и будет, не более чем примечания к нынешнему моменту.

Карлик откинул Вилла в сторону, словно тряпичную куклу, и зашелся неудержимой рвотой.

К тому времени, как Вилл пришел в себя и кое-как поднялся на ноги, Монаднок уже закуривал новую сигарету. Потом он подошел к краю обрыва. Снизу, от Горла, капризными порывами дул ветерок.

— Ну теперь-то я, пожалуй, заслуживаю хоть немного долбучего уединения, или тебе так не кажется?

— Что это было? Эти слова — что они значат?

— Слова эти из «Мотсогнисраги»^[18], текста настолько священного для всего нашего племени, что его никогда не видел и не увидит никто из вас, верховых. Так что все это вышло не по делу. А что значит это видение, узнавай, пожалуйста, сам, мне же это ровно по хрену. А теперь, мудила хренов, чеши-ка ты отсюда, мне нужно

кое-что сделать.

— Последний вопрос. Это что, видение чего-то такого, что может случиться? Или что непременно случится?

— Уйди!

Растерянно и задумчиво Вилл побрел к лагерю. В самой верхней точке подъема, где после переезда дорога начинала идти под уклон, а Горло совершенно исчезало из виду, страшная догадка заставила его помедлить и обернуться.

Но карлик уже исчез.

Матушка Грит скончалась полмесяца спустя, смерть ее последовала не от какой-нибудь запущенной болезни или случайно подхваченной заразы, а как заключительный, давно ожидаемый удар проклятия, павшего на нее еще в раннем, давно позабытом детстве. Маленькой девочкой она заблудилась в лесу и случайно вышла на лужайку, где Белые Дамы танцевали свой предрассветный танец, и так увидела то, что не должен видеть ни один непосвященный. В запальчивости и гневe Белые Дамы возгласили ей смерть при звуке... «третьего вороньего карканья, какой она услышит», собирались они сказать, но в самый последний момент, запоздало осознав ее молодость и невинность побуждений, не запятнанных никакими злыми намерениями, одна из них смягчила приговор до миллион первого карканья. С этого момента каждая пролетающая ворона на какой-то волосок приближала Матушку Грит к смерти.

Матушка Грит успела поведать Виллу эту историю, а потому, когда пришло исполнение предреченного, он понимал, в чем тут дело. В то утро она сидела перед палаткой на скамеечке, грелась на солнце и неспешно чесала шерсть, а когда мимо проходил Вилл, попросила его помочь ей. В какой-то момент Матушка Грит неожиданно улыбнулась, отложила работу в сторону и взглянула на небо.

— Карр! — сказала она. — Вот уж действительно знакомый звук. Чернокрылые Правнуки Коррина прилетели сюда и...

Умершая на середине фразы, она мягко упала на бок.

А Эсме играла в палатке, сооружая из глины и камешков запруды на крошечном ручейке, блуждавшем в чаще воспоминаний Матушки Грит об утраченных лесах ее детства. В этот самый момент она

взвыла так горько, словно сердце у нее разбилось.

Сперва Вилл решил, что она расстроена потерей своей игровой площадки, которая, как он прекрасно понимал, никак не могла пережить свою создательницу, а потому не стал подходить к ней, пока местные старики, набежавшие из своих палаток, не оттеснили его от тела Матушки Грит, после чего у него и дел-то особых не осталось, кроме как пойти в палатку и заняться Эсме.

Но та была безутешна.

— Она умерла, — всхлипывала Эсме, лежа у Вилла на руках. — Грит умерла.

Все попытки Вилла укачать ее, успокоить ни к чему не приводили.

— Я помню ее! — настаивала девочка. — Теперь уже помню.

— Это хорошо. — Вилл отчаянно подыскивал верные слова. — Это всегда хорошо помнить людей, для тебя дорогих. Но не нужно так уж сильно расстраиваться — она прожила долгую, плодотворную жизнь.

— Нет! — отчаянно вскрикнула Эсме. — Ты ничего, ничегошеньки не понимаешь. Грит была моей дочкой.

— Что?

— Она была моя сладкая, моя младшенькая, мой свет в окошке. О, моя маленькая Гритхен! Она принесла мне в своем маленьком кулачке пучок одуванчиков. Проклятая память! Проклятая ответственность! Проклятое время! — Эсме сорвала с пальца серебряное колечко и яростно его отшвырнула. — Теперь я помню главную причину, почему я продала свой возраст.

Обитатели сектора «Ж» почтили смерть Матушки Грит традиционными ритуалами. На лбу у нее вырезали три священные руны. Затем вспороли ей живот, чтобы прочесть и истолковать ее внутренности. За неимением положенного тура принесли в жертву бродячую собаку. Затем возложили тело на помост и поставили помост на подпорки из длинных шестов, чтобы приманить священных пожирателей, стервятников. Санитарные инспекторы лагеря попытались было убрать это вопиющее безобразие, последовал спор, быстро переросший в мятеж, который захлестнул весь лагерь и бушевал трое суток.

А завершился он тем, что всех их загрузили в вагоны и увезли из лагеря. В далекую Вавилонию, объяснили социальные работники, в Малую Фейри^[19], где они будут строить для себя новую жизнь. Только никто им не верил. Все, что лагерники знали про Вавилонию, — это что улицы ее столицы сплошь вымощены золотом, а зиккураты касаются неба. Но в одном они были точно уверены: в месте вроде этого никто из деревенских никогда не сумеет толком устроиться. Не было даже уверенности, что они вообще там выживут. А потому они торжественно поклялись всегда, при любых условиях держаться вместе, чтобы непременно прийти друг другу на помощь при грядущих, непостижных разуму бедах. Вилл вместе со всеми другими промямлил эту клятву, хотя и не верил в ней ни единому слову.

Подали к посадке поезд. «Канарейки» с длинными палками в руках стояли на бочках по наружную сторону от коридоров, кое-как сооруженных из загоронок для скота, и без особых церемоний загоняли беженцев в вагоны. Вилл шел вместе с галдящей беспокойной толпой, крепко держа Эсме за руку, чтобы их, упаси все боги, не разделили.

После смерти Матушки Грит Вилл все время думал — о ней, о коменданте, о карлике и его пророчестве. Теперь все становилось на место. Все эти разрозненные события, чередой прошедшие через его жизнь, составляли, по сути, единое целое, и это целое не что иное, как жестокий белый свет правосудия, пробившийся из безжалостного суда бытия. Добрые страдали, жестокие несли кару. Теперь он осознал, что свободен совершать поступки, ничуть не ища им оправдания. Так, конечно же, было гораздо проще. И теперь перед ним стояла цель. Он направлялся в Вавилон, и хотя было совершенно не ясно, что там будет и как, главное не подлежало сомнению: они с лихвою заплатят за все, им пережитое.

Аз есмь ваша война, думал он, я иду прямо к вам.

ПО ПУТИ ЧЕРЕЗ МАЛУЮ ФЕЙРИ

Такого понятия, как «время», не было. Мир замер и завис, словно муха в янтаре, в некой среде, безвоздушной и незыблемой, как гранит. Затем с еле слышным неизреченным толчком первого атома, прорывающегося в бытие, перрон начал медленно отползать назад. Цепочка фонарей распадалась на части, которые одна за другой убегали назад, в прошлое. Исчез из виду вокзал, проплыл, все ускоряясь, плот из хлипких деревянных домиков, и вот уже поезд, быстрый, как шхуна на глади вод, прорезает прямую, без извивов борозду в золотящихся зрелой пшеницей полях Малой Фейри.

Вверх-вниз, словно волны в океане, колыхались телефонные провода. Если верить всем сказкам, в этой стране лошади ели плоть, а мыши грызли железо; она казалась слишком пустынной для изобилия чудес, о которых недавние обитатели лагеря «Оберон» прожужжали друг другу все уши.

Вагон, из окна которого смотрел Вилл, был забит свыше всяких возможностей. Сидевшая напротив девушка-коза то и дело стукалась с ним коленями и держала подбородок так высоко, что сидевшей рядом русалке было впору расчесать ее реденькую бородку, при этом она деликатно пощипывала букет маргариток, один лепесток за другим, гадая на какого-нибудь будущего мужа, или поклонника, или шустрого любовника, тихонько стучащего ночью в окно. Людоед, весивший фунтов четыреста с лишним, в голубом пиджаке, который был ему мал размера на три, втиснулся рядом с Виллом, засунул на манер кружевного платочка в свой нагрудный карман обкусанный бутерброд и тут же заснул. С его длинного, одинокого, грязновато-желтого клыка ритмично падали капли слюны. Были здесь и другие. В восьмиместном, по идее, купе перемешались, как части головоломки, импы и динтеры, гномы и огневые поскакунчики, домовые и феи.

— Мы уже приехали? — спросила Эсме.

— Нет еще. Да ты спи, маленькая, спи.

А вонь тут стояла — хоть топор вешай: дичайшая смесь

вавилонского табака, неделю не мытых подмышек, рисовой пудры, гниющих фруктов, корицы, забитого туалета, скуки и черной тоски, а окно, дергай не дергай, никак не хотело открываться. Вилл отвлекался от всей этой неописуемости, глядя в окно на проплывавшие мимо равнины. Безупречно гладкие, без единой зацепки для глаза, они гипнотизировали, навевали сон. И такими, говорили ему еще в лагере, они и будут всю дорогу, пока не начнется Большая Фейри. (Но если он чему-нибудь и научился в этом лагере, так это не верить ничему, что рассказывают.) Однажды с наружной стороны долгого, многомильного поворота он вроде бы увидел вдали Вавилон, вернее, Вавилонскую башню, которая нагло расплосовала безупречную чистоту небес. Но у него оставались сомнения, потому что башня была слишком уж большой, слишком уж высокой, слишком уж как-то легко заметной. Ее стены и окна вторили цветом небу. Затем вагоны с клацаньем повернули, и башня, если это и вправду была она, пропала из виду.

Но внутренним зрением он все еще видел тень этого невероятного шпиля, ометающую равнину быстрее любого поезда, неуклонно, как стрелка часов.

Без всякого желания Вилла его рука поднялась и написала на стекле:

!ИГЕБ

Но Вилл не обратил на это внимания, он все смотрел и смотрел на бескрайнюю равнину, чувствуя себя крошечным и никчемным и постепенно возбуждаясь. Страх мешался у него с желанием. С каждой оставленной позади милей он испытывал все большую пустоту, нарастающее напряжение, щемящее желание быть переписанным наново, бывшее настолько сильным, что почти что стало молитвой: *Великий Вавилон, мать всех городов, прими меня, поглоти меня, раствори меня, преобрази меня. На этот, только этот единственный случай пусть один плюс один не равняется двум. Переделай меня в кого-то другого. Сделай этого другого всем, чем я лишь хотел быть. Во имя секиры и лабриса*^[20], аминь.

Любые молитвы опасны. Их либо услышат, либо не услышат, и это еще вопрос, о каком из исходов придется больше жалеть. Но в то же время они были необходимы, потому что сулили хоть какой-то выход из невыносимого настоящего. В деревне был один жестянщик, который сорвал в лотерее крупный куш. На первую треть выигрыша

он купил себе жену. Вторая треть ушла этой стерве, чтобы дала развод. На последнюю треть он пьянкой загнал себя в могилу. Как-то незадолго до конца он столкнулся с Виллом в двух шагах от трактира, отшатнулся к стенке и ополз на землю. Глядя вверх, он блаженно улыбнулся и подмигнул.

— Почти уже там, — сказал он Виллу. — Приму на грудь еще пару стаканов, и дело с концом.

Виллова рука опять поднялась. На этот раз она написала:

!!!ЙАВАД-ТУДИ ИНО

Из плетеной корзины, стоявшей посредине, высунулась рука Эсме, высунулась и дернула Вилла за штанину.

— Мы хоть когда-нибудь доедем?

— Когда-нибудь, — ответил Вилл. — Не вчера и не позавчера, а пока что и не сегодня. Я разбужу тебя, когда будет что-нибудь, на что можно будет посмотреть.

— Я хочу пить, — капризно заявила Эсме.

— Сейчас схожу поищу.

— Я хочу шипучки. «Айрн-брю».

— Ладно, посмотрим, что можно сделать.

Вилл зевнул, потянулся и встал; сидевшие на одной с ним полке тут же расширились и полностью заняли все место. Бормоча извинения, он кое-как выбрался из купе и пошел по проходу.

Здесь было жарко и душно, перестук колес нагонял сон. Постепенно Вилл стал на ходу задремывать, а потом даже увидел сон, настолько четкий и выпуклый, что он не мог быть ничем иным, кроме как самым настоящим ясновидением. В этом сне он совершенно не ощущал себя, а потому наблюдал происходящее словно со стороны, с отстраненным бесстрашием, достойным самой Богини. Увидь сейчас он ту девушку-козу, как она догоняет его, вытаскивает из сумочки нож и с размаха втыкает ему в шею, он бы, наверное, подумал: вот покушение на убийство. Вполне вероятно, что жертва умрет.

А в настоящем сне на него еще только охотились.

Три ведьмы возникли из ничего в последнем вагоне, в самом хвосте поезда. Он уже знал эту породу. Ведьмы были

самоназначенными законодательницами этого мира. Они вечно совали свои носы в чужие дела, требуя, чтобы этот розовый куст был пересажен, или этому ребенку дали другое имя, или этого мелкого преступника сняли с виселицы, полузадушенного, но еще живого. Было почти невозможно родиться, утратить девственность, задумать убийство, умереть или возродиться без того, чтоб какая-нибудь из них, если не целая шайка, выскочила невесть откуда, изрекая гностические благоглупости.

Не раз и не два Вилл страстно желал, чтобы всю их породу отвезли куда-нибудь к Южным морям и там скормили морскому чудовищу Жасконию. Эти три были в серых бумажных блузках с галстуками-шнурками, в серых же куртках и в серых, до середины голени юбках. На них были тяжелые, тупоносые, с толстыми подошвами ботинки. Даже без серебряных значков на лацканах, изображающих орхидею, пронзенную кинжалом, от них за сто ярдов несло политической полицией. У двоих из них под куртками бугрились пистолеты, у третьей оружия не было.

— Он здесь? — спросила старшая, офицер.

— О да, я чую его запах. Слабенький, но точно его.

— Надеюсь, он окажется милашкой, — заметила младшая, первогодка. У нее на поясе висела резиновая дубинка.

Они пошли по вагону к голове поезда, обнюхивая по пути пассажиров, ловкими пальцами делая пассы над лицами спящих. В силу отрицательного отвлекающего волшебства никто их вроде бы и не видел. У старшей лицо было суровое и грубое, как сыромятная кожа. Средняя, невысокого и плотного сложения, имела вид довольно флегматичный. Младшая была тонкая, как тростинка, и совсем безгрудая. Вилл отстраненно подумал: да женщина ли это вообще? Она вполне могла быть мальчишкой, который отрастил длинные волосы и нацепил девчоночью юбку.

— Будем надеяться, что он не заставит нас его убить. Это всегда неприятно, да и писанины потом не оберешься.

— Ну что ж, пока нам еще и не нужно его убивать. Он точно не в этом вагоне.

— А этот видит во сне свою сестру. — Из кармана спящего высовывался кончик мышинного хвоста; средняя вытащила дохлую мышь наружу и с брезгливой гримасой уронила ее обратно. — Фу!

— Не хочешь знать и видеть, так и не смотри, — сказала коренастая ведьма. — Двигаем дальше. Вонь предопределения все нарастает.

Между вагонами, на громко клацавшей переходной площадке, Вилла остановил высокий ослиноухий фей.

— Привет, герой! Огонек найдется?

Вилл полусонно похлопал себя по карману, вытащил полоску трута и простеньким волшебством поджег ее кончик. Ослиные Уши кивком обозначил свою благодарность, раскурил сигарету и глубоко затянулся. Трут он пренебрежительно откинул в сторону. А затем выщелкнул из пачки вторую, для Вилла, сигарету.

— Спасибо, сынок. Что б я без тебя и делал. Вилл взял сигарету, прикурил у ослиноухого и начал было протискиваться мимо него, чтобы идти дальше. Но вдруг, совершенно неожиданно, ослиноухий схватил его за плечи, сильно встряхнул и заорал:

— Эй, муха сонная! Да очнись ты!

Вилл сморгнул, потряс головой и действительно очнулся.

— А ведь я тебя знаю, — удивился он. — Ты Нат Уилк.

— Да, кое-кто и так меня называет.

Там, в ЛПЛ «Оберон», Нат слыл посредником по любым самым хитрым вопросам. Если кому-нибудь что-нибудь было нужно — футбольный мяч, подвенечное платье, пистолет или насчет отсосать, — Нат в точности знал, где и как можно это получить, и готов был за умеренную плату поделиться информацией. Сейчас на его скуластом, с глубокими морщинами лице появилась озабоченность.

— Похоже, на тебя, сынок, снизошла *авен*^[21]. Расскажи мне, что ты там видел.

Вилл чуть-чуть запрокинул голову и почувствовал, что сон снова его обволакивает. Ведьмы призадержались около очень знакомого купе. Молодая опустилась на колени, заглянула под сиденье и несколько раз с головы до ног обнюхала спящую Эсме.

— Вот же мерзкая тварь! — воскликнула она. — Нам бы

следовало задушить ее прямо во сне.

— А кто возьмется объяснять этим, из социальной службы, по какому праву мы вдруг влезли на их территорию? Ты? Не смешите мои тапочки.

— Это политическая полиция, — сказал Вилл, с трудом вырывая себя из сна. — Они за мной охотятся.

— Вот же мать твою. — Нат отщелкнул окурок, и его унесло ветром куда-то под вагон. — За мной. Быстро. — Он прошел в следующий вагон, отдернул вбок дверь женского туалета и втолкнул туда Вилла. — Я тут устрою мощный кипеш, а ты ничего не отвечай и вообще не реагируй. Усек?

— Да.

— И что бы ты там ни делал, дыми без передыху.

Нат втиснул ему в ладонь пачку сигарет и спичечный коробок.

Вилл захлопнул дверь, закрыл ее на защелку и сел на унитаз. Снаружи Нат начал тарабанить в дверь.

— Галадриель! Да когда же ты, на хрен, выйдешь оттуда?!

Пока Нат барабанил и орал, Вилл заполнял тесную кабинку клубами вонючего дыма. Когда столбик пепла становился длинным, он стряхивал его в раковину. Мало-помалу он снова выскользнул из осязаемого мира и стал следить за медленным, методичным продвижением ведьм по поезду, пока те не подошли к разбушевавшемуся Нату.

— Кто это там, сэр? — спросила старшая.

— Моя трижды долбаная баба, вот кто! — Нат шарахнул ногою в дверь так, что она содрогнулась. — Она там, наверно, все кишки высрать собралась, год ведь целый сидит.

Средняя ведьма приняухалась к двери.

— Фу! — Она сморщилась и помахала ладонью под носом. — Находящаяся там особа дымит как паровоз. Это, да будет вам, гражданин, известно, уголовно наказуемо.

Нат забарабанил с удвоенной силой.

— Ну что я, на хрен, тебе говорил, Галл, про эти твои долбаные

сигареты? Потуши ее, на хрен, вытащи оттуда свою долбаную жопу и пойдем отсюда к едреной...

— Сэр, вы мешаете другим пассажирам.

— Ну да, понятно, может, кому-нибудь тоже нужно посрать. — (Бам-бам-бам.) — Ведь ты же, девулечка, нарушаешь закон. Тащи оттуда свою толстую жопу, и поскорей, — Он повернулся к ведьмам. — Стреляйте в замок.

Они воззрились на него в полном недоумении.

— Вы, гражданин, слишком уж начитались детективных романов, — сказала старшая.

— Послушай, я же знаю, что у тебя есть пистолет. Отстрели этот замок! Вы же, на хрен, служите обществу, верно? За что я плачу эти долбаные налоги?

Старшая взглянула на тощенькую первогодку и кивнула.

Одним сложным непрерывным движением та шагнула за спину Ната, придавила схваченной за концы дубинкой его горло и уперлась коленом ему в поясницу. Одновременно коренастая ведьма ударила его в живот. Задыхаясь, Нат упал на четвереньки.

— Так вот, сэр, — сквозь зубы процедила первогодка, — извольте осознать свое положение. Вы создали собой помеху для общества, а значит, у меня есть законное право, а кто-то скажет — и обязанность измолотить вас в кровавое месиво. Сейчас я ровно на секунду ослаблю давление на ваше горло. Кивните, если вы меня поняли.

Нат кивнул.

— Прекрасно. Так вот, так уж случилось, что в настоящий момент мы действуем в соответствии с полученными нами инструкциями и не можем позволить себе потратить лишнее время, которое потребовалось бы для такого весьма благотворного наказания. И все же. Мы найдем время для примерного вам урока, если вы нас к тому принудите. Вы намерены нас принудить? Сейчас я снова на секунду ослаблю давление.

Нат помотал головой.

— Великолепно. Сейчас я освобожу вас, пребывая в полной уверенности, что затем вы медленно подниметесь на ноги,

поклонитесь по одному разу каждой из трех представительниц правительства Его Отсутствующего Величества, каковых вы видите перед собой, а затем молча — я подчеркиваю, молча! вернетесь на отведенное вам место. Ваша леди присоединится к вам, когда она сама того пожелает. Даже если ожидание покажется вам нестерпимым, вы будете спокойно ждать. — Она освободила Натово горло и отшагнула в сторону. — Ну вот. Теперь постарайтесь оправдать доверие, чистосердечно вам оказанное.

Нат с трудом, очень медленно встал. Превозмогая боль, поочередно поклонился всем трем ведьмам, сопровождая каждый поклон тремя легкими прикосновениями пальцев ко лбу, сердцу и ширинке. И полусогнутый, не в силах распрямиться, заковылял прочь.

— Жопа, — фыркнула коренастая ведьма. И все трое двинулись дальше.

Внутренним зрением Вилл следил, как ведьмы проходят вагон за вагоном, пока они не дошли до локомотива и не исчезли. И тут же стало казаться абсолютно невозможным, что они вообще хоть ногою ступали в этот поезд. Скорее всего, эти минуты были просто галлюцинацией, преходящей фантазией, сотканной его мозгом из скуки и пустоты.

Но тут же — негромкий стук в дверь.

— Ладно, парнишка, можешь выходить.

Официально все беженцы делили пространство — вернее, тесноту — поезда на равных правах. Однако Нат, что и можно было ожидать, выговорил для себя отдельное купе в первом вагоне. Невесело посмеиваясь, он вел туда Вилла.

— Страшно и подумать, в каком виде я завтра проснусь. Чтобы в моем-то возрасте меня катали-валяли *les poulettes*^[22] — можно бы ожидать, что для меня время подобных приключений давно осталось в прошлом.

— Послушай, — прервал его Вилл. — Мне нужно поскорее вернуться к...

— Это уже принято во внимание.

Эффектным жестом заправского фокусника Нат Уилк распахнул дверь купе.

— Папа! — взвизгнула Эсме. В ее руке была банка какого-то питья. — У меня тут вон что, «Айрн-брю».

Пару секунд Вилл стоял молча, а затем кивнул:

— Отличный номер.

— О, со временем ты убедишься, что я и почище номера умею откалывать. — Нат жестом предложил Виллу сесть, Эсме тут же забралась к Виллу на колени и стала глядеть в окно. — Но об этом мы поговорим чуть позже. Сейчас главный вопрос — это почему здешние органы вдруг к тебе привязались?

Вилл пожал плечами.

— Может, кто-нибудь тебя проклял? Или ты нарушил табу? Или тебе что-нибудь напророчили? Не сопровождалось ли твое рождение какими-нибудь чудесами? А как насчет рунических татуировок, третьих сисек и прочих знаков судьбы?

— Ничего такого, о чем бы я знал.

— Ты связан как-нибудь с политикой? Вилл отвел глаза.

Нат раздраженно посопел носом.

— Слушай, мальчонка, ради тебя я схлопотал коленом в яйца. Ну и где же твоя благодарность?

Эсме попыталась вывернуться из рук Вилла, но он ее не пустил.

— Ты попросил у меня огоньку, а у самого в кармане были спички. Ты знал про Эсме. Это каким же нужно быть идиотом, чтобы не понять, что ты меня там поджидал? Ну ладно, вот он я, здесь. Так чего же ты действительно хочешь?

Совершенно неожиданно Нат разразился смехом:

— Ну и шустер же ты, парнишка! Ну конечно, я тебя ждал.

Он покрутил рукою в воздухе, демонстрируя, что ничего в ней нет, а затем вытащил из уха Эсме визитную карточку. Пока Эсме смеялась и хлопала в ладоши, он протянул карточку Виллу. Там значилось:

ИКАБОД ДУРИЛА

ПРОЖЖЕННЫЙ МОШЕННИК

— Икабод Дурила?

— Мое *nom de scene*^[23], одно из многих, но это не имеет значения. А имеет значение то, что я являюсь полноправным мастером Праведной и Почтенной Гильдии Жуликов, Мошенников и Плуты, и я готов взять тебя в подмастерья.

— А почему именно меня?

— А почему нет? Мне нужен напарник, а ты передо мною в долгу. К тому же... ты уж прости, что я так, в лоб, но с этой твоей проблемой тебе просто необходим постоянный источник дохода.

— А в чем состоит моя проблема? — насторожился Вилл.

— Деньги жгут тебе руки. Нат вытащил толстый бумажник, покопался в его хрустящем содержимом и извлек стодолларовую купюру. — На, возьми. Если ты сможешь удержать ее хотя бы минуту, она твоя.

Как только Вилл коснулся купюры, она ярко вспыхнула. Не успел он разжать или отдернуть пальцы, как купюра догорела, сморщилась, превратилась в серый пепел, исчезла совсем.

Эсме весело захлопала в ладоши.

— И меня научи! И меня научи такому!

— Вот именно. Как ты это сделал?

— О, это же один из простейших моих фокусов. Постарайся догадаться сам.

Вилл задумался на пару секунд, а затем сказал:

— Когда я вызвал *lux aeterna*, чтобы зажечь твою сигарету, ты проделал то же самое с этой банкнотой. Возможно, ты держал ее сложенной тут же, в руке. Как бы там ни было, мое собственное заклинание скрыло действие твоего. Только ты не закончил последний слог, опустил нейтральный гласный, легкое такое придыхание. А потом, когда я взял банкноту, ты тихонько издал этот звук, закончив тем самым заклинание. И тут же огонь.

— Браво! Я знал, что делаю хороший выбор.

Устав от всей этой болтовни, Эсме вывернулась из Вилловых рук

и снова прилипла к окошку. Снаружи громоздились огромные горы мусора, по ним даже змеились вполне настоящие дороги. Грузенные мусором грузовики тяжело карабкались по склонам, переваливали через хребты и пропадали из виду. Между хламными завалами и плотном железной дороги поблескивала сложная сеть ручьев и ручейков, луж и прудов, по берегам которых росли чахлые тростники и ржавели какие-то механизмы. За окном мелькнули голые, прямо из мусора торчащие скалы, неумело размалеванные обычными нехитрыми граффити: «Ура Лемурии», да «Вся власть дуплям»^[24], да «Инкубы сосут». Рядом с процессией вразнобой перекошенных телеграфных столбов, шагавших по болоту, почти роняя провода в воду (но никогда не роняя их совсем), с плеском опустился в большую лужу клин диких гусей.

— Странное какое-то место, — заметила Эсме. — А что здесь вообще такое?

— Сейчас, бабуленька, мы проезжаем мусорную свалку «Цепкая трясина». Это крупнейшее в мире искусственное сооружение. Оседлав птицу Рух, ты могла бы ее увидеть из космоса. — Нат благодушно откинулся на спинку сиденья. — Ну что, раз уж все мы теперь одно счастливое семейство, я предлагаю скоротать время, рассказывая всякие истории. О себе самих и о том, откуда мы пришли.

— Лично я пока что ни на что еще не согласился.

— Да ты не спеши, подожди, пока услышишь мою историю. Она непременно тебя убедит.

— Хорошо, — кивнул Вилл. — Я весь внимание.

Я был когда-то вавилонским джентльменом (начал Нат), отнюдь не тем отъявленным негодяем, какого вы видите перед собой в настоящий момент. Я ел из серебряного корыта, ковыряясь в зубах золотой вилкой. Если вдруг посреди ночи мне требовалось помочиться, два лакея приносили ночную вазу, а третий держал мой член и стряхивал потом капли. Для такого, как я, человека, всей душой болевшего за народ, это была не жизнь, а сплошная мука. А потому в один прекрасный момент, когда никого рядом не было, я вылез в окно и сбежал.

Вы, имевшие счастье родиться в небогатых семьях, и представить себе не можете моих тогдашних ощущений. Улицы были пестрым калейдоскопом пешеходов, и я был одним из них, движущейся крупинкой цвета, не лучше и не хуже всех остальных и, о блаженство, никем не замечаемой. Я был пьян от накативших чувств. Мои руки то и дело взмывали в воздух, как птицы. Мои глаза танцевали от предмета к предмету, замороженные всем, что они видели.

Это была сказка, настоящая сказка.

Когда мне надоело идти все по одной и той же улице, я свернул за первый попавшийся угол и по слепой случайности оказался на станции, где и сел на местный до нижнего уровня. Теперь более целеустремленно я доехал на рикше до городской черты и вышел наружу.

Как раз в эти дни к Вавилону пришел табор бродячих фейри, и они раскинули за Вратами из Слоновой Кости гоблинскую ярмарку. Лоточники торговали шиш-кебабом и сахарной ватой, футболками и кашемировыми шальями, талисманами гри-гри и заколдованными мечами, ручными сороками и свечами для ночной службы Высвобождения Быстрой Удачи, целлулоидными куклами и кожаными, ручной работы фигурками верблюдов в сбруе с блестками, выполненными в масштабе один к шести. Музыканты, игравшие на шаранго, наполняли воздух сладостными мелодиями. Я был счастлив как никогда.

— Эй, говнюк! Это я тебе, жопа с ушами! Слушай, когда к тебе обращается дама!

Я недоуменно оглянулся.

— Смотри сюда, мыслитель.

Голос доносился из балагана с ярко размалеванной вывеской «А ну-ка! Подшиби лису!». В клетке, установленной на возвышении, в самом конце длинной брезентовой выгородки лежала, аккуратно подобрав под себя передние лапы и вывесив наружу влажный черный язык, обыкновенная рыжая лисица, лежала и нагло мне ухмылялась. Заметив, что я на нее смотрю, лисица вскочила на ноги и начала бегать из конца в конец клетки, непрерывно при этом болтая:

— Педрила! Засранец! И жена твоя зассыха! Говноед! Член у тебя вялый, как вареная макаронина, и ты бросаешь камни как

девчонка!

— Три за доллар, — сказал фоллет-балаганщик, державший в руке бейсбольный мячик. Затем, приняв мое смятение за скепсис, добавил: — Все по-честному, мсье, — и легонько швырнул мячик в клетку; лисица ловко увернулась, затем носом протолкнула мячик между прутьев клетки, и он упал на землю, — Попадите в лису и получите приз.

Позднее я узнал, что тут была некая хитрость. Хотя с виду казалось, что все прутья стоят на равном друг от друга расстоянии, один из промежутков был сделан чуть пошире — как раз таким, что проходил бейсбольный мяч. Лисице только и нужно было, что избегать этого места, и тогда ей ничто не угрожало. Но даже не зная, что игра эта жульническая, я не хотел в нее играть, меня переполняла нерассуждающая любовь ко всем и ко всему. А уж в такой-то день мне было и совсем невыносимо видеть такое же, как я, живое существо сидящим в заточении.

— Сколько стоит лисица?

— Сет импосибль ^[25], - ответил фоллет. — Да она вам, сэр, и ни к чему, слишком уж ругается. Но я уже достал бумажник:

— Берите все, что там есть.

Глаза фоллета стали большими, как суповые тарелки, и по этому признаку я догадался, что несколько переплатил. Но с другой стороны, рассудил я здраво, в саквояже, прихваченном мною из дома, лежит и столько, и два раза по столько, и много, много раз по столько.

После того как фоллет открыл дверцу клетки и торопливо слинял, лисица преклонила у моих ног колени.

— Я, господин, говорила все это просто так, ничего такого в виду не имея, — пропела она сладеньким голосом. — Это была просто такая, ну, знаете, пустая болтовня. Теперь же, когда вы мой хозяин, я буду служить вам правдой и совестью. Прикажите, и я подчинюсь. Я посвящу всю свою жизнь вашему благу, если только вы мне это позволите.

Чтобы снять с лисицы рабский ошейник, мне нужны были свободные руки, и я поставил саквояж на землю.

— Мне не нужно твое подчинение, — проворчал я. — Делай что

хочешь, ни в чем мне не подчиняйся и думать не думай ни о каком моем, прокляни его боги, так называемом благе. Отныне ты свободна.

— Ты шутишь! — воскликнула фраппированная лисица.

— Очень даже не шучу. А потому, если ты...

— Всеблагая Мать Всех Зверей! — сдавленно выдохнула лисица, выпучив глаза на что-то, появившееся за моею спиной. — Осторожно!

Я крутнулся волчком, но за спиной не было ничего, кроме все тех же балаганов и ярмарочных зевак. Полный недоумения, я снова повернулся к лисице — но она уже исчезла.

И к тому же увела мой саквояж.

Так мне поневоле пришлось познать, каков вкус у свободы, когда у тебя в кармане нет ни гроша. С равной горечью проклиная и подлую лисицу, и свое собственное легкоеверие, я покинул гоблинскую ярмарку. Незаметно для себя я оказался на берегу Тихона. Там я перекинулся словом-другим с лодочником, и тот в результате отвез меня на пристань и посадил на буксир, капитаном которого был его хороший знакомый. Буксир уже подцепил баржу с мусором, чтобы тащить ее вверх по реке к «Цепкой трясине».

Как тут же выяснилось, мусорная свалка была отнюдь не тем местом, где стоило сходить на берег. Тут было множество дорог, ведущих в глубь заваленной хламом пустыни, но ни одной, которая шла бы вдоль берега, вверх по течению, куда я, собственно, и хотел направиться. А уж запах! Неопишимо.

Рядом с пристанью, в тени крутой огромной мусорной горы прилепилась маленькая горстка зданий. Это были по большей части гаражи для самосвалов-мусоровозов, но я заметил и несколько полукруглых металлических ангаров, приспособленных, надо думать, под ремонтные мастерские и склады, а также несколько нормальных, приличных когда-то домов, окна которых были наглухо заложены кирпичами. В этих домах размещались конторы и все тому подобное, а один из них, над которым нервно мигала и потрескивала полудохлая неоновая вывеска «Бриг-о-дум», отдали под бар. Рядом с баром стоял переполненный мусорный бак, выглядевший немного диковато, посреди свалки-то.

Вот туда-то меня и потянуло.

Вам следует понять, что никогда прежде я не испытывал голода, настоящего мучительного голода. В то утро, возбужденный заранее задуманным побегом, я даже не позавтракал, а предыдущим вечером съел лишь легчайший из ужинов. На буксире я жадно наблюдал, как капитан неспешно расправляется с двумя большими бутербродами и яблоком, но был слишком горд, чтоб попросить у него кусочек. Какие претерпел я страдания, когда он небрежно кинул за борт далеко не полностью обгрызенный огрызок яблока! А теперь...

Теперь, к полному своему ужасу, я вдруг обнаружил, что иду к мусорному баку. С омерзением увидев, как из-под него выскочила крыса, я совсем было повернул назад, однако голод мне этого не позволил. Я был как мошка, летящая на пламя свечи. Я и надеялся, что в баке найдется какая-нибудь пища, и ужасался, что, если она найдется, я ее съем.

И вот тогда-то, в этот мрачайший из часов, я услышал знакомый голос, который никак уж не ожидал когда-нибудь снова слышать:

— Эй, башка, говном набитая! Не хочешь ли сказать тете, что рад ее видеть?

На стоявшем неподалеку подсобном грузовике сидела лисица.

— Ты!.. — воскликнул я, но не стал, хоть и очень хотелось, завершать оборванную фразу «Ты, мерзкая тварь!». Бедность уже начинала учить меня политесу. — Как ты сумела меня выследить?

— О, я знаю много способов.

Надежда билась в моей груди, как в кулак зажатая птица.

— У тебя сохранился мой саквояж?

— Естественно, нет. Ну как ты представляешь себе лисицу с багажом? Я сразу же его и выкинула. А вот ключик от него я сохранила. Ну не хорошая ли я девочка?

Она наклонила голову, и маленький ключик, висевший на тесемке у нее на шее, соскользнул на асфальт, завершив свое падение негромким звоном.

— Придурочная лиса! — заорал я, раздосадованный крушением надежды. — Ну зачем мне ключ от саквояжа, которого больше нет?

И она объяснила — зачем.

Как и можно было ожидать, «Бриг-о-дум» оказался кабаком весьма дурного пошиба. Висевший на стене черно-белый телевизор был постоянно настроен на какие-то боксерские матчи, сукно на бильярдном столе протерлось до дыр. На двери туалета какой-то остряк-самоучка намалевал корявыми белыми буквами «Тир-на-бог»^[26]. Я сел за стойку и сказал подошедшему наливальщику:

— Пиво.

— «Красную полосу» или «Драконий стаут»?

— А ты меня удиви.

Я одним глотком уполовинил принесенное пиво. Мой желудок сразу же заболел, голова закружилась, но все это были мелочи, не стоящие внимания. Ведь впервые за последние сутки с лишком в моем желудке появилось нечто существенное. Затем я повернулся на табуретке и обратился к бару как к цельному организму.

— Мне нужен проводник. Кто-нибудь, кто поведет меня к месту на свалке, явленному мне в видении. Узкий пятачок у ручья, в котором мешки мусора всплывают на поверхность и лопаются, распространяя кошмарную вонь...

— Такого тут сколько угодно, — фыркнул токолоше^[27], какой-то особенно неприятный образчик этой породы: смуглый волосатый карлик с горящими глазами и длинными желтыми клыками.

Сидевший в одной с ним кабинке фоссегрим^[28] угодливо подхихикнул, не было ни малейших сомнений, кто в этой парочке главный.

— ...а из тростников чуть высовываются две бронзовые ноги от Родосского маяка.

Токолоше секунду подумал, а затем подвинулся, освобождая мне место рядом с собой. Фоссегрим, высокий и тощий, с волосами светлыми, как щетка трубочиста, тоже подвинулся и прямо навис над столиком, готовясь послушать, что скажет товарищ. А тот, не тратя лишних слов, вполголоса прорычал:

— Что нужно сделать?

— Сумка от этого ключа, — сказал я тоже вполголоса. — Она где-то там зарылась. Мне нужно ее найти, и я заплачу.

— Хмм, — сказал токолоше. — Ну что ж, мы с товарищем знаем это место, которое ты ищешь. И есть тут один такой они^[29], который может что надо выкопать. Всего, значит, трое. Ты заплатишь каждому из нас по сотне?

— Да. Когда сумка будет найдена. Никак не раньше.

— А как насчет тысячи?

— А ты потом снова повысишь цену, а потом снова, пока не нащупаешь потолок? Вот мое окончательное предложение: десять процентов того, что в сумке.

— *Каждому по десять.* — И, заметив, что я немного замялся, токолоше добавил: — И твой счет в баре будет на нас.

Ну ведь все до капельки в точности как предсказала лиса. Я был одет, как одеваются богатые, но при этом весь грязный и взъерошенный. Это, вкупе с моим острым желанием вернуть себе утраченный саквояж, сказало моим новонайденным партнерам все, что им хотелось знать.

— Двадцать процентов, — отрезал я. — Всего. Делите их, как уж вам хочется. Но сперва вы купите мне поесть. Бифштекс с яичницей, если у них здесь бывает такая роскошь.

Солнце уже село, небо было багрово-желтым, как синяк, начинающий чернеть по краям. В быстро надвигающейся темноте наш грузовичок переваливался с бугра на бугор на каких-то тайных извилистых тропах. Грим сидел за рулем, карлик периодически прикладывался к плоской бутылке «Джейсовой жидкости»^[30] (а мне не предложил ни разу). Никто не разговаривал. Они, который никак бы не поместился с нами в кабину, сидел в кузове, свесив ноги за задний борт. Звали его Ёси.

Забравшись на много миль в глубь свалки, мы в конце концов остановились над черным вязким ручьем, рядом с которым лежали две огромные, сплошь изъеденные коррозией ноги.

— Можешь найти мне что-нибудь на манер рогатки? — спросил я у токолоше.

Покопавшись в мусоре, токолоше достал платяную распялку.

— Попробуй это.

Я согнул из проволоки некое подобие искательской лозы, привязал к короткому концу ключ от саквояжа и взял длинные концы в руки. Ключ отклонился от вертикали на добрую половину дюйма. Затем, спотыкаясь и с хрустом давя ногами ржавые пивные банки, я походил туда-сюда, пока тесемка не повисла прямо вниз.

— Здесь.

Токолоше ковырнул землю ногой и вытащил пакет муки. — Ну и сколько, ты думаешь, нужно копать?

— Довольно много, — протянул я. — Футов, пожалуй, десять.

Токолоше отмерил на земле квадрат — впрочем, это было трудно назвать землей, потому что мусор сюда высыпали всего несколько часов назад. По его приказу Ёси принес четыре лопаты, и мы приступили к работе.

Когда яма достигла глубины шесть футов, в ней стало слишком тесно, и мы оставили копать одного Ёси. Это был здоровенный тип и весь сплошь из мускулов, на лбу его бугрились трогательно маленькие рожки, из нижней челюсти торчали вверх два коротких мощных клыка. Он работал совершенно потрясающе, куча выброшенного наверх мусора становилась все выше и выше. На девятом футе Ёси взмок от пота, как свинья. Перекинув через край ямы допотопную стиральную машину, он не стал снова браться за лопату, а проворчал:

— С какой такой стати я тут один работаю?

— А с такой, что ты дубина, — осклабился фоссегрим. Токолоше дал дружку затрещину.

— Ты копай, копай, — повернулся он к они. — Я плачу тебе за это пятьдесят зеленых.

— Как-то слишком мало.

— О'кей, о'кей. — Токолоше вытащил из кармана пару бумажек и протянул их мне. — Слетай-ка быстренько в «Бриг-о-дум» и привези для Ёси кварту пива.

И тут я сделал глупость, каких еще не было в моей жизни.

Вплоть до этого момента я следовал сценарию, набросанному передо мною лисицей, и все шло в точности как она и предсказывала. Теперь же, вместо того чтобы во всем подыгрывать токолоше, как она настоятельно советовала, я распустил перышки. До саквояжа осталось совсем немного, и в своей непроходимой глупости я все еще верил, что они отдадут его мне.

— Ты что же, — спросил я, — считаешь меня полным идиотом? Нет, так просто вам от меня не отделаться.

— Крутой ты парень, Икабод, — пожал плечами токолоше. — Крутой как те яйца.

Они с фоссегримом сшибли меня с ног. Примотали толстым скотчем мои лодыжки одну к другой, а затем то же самое сделали с запястьями, и не спереди, а за спиной. А потом закинули меня в кузов.

— Ори сколько хочешь, — великодушно предложил токолоше. — Нам все равно, а больше никто тебя и не услышит.

Я, конечно же, был в полном ужасе. Но едва я успел осознать безнадежность своего положения, как Ёси радостно завопил:

— Нашел, нашел, я нашел!

Фоссегрим и токолоше торопливо вскарабкались на вершину неустойчивой груды мусора.

— Ты точно нашел? — крикнул первый. А второй скомандовал:

— Давай сюда.

— Не делай этого, Ёси! — закричал я из кузова. — В этом саквояже деньги, во много раз больше, чем пятьдесят долларов, и ты можешь получить половину.

— Давай мне сумку, — мрачно сказал токолоше.

За спиной токолоше возбужденно приплясывал фоссегрим, из-под ног его сыпались банки, бутылки и прочая мелкая дрянь.

— Вот-вот! — выкрикнул он срывающимся фальцетом. — Давай ее сюда.

Но Ёси все медлил.

— Половину? — спросил он недоверчиво.

— *Все!* — заорал я не своим голосом. — Бери все, только оставь меня в живых!

Токолоше вскинул лопату и двинулся вперед и вниз, его дружок сделал то же самое.

Так началась эта жуткая и комичная битва, коротышки прыгали, оскальзывались и падали на неустойчивом склоне, размахивая при этом лопатами, а великан сносил их удары, безуспешно пытаясь добраться до своих мучителей. В общем-то, я ничего там не видел — разве что изредка взмахи лопат, хотя я сумел кое-как встать на колени; не видел потому, что слишком уж высокую гору мусора накидал трудолюбивый Ёси. Но я слышал ругань, проклятия и угрозы, слышал тупой стук лопат о тупую голову Ёси и отчаянный визг фоссегрима, когда огромная лапа все-таки сумела его схватить.

За этим визгом последовали стук, кляцанье и еще странный звук, словно что-то куда-то съезжает — это, надо думать, токолоше бросился в последнюю решающую атаку. Теперь я словно вижу, как он несется вниз по склону, держа лопату как копье и целясь ее лезвием в толстенное горло Ёси. Но вот удался ли удар, я не узнал и не узнаю, потому что вся эта суeta привела мусор в движение.

Однажды стронувшись, лавина была неудержима. Вниз и вниз стремился мусор, вниз и вниз он тек, дребезжа и кляцая, как земля, ставшая на время жидкой, но сохранившая при этом всю свою жуткую массу. Вниз и вниз в силу вечных законов природы, вниз и вниз с ошеломляющей мощью, погребя в конечном итоге этих троих настолько плотно, что не осталось ни малейшего шанса, чтобы выжил хоть кто-то из них.

А затем настала тишина.

— Ну что ж, — сказала лисица. — Это была прелестная мелодрама. Хотя тут же должна сказать, что все прошло бы для тебя гораздо легче, если бы ты не проявлял дурацкую инициативу, а просто выполнял мои указания. — Она спокойно сидела на крыше водительской кабины.

Никогда в своей жизни я не испытывал подобной радости от встречи с кем бы то ни было.

— Ты уже второй раз появляешься в тот самый момент, когда

все, казалось бы, рушится, — сказал я, испытывая ни с чем не сравнимое облегчение. — И как это только у тебя выходит?

— О, еще крошечным щенком я проглотила звездную пылинку, и с того самого момента не было такого места, куда я не могла бы попасть, и не было такого места, откуда я не могла бы выбраться, если только мне этого хотелось.

— Прекрасно, прекрасно, я очень рад. А теперь освободи меня.

— Ой-е-е-ей. Как жаль, что ты это сказал.

— Что?!

— Много лет назад по причинам, которые никак тебя не касаются, я поклялась страшной клятвой никогда больше не подчиняться приказаниям какого бы то ни было мужчины. Вот потому-то я и таскаюсь за тобой — потому что ты приказал мне не заботиться о твоём благе. Вот мне и приходится тебя опекать. Но теперь ты приказал мне освободить тебя, и я никак не смогу этого сделать.

— Слушай меня внимательно, — сказал я лисице. — Не подчиняясь этому моему приказу, ты автоматически подчиняешься моему предыдущему приказу ни в чем мне не подчиняться. Так что твой обет не имеет смысла.

— Я знаю. Все это как-то очень запутанно. — Лисица легла и подобрала под себя передние лапы. — Вот еще вроде этого: есть в Севилье цирюльник, который бреет всех, кто не бреется сам, и никого кроме. Возникает вопрос...

— Пожалуйста, — взмолился я. — Прошу тебя. Милая лисичка, дражайшее существо, самое красивое из всех животных... Если ты будешь так добра, что развяжешь меня просто из ни с чем не сравнимой доброты своего сердца, по собственной свободной воле, я буду тебе в высшей степени благодарен.

— Вот это уже получше. А то я уж начала думать, что ты вообще не знаком с хорошими манерами.

Лисица погрызла и подергала скотч, связывавший мне руки, и довольно быстро их освободила. После этого с ногами я справился сам. Мы с ней сели в кабину грузовичка. Ни один из нас и словом не обмолвился о новой попытке откопать мой саквояж. Не знаю, как она, а я уже махнул на него рукой.

Но, выруливая из мусорных дебрей, я случайно повернулся, и там, где только что была лисица, сидела, аккуратно подобрав под себя ноги, прелестная девушка. Глаза у нее были зеленые, а волосы рыжие, коротко остриженные. И у меня было отчетливое впечатление, что она надо мною смеется.

— Все твои деньги, — сказала она, — под сиденьем в картонной коробке. Вместе с полным комплектом чистой одежды, в которой ты, между нами, девушками, крайне нуждаешься, и фамильным перстнем. А в саквояже том были только старые газеты да камни для веса.

— Что-то голова моя совсем уже не варит, — пожаловался я. — Если мои деньги с самого начала были у тебя, зачем было ломать всю эту комедию?

— Есть старая поговорка: научи человека рыбачить, и он будет есть только ту рыбу, которая сама лезет на крючок. Научи его хорошему мошенничеству, и от желающих заглотить наживку не будет отбоя. — Девушка ослепительно улыбнулась. — Мошеннику всегда пригодится напарник. А мы ведь теперь напарники, верно?

Так закончился Натов рассказ. Эсме давно уже бросила слушать. Она снова гладела в окно на то, как гидропонные фермы и пирамиды контейнеров с неведомыми грузами убегают назад, в прошлое. Опоры высоковольтной линии вылетели из ниоткуда, поравнялись с поездом и зашагали вдоль железной дороги. К ним присоединились еще две пары рельсов, затем еще две, а затем и канал. Судя по всему, все дороги мира вели в Вавилон.

— А что стало с лисой? — спросил Вилл.

Нат многозначительно постучал себя по сердцу.

— Она здесь. Смеется надо мной. — Затем он вдруг посерьезнел. — Не знаю уж, парнишка, чем ты там таким мог мне понравиться, но понравился. Поэтому давай я спрошу тебя еще раз. Ты хочешь работать со мной? Я преподам тебе всю премудрость, включая кратчайшие и самые ловкие способы вести дела с этим миром, и ты будешь получать полноценную треть добычи. Ну так что скажешь? Мы напарники?

Колено Вилла ощутило какую-то щекотку. Опустив глаза, он

увидел, что его указательный палец раз за разом рисует на штанине невидимые буквы.

АД ИЖАКС

АД ИЖАКС

АД ИЖАКС

В этот самый момент прямые прежде рельсы изогнулись, грибная поросль резервуаров с природным газом отошла в сторону, и стала видна стена, уходившая прямо в небо. Конца ей не было видно ни слева, ни справа. Один уже только ее размер заставлял содрогнуться сердце — она казалась больше, чем все остальное в мире, вместе взятое. И сразу же размах собственных амбиций показался Виллу полнейшей глупостью. Эта жуткая башня была больше, зловреднее и безжалостней, чем мог стать он сам в самых смелых своих мечтах. У него попросту не было способа хоть как-нибудь ей отомстить.

У того, кем он был сейчас, точно не было.

АД ИЖАКС

И тут же его пронзило ощущение неизбежной судьбы. Если я собираюсь совершить свое отмщение, думал он, мне нужно научиться обману и многому прочему. Прекрасно. Пусть этот Дурила будет моим первым учителем.

— Да, — соврал он. — Напарники.

Эсме уже надоели заоконные картины, и она принялась копать в Натовых вещах. Вытащив транзисторный приемник, она тут же его включила, и купе наполнилось музыкой более прекрасной, чем все, что Виллу доводилось слышать прежде. Так могли бы петь звезды в едва зародившемся мире, перед первым восходом солнца.

— Что это такое? — спросил он удивленно.

Нат Уилк улыбнулся:

— Это называется «Take the „А“ Train» [\[31\]](#). Дюк Эллингтон.

Все быстрее и быстрее неся поезд прямо на безликую каменную стену, и уже начинало казаться, что крушение неизбежно. Затем, в самый последний момент, в стене открылось жерло туннеля, черное, как разверстая пасть. Поезд ворвался в эту пасть, и Вавилон его

проглотил.

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Согласно туристическому буклету, гулявшему по поезду и дошедшему до Вилла после стольких рук, что он уже совсем растрепался, стены и колонны главного зала Ниневийского вокзала были сложены из белоснежного мрамора. «По семь колонн с каждой стороны несут на себе полукруглый свод крыши, все стропила изготовлены из золота и украшены великолепной резьбой, сама же крыша — перламутровая». И дальше: «...скамейки, которые тянутся из конца в конец обширного помещения, изготовлены из кедра, инкрустированного слоновой костью и кораллом... Пол в зале выложен квадратными плитками мрамора и зеленого турмалина. На всех турмалиновых квадратах изящно вырезаны изображения рыб: дельфин, морской угорь, уроборос, лосось, ихтиокентавр, кракен и прочие чудеса глубоководного мира. На гобеленах и тканых шторах изображены цветы: змеиная лилия, драконий зев, гадючий лук и прочие в том же роде; на всех подоконных панелях мы видим скульптурные изображения птиц, зверей и ползучих тварей».

Возможно, так оно когда-то и было. Но за много лет до того, как Вилл сошел с поезда, скамейки, шторы и гобелены сняли и куда-то запрятали, мраморно-турмалиновый пол заменили на линолеум, а выхлопные газы локомотивов и дым миллионов сигарет окрасили мрамор стен и колонн в унылый грязно-бурый цвет.

И все равно огромный зал ошеломил его, и не богатством своим, а бессчетными поездами, которые все прибывали и прибывали, изрыгали толпы пассажиров и двигались к следующим платформам, чтобы принять отъезжающих. И таково было количество иммигрантов и путешественников, что, хотя по отдельности они суетились и натывались друг на друга, как роящиеся насекомые, коллективно их толпа обретала свойства жидкости: текла ручьями и потоками, взвихривалась в тихих отстойных уголках и снова бросалась вперед, чтобы немного успокоиться, разлившись озером перед длинной плотиной таможенного контроля.

— Вы — мое семейство, — сказал Нат — Постарайтесь это не забыть.

— Да, папочка.

— Почему это? — спросил Вилл.

— А потому что я хочу проскочить на дурика. Тот паспорт, что у меня, не проведет и близорукую корову.

— Подожди. Если ты в настолько плохом положении, так зачем же было впутывать сюда еще и нас?

— Да ладно. С моим языком я выберусь откуда угодно.

Подхватив Эсме на одну руку, а Виллов чемоданчик в другую, долговязый фей стал проталкиваться через толпу; Вилл поспешал следом, неуклюже таща два Натовых чемодана в руках, а третий, с колесиками, волочил за собой. Он изо всех сил старался не терять Ната и Эсме из виду в страхе, что, отведя глаза хоть на мгновение, навсегда потеряет их в этой толчее.

Через куда меньшее время, чем можно было ожидать, таможенник хмуро перелистал Натовы документы, коротко поговорил с кем-то по телефону и указал на одну из боковых дверей.

— Вам нужен иммиграционный контроль, кабинет сто два, в самом конце коридора, вы легко найдете. Это единственная там дверь, не заколдованная убивать любого, у кого нет допуска, — сказал он и закрыл за ними дверь.

После зала прибытия, гудевшего тысячами разноязыких голосов, кабинет 102 оглушал почти сверхъестественной тишиной. В крошечном помещении только и хватало места, что на два канцелярских стола с горами бумаг и на узенький проход между ними. Под столами торчали картонные коробки, под завязку набитые еще какими-то бумагами. На дальней стене, за железными шкафчиками, уже не закрывавшимися от переполнивших их документов, висели две казенной печати репродукции, слева и справа от закрытой двери. Как легко догадаться, это были Брейгелева «Вавилонская башня» и его же «„Малая“ Вавилонская башня», показывавшие город таким, каким он, наверное, выглядел на ранних этапах строительства. На переднем плане одной из них царь Нимрод, великаном (а он ведь таким и был) возвышающийся над ошалевшими в благоговении каменщиками, сурово наставляет их на свершение еще более славных подвигов на строительном фронте. А вот на

второй людей и совсем не видно, а башня выглядит темной, зловеще багровой, ну прямо разрываемый внутренними конфликтами герой своей собственной сложной психодрамы.

Когда Нат, Вилл и Эсме вошли в кабинет, в их сторону повернулись, стуча по полу копытами, два крылатых быка с человеческими лицами и длинными прямоугольными бородками. Их волосы, их бородки и кончики их хвостов были аккуратнейшим образом расчесаны и завиты. Рук они, конечно же, не имели, а потому каждому из них помогала в работе пара здоровенных обезьянов в красной униформе с желтым кантом, что обозначало иммиграционный контроль.

— *Vašu putovnicu, molim!* — сурово сказал один из быкочеловеков.

Нат вытащил паспорт. Один из обезьянов раскрыл его перед лицом своего начальника.

— *Imate li što za prijaviti?*

— Нет, мне нечего заявить. В смысле, кроме того, что я не хорват.

Оба крылатых быка недовольно нахмурились, однако язык сменили.

— Вам нечего заявить, и все равно вы в этом кабинете. Как вы думаете, почему вы здесь, если должны быть в другом месте? Вы считаете нас за дурачков?

— Нет, это скорее уж по моей части, видите? — Идиотически ухмыляясь, Нат ткнул пальцем в свои бумаги. — Икабод Дурила. Это я он самый и есть.

Повисла долгая тишина. Затем человекобык указал кивком на дальнюю дверь в стене:

— Видите эту дверь? — (Один из обезьянов торопливо подбежал к двери и открыл ее.) — Как только вы ее минуете, вам можно будет навсегда забыть про этот кабинет. Но чтобы это произошло, вам нужно сперва пройти мимо нас. — (Обезьян захлопнул дверь и вернулся в прежнюю позицию.) — Поэтому я бы вам очень советовал...

— Это подделка, — заявил второй бык; к полному Виллову

изумлению, обезьян держал перед ним не Натов паспорт, а его собственный. — Это все сплошные подделки!

— Нет, нет, — умиротворяющее закудахтал Нат, качая головой из стороны в сторону.

— Транзитные визы, пункты прибытия — все не так! — Крылатый бык повернулся от паспортного обезьяна к другому, который держал перед ним открытую книгу размером с телефонный справочник. — Согласно этим данным, вы должны были быть направлены в Ур.

— Но я же не сам выбирал, куда мне ехать, — возразил Вилл. — Они посадили меня на поезд и привезли прямо сюда. А это все документы, выданные мне чиновниками лагеря «Оберон», и, если там что-то не так, это их вина, а не моя.

— Вы были обязаны удостовериться, что все полученные вами документы оформлены правильно и что вы имеете законное право на их получение. — Бык коротко кивнул, и обезьян подсунул ему под нос другой паспорт. — В документах этой девочки не указан год рождения.

— А мы не знаем, — сказал Вилл.

— О! Как же такое может быть? — Таможенник повернулся к Нату. — Уж вы-то, как ее отец, непременно должны это знать.

— Я не присутствовал при ее рождении, — сказал не моргнувщи глазом чистейшую правду Нат. — Но мне кажется довольно очевидным, что моей дочери девять лет. Так что запишите ее годом Кузнечика.

Эсме сидела на груди их багажа и баюкала куклу, вырезанную из кукурузного початка. Теперь она вскинула глаза, расплылась от уха до уха и сказала:

— Я люблю кузнечиков.

— В наши служебные обязанности входит не помощь всем вам в ваших подделках, а изучение ваших документов на предмет наличия несуразностей. Вот ваш, к примеру, паспорт — настоящая сокровищница разнообразных нелепостей. Он напечатан на бумаге такого сорта, какой никогда не использовался никакими официальными органами. В нем нет положенных водяных знаков. Шрифт попросту смехотворен. Печати, сколько я могу понять, были

неумело вырезаны на сырой картошке. Даже фотография какая-то сомнительная, вы ничуть на нее не похожи.

— Правду говоря, — сказал Нат, взглянув на свои часы, — я не понимаю, с какой такой стати мы с вами все еще разговариваем. Вы ведете себя чрезмерно обструктивно. Я гражданин, и я знаю свои права.

— Права? — презрительно фыркнул первый бык. — У вас нет никаких таких нрав. Только обязанности и привилегии. Обязанности я мог бы перечислить, но это долго, а привилегии полностью зависят от моей доброй воли. Они могут быть отозваны без всяких объяснений и без права на апелляцию по малейшему моему капризу. Вам бы стоило это запомнить.

— Кроме того, — добавил второй крылатый бык, — одной только наглости никак не достаточно, чтобы сделать субъекта гражданином. Так что ты, *чужеземец*, мог бы не тратить попусту сил на свои спектакли. Мы все это видели, и не раз.

На мгновение могло показаться, что Нат не находит слов для ответа. Затем, беззаботно поцокав языком, он сказал:

— Мне кажется, что эта проблема может быть разрешена достаточно легким образом. — Несколько купюр, извлеченных им из бумажника, исчезли, за исключением маленького уголка, между двумя стопками каких-то желтых машинописных листов. — Я уверен, что, изучив эти бумаги, вы сразу увидите...

Вилл никак не думал, что глаза этих быков могут раскрыться шире, чем были раскрыты до того, и что выражение их лиц может стать еще более возмущенным. Теперь он увидел, что все в этом мире возможно. Оба чиновника как один гордо вскинули головы, их ноздри трепетали от священного негодования, они рыли линолеумный пол копытами и яростно хлопали крыльями. Один из них задел краем крыла железный шкафчик с делами, чуть не смахнув на пол гору скоросшивателей.

— Помести вещественные доказательства этой оскорбительной попытки подкупа официального лица в пакет для вещественных доказательств, — сказал один из быков ближайшему обезьяну.

— Затем помести этот пакет в папку временного хранения! — приказал второй.

— Вложи туда же фотокопии всех документов, относящихся к данному делу и имеющихся на настоящий момент.

— Присвой этому делу порядковый номер.

— Сделай перекрестные ссылки и разошли копии материалов по всем соответствующим отделам.

— Подготовь бланки для официального заявления о выявленном преступлении.

— Фиксируй все предпринимаемые меры и все проходящие по делу документы в регистрационном журнале.

Пока обезьяны метались по кабинету, хлопая ящиками и дверцами шкафов, отталкивая друг друга от ксерокса и собирая быстро растущую кучу бумаг, один из быков подошел к Нату вплотную и угрожающе сказал:

— Теперь ты на собственной шкуре узнаешь, что здесь, в Вавилоне, любая попытка подкупить чиновников правительства Его Отсутствующего Величества воспринимается с крайней серьезностью.

— «Подкупить» — это очень грубое слово, — запротестовал Нат. — Я ведь только...

— Так как ты очевиднейшим образом *не* гражданин, — оборвал его другой бык, — у тебя нет права на бесплатного адвоката. В случае если у тебя есть деньги, чтобы нанять адвоката, эти деньги будут конфискованы. Все, что ты скажешь, подумаешь или не захочешь признать, может и будет использовано против тебя. Тебе никогда не будет сообщено, по каким обвинениям ты арестован, а также не будет позволено ни увидеть тех свидетелей, которые могут быть вызваны в суд для дачи показаний о твоей виновности, ни получить информацию, сколько им за это заплатили. В период заключения ты будешь обязан платить за камеру и за свое содержание по рыночным ценам. Если это окажется тебе не по карману, тебя будут регулярно бить. У тебя не будет права на медицинское обслуживание. У тебя не будет права на выздоровление. У тебя не будет права на похороны. Ты хорошо меня понял?

— Возможно, я был недостаточно щедр. Следует ли мне подкинуть немного силосу? У меня есть отличные связи насчет первосортной люцерны пополам с клевером.

Эсме подергала Вилла за рукав, а когда тот нагнулся, еле слышно прошептала:

— Что-то горит, я чувствую запах.

Теперь это учуял и Вилл. Покрутив головой, он заметил струйку дыма, поднимающуюся от наваленных на стол бумаг.

— Э-э... — Нат и быки продолжали яростно спорить; Вилл помахал рукою в воздухе. — Похоже, у нас тут какие-то сложности.

С негромким «пых» бумаги вспыхнули пламенем.

Быки замолкли и в тревоге попятились. Одновременно Нат заорал: «Берегись!» — и бросился к столу, стараясь сбить огонь своей шляпой. Однако все его усилия закончились лишь тем, что он сбросил часть горящих бумаг под стол, в забитую делами картонную коробку.

Огонь быстро распространялся.

Сработала пожарная сигнализация, завывала сирена. Обезьяны визжали и прыгали между столом и железными шкафчиками, в животной панике сшибая бумаги на пол. Объятые той же паникой человекобыки носились из угла в угол, шумно хлопая крыльями. В этом всеобщем смятении Вилл едва ли не по случайности краем глаза заметил, как Нат ускользнул в ту самую дверь.

Тогда он схватил свой паспорт, схватил Эсме за руку и, никем не остановленный, последовал за Натом. И только в последний момент догадался тихонько прикрыть за собою дверь.

Нат был уже в конце коридора, и перед ним раздвигались в стороны две бронзовые двери. Не дождавшись, когда они раздвинутся совсем, Нат нырнул в грузовой лифт и ударил по кнопке. «Подожди!» — крикнул Вилл, крикнул сдавленным голосом, чтобы вдруг не услышали в сто втором кабинете. Они с Эсме вбежали в лифт, двери сошлись, и кабина пошла вниз. Нат крепко их обнял.

— Ох, дети! — выдохнул он. — Забавно было, правда? — Ты совсем сошел с ума, — скрипнул зубами Вилл. — Ну зачем же было ехать по поддельным документам, когда в «Обероне» нормальные попросту раздавали? А теперь мы нелегальные иммигранты без документов и с боги знают сколькими преступлениями на своем

счету.

— Зато уж оттянулись в полный рост, а это многого стоит.

— О таких мелочах, как утрата всего багажа, даже не стоит и вспоминать.

Нат помахал руками, как птица крыльями.

— Зато какое облегчение, что не нужно таскать все эти котули.

Двери лифта раскрылись в обшарпанный вестибюль. Толкнувшись в дверь, они вышли наружу, глаза, как по улице, мощенной синими глазурованными плитами, проходят мастодонты в красно-оранжевых попонах, а с ними верблюды, волынщики и парочка серпентистов, всюсю наявивавших марш Сузы^[32].

— Парад, парад! — заплесала от возбуждения Эсме. Следом за музыкантами вытанцовывали голые нимфы.

Их головы и рожки были обвиты плющом, весело помахивали коротенькие козьи хвосты. Полди, хайнты и хайтер-духи стремглав перебегали с тротуара на тротуар, размахивая длинными шелковыми косынками, а вверху, над головами у всех, крутили сальто Лебедевы. Вилл и представить себе раньше не мог такого великолепия, и оно простиралось вдоль улицы, сколько хватало глаз, и в ту и в другую сторону.

— А по какому это случаю? — спросил он Ната.

— А у них всегда тут что-нибудь, — пожал плечами Нат. — Какой-нибудь фестиваль, избирательная кампания, да это, собственно, и не важно. Когда живешь в большом городе, быстро ко всему привыкаешь.

Он поймал Эсме за руку и зашагал по улице к какой-то одному лишь ему ведомой цели.

Город ослеплял и оглушал Вилла, от него кружилась голова, он вселял в сердце страх. Даже не считая музыкантов, танцоров на ходулях и духов с объятными пламенем шевелюрами, он не узнавал и половины племен, наблюдавших за парадом с обочины. А были еще и костюмированные участники парада, успевшие уже отыграть свою роль и отдохавшие на тротуаре со все еще раскрашенными лицами и банками пива в руках, и активные зрители, заляпавшие себя кровью или надевшие для такого случая семимильные колпаки и боа из

розовых перьев, так что он толком и не понимал, кто тут участник процессии, а кто нет. Казалось, что весь Вавилон — это один огромный праздник.

Виллу тоже хотелось бы поучаствовать в этом празднике — без, как он начинал уже думать, неудобного и беспокойного присутствия Ната Уилка.

— А чего это рука твоя дергается? — спросила Эсме.

Вилл удивленно опустил глаза; его рука двигалась сама по себе, как отдельное живое существо. А теперь обе его руки поднялись на уровень лица и правый указательный палец выписывал на левой ладони невидимые буквы. Вот «О», вот «Н», вот «И», вот еще раз «И»...

— «Они идут», — прочитал Вилл.

— Кто «они»? — насторожился Нат.

У-л-а...

— Уланы.

Из тех же самых двойных дверей, из которых минуту назад вышли они сами, выехал кавалерийский взвод. Чтобы не стукаться головами о притолоку, уланы низко пригибались, а потом, проехав, снова распрямлялись и придерживали коней. Высокий эльф, явно бывший у них командиром, окинул улицу взглядом — сперва в одну, а потом в другую сторону. Когда его взгляд упал на Вилла, тот ощутил зябкую дрожь. И тут же командир указал своей саблей прямо на него.

— Солдаты! — радостно взвизгнула Эсме.

— Вот же сучары, — добавил Вилл.

Уланы построились в каре и взяли пики наперевес, чтобы расчистить себе путь. По отрывистому, как собачий лай, приказу командира они легкой рысью двинулись вперед. Толпа расступалась с живейшей охотой. Командир, единственный из них обходившийся без пики, высоко вскинул руку; из его ладони сверкнул яркий свет, его губы шевелились, произнося заклинание. Вилл почувствовал, как все его тело тяжелеет, как воздух становится густым и вязким.

— Не бойсь, — сказал Нат. — У меня есть заклинание куда сильнее этого.

Его рука метнулась к внутреннему карману куртки и вытащила толстую пачку долларов, перетянутую красной резинкой. Он откинул руку, словно держал в ней гранату, а затем сдернул пальцем резинку, швырнул всю пачку в воздух и что было сил проорал:

— Де-е-еньги!

Пожар в сумасшедшем доме. Парад мгновенно рассыпался, его участники бросились ловить медленно падающие купюры. Те, что стояли на тротуаре, боролись за место под волшебным денежным дождем. Карлики бегали на четвереньках, подбирая купюры, так никем не пойманные в полете. Уланы, которых никто уже не боялся, растерянно остановились посреди бушующей толпы. Некоторым из них приходилось даже отбиваться, чтобы не сдернули с коня.

— За мной.

Нат бросился в ближайший проулок, пробежал его до самого конца. Вынырнув на какой-то другой улице, он перебежал ее перед самым носом троллейбуса, который откликнулся отчаянной трелью звонка и россыпью синих электрических искр. Тяжело отдуваясь, потому что Эсме была не такой уж и легонькой, Вилл догнал Ната в тот самый момент, когда тот добежал до спуска под землю. Он поставил Эсме на ноги, и они следом за Натом понеслись по лестнице вниз. В конце лестницы был перрон общественного лифта; чтобы не возиться с деньгами и билетами, они перемахнули через турникет и втиснулись в переполненный экспресс нижнего направления.

Хотя снаружи сияло полуденное солнце, Нижний Ист-Сайд был окутан полумраком. На улицах горели фонари, и раз уж их не выключили сейчас, то во все прочие времена суток не выключали и подавно. На одной стороне улицы стояли вполне обычные здания, но те, что на другой, выглядели так, словно их вырубили из глыб дикого камня.

— Сюда, — сказал Нат, ныряя по замызганной лестнице в подвал, над которым горела вывеска «Дыра Герцогини».

В салуне стоял неистребимый запах прокисшего пива. Два всеми покинутых игровых автомата подмигивали цветными огоньками и сами себе что-то бормотали. Облицованные грубо отесанным камнем и покрашенные черной краской стены были увешаны светящимися рекламами пива и окантованными постерами Джека Демпси и Мохаммеда Али^[33]. В одном из углов висел телевизор, то ли

выключенный, то ли навеки заглохший.

По ту сторону стойки, заполняя почти все пространство, какое было, сидела огромная жаба. У нее были тяжелые веки, толстенные губы, бессчетная масса мягких, свободно болтающихся подбородков, большие выпученные глаза и скептическое, на грани презрения ко всему сущему выражение морды. Чуть приподняв левый уголок огромного рта, она безразлично спросила:

— Вам что, жентельмены?

— Вы, наверно, и есть Герцогиня. Меня зовут Нат Уилк. — Нат сел и поставил локоть на стойку. — Похоже, клевая девка.

— Не обманывайся моей девичьей внешностью, вислоухий ты мальчик. Я много старше, чем выгляжу, и мне насквозь знакомы все виды жульничества, мухлежа, обмана и грошовой магии.

— Все, да не все. Этот я только что придумал. — Нат положил на стойку железную шайбу — металлическую кругляшку с дыркой размером примерно в гривенник. Рядом с шайбой он кинул четвертак. — Десять долларов, что я протолкну этот четвертак через эту шайбу.

Жаба потеряла шайбу между пальцами. Затем поднесла ее к глазу и посмотрела сквозь дырку. Затем с той же тщательностью обследовала четвертак. И под конец сказала:

— Хорошо, иду на десятку.

Нат взял шайбу, просунул палец в дырку и толкнул им четвертак. Секунду Герцогиня молчала, а затем рассмеялась и стала вытаскивать из-под стойки сигарный ящик.

— Просто запиши на мой счет, — остановил ее Нат. — Думаю, я буду приходить сюда довольно постоянно. Начнем, пожалуй, с ленча. На троих.

— Дело нехитрое. — Герцогиня взяла огрызок мела и написала в свободном уголке сплошь исчирканной надписями стены: НУ, \$ 8.45.

Нат перегнулся через стойку и пальцем стер 45 центов.

— Чаевые, — объяснил он. — Слышь, а у тебя нету, случаем, новой колоды карт?

Жаба достала из-под стойки колоду.

— Три зеленых.

— Нет, в смысле — казенная.

— Четвертак.

Она заменила колоду на вроде бы точно такую же и подбила счет. Нат взял у нее мел и заменил конечную пятерку на ноль. Герцогиня улыбнулась.

Она ушла на кухню, чтобы через несколько минут вернуться с двумя корзинками поджаренных бутербродов с сыром, и нацедила из крана три кружки пива. Когда с ленчем было покончено, Нат заказал пачку «Мальборо» и уменьшил конечный счет еще на гривенник.

— Первая, как мы попали в этот город, — заметил Вилл, блаженно затягиваясь.

— Впервые у нас? — спросила Герцогиня. — И Вавилон, конечно же, не такой, каким он тебе представлялся.

— Я думал, все это сплошь одно здание.

— Все так думают. Но единое здание — это очень негибкая структура. Времена меняются, и все, что нужно, меняется вместе с ними. Когда-то народ ездил в конных повозках и зимой спал по дюжине в комнате, чтобы теплее. Теперь все конюшни и каретные сараи перестроены в апартаменты, потому что центральное отопление и все хотят селиться без ничьих посторонних глаз. Нимрод понимал это с самого начала и потому построил не город, а вроде как каркас города — двойную спираль с перемычками, стоящую на этой самой вулканической пробке. Здания сносят и ставят новые, а город продолжает существовать. Большого провиденья был человек, царь Нимрод.

— Была знакома с ним лично, если я верно тебя понимаю? — спросил Нат, явно забавлявшийся этим разговором.

— Я ведь не всегда была такой, как сейчас, — высокомерно заметила Герцогиня. — В давно минувшие времена я была юной и простодушной. К тому же настолько маленькой, что поместилась бы в чайную чашку. Я жила тогда в трещине скалы на склоне Арарата, рядом с узкой тропинкой к его вершине. Каждое утро царь Нимрод шел по этой тропинке, чтобы пением сделать гору выше, и каждым вечером он спускался по ней назад. Такой уж у него был обычай, и я

нимало об этом не задумывалась, потому что была тогда глупенькой тварью, не умевшей ни излагать свои мысли, ни хотя бы мыслить здраво... Однажды Нимрод так и не стал подниматься на гору. О, что за день это был! Страшные грозы сражались в небе подобно драконам, по скалам хлестали молнии, земля сотрясалась до самых своих оснований, гора плясала и прыгала. Нет слов, способных описать этот разгул стихии. Это был тот самый день — но прошли столетия, пока я это осознала, — когда вынужденный страшной опасностью Нимрод вызвал море, дабы сокрушить своих недругов. Арарат гудел, как огромный колокол, когда океанские воды били по нему яростнее любого молота, затопляя по Нимродову приказу луга и создавая попутно Бухту Демонов, и по сию пору остающуюся для Вавилона главным портом и главным источником его процветания. Но ты, наверное, слышал эту историю.

— Да, — кивнул Вилл.

Нат торжественно продекламировал:

До начала истории, до начала времен
Царь Нимрод вел народ из Урдумхайма.
По глухим пустыням они бежали
В топи и хляби в годину потопа...

Сменив громогласное громоухание на будничный голос, он добавил:

— Я могу, если хотите, прочитать все восемь тысяч строк.

— Кто сейчас рассказывает, ты или я? — окоротила его Герцогиня. — На следующий день Нимрод появился, только шел он на гору без прежней бодрости, нога за ногу. На лице его было недовольство, он взглядом обшаривал все вокруг, словно что-то искал и не мог найти. Заметив в скальной трещине жабу, он, по минутному капризу, остановился и подобрал меня. И обратился ко мне с такими словами: «Взгляни на дела мои, маленькая квакушка, и отчайся». Из его глаз струились слезы, ибо ценою, уплаченной им за освобождение своего народа, стала смерть. Все они были от рождения бессмертными, а он привязал их к колесу времени. Само собой, я ничего не сказала. Но Нимрод все равно говорил сам с собой, ибо если Могучие и нуждаются иногда хоть в каких-либо слушателях своих монологов — в тот раз эта роль досталась мне, — то никакой

реакции им уж точно не нужно. «Умались, — сказал он, — мои силы. Гору, которая должна была стать нашей крепостью, я не могу больше вырастить ни на ладонь. Лучше свобода и смерть, думал я, чем бесконечная жизнь в рабстве. А теперь моя уверенность поколебалась. Какой смысл что-то строить, если когда-нибудь оно непременно разрушится? Если когда-нибудь я непременно умру — к чему тогда ждать? Завтра ничем не лучше, чем сегодня. — Он взглянул на меня так, словно увидел впервые. — Но тебе это слово неведомо, так ведь? Животные понимают смерть лишь тогда, когда она прямо к ним приходит. Ну что ж, у меня сохранилось еще достаточно сил, чтоб заставить тебя понять». И его пальцы, бывшие до того очень осторожными, сомкнулись вокруг меня подобно клетке. Медленно, постепенно сжимал он их в кулак, выдавливая из меня мою жизнь. Я барахталась, сопротивлялась, но все, конечно же, было тщетно. О, сколь велик был мой ужас! И в тот момент я действительно осознала смысл и природу смерти.

— И что же ты сделала? — поинтересовался Вилл.

— Я сделала то, что сделала бы в такой ситуации любая уважающая себя жаба. Я написала ему в ладонь.

— Довольно рискованный поступок, — поморщился Нат, — особенно если учесть, что Нимрод был не только волшебником, но и Силой.

— Откуда мне было знать? Что там знает долбаная жаба?

— Ну и что же было потом?

— Нимрод рассмеялся и отпустил меня. «Живи, маленькая жаба, — сказал он в напутствие, — расти и процветай». Получив свободу, я забила в скалу так глубоко, как только сумела, и был еще, как видно, в его словах остаток могущества, потому что здесь я и нахожусь с того самого времени.

— Тяжело, наверное, быть вечно запертой в каменном пузырьке без всякой возможности его покинуть?

— Я получаю газету. Я слушаю приемник. Как правило, я зарабатываю вполне достаточно, чтобы себя прокормить, а если нет, то впадаю в спячку. И такая жизнь тоже жизнь.

В этот момент раздался грохот, словно по лестнице катилась лавина железной посуды. Дверь распахнулась, и в грохоте копыт, в

фонтанах щепок сразу за порогом замерла худосочная вороная кобылка. Лестница в подвал была винтовая и очень крутая. Не иначе как ноги у этой лошадки были из лучшей резины — а то как бы она спустилась? А жилы в них сплошь стальные — а то как бы смогла она мгновенно остановиться? И тут же одним гибким движением с нее соскользнул всадник — тот самый, прежний капитан уланов.

Вилл замер, не успев закурить новую сигарету. На лице у сидевшего напротив Ната появилась грусть пополам с обидой.

— Ты настучала на нас, — укорил он Герцогиню. Жаба поморщилась как от чего-то неприятного.

— Ты симпатяга, — сказала она, — а я люблю симпатяг. Но про охоту на вас орет весь полицейский сканнер, а я никогда не рискую и только тем и сумела дожить до такого возраста.

Лошадь распрямила ноги и по-собачьи встряхнулась. Ее всадник в пылу погони то ли потерял, то ли где-то оставил свою саблю, а заодно и весь свой взвод, однако на боку его все еще висел пистолет, и естественность движения, которым его пальцы расстегнули кобуру, явно намекала, что при нужде пистолет очень быстро прыгнет ему в руку.

— Капитан Багабьяксас, — представился он и коротко поклонился. Капитан был изящно худощав, с резкими чертами удлинённого лица. — Боюсь, я буду вынужден задержать вас для снятия показаний.

Закуривший все-таки Вилл выпустил облачко дыма. Затем сунул два пальца в карман и вытащил свой многострадальный паспорт.

— Вот, уж это-то вы точно спросите.

— Да, конечно. Спасибо. — Капитан принял паспорт, ни на мгновение не опуская взгляда, и сунул его в карман мундира. — Вы достаточно разумные ребята, а любой, у кого есть хоть крупинка разума, оказавшись в вашем положении, оставит все мысли о побеге. — Эсме, сидевшая у Ната на коленях, протянула руку и погладила лошадь по носу; по лицу Багабьяксаса скользнула тень улыбки. — Советую вам даже не пытаться. Если будете вести себя спокойно, это зачтется вам в плюс.

Вилл мельком взглянул на Ната и увидел, как глаза полноправного мастера Гильдии Жуликов на мгновение метнулись к

кухонной двери. Там, значит, находится задняя дверь, а за нею служебный коридор, а дальше — миллионы дорог. И всего-то и надо, что секундное отвлечение.

Еле слышно, одними губами Вилл шепнул тот нейтральный гласный.

Мундир улана вспыхнул.

Как листья, гонимые ураганом, они пронеслись через кухню и вылетели в заднюю дверь. Нат бежал первым, Эсме сидела у него на плече и оглашала воздух громким хохотом. Вилл старался от них не отставать.

— Ты... ты каждый день так развлекаешься? — спросил он, чуть задыхаясь, когда они вбежали в служебный коридор, уныло окрашенный зеленой краской.

— Слишком их много, этих развлечений. Но если уж ты решаешь стать мошенником, это входит в обязательный набор. Ну, как тебе понравилась Герцогиня? — Нат добродушно хохотнул. — Отличная девка, верно? Жаль, что нам не доведется работать с нею вместе.

— Стойте! Не двигаться!

В дальнем конце коридора стоял Багабъяксас, в горящем мундире, с горящими волосами, но все еще — сумасшедший дом! — полный решимости помешать их побегу. Его рука привычно вскинула оружие. Пуля с визгом пробуравила воздух между Натом и Виллом; мгновение спустя раздался звук выстрела, настолько громкий в тесном помещении, что Вилл минуты на две утратил слух.

Они снова бросились бежать.

Багабъяксас их преследовал.

Они пробежали один кошмарный, как в фильме ужасов, коридор за другим, но никак не могли отвязаться от пылающего улана. Он выстрелил еще трижды — три новых удара по Вилловым ушам. Но затем, когда Вилл пробежал мимо железной двери, запертой с той стороны на цепочку, но чуть-чуть приоткрытой, его рука по собственной своей воле схватилась за край двери, чуть не вывернув плечо из сустава. А затем он упал на пол и увидел перед собою

треугольный просвет между дверью и сильно перекошенным косяком.

— Ни с места! — полоснул по ушам голос Багабьяксаса.

Вилл лихорадочно протиснулся в узкий просвет и тут же упал с короткой, по счастью, металлической лестницы. Еще поднимаясь на ноги, он услышал грохот — распаленный погоней, в пылающем мундире, улан яростно рвал ручку двери. Нет, цепочка так долго не выдержит.

Вилл побежал.

Крысы бросались от него врассыпную, под ногами хрустели тараканы. Он находился в огромном темном пространстве, пронизанном кое-где массивными двутавровыми балками и освещенном нечастыми жалкими лампочками, чей свет едва добирался до пола. Небесный промысел или слепое везение ввели его в один из целой сети туннелей, спирально восходивших, виток за витком, к верхушке Вавилонской башни.

Держась подальше от смертельно опасного третьего рельса и вслушиваясь в темноту, не едет ли, часом, поезд, он пошел по одному из путей. Иногда вдали что-то громыхало, а один раз из туннеля и правда вырвался поезд, прогрехотал в каких-то дюймах от Вилла, с дрожью вжавшегося в стену, и надолго его ослепил. Когда Вилл снова стал видеть, в туннеле царило глухое молчание и ничто за спиной не горело — Пылающий Улан то ли сбился со следа, то ли оставил свою погоню. Эта опасность Виллу не угрожала. Но он безнадежно заблудился.

Он шел и шел, сам не зная куда, а через какое-то время увидел впереди канализационного сантехника — хайнта в высоких резиновых сапогах и пластиковой каске.

— Что ты тут делаешь, белый парень? — спросил хайнт, когда Вилл его поприветствовал.

— Я заблудился.

— Ну так лучше разблудись. Здесь можно схлопотать себе на жопу большие неприятности.

— Я бы и рад, да не могу, — начал Вилл. — Я не знаю...

— Это твоя жопа, — пожал плечами хайнт. Он просочился в

стену и исчез.

Вилл ожесточенно сплюнул и пошел дальше.

Он понял, что забрел на опасную территорию, когда его левая рука неожиданно поднялась и сама, по собственной воле крепко вцепилась в правую. Стой! — приказал он себе, ощущая, как по венам бежит адреналин.

Сколько Вилл ни всматривался в темноту, он не увидел ровно ничего. Далекая лампочка бросала на рельсы еле заметный отблеск. Опоры свода стояли густо, как деревья в полном лесу. Он не мог разобрать, как далеко этот лес тянется, однако по какой-то свободе воздуха чувствовалось, что здесь сходятся несколько путей и какое-то время идут параллельно.

Далеко-далеко позади светились путевые сигналы, чуть заметные зеленые и красные точки.

И вдруг он как-то сразу осознал, насколько легко здесь зайти ему в спину. Может быть, лучше, подумал он, вернуться назад.

Но тут же невидимый кулак с размаху ударил его под дых.

Вилл сложился почти что вдвое, и в тот же самый момент его руки оказались в цепкой хватке. Невидимые враги толкнули его вперед и силой поставили на колени. Его голова свисала почти до земли.

— Отпустите его.

Голос был спокойный и уверенный, голос вождя.

Чужие руки убрались, оставив Вилла стоящим на коленях. Превозмогая боль, хватая открытым ртом воздух, он распрямил спину и, сколько мог, осмотрелся.

Он был в плотном кольце.

Они — кем бы там они ни были — окружили его, нимало не нарушив тишины. Слух у Вилла был острый, но даже и теперь он не мог разобрать по звуку, сколько их и где они. Зато каким-то дополнительным чувством ощущал на себе все множество их взглядов, а потом постепенно начал видеть и их глаза.

— Ну, парень, ты и вляпался, — сказал тот же самый голос.

Глаза говорившего горели красным огнем.

— Ну так что? Баст^[35] слопала твой язык? Я предоставляю тебе возможность объяснить, почему ты вторгся на территорию Армии Ночи. Другой возможности ты не получишь.

Вилл делал все возможное, чтобы побороть свой страх. Здесь была огромная опасность, но вместе и отличная возможность — если сумеешь ею воспользоваться.

— Я признаю, что это ваша территория, — сказал он с дерзкой уверенностью, которой отнюдь не чувствовал. — Я вторгся на нее совершенно случайно. Но раз уж я здесь, то надеюсь, что вы позволите мне остаться.

— О? — спросил все тот же, ставший вдруг опасным голос.

— У меня нет денег, нет документов и нет друзей. Мне нужно место, где можно было бы жить. А это место выглядит не хуже любого другого. Позвольте мне вступить в вашу армию, и я отплачу вам службой.

— Лорд Уиэри^[36] знает, что ты беглец, — прошептал другой голос. — Скрыть такую вещь невозможно, уж тем более здесь, в темноте. Здесь ничто не отвлекает, нет солнечного света, слепящего глаза.

— Кто за тобою гонится? — спросил лорд Уиэри. Вилл подумал о политической полиции, об уланах, о Пылающем Улане — особо, и криво усмехнулся:

— А кто не гонится?

— А он хорошенький, — сказала нечто женского рода. — Если уж не драться, мы могли б найти ему другое применение.

Три-четыре ее дружка захихикали.

— Фу, Дженни, — пробормотал один из них. — Ты плохая девочка.

— Лорда Уиэри все это позабавило, — прошепелявил шептун, — а потому он склонен к милосердию. Но здесь, у нас, милосердие простирается не слишком далеко. Ты будешь избит и прогнан прочь, ведь иначе твои преследователи могут взяться за Армию Ночи.

— Срань все это собачья! — сказал новый голос. — Сумасброды подослали его к нам, чтобы шпионил. Прикончить, вот и все.

— Не тебе, Оборванец, решать, — резко бросил лорд Уиэри.

— *Siktir git!*^[37] — выплюнул Оборванец. — Мы же знаем, кто он такой!

— Разве мы дикари? Нет, мы сообщество братьев. И все, что здесь делаем, будет делаться согласно нашим законам.

Последовала долгая пауза, во время которой, как представилось Виллу, лорд Уиэри обвел свою шайку взглядом — не рискнет ли кто-нибудь ему возразить. Когда таковых не нашлось, он продолжил:

— Благодарю за это сам себя.

Вилл не стал спрашивать, что лорд Уиэри имел в виду. Здесь вокруг него была уличная шайка — мальчишкой он и сам в таких участвовал. У шайки всегда был вожак, всегда был смышленный парень, державшийся рядом с вожаком и дававший ему советы, и всегда какой-нибудь смутьян, стремящийся сместить вожака. У них всегда были законы, никогда не обретавшие письменной формы. Их правосудие неизменно сводилось к *lex talionis*^[38]: глаз за глаз, зуб за зуб, битая морда за оскорбление. Они всегда разрешали свои разногласия дракой.

— Испытание боем, — сказал Шептун.

Кто-то чиркнул спичкой; негромко зашипев, керосиновый фонарь швырнул ослепительно-белый свет на потолок с густым переплетением балок, заставив их прыгнуть в глаза и тут же снова затаиться, когда фитиль был прикручен до минимума.

— Ты можешь встать, — сказал лорд Уиэри.

Вилл поднялся на ноги.

Перед ним неровным полукругом стояли два-три десятка феев. Они были разных племен и рас, высокие и низкие, мужчины и женщины, с единственной общей чертой: жалковатой злобностью, делавшей их похожими на стаю бродячих собак, которые знают, что

им не справиться с жителями деревни, но тем охотнее растерзают одинокого безоружного путника. Были тут и такие, сквозь которых смутно, как сквозь закопченное стекло, просачивался свет фонаря, — хайнты, конечно же.

Прямо напротив Вилла стоял, судя по гордой осанке прирожденного лидера, сам лорд Уиэри; у него была бледная кожа, высокие скулы и удлинённые, чуть заостренные уши, характерные для высоких эльфов. Ни Шептуна, ни Оборванца Вилл распознать не смог.

Но затем уморительно тощий болотник выбежал из группы и закричал, тыкая Вилла тощей, как тростинка, рукой:

— Да он же один из этих долбанных Сумасбродов! Убить его надо, убить, вот и все!

Вот и Оборванец нашелся.

Вилл решительно шагнул вперед и плечом оттолкнул болотника в сторону.

— Ну, убейте меня, если сможете, — сказал он лорду Уиэри. — Только вряд ли вам это удастся. Если вы во мне сомневаетесь, выставляйте вашего бойца. Самого крупного, самого сильного раздолбая, какой у вас только есть, чтобы потом не было никаких сомнений, что я, если вдруг будет нужно, побью любого из вас. Я это серьезно, без трепы. А затем, если вы меня примете, я охотно присягну на верность и поставлю все свои способности вам на службу.

— Красиво говоришь, — негромко заметил лорд Уиэри. — Но слова — валюта дешевая, а времена очень трудные. — А затем, возвысив голос, он обратился к своим друзьям: — Так кого же мы выставим?

— Костолома, — предложил чей-то голос.

— Костолом... Этот может... Здоровенный бычара... Да, Костолом, — согласно забормотало множество голосов.

Неспешной ковыляющей походкой из тени вышла абсолютно голая, поросшая шерстью личность с куском железной трубы в руках. Это был вудвоуз, лесной дикарь. Виллу уже доводилось видеть диких людей, по преимуществу в Старом лесу. Мало отличавшиеся от животных, они все же могли членораздельно изъясняться на самые

простейшие темы, а природная хитрость и коварство делали охоту на них очень опасным занятием. Неспособные совладать ни с каким образом жизни, кроме жалкого существования охотников-собирателей, и ни с какими орудиями, более сложными, чем заостренная палка, они навсегда застряли в древних, предрассветных временах. Механизмов они боялись, спать в домах наотрез не желали, хотя иногда и случалось, что раненый вудвоуз искал себе убежища в каком-нибудь сарае. Трудно было себе представить, какой извилистый путь привел этого персонажа в сверхгород, ничем не похожий на его естественную среду обитания.

Вудвоуз зашевелил губами, пытаясь — трудная работа — сформировать слова.

— Имел тебя, — сказал он наконец и добавил после длительной паузы: — Жопа.

— Сэр, я охотно принимаю ваш вызов, — галантно поклонился Вилл. — Я сделаю все от меня зависящее, чтобы не травмировать вас непоправимым образом.

Лохматую шерсть, сплошь покрывавшую лицо дикаря, прорезала злая ухмылка.

— Говнюк, — сказал он. — Засранец.

Это тоже имелось в каждой банде, какую Вилл только видел: крупный тупоголовый тип, не способный ни на что, кроме как драться.

Лорд Уиэри растворился в темноте и вскоре вернулся с железной трубой, примерно такой же, как у вудвоуза.

— Правил никаких, — сказал он, передавая железяку Виллу. — Кроме одного-единственного: кто-то из вас должен умереть. — И спросил голосом спортивного рефери: — Бойцы готовы?

— Мать твою на.

— Да, — сказал Вилл.

— Тогда тушите свет.

И тут же на Вилла обрушилась тьма.

— Я ничего не вижу! — закричал он в ужасе.

— А мы видим.

В голосе лорда Уиэри явно звучала улыбка.

С негромким шелестом босых ног по бетону Костолом бросился в атаку.

Хотя Вилл ощущал себя совершенно ослепшим, в туннеле были, по-видимому, какие-то крохи света, потому что он заметил, как блеснула труба, опускавшаяся прямо ему на голову, и еле-еле, но все же успел двумя руками вскинуть над головой свою собственную трубу.

От силы удара у него подломились колени. Вудвоуз снова вскинул трубу и ударил ею как мясник топором, целясь Виллу по голени: Вилл едва успел отскочить, а труба со звоном выбила из рельса целый фонтан искр. Задыхаясь, он с удивлением осознал, что все еще ни разу не попытался ударить.

Как и любой деревенский парень, Вилл умел драться квотерстаффом — длинной палкой с окованными железом концами, но дикарь все время держал свою трубу за один конец и дрался ею как дубиной. Это была размашистая, сопряженная с большими усилиями техника, с которой Виллу не приходилось еще встречаться. Новый удар, и конец дубины промелькнул в опасной близости от его груди. Еще бы пара дюймов, и переломал бы все ребра. Словно размахивая бейсбольной битой, дикарь остановил полет своей дубины и тоже горизонтально, но чуть повыше повел ее назад. Вилл пригнулся, и очень вовремя, иначе этот удар размозжил бы ему череп.

Вилл едва ли не наугад взмахнул своей трубой и почувствовал, как она отскочила от ребер вудвоуза. Но дикарь не попятился и никак не замедлил движений, его труба пронеслась сверху вниз, целясь Виллу в плечо. Вилл отклонился, так что труба лишь вскользь зацепила его по руке, но и этого оказалось достаточно, чтобы рука онемела от боли и ее пальцы выпустили свой конец оружия. Теперь Вилл держал трубу не двумя руками, а одной, да к тому же левой.

С той стороны, где стояли зрители, донесся одобрительный ропот, но никак не больше, никаких криков восторга. Из чего получалось, что ночные армейцы не слишком-то жалуют Костолома, как бы они ни ценили его умение драться. Боль пробудила таившегося в Вилле дракона, всколыхнула волну безумной ярости, которая грозила захлестнуть его сознание и смыть, как мусор, все

попытки мыслить здраво. Почти невозможным усилием воли Вилл смирил эту волну. Вращая трубу над головой, он сделал ложный выпад в сторону плеча вудвоуза, а когда тот вскинул на защиту свое оружие, изменил направление удара. Труба ударила Костолома по лбу и со звоном отскочила. Тот помотал всклокоченными дредами и снова вскинул свое оружие.

В этот самый момент из глубины туннеля донесся нарастающий грохот. Поезд! Вилл зажал трубу под мышкой, словно копье, и бросился на противника; сильный удар в грудь чуть не опрокинул того на спину.

Из-за поворота вырвался поезд, его фара расцвела, как полночное солнце. Вилл отскочил к дальней стороне пути и прижался к опоре, всей спиной ощущая ее холодную несокрушимость. На другой стороне пути Костолом дернулся было вперед, но тут же остановился, отступил и отвернулся, прикрывая глаза здоровенной корявой ладонью.

Прикрывает глаза? Интересно.

Поезд промчался мимо Вилла, толкнув его воздушной волной, словно мягким теплым кулаком. Он на мгновение заметил в окне вагона изумленные лица пассажиров и лишь затем вскинул руку к глазам, защищая их от мучительно яркого света.

Поезд проехал. Вилл снова открыл глаза, но увидел все то же, что и с закрытыми, — бестолковую суету ярких цветных пятен.

— Ослеп, говнюк, — хохотнул Костолом. — Срань раздолбучая.

Вот теперь-то Вилл действительно испугался.

Но вместе со страхом пришла и ярость, а ярость ослабила запреты и облегчила Виллу обращение за помощью к драконьей тьме, таившейся внутри него. Он почувствовал, как она поднимается, и твердо ее осадил, наотрез отказавшись давать ей первую руку. Но тьма не оставляла стараний, по его жилам бежал огонь, в горле поднималась жуткая песня. Тьма пыталась вырваться на свободу.

Он слышал шорох босых ног Костолома по рельсам и попятился.

Теперь он обрел внутреннее зрение, словно пронзавшее мрак. Все оставалось тенью, тенью тени, однако он твердо знал, что вот этот, прямо напротив, подвижный мрак — это вудвоуз, который тихо

на него надвигается, поднимая железную дубину для последнего сокрушительного удара.

Драконья ярость рвалась с поводка, и Вилл ее немного приспустил, чтобы иметь возможность броситься в контратаку. Он отшвырнул трубу и шагнул вперед, прямо под удар. Левой рукой вырвал у дикаря его дубину и тоже отшвырнул ее в сторону, а правой сдавил ему горло.

Затем он наклонился и схватил противника за бедро. Шерсть у вудвоуза была жесткая, как у эрделя, и сплошь в колтунах. Слегка напрягшись, Вилл вскинул его над головой. Вудвоуз пытался ругаться, но издал лишь несколько сдавленных звуков — рука Вилла, сжимавшая ему горло, превратила ругательства в полузадушенный хрип.

Теперь этот ублюдок был абсолютно беспомощен. Вилл мог с размаху размозжить его голову об одну из опор или швырнуть его вниз на свое колено и тем сломать ему позвоночник. И то и другое было бы проще простого.

Нет уж, на хрен это дело.

— Я ничего против тебя не имею, — сказал он дикарю, все еще пытавшемуся вырваться. — Дай мне слово, что ты сдаешься, и я тебя отпущу.

Костолом издал нечто среднее между кашлем и бульканьем.

— Это невозможно. — В голосе лорда Уиэри звучало сожаление. — Наши законы повелевают: до смерти.

Вилла охватило отчаянье. Столько стараться, и чтобы все твои старания отправились псу под хвост из-за какого-то ребяческого воинского кодекса! Ну что ж, придется снова бежать. И вряд ли Армия Ночи будет преследовать его с особым энтузиазмом, только что посмотрев, как он победил лучшего их бойца.

— Если у вас такие законы, — ощерился Вилл, — то срать я на них хотел.

В новом приступе ярости он отшвырнул вудвоуза, как тряпичную куклу.

— Долбанный ублю...

Слово оборвалось в тот самый момент, когда вудвоуз коснулся

земли. Праздничным фейерверком взметнулись электрические искры. Тело дикаря изогнулось дугой и затрещало, как жир на сковородке. По ноздрям ударили запахи жженных волос и подгоревшего мяса.

— Крутенько, — присвистнул кто-то из зрителей. Эти последние минуты Вилл думал о чем угодно, кроме третьего рельса.

Лорд Уиэри составил похоронную команду из четверых членов своей шайки.

— Отнесите Костолома наверх, — приказал он, — и оставьте где-нибудь на видном месте, чтобы о теле позаботились городские службы. И не забудьте положить его лицом вверх! Я не хочу, чтобы одного из моих солдат приняли за животное. — Затем он повернулся к Виллу и хлопнул его по плечу. — Отличный бой, парень. Добро пожаловать в Армию Ночи.

Когда похоронная команда потащила тело Костолома к забвению, лорд Уиэри построил остальных колонной и повел их в противоположную сторону.

— В Нифльхейм [\[39\]](#), - приказал он.

Вилл пристроился в конец колонны и, дрожа всем телом, изо всех сил старался не отставать. Он шел, казалось, уже целую вечность или, что то же самое, совсем никакое время, когда запахи мочи и фекалий, почти незаметные прежде, стали такими сильными, что у него заслезились глаза. Похоже, это место давно заселили. Причем очень густо. Вслед за другими Вилл поднялся по крошащимся бетонным ступенькам на бетонную же площадку.

Здесь был целый город — около сотни лачуг, построенных из деревянных ящиков и картонных коробок; в большинстве их мог поместиться разве что спальный мешок, и ничего кроме. С потолка свисали плетеные корзинки, достаточно большие, чтобы спать в них. Между лачугами были узенькие улочки, где мелькали какие-то тени. Армия Ночи пробралась этими улочками на центральную площадь, где кучка хайнтов и феев сидела на корточках вокруг портативного телевизора, звук в котором был прикручен до еле слышного бормотания. Те, кто не хотел смотреть телевизор, тихо о чем-то беседовали или читали при свечах потрепанные книги в бумажных обложках. Наверху, на стенах, был мозаичный фриз, изображавший

карликов, добывавших руду, выплавлявших металл или что-то там делавших в мастерских. Руническая надпись, высеченная на каменной арке над замурованным шлакоблоками входом в какое-то обширное помещение, гласила: «Вокзал Нифльхейм». Судя по количеству мусора на полу, станция была закрыта очень давно. Навстречу им встала хулдра (что было сразу понятно по ее роскошной фигуре и коровьему хвосту, свисавшему из-под подола).

— Лорд Уиэри, — сказала она, — мы рады приветствовать вас и вашу армию. Я вижу, что у вас появился новичок.

Среди вставших вместе с ней большинство составляли хайнты.

— Благодарю тебя, тан-леди^[40] Хьердис. А новобранец у нас настолько новенький, что не успел даже выбрать себе имя. Теперь он наш главный боец.

— Он? — нахмурилась Хьердис. — Этот *мальчик*?

— Не обманывайся внешностью, этот парень действительно крут. Он убил Костолома.

По площадке прошелестело многоголосое бормотание.

— Хитростью? — усомнился кто-то.

— В открытом и честном бою. Я сам все видел, своими глазами.

На какой-то момент в воздухе повисло напряжение, разрядившееся, когда тан-леди кивнула, принимая услышанное к сведению. А затем лорд Уиэри обратился к ней:

— Нам нужно посоветоваться. Грядут серьезные события.

— Но сперва мы поедим, — сказала Хьердис. — Ты сядешь со мной во главе стола.

К великому Виллову удивлению, вместе с лордом Уиэри был приглашен и он. Видимо, статус главного бойца делал его заодно и советником. На площади быстро появились столы из досок, положенных на молочные ящики и покрытых вместо скатерти газетами. Худощавый коббли расставил толстые пачки газет вместо стульев и одноразовые тарелки. Другой коббли раскладывал по тарелкам еду. Стол тан-леди стоял у самой стены, под мозаичными карликами. Она и самые почетные из ее сотрапезников сидели спиной к стене, а все остальные — напротив.

Еда оказалась получше, чем Вилл ожидал. Часть ее раздобыли на магазинных свалках, куда она попала по истечении срока годности, а часть поступила сверху, от всяких благотворителей. Ели, негромко переговариваясь, при свете коптилок с фитилями из тряпок, обмакнутых в прогоркший кулинарный жир.

Вилл заметил, что, судя по всему, сеть туннелей куда сложнее и обширнее, чем можно было бы подумать, на что Хьердис сказала:

— Ты и представить себе не можешь, насколько она сложна. Прежде в Вавилоне было пятнадцать различных газовых компаний, шесть различных систем теплосетей и Сируш^[41] уж знает сколько систем метро, пневматических поездов, линий неглубокой закладки, подземных троллейбусных линий и пешеходных проходов, которыми никто уже не пользуется. Сюда еще нужно добавить туннели обслуживания энергетической, телефонной, водопроводной и канализационной систем, дождевые стоки, летние убежища от жары, бывшие в моде у толстосумов лет сто тому назад, а еще бомбоубежища, а еще винокурни самогонщиков, да всего и не перечесть.

— Да, — согласно кивнул лорд Уиэри. — Никто не знает тайные пути Вавилона со всей доскональностью — слишком уж много их и слишком они разнообразны. — Его большие, цвета морской волны глаза внимательно изучали Вилла. — А теперь расскажи поподробнее, что тебя к нам привело.

— Говори осторожно и чистую правду, — прошептал ему на ухо Шептун, — иначе этот ужин станет для тебя последним.

Вилл повернулся, но никого рядом не было. Он посмотрел на суровое лицо лорда Уиэри и решил, что к совету Шептуна стоит прислушаться.

Свой рассказ он закончил словами:

— После этого я был изгнан из деревни, и несчастья преследовали меня по всей Малой Фейри и дальше, до Жуткой Башни. Возможно, смерть дракона стала моим проклятьем. Во всяком случае, с того самого дня не было места, которое я мог бы назвать своим домом.

— Теперь, парнишка, у тебя есть дом, и этот дом здесь, — сказал лорд Уиэри. — Мы станем твоей семьей — если ты сам того

захочешь.

Он положил на голову Вилла руку, и того мгновенно захлестнули чувства. Без какой-либо внятной причины он вдруг полюбил эльфийского лорда, словно родного отца. Теплые слезы облегчения покатались по его щекам. А когда Вилл снова обрел дар речи, он спросил:

— А почему вы живете здесь?

Бессмысленный, в сущности, вопрос, заданный только для того, чтобы перевести разговор на более нейтральные предметы, однако отклик на него поступил мгновенно.

— А почему кто бы то ни было живет где бы то ни было? — спросил Шептун.

Вилл повернулся, но опять никого рядом не было.

Затем Хьердис милостиво объяснила, что, хотя верхние считают всех обитателей тьмы троллями либо дикими карликами, в действительности подземных по природе среди них очень мало. Большую часть народа тан-леди составляли хайнты и темные эльфы, ниссы, шелликоуты и вконец разорившиеся феи — кто угодно, кому для жизни в обществе не хватает либо денег, либо добродетели. У них зачастую есть проблемы с наркотиками, алкоголем и психическим здоровьем, однако они по мере сил заботятся друг о друге. Сами они называют себя *йохацу* — «безымянные странники».

— А много таких, вроде этой, общин?

— Их многие десятки, — вступил лорд Уиэри, — а возможно, и сотни. Есть среди них очень маленькие, по шесть или десять личностей. Другие гораздо больше, чем та, которую ты здесь видишь. В общем-то, никто и не знает толком, сколько их, обитателей тьмы. По прикидкам Оборванца, их десятки тысяч. Но они не общаются между собой, не желают работать вместе и вынуждены вести бродячий образ жизни, потому что время от времени иммиграционная полиция находит и уничтожает их поселения, а тех, кто в них жил, разгоняет. Но Армия Ночи изменит положение в корне. Мы — первая и единственная организованная военная сила, когда-либо появлявшаяся в среде *йохацу*.

— А сколько в армии народу всего?

Тан-леди прикрыла улыбку бумажной салфеткой. — Ты видел их

всех, — неохотно ответил лорд Уиэри. — Это новая идея, и она очень медленно проникает в массы. Но Армия Ночи будет расти. Наступит час, и моя мечта воплотится в жизнь. — Его голос звучал все громче. — Оглянись вокруг! Это — отверженные Вавилона, слабые, больные и кроткие. Кто замолвит за них слово? Уж никак не Лорды Мэральности и не Совет Волхвов. Когда-то их защищал Его Отсутствующее Величество, но он давным-давно исчез, и никто не знает куда. Кто-то должен набраться смелости и заполнить возникшую пустоту. Я клянусь Солнцем и Луной, Звездами и Золотыми Яблоками Запада, что с благосклонного позволения Семерых этим местоблюстителем буду я!

Йохацу застыли на своих местах, не разговаривая и почти не дыша. Их глаза сияли как звезды. Хьердис тронула руку лорда Уиэри.

— Перед пищей отступают и самые большие проблемы, — сказала она. — Потом, после еды, мы сможем спокойно все это обсудить.

Когда с едой было покончено и со столов убрали, Хьердис закурила сигарету и пустила ее по кругу.

— Ну так что? — спросила она через какое-то время.

— Последний раз, — сказал лорд Уиэри, — я оставил тебе на хранение кое-какие ящики. Теперь они нам нужны.

По лицу тан-леди пробежала тень.

— Я так и думала, — сказала она с явной неохотой. — Поэтому их уже достали.

Не дожидаясь приказа, шесть нифльхеймеров встали, растворились в темноте и вскоре вернулись, волоча длинные деревянные ящики. Ящики положили перед столом, и по жесту лорда Уиэри Оборванец вскрыл один из них длинным, вроде финки ножом.

Тускло заблестели стволы винтовок. В воздухе пахло смертью.

— А зачем они нам? — осторожно поинтересовался Вилл.

— Тут намечается охота на крыс, — поморщился лорд Уиэри.

— А мы что, будем охотиться на крыс?

— Мы, парень, не охотники, — невесело усмехнулся лорд

Уиэри. — Мы крысы.

Нифльхеймеры напряженно слушали, теперь они сгрудились вокруг стола еще теснее.

— Это все Сумасброды, — пояснил один из них. — Они спускаются сюда раз в месяц, в день Жабы или в день Лабриса, позабавиться им, видите ли, хочется. У них очки ночного видения и такие охранные заклинания, что ты не поверишь, и они берут с собой бейсбольные биты. Мы без особого шума ускользаем, но им, как правило, удается поймать кого-нибудь больного — или слишком старого, или просто уторчавшегося в хлам.

— Это у этих ублюдков хобби такое, — прорычал Оборванец.

— В последний раз им попался Макар Хреновина: несчастный старик надрался и спал, так они, чем отметить его, как обычно, облили бензином и подожгли.

— Я сам видел труп!

— Это полное сумасшествие и очень опасная причуда, — сказал Шептун, — Их папаши сплошь промышленники и Лорды Мэральности. Если погибнет хоть один из ихних щенков, в поисках отмщения они пришлют сюда татей с их саблезубыми волками.

— Я опасаюсь ответного удара, — сказала тан-леди и добавила с очевидной неохотой: — Но эти Сумасброды совсем уже распоясались. Возможно, и правда настала пора ответить на насилие насилием.

— Нет! — почти выкрикнул Вилл.

За обедом он почти ни к чему не притронулся, его все еще мутило от нифльхеймской вони, да и смерть Костолома никак не забывалась. Стоило ему зажмуриться, как перед глазами снова сверкали искры вокруг скорченного трупа. Он же не хотел никого убивать. Все это случилось только потому, что он не продумал ситуацию заранее. Теперь он думал, думал быстро и напряженно.

— Положите винтовки назад.

— Никак ты боишься? — Лорд Уиэри распрямил спину, его осуждение хлестнуло Вилла словно кнутом.

— Я могу разобраться с Сумасбродами. Если хотите, я разберусь с ними сам.

Все замолкли.

— Один?

— Да, один. Но чтобы все это устроить, мне нужна подходящая одежда. Чем аляповатее, тем лучше. И боевая раскраска. Не какая попало, а чтобы краска светилась в темноте.

— Я отправлю наверх наших лучших магазинных воров, — улыбнулась Хьердис.

— И взрывчатка. Лучше бы, конечно, ручную гранату, но как у вас с этим делом — нет? Ладно, а можно как-нибудь раздобыть химикаты для изготовления бомбы?

— Поближе к поверхности есть метамфетаминовая лаборатория, — вступил Оборванец. — Те подонки, что ее держат, свято уверены, что никто про нее не знает. У них там есть здоровые баки этилового эфира и уайт-спирита. Возможно, найдется и красный фосфор.

— А есть у нас кто-нибудь, кто умеет со всем этим обращаться?

— Хмм... Один из наших защитил докторскую по алхимии. Только это когда еще было. Там, наверху. — Оборванец нервно покосился на лорда Уиэри, — До того, как он спустился к нам. Так что я и не знаю, стоит называть его или нет, вдруг ему не понравится?

— У тебя докторская степень? — удивился Вилл. — Так каким же тогда образом... — он собирался сказать «пал так низко», но вовремя прикусил язык, — оказался здесь?

— Беспечность, — пожал плечами лорд Уиэри. — Однажды мне предложили выпить. Мне понравилось, и я выпил еще. Чтобы держать стакан, хватает и одной руки, вот я и начал курить, чтобы вторая не простаивала. Я стрелялся на дуэлях, а отсюда лишь маленький шаг до азартных игр. Я купил себе бойцового петуха. Я купил медведя. Я купил боевого карлика. Я зачастил к портным и шлюхам. От шампанского я перешел к виски, от виски к вину, от вина к денатурату. Через какое-то время я перепробовал все возможные напитки, кроме крови, все разновидности секса, кроме бездарного, и все разновидности правонарушений, кроме насильственной революции... Каждый шаг вниз был мне приятен. Каждый новый жизненный опыт наполнял меня презрением к тем, у кого не хватило на него смелости. И вот, как все вы видите, я здесь.

— А это подлинная история? — усомнился Вилл. — Или притча?

— Твой вопрос, — сказал лорд Уиэри, — много глубже, чем ты сам думаешь: мир, в котором я падал, реальный он или иллюзорный? Множество умов, куда лучших, чем мой или твой, бились над этим вопросом, и все безрезультатно. Как бы там ни было, я сделаю тебе бомбу.

Чтобы составить подробный план, потребовалось несколько часов. Но в конце концов Хьердис встала из-за стола и твердо сказала:

— Хватит. Наш новый боец наверняка устал. Помещение Костолома будет теперь твоим. Я покажу тебе, где ты спишь.

Она взяла Вилла за руку, отвела его в дальний темный угол коробочного поселка и встала на колени перед своего рода палаткой из залатанных одеял, подвешенных к веревкам.

— Сюда.

Приподняв угол одеяла, она забралась внутрь. Вилл последовал за ней.

К его великому удивлению, все внутри сверкало чистотой. На листах картона, служивших и полом, и матрасом, был постелен полинявший тебризский ковер. Ваза, наполненная фосфоресцирующими грибами, озаряла помещение мягким призрачным светом. Все еще стоя на коленях, Хьердис повернулась и сказала:

— Все принадлежавшее Костолому теперь твое. Его палатка. Его звание... — Она стянула через голову платье. — Его обязанности.

У изумленного Вилла перехватило дыхание; убить вудвоуза и в тот же день разделить постель с его любовницей — в этом было нечто ужасное.

— Нам совсем необязательно... — начал он, запинаясь.

— Ты что, голубой? — недоуменно спросила тан-леди. — Или страдаешь недугом Короля-Рыбака?^[42] — Она потрогала его ширинку. — Да нет, тут все в порядке. Так в чем же тогда дело?

— Я просто не понимаю, как ты сможешь спать со мной, после того как я убил твоего... убил Костолома.

— Да никак ты думаешь, в этом есть что-то личное! — рассмеялась Хьердис-Блонди, ты самый распродолбанный лучший боец, какого я в жизни видела.

По ее указанию Вилл полностью разделся. Затем Хьердис повалила его на себя и направила внутрь. Затем она обхватила его ногами, звонко шлепнула по заду и скомандовала:

— Ну, поскакали.

Так началась всенощная скачка. Мельком, в тот самый момент, как впервые кончил, Вилл ощутил, что ясновидящие политической полиции пытаются его нащупать. Но между ним и *les poulettes* лежала половина Вавилона, а тут еще Хьердис направляла его голову вниз, к своей орхидее, и он был слишком занят, чтобы о чем-то еще и думать.

Утром (приходилось верить Хьердис, что это действительно утро) Вилл, прихватив с собою двух скаутов лорда Уиэри, пошел осматривать возможные места для приведения плана в действие. Вернувшись в коробочный город, он стал разбираться в горах одежды, принесенной ему нифльхеймерами, часть этой одежды была извлечена из старых заглазников, а часть только что для этого случая сперта. Со всем возможным старанием он подобрал себе костюм. Байкерские сапоги. Черные брюки с цепями и заклепками. Цилиндр, обмотанный белым шарфом, конец которого болтался сзади подобно призрачному лисьему хвосту, и украшенный индюшачьими перьями, раздобытыми на мясофасовочной фабрике. Ярко-красная куртка с золотыми пуговицами, опоясанная белым кушаком. А заключительным аккордом — ожерелье из крысиных черепов.

Фосфоресцирующим гримом он намалевал над своими глазами две красные, с наклоном наружу линии, прямую синюю линию вдоль носа и желтый треугольник, превращавший его рот в издевательскую мультяшную улыбку.

При удаче впечатление будет достаточно жуткое, чтобы

противники притормозили. А что куда важнее, эльфы увидят светящиеся линии на его лице, цилиндр с перьями и шарфом и ожерелье из черепов, но не увидят *его самого*. Стерев грим и выбросив карнавальные тряпки, он вернет себе полную анонимность. Он сможет ходить по улицам, не опасаясь ареста.

— Только мне нужна еще одна вещь, — сказал он, разобравшись с одеждой. — Мотоцикл.

Два дня спустя от передовых постов Армии Ночи пришло известие, что Сумасброды на подходе. Вилл уже подобрал идеальное место для намеченной конфронтации — огромную, с хороший собор, цистерну, построенную много столетий назад на случай осады, для хранения запасов воды. Водопроводная магистраль новейшей постройки прорезала цистерну в верхней ее части, но все остальное осталось примерно в том же виде, как когда ее осушили. Вот сюда и должны были заманить Сумасбродов специально отряженные скауты, а тем временем Вилл раскрашивал лицо флуоресцирующим гримом и выкатывал мотоцикл на исходную позицию.

— Ты с ними поступил как тот солдат, варивший суп из топора, — прошептало у Вилла в ухе.

— Да, пожалуй. Но если бы я сразу попросил мотоцикл, вряд ли они стали бы его доставать. А после этого циркового номера никто и не подумает обижаться.

— Или ты просто погибнешь.

— Слушай, Шептун, скажи мне одну вещь, почему я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь к тебе обращался?

— Потому что ты единственный, кто слышит меня. — Шепот был мягким, доверительным, с легким привкусом насмешки. — Ты, милый Вилл, и только ты.

— Кто ты такой?

Тишина. Шептун исчез.

Вилл поджидал внизу, укрывшись за опорой. Длительное время не слышалось никаких звуков, кроме погромохивания далеких поездов. Затем чуть слышно прорезался пьяный эльфийский смех. Мимо места, где он стоял, испуганными тенями пробежали два

скаута. Хохот становился все громче и веселее и вдруг загрохотал в полную силу — Сумасброды кучей вывалили из проема, черневшего в самом верху цистерны.

И сразу начали спускаться по длинной кирпичной лестнице, тянувшейся вдоль дальней стены.

Они мерцали в темноте, эти эльфы, мерцали как звезды. У них были большие электрические фонари и алюминиевые бейсбольные биты. Кое-кто из них был в камуфляже. Кое-кто запасся ночными гляделками. Числом их было девять, совсем еще юные, почти что дети. Их вожак допил последние капли пива и выбросил банку, она гулко зазвенела по бетону.

Вилл дождался, когда они спустились с лестницы, перелезли через трубу магистрального водопровода и двинулись по дну цистерны. И только тогда запустил мотоцикл. Это был трехцилиндровый двухтактный «кавасаки» со снятым глушителем, простой в обращении и кошмарно громкий. Вырвавшись из-за укрытия, Вилл круто свернул налево и дал полный газ. Сводчатый купол многократно усиливал рев двигателя, Вилл мчался на эльфийскую шайку, как банши, которой подпалили задницу.

Отличное дело снова сесть на мотоцикл! Паку Ягоднику — еще в те времена, когда они с Виллом были лучшими друзьями, — родители купили внедорожный мотоцикл, и они на нем тренировались по очереди, пока оба не освоили все те фишки, которые казались парням постарше особенно важными.

Вилл вскинул мотоцикл на дыбы и остановил его в каком-то десятке ярдов от ошалевших эльфов. Прибрав обороты, чтобы двигатель не заглушал голос, он крикнул:

— Если тебе знакома честь, я вызываю тебя *холмгангулогом*! Я представляю свой народ как его военачальник и защитник. Пусть выйдет ваш лучший боец, дабы мы с ним могли помериться в подвигах силы и славы.

На лицах эльфов отразилось изумление, а затем по их группке прокатился злой пренебрежительный смешок.

— Так значит, ты, господин Огородное Пугало, знаком с законами учтивого вызова, — сказал передний. Трусом этот тип явно не был. — Прекрасно. Мое имя Флориан из рода Л'Инконну. — Он насмешливо поклонился. — Как твое имя и какие условия ты

предлагаешь?

— Командор Джек Риддл, — сказал Вилл, выбрав *nom de guerre*^[43] практически случайно. — Взрывчатка и ближний бой.

Эльфенок помял свою несуществующую бороду, явно забавляясь ситуацией.

— Твое предложение крайне непрактично, — Его рука скользнула за лацкан куртки — вне всяких сомнений, у него там был пистолет в подмышечной кобуре. — Дело в том, что у меня нет при себе взрывчатки.

— Не повезет, — пожал плечами Вилл, — так и от родной сестры подхватишь.

И тут же негромко произнесенным словом подорвал бомбу, установленную несколькими часами ранее в точке, подобранной так, чтобы добиться максимального эффекта.

Магистральный водопровод, проходивший прямо за спинами Сумасбродов, лопнул, как прогнившая жестяная труба. Мощная волна сбила эльфийских мальчишек с ног и поволокла их по дну цистерны, до нитки промокших, беспомощно барахтавшихся, но — и это была важная часть Виллова плана — вполне живых.

Тем временем Вилл рывком развернул свой байк и дал полный газ. Он мчался впереди водяного вала, свернул направо, чуть не вылетев из седла, и уже через какие-то секунды вырвался из цистерны в узкий служебный туннель, дававший доступ к электрическим кабелям. На него не попала ни единая капля воды.

Он бы с удовольствием посмотрел, как приходят в себя Сумасброды, смытые на дно цистерны, послушал бы их бессильные проклятия, когда они, совершенно смятенные, выныривали из воды, кое-как выбирались на сухие места и, мокрые как мыши, отправлялись в долгий и бесславный обратный путь. Но нельзя же, в конце концов, быть сразу и там, и там.

Но ему еще об этом расскажут. Галерея в верхней части цистерны, построенная когда-то для ее осмотра, была сейчас битком набита молчаливыми зрителями. Солдатами Армии Ночи и потенциальными рекрутами из Нифльхейма, там же, наверное, стояла сейчас и Хьердис. Они все видели и все слышали. Они видели, как он заманил противников в ловушку и обратил их в бегство без

малейшего для себя ущерба, они будут купаться в его славе. Они будут взахлеб рассказывать друг другу про его хитроумную доблесть. Он не был уже просто их лучшим бойцом. Он был их героем.

Тем же вечером йохацу перебрались на несколько миль в глубь туннелей. Они двигались тихо и уверенно, а когда дошли до заранее намеченного места — заброшенного туннеля экспериментальной пневматической линии, которая обанкротилась еще в Век Турбины, — лорд Уиэри послал специалистов подключиться к электрическому кабелю и к водопроводу. Даже на таком расстоянии от взорванной магистрали давление воды сильно упало и продолжало падать. Только они, в отличие от верхних, знали, что нужно заранее наполнить все, какие есть, пластмассовые бутылки.

— Кислый, — сказал Вилл; близстоящий хадкин вытянулся по стойке «смирно». — Возьми пару толковых парней и подберите место для сортира. Только не слишком близко к лагерю, это антисанитарно. — Он поймал на себе взгляд лорда Уиэри и торопливо добавил: — То есть, конечно, если вы, сэр, не против.

Лорд Уиэри лениво махнул рукой, как бы одобряя все сказанное. Затем обнял Вилла за плечи, нарочито показывая доверительный характер беседы, и тихо сказал:

— Ты мне любезней после твоей маленькой сегодняшней эскапады, чем мясо и вино для голодного человека. Держись меня, и я вознесу тебя выше всего, что ты только можешь себе представить, и моя империя будет покоиться на твоих плечах. Но если ты еще когда-нибудь отдашь в моем присутствии приказ, не посоветовавшись сперва со мной, я велю вспороть тебе живот и приковать тебя к скале, крысам на пропитание. Ты хорошо меня понял?

Вилл судорожно вздохнул:

— Сэр.

— Конечно, я об этом потом пожалею, но дисциплина не знает любимчиков, — Он отпустил Вилла. — И скажи мне, пожалуйста, одну вещь. Чего же конкретно добились мы сегодня? Ну, повысили боевой дух, а еще? Через сутки, максимум через трое эту трубу заменят. Сумасброды живы-живехоньки. Сейчас они небось уже крепко спят на своих пуховых перинах.

— Мы лишили воды целый район, пусть даже и ненадолго. Там, наверху, администрация воспримет это крайне серьезно. Если следствие выявит, что тут замешаны Сумасброды, это, по части политики, поставит их родителей в очень неловкое положение. А если даже и нет, Сумасброды прекрасно знают, что сегодня пронесло почти что чудом. Те из них, кто поумнее, поймут, что это было предупреждение. Что я без труда мог убить их, но просто не стал. Нет, мы их больше не увидим.

— Не они, так появятся другие.

— Вот-вот, пускай появляются, — хищно усмехнулся Вилл.

Но сам-то он понимал, что все это блеф и пустое бахвальство. Здесь, внизу, ничто не было таким простым, как могло показаться. Когда он стоял в засаде, поджидая Сумасбродов, Шептун назвал его Виллом — а ведь он не называл этого имени никому из здешних.

Так откуда же Шептун его узнал?

ВЕЛИКАЯ ГОСПОЖА ЛОШАДЕЙ

Вилл привык к темноте. Он изучил ее повадки, научился любить ее неподвижность и молчание. Он привык к обычным для туннелей погромыхиванию проезжающих вдали поездов, еле слышному скрипу, звукам падающих капель и маленьких суетливых лап и к более тихим, опасным звукам, которые обычными не были. Он научился часами недвижно сидеть на корточках, его глаза настолько адаптировались к подземному мраку, что, когда появлялся путевой рабочий с фонариком, ему приходилось прищуриваться, чтобы не ослепнуть надолго. Он научился двигаться бесшумно, как призрак, и мог часами преследовать пришельцев из верхнего мира, ничем не выдавая своего присутствия.

Ночами он выбирался наверх, к свалке, а иногда и воровством занимался. Не по какой-то особой необходимости, а чтобы поддерживать контакт со своими солдатами. Было важно, чтобы они знали, что он может выполнять работу любого из них и совсем не считает их ниже себя. В дальних подземных вылазках, когда не было возможности подниматься наверх за пищей, он мог наравне со всеми остальными ловить крыс, а затем поджаривать и есть. Когда выдавалось хоть сколько-нибудь свободного времени, он рассылал разведчиков исследовать туннели и наносить их на карту, так что через какое-то время вышло, что он знает о подземельях Вавилона больше, чем кто-нибудь до него. Он беседовал с каждым странником, забредавшим во владения лорда Уиэри, выделял тех, что поспособнее и склонны к одиночеству, и подключал их к работе им же организованного сообщества посланников, так что впервые за все времена общины йохацу получили хоть какое-то представление о делах друг друга.

Каждый день приходили добровольцы, мечтавшие служить под командой героя, о котором они столько слышали. Большинство из них получало отказ. И все же Армия Ночи росла. Мало-помалу ее территория расширялась. Неисправимые бродяги, копы-садисты, дегенеративные тролли и прочая малоприятная публика быстро научились избегать туннелей, помеченных тремя линиями и треугольником — знаком, что это место находится под защитой

командора Джека.

Вилл окончательно убедился в плодотворности своих трудов в тот памятный день, когда подкрался в туннеле к транспортному копу, несильно сжал его плечо и тихо, ласково прошептал ему на ухо: «Меня зовут Джек Риддл. Если хочешь жить, ты положишь револьвер на землю и без звука удалишься» — и этот приказ был мгновенно выполнен.

В тот же самый день один из гонцов принес сверху полицейский плакат о розыске. Там был весьма приблизительно изображен фей с намалеванной на лице улыбкой, в цилиндре и бусах из крысиных черепов, текст же гласил:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ

за террористическую деятельность демон, леший, домовый или гонт, известный как

ДЖЕК РИДДЛ.

Клички: командор Джек Риддл, командор Джек, счастливчик Джек, Смеющийся Джек.

ОПИСАНИЕ

Дата рождения: неизвестна.

Цвет волос: блондин.

Место рождения: неизвестно.

Цвет глаз: темные.

Рост: неизвестен.

Вес: неизвестен.

Телосложение: худощавый.

Пол: мужской.

Кожа: бледная.

Гражданство: неизвестно.

Шрамы и особые приметы: таковые неизвестны.

Склонность Риддла к ярким, вызывающим нарядам и эффектным жестам наводит на предположение, что в прошлом он мог быть как-то связан с театром. Судя по его манере держаться, он мог быть связан с аристократией, возможно, как слуга.

Джек Риддл разыскивается за его роль в многочисленных террористических актах, совершенных незаконным подземным вооруженным формированием, находящимся под его командованием и осуществившим множество нападений как на агентов Его Отсутствующего Величества, так и на ни в чем не повинных мирных граждан Вавилона.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Джек Риддл обладает диким, необузданным темпераментом, почти наверняка вооружен и считается крайне опасным.

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ

Правительство Его Отсутствующего Величества обещает за информацию, могущую прямо привести к аресту Джека Риддла, следующее вознаграждение: для любого гражданина категорий от «В» до «Ж» — его вес в золоте, а для всех прочих — научно обоснованный эквивалент того же самого.

— Ну и как тебе это? — широко улыбнулся Вилл. — И подумать только, что два коротких месяца назад я был никем и звали меня никак.

— Ты не больно-то залупайся, — охолодила его Хьердис. — Деньги это серьезные. Есть много типов, готовых сдать тебя и за малую их часть. — Она подобрала с пола лифчик, застегнула его на

животе, перетащила на спину, сунула руки в лямки, уложила груди в чашечки и передернула плечами, чтобы все легло на место. — Я бы, может, и сама соблазнилась, если бы не долг перед моим народом.

Завершая процесс одевания, она натянула платье.

— Не нужно так шутить, — почему-то обиделся Вилл.

— Думаешь, я шучу? А ведь с такими деньгами можно было бы выйти на поверхность и зажечь там припеваючи.

— Нам не нужно для этого золота. Объединив подземелья, мы сможем подняться наверх и захватить нижний уровень города. А затем мы захватим всю Жуткую Башню, уровень за уровнем, вплоть до Дворца Листьев.

— Ну да, лорд Уиэри планирует именно так. — В голосе Хьердис звучал откровенный скепсис. — Но так ли все будет в действительности? Я плохо понимаю, почему ты сразу, с потрохами купился на призрачные мечты о величии спившегося эльфийского лорда.

— Плохо понимаешь? — Вилл помолчал, собираясь с мыслями. — События и случайности влекли меня по Малой Фейри как листок, унесенный ураганом. Это не должно повториться. Я мечтал отплатить своим угнетателям, а то, что задумал лорд Уиэри, дает мне такую возможность. Так что все очень просто.

Он еще раз пробежал глазами плакат.

— Невинные мирные граждане. Это, часом, не Сумасброды ли? Или наркоторговцы?

В Армии Ночи было немало солдат, торчавших на разной дури, и было бы очень наивно считать, что торговлю этой дурью можно совсем прекратить. Но наркоторговцы, давно поделившие город, считали свои участки своей неотъемлемой собственностью, были прекрасно вооружены, а к тому же и склонны к неоправданному насилию. Несчастных йохацу убивали просто за то, что они в неудачный момент забрели в неудачный туннель. Поэтому наркоторговцев вытеснили наверх. Тех из них, кто без затей продавал рядом с общеизвестными выходами на поверхность пятаковые пакетики эльфийской пыли да самогон в пол-литровых банках, Армия Ночи милостиво терпела. Но тех, чьи товары были зловредными, чьи товары убивали, ловили и утаскивали вниз, где их судили друзья

погибшего.

За занавеской коробки кто-то вежливо кашлянул.

— Сэр, — сказала Дженни Танцышманцы. — Всяческие уважения от лорда Уиэри, и он сказал, слезай с тан-леди и собирай своих рейдеров. Ему нужны лошади.

Звяканье началось где-то неподалеку — ритмичное и неутихающее, словно кто-то лупил по трубе булыжником. Затем откуда-то подальше ему стало вторить другое звяканье. Затем, еще тише, третье.

— Нас обнаружили, — встревожилась Дженни.

— Вот и прекрасно. — Вилл даже не замедлил шага. — Я хотел, чтобы они нас обнаружили. Я хочу, чтоб они знали, что мы идем. Я хочу, чтоб они знали, что им ничего с нами не сделать.

— А что мешает им проскользнуть сквозь стены? — спросил Оборванец. — Хайнты они или не хайнты?

— Они-то ускользнут, а вот лошади не смогут, и мы их всех переловим. А ведь эти парни — они, считай что, молятся на своих лошадей.

Лорд Уиэри посылал к лошадиному народу посланцев, предлагая им полноправное членство в его растущей империи, полное освобождение от налогов и призыва, гарантированное снабжение пищей и всякие прочие соблазны в обмен на небольшую ежегодную дань лошадьми. Его авансы были гордо отвергнуты, хотя лошадиный народ, беднейший из всех обитателей темноты, не имел вообще ничего — ни орудий труда, ни даже одежды.

— А тогда чего бы им не оседлать своих лошадей и не ускакать куда-нибудь подальше. Лично я на их месте так бы и поступил.

— Это же *старые* хайнты, — сказала Дженни Танцышманцы, она тоже была из хайнтов и очень этим гордилась. Ее волосы были заплетены во множество тонких косичек, увязанных на затылке в лошадиный хвост, на ее поясе рукоятками вперед висели два пистолета. — Их предки покинули Сумеречный Край еще до того, как с небес был спущен огонь. Они не умеют пахать, не умеют сеять, у них нет никакого оружия, все, что они умеют, — это ездить на

лошадях.

— Так кой же хрен они так за этих кобыл своих держатся?

— А за что же им еще держаться, если у них больше и нет ничего?

Вилл объявил пятиминутную остановку, чтобы свериться с картой; короткое, невнятно пробормотанное слово, и все ее линии загорелись зеленоватым огнем. Вокруг него собрались и остальные рейдеры. Группа подобралась хорошая — кроме двух своих помощников он взял Радегунду де ла Кокейн^[44], Кокудзу, Голодальца и Малютку Томми, он же Красная Шапочка.

— Мы на нижнем из транспортных уровней, хотя есть и туннели, уходящие глубже, одни из них естественные, другие нет. — Он провел их вперед еще на полсотни ярдов, и в стенке туннеля открылся черный проем; из проема дуло прохладным воздухом. — Когда-то это был акведук, но его давным-давно забросили. Похоже на работу карликов.

— Этот акведук куда старше карликов, — презрительно скривилась Дженни. — Уж моему ли народу не помнить. Мы сами его и построили, своими руками. А с нами потом даже не расплатились.

— Дженни, — сказал Оборванец, — поговори о чем-нибудь другом.

Приближался поезд, и они торопливо повернулись к нему спиной. Когда поезд проехал и глаза их опять приспособились к темноте, они вошли в акведук. Минут через десять Вилл снова обратился к карте.

— Если все идет строго по плану, наши отряды стоят на позициях здесь и здесь, — объяснил он товарищам. — Это оставляет им единственный путь отхода: прямо через нас. Они погонят впереди табун в надежде, что он нас затопчет.

— Пускай попробуют, — язвительно хмыкнул Малютка Томми, — и я повыдергиваю ихним кобылам ноги.

— Все вы были отобраны, — напомнил Вилл, — за ваше умение ездить верхом. Теперь разойдитесь пошире, и посмотрим, как вы умеете лазать.

Они быстро залезли на стены. Это было новое для Вилла дело, но он быстро его освоил. Наверху, чуть пониже сводчатого потолка, имелись узкие полки, на которых рейдеры и расположились, одни со одной стороны, другие с другой. Все, кроме Дженни и Голодальца, которые, как опытные скалолазы, забрались на потолок и вбили там крючья, чтобы в ожидании висеть над проходом, как летучие мыши.

После долгой немой паузы Кокудза пробурчал:

— Чего-то я не понимаю. Лошади. Пещеры. Назовите меня идиотом, но здесь какое-то противоречие.

— Предки этих лошадей были дикими, — начал объяснение Вилл. — Давным-давно, еще до того, как Нимрод заложил основание Вавилона, они паслись на зеленых склонах Арарата. Лорд Уиэри дал мне как-то прочесть статью, где про все это говорилось. Специалисты предполагают, что какое-то количество лошадей могло забрести в естественные пещеры, чтобы щипать там мхи и лишайники. Если так, то это произошло десятки тысячелетий назад. А затем что-то случилось, например землетрясение, и небольшая популяция этих лошадей осталась запертой в пещерах. Они адаптировались к темноте. Нельзя сказать, чтоб они так уж плодились и процветали, — за все про все их не более сотни. Но все же они выжили и дожили до наших дней. Бледные, как тени, короткошерстные и очень нервические. Ловить их будет ой как нелегко.

— Сам понимаешь, что бы посоветовал я. — Оборванец похлопал свой патронташ.

Теперь, когда построение империи было уже на мази, у них хватало денег, получаемых в виде дани от транспортных рабочих, а иногда и попросту экспроприруемых, на покупку материалов, прежде в подземелье недоступных. Вилл первым начал постоянно держать при себе магнелиевые фальшфейеры и темные очки, как у сварщиков, а Оборванец, бывший не только его заместителем, но и, как все знали, закоренелым подхалимом, тут же последовал его примеру. Что лишний раз показывает, как быстро и как высоко вознеслась звезда Вилла.

— С этими лошадьми так не получится, — покачал головой Вилл.

— Почему это?

— Они слепые, — сказал Вилл. — А теперь — стихи.

Через какое-то время звяканье прекратилось, что означало, что скоро появятся лошади. Еще какое-то время спустя Вилл почти уверенно решил, что слышит что-то похожее на шум далекого дождя. Это был не столько даже звук, сколько желание его услышать. И все же он был. Возможно.

— Не бери переднего коня, — посоветовал призрачный голос.

— Почему не брать? — спросил Вилл так же беззвучно. — Ведь, конечно же, вожак самый быстрый, а потому самый ценный.

— Ничего подобного. Быстрый — это наверное, но при этом зеленый, неопытный. Лошади поумнее держатся позади, позволяя молодым жеребцам, их героям, брать на себя и лидерство, и все связанные с ним риски. Они легко заменимы. Если хочешь добыть Царь-кобылицу, она держится где-то в середине табуна. Она и самая быстрая, и самая умная, не оскальчивается на влажных поверхностях, осторожна на сухих и всегда настороже, даже тогда, когда опасности вроде и нет.

В глубине туннеля расцвело едва заметное сияние, так светится изнутри океан в глухую безлунную ночь. И еще еле слышный звук, словно где-то вдали дышали полной грудью десятки животных.

— Идут, — прошептал Оборванец.

И наконец появились бледные, как морская пена, лошади. Среди них, ничуть от них не отставая, носились едва различимые тени. Это был лошадиный народ, старые хайнты, голые, в чем мать родила. Они ощущались даже на расстоянии, потому что вместе с ними волною катился страх. Они не умели растить урожай, не умели строить и разводить огонь, однако с ними все еще пребывали древние силы, они умели порождать ужас и использовать его как оружие. Этим ужасом они пасли своих лошадей. С помощью этого ужаса они сражались, бросая на врагов мощные тела животных.

— О беби, — простонала Дженни Танцышманцы. — Я непременно раздобуду молодого жеребца. Я обовью его ногами и никогда уже больше не отпущу. Я сожму его так крепко, что он встанет на дыбы и заорет дурным голосом.

— Вот тебя послушаю, Джен, и мой сразу встает, — сказал

Кокудза.

Все негромко рассмеялись. И тут же налетел табун.

Стук копыт, почти неслышный секунду назад, возрос до оглушительного грохота, акведук захлестнула живая волна. Один за другим, рейдеры прыгали сверху на лошадей, как перезревшие плоды, падающие с деревьев.

— Подожди, — сказал Шептун. — Подожди... подожди... еще рано...

А потом, когда Вилл уже не мог больше ждать, он заметил в середине табуна ту самую Царь-кобылицу, бежавшую так же быстро, как и все остальные, но без малейшего напряжения, с явным избытком сил в запасе.

— Пора!

Вилл прыгнул.

После краткого невероятного полета он упал на спину лошади, почти наугад обхватил ее шею и отчаянно задергал ногами, стараясь удержать равновесие.

Царь-кобылица взвилась на дыбы, взбивая копытами воздух. Ноги Вилла повисли в пустоте, он был почти сброшен, однако упрямо держался за шею лошади, а когда ее передние копыта вернулись на землю, сумел кое-как пристроить ноги слева и справа от крупа.

И тогда она побежала.

Раз за разом она ударялась то тем, то другим боком о лошадей, бежавших рядом, и каждый раз одна из Вилловых ног ненадолго, но болезненно сдавливалась между мощными телами животных. Но этого все же не совсем хватало, чтобы ноги онемели, а Вилл, сжав зубы, твердо решил, что не сдастся перед какой-то там ерундовой болью.

А потом Царь-кобылица вырвалась из табуна и помчалась, все больше его опережая.

Почти лежа на ее спине, с единственной мыслью в голове, как бы не свалиться, Вилл начал нараспев читать известное ему заклинание:

Шея твоя высока и пряма,

Разумна твоя голова,
Живот твой подтянут, спина поката,
Твоя гордая грудь мускулиста...

Лошадь резко завернула голову назад и попыталась его укусить, но Вилл ей этого не позволил, обеими руками ухватившись за гриву поближе к затылку. А затем заклинание начало действовать, и она уже больше не пыталась его сбросить, а лишь продолжала в паническом ужасе мчаться во весь опор.

В полном теперь одиночестве — ведь табун далеко отстал — они мчались и мчались но боги уж знают каким туннелям. Несмотря на свою слепоту, Царь-кобылица каждое мгновение знала, где находятся стены, и, что было похоже на чудо, ни разу их не коснулась. И не споткнулась тоже ни разу. Какие бы чувства ни заменяли ей зрение, их острота была очевидна. Лишь теперь Вилл окончательно понял, почему лорд Уиэри так стремился получить этих лошадей.

Ведь мотоцикл в туннелях практически бесполезен, на нем нельзя ездить по шпалам и уж никак не перепрыгнешь провал в полу. А эти животные промчатся где угодно, и со скоростью во много раз большей, чем скорость пешехода.

Радость царя, опора воителя,
Яро-копытое сокровище богача,
Неуемный восторг для неугомонного...

Заклинание длинное, в сотни строк, и пропусти из них Вилл хотя бы одну, оно не подействует. Трудно было учить эти строчки, но теперь, приближаясь к последним, Вилл вдруг ощутил мысли Царь-кобылицы, струившиеся серебряным ручейком где-то рядом, почти сливаясь с его собственными мыслями. Он и она были теперь заодно, двигались заодно, думали заодно, на толщину волоска от полного слияния двоих воедино.

Скачка кажется легкой ленивому домоседу,
Но она — дело мужества и отваги для того,
Кто без усталости странствует
Верхом на могучем коне.

Ее дыхание участилось, стало напряженным. Лошади не могут скакать во весь опор слишком уж долго, хотя городские жители и думают, что это может продолжаться часами. Царь-кобылица выдохлась — у Вилла покалывало в груди отзвуком ее боли, — и если не сделать передышку, ее могучее сердце попросту не выдержит, разорвется.

Это был опасный, ответственный момент. Виллу предстояло убедить ее, что признать его полноправным всадником все же предпочтительнее смерти. Все еще цепляясь за гриву, прижавшись щекой к лошадиной шее, он закрыл глаза и вошел в ее мысли. В мире Царь-кобылицы отсутствовал свет и отсутствовал цвет, но в целом ее сенсорное пространство оказалось шире и разнообразнее его собственного, потому что она обладала добрым десятком других, пусть и зачаточных чувств. Подключившись к ее сознанию, он ощущал прохладу, исходящую от стен, сухость или влажность грунта под ними и перед ними. На самом пределе восприятия еле заметной щекоткой мелькали электрические заряды, дремавшие в проводах и многочисленных стальных решетчатых мостках. Звуки, проходящие сквозь воздух, замедлялись и ускорялись его меняющейся плотностью. Запахи приносили с собой точное расположение своих источников. И все это — запахи, звуки и прочие ощущения — сплеталось вместе в полную картину окружающего.

И Виллу вдруг вспомнились поля за околицей его деревни, густой зеленый запах травы и как золотит предзакатное солнце верхушки тяжелых колосьев. Он вспомнил холодную, хрустально-прозрачную воду ручья, бегущего по зеленой ложине, и как взрывается она под копытами одолженного у соседа коня. Вспомнил пестрое порхание бабочек на неожиданно открывшейся поляне и сад с древними скрюченными яблонями, среди которых над гниющими паданцами гудят и танцуют тяжелые шмели. И все эти впечатления навсегда останутся закрытыми для Царь-кобылицы, хотя стремление к ним у нее в крови, записано в ее генах.

Он уже допел последние слова заклинания, но продолжал бормотать Царь-кобылице на ухо.

— О, благородная леди, — ворковал ей Вилл. — Ты и я, о мать всех коней, мы были предназначены друг для друга. Поделись со мною своей крепкой спиной, дай мне ездить на тебе верхом, и я буду тебе показывать картины вроде этой каждый раз, когда мы будем

вместе.

Эти слова ее всколыхнули, он это чувствовал. Он чувствовал, как слабеет ее решимость.

— Я буду с тобой бережлив и заботлив, я это твердо тебе обещаю. Овес каждый день, и никакого седла, никакого. Я буду скрести твое тело, расчесывать гриву и заплетать твой хвост. Я не стану нигде тебя запирасть. Ты всегда будешь пить только чистую воду и спать на свежей соломе.

Теперь он поглаживал шею лошади левой ладонью. Она все еще оставалась пугливой, но Вилл ощущал, как в ней нарастает теплое чувство.

— И самое главное, — прошептал он, — кроме меня, никто на тебе ездить не будет, никто и никогда.

Мягко, осторожно он потрогал удовольствие, с каким она это слышала. Радостно, уверенно он показал ей, как ему приятно, что она так к нему относится. Личность перетекала в личность, так что вскоре всякая грань между ним и ею, между феем и лошастью окончательно растворилась.

Теперь они были одно.

Вилл почувствовал, что по лицу его катятся слезы. От радости, конечно же, потому что чувства, его переполнявшие, чувства, раввавшие ему грудь, были чем угодно, но только не горем.

— Как тебя зовут, дорогая? — прошептал он, даже не пытаясь унять слезы. — Как же мне звать тебя, милая?

Но у лошадей нет имен, ни тайных, ни бытовых, для общения. В их мире вообще нет слов. Они не знают лжи, не знают фальши, потому что все просто *такое*, какое оно и есть. А потому задача именования ложилась на Вилла.

— Ты будешь для меня Эпона^[45], - решил он. — Великая Госпожа Лошадей.

Впервые за долгое, мучительно долгое время он был абсолютно счастлив.

Теперь нужно было вернуться на последнюю стоянку Армии

Ночи, но с этим Вилл не торопился. С такой скакуньей, как Эпона, быстрейшей из своего племени, он никак не рисковал вернуться последним.

— Отвези меня туда, где мне нужно быть, — прошептал он ей на ухо. — Только не торопись.

И отпустил голову Царь-кобылицы.

Они пробирались сквозь мрак окружающими, но удобными путями. Время от времени при их приближении загоралась одинокая электрическая лампочка или цепочка флуоресцентных трубок, загоралась, проплывала мимо и исчезала позади. Они ехали вниз и снова ехали вверх. Однажды Эпона изящно, на зависть любой аристократке, поднялась по широкой мраморной лестнице, над которой висели хрустальные люстры, похожие в темноте на призраки огромных медуз. Они проехали длинным коридором со стенками из дикого камня и потолком настолько низким, что Эпоне приходилось наклонять голову. В паре мест потолок прошелся, словно теркой, по спине Вилла, хотя тот и прижимался к спине лошади. Он уже начал опасаться, не заблудились ли они, когда Эпона встряхнула головой и вошла в огромную пустынную пещеру.

Нет, не совсем пустынную. Потолок пещеры даже не просматривался, зато посреди нее что-то смутно светилось.

Это был корабль.

Корабль, почти не покосившийся, ушел по ватерлинию в многовековую грязь, успевшую за века и высохнуть, и окаменеть. Корабль был очень древний, парусник, его сломанные мачты валялись рядом с ним на земле. Корпус корабля порос белым светящимся лишайником и мерцал во тьме, как большая гнилушка. Корабль был похож на галеоны и караки, какими они выглядят на гравюрах, и явно пролежал здесь очень долго. Как вышло, что он нашел свой конец глубоко под Вавилоном, в этом пузырьке вулканической породы, было полнейшей загадкой. Тут, конечно же, присутствовали страшные проклятия, огромное преступление, мощные заклинания и жуткое воздаяние. Тут, конечно же, умерли многие, умерли в ужасе и отчаянии... Но все это осталось в прошлом, все участники страшных событий уже много веков как умерли и ушли к Черному Камню.

Эпона остановилась у кормы корабля и начала ошипывать с его

руля лишайник. Вилл соскользнул на землю.

— Почему мы здесь? — спросил он. — Я хотел, чтобы ты меня доставила совсем в другое место.

Лошадь нервно вскинула голову. Слов Вилла она не понимала, зато уловила осуждение, звучавшее в его голосе, и с негодованием его отвергла. Ощувив направление ее мыслей, Вилл припомнил свою команду и запоздало понял, что тогда не представил себе зрительно никакого конкретного места, а просто велел лошади отвезти его туда, где ему нужно быть.

— Так что же, старушка, это здесь мне нужно быть?

Эпона хрустела лишайником.

— Ну что ж, если мне нужно быть здесь...

В поисках способа попасть на корабль Вилл прошел сперва в одну сторону, потом в другую. В конечном итоге он подобрал обломок одной из мачт, приставил его под не достававшие до земли сходни и полез наверх.

На палубе лишайник не рос, зато иллюминатор полубака горел изнутри уютным оранжевым светом. Крайне осторожно, ведь палуба сплошь прогнила и грозила под ним провалиться, Вилл прошел на нос. Его обуревали тяжелые предчувствия; чтобы хоть как-то успокоиться, он несколько раз глубоко вздохнул и только потом постучал в дверь.

— Она не закрыта, — сказал Шептун. — Входи.

И Вилл вошел.

При свете подвешенной к потолку керосиновой лампы он увидел в дальнем конце каюты молодого, судя по стройной фигуре, мужчину, сидевшего за столом и что-то читавшего. Когда Вилл вошел, этот мужчина, совсем еще мальчик, отложил книгу, встал и вышел на свет.

— Привет, Вилл, — сказал он. — Хоть теперь-то ты меня узнаешь?

— Ты! — отпрянул в ужасе Вилл.

Перед ним стоял Пак Ягодник.

— Вижу, что узнаешь. Ну тогда садись. — Мальчик кивнул в

сторону кресла. — Нам нужно поговорить.

Вилл шагнул к креслу и сел.

— Ты мне друг или враг? — спросил он; его правая рука то судорожно сжималась в кулак, то разжималась.

Шептун насмешливо наклонил голову вбок и закатил глаза, словно копаясь в воспоминаниях.

— Нет, — сказал он в конце концов, — не могу ответить, хоть плачь. Я умер так давно, что даже уже не уверен, существует ли такое различие хотя бы для вас, живых.

— Почему ты здесь?

— У меня есть нужная для тебя информация. — Пак подошел к сидящему Виллу вплотную, наклонился и положил руки ему на шею. От его дыхания веяло теплом. — Но я хочу кое-что взамен.

НЕТ, торопливо написала Виллова рука на его бедре. НЕТ, НЕ СОГЛАШАЙСЯ, а потом еще: БЕГИ!

В полном смятении Вилл вскочил на ноги и оттолкнул Шептуна прочь. Мальчик с грохотом врезался в переборку, но только улыбнулся и спросил:

— А кто это пишет твоей рукой? Тебе не кажется, что нужно бы это знать?

— Ты думаешь, я не знаю? Да знаю я, знаю, дракон это, вот кто! — крикнул Вилл, хотя еще секунду назад боялся признаться в этом даже себе самому. — Вечер за вечером он заползал в мой мозг и, получив, что хотел, удалялся. Но что-то от него во мне оседало — какой-то отзвук, отпечаток. И оно все еще во мне!

С единственной мыслью, что надо бежать, он бросился к двери, но тут почему-то оказалось, что Шептун снова стоит перед ним. Они сцепились, и, хотя Вилл был и выше, и тяжелее, призрачный мальчишка ничуть не уступал ему в силе. Крепко обхватив руками Вилла, он прошептал:

— Ведь дракон в тебе все крепнет, правда?

— Правда.

Щека Шептуна, чуть касавшаяся щеки Вилла, была гладкая и прохладная.

— Да ты вспомни, Вилл, — воскликнул он, — разве бывали когда-нибудь лучшие друзья, чем мы с тобой?! И какие дары я тебе принес! Лошадь, ужас и самопознание. Так отплати мне, ответив на один-единственный простенький вопрос: кто я такой?

— Когда мы оба были детьми, — начал Вилл, осторожно подбирая слова, — ты носил повседневное имя Пак Ягодник. Позднее, восстав из мертвых, ты назвал себя Без-имени. Твое тайное имя первоначально было Чёртирьон, но ожил ты с каким-то другим, которого я не знаю. А теперь же ты мне известен только как Шептун.

— Но это же только имена, — презрительно бросил Шептун; он сжал Вилла еще сильнее, так что тому стало трудно дышать, — Я пришел из мрака, зная все, что только можно, о тебе — и ровно ничего о себе самом. Почему один только ты можешь видеть меня и слышать? Почему я хожу за тобой по пятам? Скажи мне.

— Ты был моим лучшим другом. Когда в нашу деревню пришла война, ты погиб при несчастном случае, а потом силами целительниц был возвращен из мертвых. Нога твоя была безвозвратно утрачена, и по этой, наверное, причине ты объявил себя моей Немезидой, хотя, клянусь чем угодно, я тут был ни при чем. Но я был тогда помощником дракона, а ты возглавил зеленорубашечников, хотевших его свергнуть. Тогда он вошел в меня, и мы с ним вместе тебя распяли.

— Да это же все, чем я был когда-то! — страдальчески крикнул Шептун. — Мне нужно, необходимо знать, кто я такой сейчас! И у тебя же есть ключ — я вижу внутри тебя это знание, но не могу его прочитать. Так скажи же мне!

— Ты моя память, — прошептал Вилл. — Ты моя вина.

— А-ах, — вздохнул Шептун.

Ослабив свою хватку, он тяжело осел на пол. Но когда Вилл попытался его подхватить, его руки сошлись на пустоте.

Несмотря на сделанный им по дороге крюк, Вилл вернулся в лагерь первым. Ему потребовалось только представить его в уме и дать Царь-кобылице полную свободу, а самый быстрый и безопасный путь она уж выбрала сама. В конечном итоге они вывалились из путаницы туннелей прямо под Баттери-парком, то есть прямо на

нужном месте.

Второй появилась Радегонда де ла Кокейн. Она, как и Вилл, была родом из спорных провинций Запада, однако, в отличие от него, несла в своих жилах малую толику голубой крови и росла в соответствующей обстановке. Она училась верховой езде с инструктором, а не урывками, на случайных лошадях и в результате владела этим искусством значительно лучше его. Так что он ничуть не удивился, увидев, что она сумела и поймать весьма ретивого жеребца, и близко с ним подружиться. Дальше появились Кокудза и Дженни Танцышманцы, и он, и она верхом, а после них Голодалец и Малютка Томми пешим ходом, последним приплелся, припадая на левую ногу, Оборванец, с видом весьма смущенным. За все про все они добыли четырех лошадей, не потеряв при этом ни одной жизни.

Лорд Уиэри вылез из Хьердисовой коробки, на ходу застегивая брючный ремень.

Вилл вытянулся по стойке «смирно» и доложил о проведенной операции.

— Жертвы? — спросил лорд Уиэри, а затем, когда Вилл покачал головой, сказал: — Ну, пошли посмотрим лошадей.

Вилл реквизировал обширное помещение, где, как говорят, когда-то держали свою живую контрабанду подпольные поставщики левой рабочей силы, а затем послал пяток солдат наверх, чтобы где-нибудь подобрали, украли или уж в крайнем случае купили соломы на подстилку.

— Отлично, — пробормотал лорд Уиэри, потрогав обитую железом дверь, которую Вилл еще не успел приказать снять. — Только не забудьте приделать засов.

Затем он увидел лошадей, и произошло редчайшее — его бледное лицо расцвело улыбкой.

— Они великолепны, они просто великолепны! — восхитился он. — Я рассчитывал на пять, но был готов удовлетвориться и тремя. *Felicitas in media est*^[46], так ведь? Это знак судьбы.

Когда эти лошади находились вместе, было совершенно очевидно, что они принадлежат к одной и той же генетической линии. Узкие головы, сквозь бледную кожу явственно просвечивают

толстые голубые вены. Под от рождения приросшими, никогда не открывавшимися веками пучатся огромные, как теннисный мячик, глаза. В темноте все эти лошади еле заметно светились. Но точно так же было ясно и другое: одна из них царица, а остальные ее подданные.

Лорд Уиэри подошел прямо к Эпоне и внимательно осмотрел ее зубы.

— Эта самая лучшая, — заключил он в конце концов. — Я возьму ее себе.

Вилл вздрогнул, но промолчал.

— Надо сразу же все подготовить. Снимите с нее мерки для седла и узды.

— Сэр! — Адъютант лорда Уиэри, хайнт по имени Трепло, щелкнул каблуками и отдал честь.

— То же касается и остальных. Этих дикарок нужно будет усмирить и объездить. Только старайтесь не применять силу больше необходимого. Ведь они — мои дражайшие чада, и я не хочу, чтобы их обезобразили. — И вдруг он повернулся к Виллу. — Командор Риддл, похоже, что я чем-то тебя обидел.

— Как может повелитель обидеть вассала? — Вилл изо всех сил старался не показывать своих чувств. — Это так же невообразимо, как то, что я обижу свою руку или что я поступаю против желаний своей левой ноги. Могут ли печень и кишки что-то иметь против мудрого руководства головы, своего царя? Этого просто не представить.

Будущая конюшня кишела солдатами, кто-то из них был занят делом, но по большей части они просто пришли поглазеть на лошадей. Вилл заметил, что здесь же находятся и все участники сегодняшнего рейда. И все они притворялись, что не слушают этот разговор.

— Какая ловкость языка, чудовищная ловкость! — Лорд Уиэри уставил на Вилла суровый осуждающий взгляд. — Откуда же тогда все эти вздрагивания, и вздохи, и произвольные тики, и потряхивание головой, и сморщенное лицо, и плотно сжатые губы, и порывы что-то возразить, виденные мною сейчас и говорящие громче, чем любые слова? Ты явно недоволен. Мной.

— Если так было, сэр, то я смиренно прошу прощения.

— Смирренно, говоришь? Ты противишься мне откровеннейшим образом, а потом говоришь о каком-то смирении? Я такого терпеть не буду. Соври мне еще раз — и пеняй потом на себя.

— Но...

— На колени! — приказал лорд Уиэри; Вилл опустился на правое колено. — На оба колена!

Лорд Уиэри был сеньором Вилла, а потому коленопреклонение перед ним не было чем-то исключительным. Но Вилл был одним из его офицеров и всегда вставал на одно колено. Почва была здесь, как правило, мокрая и грязная, так что стоять на ней обоими коленями было крайне неприятно, да и брюки потом долго сохли. Была лишь одна причина заставить Вилла опуститься на оба колена: посильнее его унижить.

— А теперь, — сказал лорд Уиэри, — так как я твой сеньор и ты обязан мне повиновением, говори. Скажи мне, что я такого сделал?

— Лорд, эти слова не из тех, какие я сказал бы с охотой. Но ты приказал, и я обязан повиноваться. — Просто и без упрёка Вилл объяснил, какие обещания дал он Эпоне, и заключил таким образом: — Здесь затронута моя честь, но только моя, а никак не твоя. Однако я все же прошу тебя обдумать все это серьезно.

Лорд Уиэри выслушал его, не перебивая. А затем приказал:

— Схватите его.

Что и было исполнено. Слева его держал малознакомый новобранец, однако справа была Дженни Танцышманцы. Она не смотрела ему в глаза.

— Разденьте командора до пояса, — приказал лорд Уиэри, — и дайте ему пять плетей. За дерзость.

Вилл лежал на животе, закрыв глаза и отстраненно удивляясь, до чего же ему больно. После расправы он уединился в своем солдатски скудном гнезде, построенном из прессованного картона, бельевых веревок и благотворительных одеял и прилепившемся сбоку к переходному мостку, по которому мало кто ходил и который качался и дребезжал каждый раз, когда внизу проезжал поезд. А теперь он дрожал под чьими-то ногами, звонко клацавшими по железным ступенькам лестницы.

— Мы принесли тебе воду. — На грудь Виллу шлепнулась двухлитровая бутылка из-под пепси, невесть где наполненная невесть какой водой; Оборванец сел у входа на пол и подобрал под себя длиннющие свои ноги, Дженни села рядом с ним. — Раньше я не мог, потому что Уиэри поставил меня сторожить его лошадей, да к тому же на две вахты подряд. К концу второй меня ноги уже не держали, я дополз до своей коробки и тут же отключился.

Страдальчески постанывая, Вилл сел, приложился к горлышку бутылки и стал ждать, с чем они, собственно, пришли.

Первую прорвало Дженни.

— Он не имел права так с тобой поступать! — выпалила она.

— Очень даже имел. Однако он был не прав, что воспользовался этим своим правом в данном конкретном случае.

Дженни негодуяще фыркнула и стала рассматривать картонную стенку. Оборванец зашевелил губами, словно беззвучно обсуждая возможные выводы из этого утверждения. Затем он взглянул на Вилла и негромко, буднично сказал:

— Будет война.

— Чего?!

— Лорд Уиэри закрыл подземелья для всех, кроме йохацу. Не только для полиции, но и для всех остальных — транспортников, дорожных рабочих, водопроводчиков, газовщиков и электриков. А тех, говорит он, кто сам не уйдет, отметелят и выкинут силой. Есть

даже приказ надежно их метить, чтобы, если вернутся, мы сразу их убивали.

— Бред какой-то. Мы же с ремонтниками всегда прекрасно ладили, и они свободно ходили, куда им только было нужно. Даже копов и тех мы не убивали. Конечно, мы давали знать, чья тут власть, чья тут сила, но в общем-то их не трогали. На этом стояла вся наша политика.

— Стояла, а теперь вот не стоит, — сказала Дженни. — Лорд Уиэри говорит, если мы захватим контроль над инфраструктурой, у верхних не будет иного выбора, как начать мирные переговоры.

— У них не будет иного выбора, кроме как уничтожить нас. Вилл прикрыл на секунду глаза, и его тут же стало подташнивать, а голова закружилась. Он торопливо открыл их, но головокружение не прошло. — Он что там, совсем уже спятил?

— Вполне возможно. — Оборванец подался вперед и понизил голос. — Многие из нас именно так и думают. А если он сумасшедший, ну какой такой верностью мы ему обязаны? Ровно никакой! И возможно, это самый подходящий момент. Многие из нас думают, что пришло время сменить режим.

— Сменить режим?

— Государственный переворот. Подумай, а? Ты близок к лорду, ну, достаточно близок, он тебе доверяет. Сунь ему ножик под ребра, и дело с концом.

— *Выглядит* очень просто, — осторожно заметил Вилл. Особенно, хотелось ему сказать, для того, кто сам ничего такого делать не собирается, а только других подначивает. — Только я сомневаюсь, насколько это практично. Отчебучь я такое, армия лорда Уиэри разорвет меня в клочья.

— У нас есть поддержка среди офицеров. Мы со многими уже поговорили, правда ведь, Дженни?

Дженни молча кивнула.

— Они готовы призвать тебя на правление. Это твой, Вилл, момент. Ты созовешь Армию Ночи на сходку, толкнешь речугу — говоришь ты здорово, будут слушать как замороженные, — и лорд Уиэри уйдет в туманное прошлое.

Вилл скептически покачал головой. Он собирался объяснить, что идея Оборванца не сработает по той уже причине, что лорд Уиэри только что начал войну и популярность его взлетела до космических высот. Но внизу как раз загромыхал поезд, и говорить стало невозможно. А к тому времени, как мостки перестали дрожать и выхлопные газы тепловоза начали рассеиваться, оказалось, что он снова лежит с закрытыми глазами и рот его не может выговорить ни слова.

В голове проплыла какая-то случайная мысль, и он последовал за ней в царство снов.

И снились ему командиры татей, собравшиеся вокруг стола и глядевшие на карту подземелий, далеко не такую подробную и точную, как его собственная, но все же, как он видел, достаточно надежную в том, что касалось важнейших и новейших ее деталей. Один из них указал на место, где туннель мелкого заложения выходил на поверхность и превращался в троллейбусную линию.

— Мы проникаем здесь, — его рука скользнула по карте, — и еще на станциях «Боулинг-грин», «Тартар», «Третья стрит». Все промежуточные станции следует закрыть, чтобы этот сброд, набранный лордом Уиэри, не вырвался на поверхность.

— Но у этих крыс останутся тысячи запасных нор, по большей части нам неизвестных.

— Пускай себе прорываются и бегут куда хотят, главное — это разбить их армию и разобраться с ее вожаками.

Они склонились над картой — гранитные лица, огромные, как соборы, усы никак не меньше телег.

— А что с Джеком Риддлом? Вид у него какой-то нездоровый.

Распластанный их каменными взглядами, зажатый между линиями картографической туши, Вилл беспомощно наблюдал, как из тьмы наползает рука, наползает, становясь все больше и больше, закрывает все поле зрения, но и потом продолжает раздуваться, пока от нее не остался один лишь огромный палец. Палец этот лучился языками голубого пламени, так что воздух вокруг него дрожал и трещал, как вымпелы на ветру.

— Этот клоп? — презрительно спросил хозяин пальца; он

склонился ниже, и Вилл увидел, что это Пылающий Улан.

Палец коснулся карты, и Вилл почувствовал, что тонет во всежигающем пламени.

Вилл испуганно распахнул глаза. Оборванец и Дженни уже ушли, а рядом с ним стояла на коленях Хьердис; знакомые, уверенные руки втирали в надувшиеся рубцы какую-то мазь. Там, где она его касалась, вспыхивала огненная боль, сразу же затухавшая и превращавшаяся в легкий холодок, когда ее руки переходили к другому месту. В ноздри заползал странный запах, цветочный и вроде как медицинский.

— Ты очень добра ко мне, — пробормотал Вилл.

— Ничего личного, — пожала плечами Хьердис.

— Почему ты непременно это подчеркиваешь?

— Потому что это правда. В наших отношениях нет ничего такого особенного. Ты — наш герой, и поэтому я имею на тебя телесные права, как имела прежде на Костолома и как даже сейчас имею на лорда Уиэри. Ты, в свою очередь, получаешь дань от каждого сообщества, тобою покоренного, верно ведь? Гирлянда орхидей, добровольно предложенная, с благодарностью принятая. Так что все вполне нормально.

Вилл замолчал и продолжал молчать, пока Хьердис не кончила натирать его мазью. Затем он сказал:

— Я слышал, будет война.

— Да, я знаю. Лорд Уиэри пришел за винтовками, которые я для него хранила, и на этот раз никакой самонадеянный юнец не предложил ему ничего другого. Так что будет война, если это так называется.

— А как же еще называть?

— Полным идиотизмом. Только я всего этого не увижу. Йохацу уходят. Туннели пустеют, потому что сообщество, в них проживавшее, перебегает в верхний мир. Я уже отослала всех своих, кому достало здравого смысла трезво оценить обстановку, а теперь обхожу одного за другим всех остальных, упрямых, малоумных или попросту старых. Побеседовав с последним из них, я уйду и сама.

— Ну и куда же вы пойдете?

— Наверху тоже есть где приткнуться. Кто-то спит на лестничных площадках, другие прямо на улицах. Пойдем с нами.

— Ты хочешь сбежать по той лишь причине, что появилась опасность? — удивился Вилл. — Как же так, ведь твой народ здесь прижился?

— Я никогда не относилась к лордовским фантазиям серьезно. А мой народ не воители, а слабые и надломленные, сбежавшие вниз в поисках хоть какого-то подобия безопасности, — возразила Хьердис. — Как их тан, я не могу забывать об этом.

— Оборванец хочет, чтобы я возглавил мятеж против лорда Уиэри. — Сказанное вслух, это звучало совершенно ирреально. — Он предлагает мне убить Уиэри, пламенной речью завоевать сердца общественности, а затем возглавить Армию Ночи и повести ее вверх, на борьбу с угнетателями.

— Да, очень похоже на Оборванца, именно так его голова и работает.

— Возможно, мне стоило бы чуть подумать над этим планом, нет ли в нем хоть какой-нибудь толики смысла.

— Ты перегрелся, — сказала Хьердис и встала. — Я оставлю здесь мазь, натирайся, когда будет болеть. Не надевай рубашку, пока рубцы не заживут. Избегай алкоголя. Смойся, пока не началась война лорда Уиэри.

— Я не могу бросить своих солдат. Мы с ними сражались плечом к плечу, я...

— Все, — оборвала его Хьердис. — Больше мне здесь делать нечего, так что — прощай.

Она начала спускаться по лестнице, и, прежде чем стук ее подошв по железным ступенькам заглох, Вилл уже спал.

А когда проснулся, рядом сидел с сигаретой в зубах лорд Уиэри, его тонкое бледное лицо выглядело до странности отстраненным. С кружащейся, словно с похмелья, головой Вилл сел.

— Ты можешь меня убить, — сказал лорд Уиэри. — Только что

хорошего будет тебе с этого?

Он передал сигарету Виллу, тот сделал длинную затяжку и вернул ее. Его спина все еще жутко болела, но все же мазь, принесенная Хьердис, делала эту боль не такой пронзительной.

— В конце концов, ты же только воин, герой. Я же по сути своей завоеватель и, как знать, может быть, стану когда-нибудь императором. Я знаю, как править, а ты не знаешь, и в этом суть дела. Без меня Армия Ночи развалится буквально за неделю. Союзы, мною созданные, и дань, мною взываемая, держатся только силой моей личности. Убей меня, и ты сразу потеряешь все, нами с тобою созданное.

— Не думаю, чтобы я смог тебя убить.

— Нет, — согласился Уиэри, — И уж во всяком случае, не холодно, по расчету.

И это было правдой. Непонятно почему, но Виллово сердце все еще лежало к лорду Уиэри. Он бы даже, пожалуй, с радостью умер за этого старого эльфа. Но злость все равно оставалась.

— Почему ты велел меня выпороть?

— Чистейшей воды педагогика. Моя армия тобою восхищалась, и это восхищение могло перерасти в преданность, а потому мне было необходимо твердо установить, кто тут хозяин, а кто его гончий пес. Не брось ты мне вызов с этой лошадьёю, я нашел бы другой предлог. Это же моя иллюзорная реальность, а не твоя.

— Не понял.

— Ты однажды спросил меня, как дошел я до жизни такой, что таюсь в темноте, ем крыс и прогоркшие пончики и таскаю в постель помоечных хайнток, спросил и остался недоволен моим тогдашним ответом. Позволь мне рассказать поподробнее. Каждый видит, что я из высоких эльфов. Большая часть солдат считает мой титул придуманным, однако могу тебя заверить, что он мой от рождения. А как же можно с моей кровью и моими связями оказаться в итоге... — он сделал неопределенный жест, — здесь?

— Как же?

— Это началось одним прекрасным утром во Дворце Листьев. Я рано проснулся и увидел, что слуги открыли все окна; день был

изумительный, и в комнату задувал ветерок, чуть холодивший мне кожу, как вода прогретого солнцем озера. Я тихо, боясь потревожить своих наложниц, встал, накинул кимоно и вышел на балкон. Солнце едва поднялось, так что половина земли была на свету, а половина еще в тени, и в самом центре мира, его фокальной точкой и назначением был... я. На меня накатило ощущение огромной невесомой пустоты, слишком легкое, чтобы назвать его отчаянием, и слишком безжалостное, чтобы зваться как-нибудь иначе. Мраморные перила балкона доходили мне до пояса, так что не было ничего проще, чем на них забраться. Стоя на вершине Вавилона, я глядел вниз, на пригороды и гидропонные фермы, скрытые кое-где клочьями утреннего тумана, смотрел и упивался возможностью видеть их с такой высоты. Сказать, что меня неодолимо тянуло шагнуть за край, было бы излишне драматично. Назови это минутной причудой... Так я и сделал... Но мне в моем тогдашнем настроении мир казался настолько иллюзорным, что всякая связь между ним и мною исчезла. Даже тяготение и то меня не касалось. Я шагнул вперед, в пустоту, и встал. И никуда не двигался. В этот момент мне грозила величайшая из опасностей, поскольку я ощутил, что мое постижение расширяется, захватывая весь мир.

— Я не совсем понимаю, — заметил Вилл.

— Есть единая сущность, одухотворяющая все живое — от мельчайшего существа, влачащего скудное существование на огромной, как бесплодная пустыня, скорлупе другого существа, слишком мелкого, чтобы видеть его без микроскопа, и до гордой вершины бытия, моей скромной и царственной личности. Эта сущность одушевляет даже неживую материю — простейшее «аз есмь», позволяющее валуну знать, что он валун, горе, что она гора, а камешку, что он камешек. Иначе все было бы текуче и переменчиво... Тело, как тебе хорошо известно, — это на девять десятых вода, и есть такие, кто говорит, что жизнь это не более чем способ воды перемещать себя с места на место. Когда ты умираешь, эта вода возвращается в землю и в силу естественных процессов испаряется в воздух, где она соединяется с водами, бывшими прежде змеями, верблюдами, императорами... и снова дождем падает на землю, возможно, чтобы влиться в ручей, превращающийся далее в реку, текущую в море. Рано или поздно все, за исключением малой горсточки праха, неизбежно вернется в мирообъемлющий Океан... Сходным образом, когда ты умираешь, твоя жизненная сила

сливается с жизненными силами всех, кто когда-либо умер или даже еще не рожден, — подобно оловянному солдатику, плавящемуся в огненном тигле Возможного.

— Трудно это понять и еще труднее поверить, — качнул головою Вилл.

— Нет, в это очень легко поверить, но трудно, невероятно трудно знать это наверняка. Потому что признать иллюзорность своего существования — значит балансировать на грани его полного растворения. Стать заедино со всем, что есть, — значит стать ничем, ничем конкретным. Почти перестать существовать. Я испытал тогда момент абсолютного ужаса, чистый и мимолетный, как закатный зеленый луч. Не задерживаясь более, я развернулся и шагнул назад, на балкон. Я покинул Дворец Листьев, отправился в бар и напился до посинения. Потому что я заглянул под маску мира — и там ничего не было! С этого времени я стал глушить себя разгулом и грезами, я пригрезил Армию Ночи, а затем пригрезил мир, который она будет покорять. В завершение я пригрезил ей военачальника — тебя.

— Должен заметить, сэр, что и до встречи с вами у меня была вполне реальная жизнь.

— Тебя загнали прямо ко мне в руки, — сказал лорд Уиэри, раскуривая новую сигарету от бычка старой. — Тебе не кажется странным, как тебя преследовали один анонимный враг за другим? Чем ты заслужил такое к себе отношение? Ты можешь хотя бы назвать свой проступок? — Он отщелкнул окурок, тот описал, кувыркаясь, в воздухе параболу и упал на рельсы. — Боюсь, твоим главным гонителем и творцом всех твоих бед был не кто иной, как я. Я — величайший злодей, какого ты только знал.

— Если ты и злодей, — заметил Вилл, — то довольно странный, потому что я продолжаю любить тебя как родного по крови. — Даже тут он ни на йоту не соврал. — Я многое в тебе ненавижу: твою власть, твое высокомерие, твое прошлое богатство. Мне отвратительно, как ты используешь других для своего развлечения. И все же... мои чувства к тебе не становятся от этого меньше.

На какой-то момент лорд Уиэри стал измученным стариком, его пальцы мелко подрагивали, в глазах застыла пустота. Затем он упрямо вскинул голову и снова стал лучиться неодолимой, страшной теплотой.

— Тогда мне придется здесь и сейчас поклясться, что, когда я достигну верховной власти, ты будешь за все вознагражден. Чего ты хочешь? Подумай получше, напрямую скажи, и все, чего ты ни пожелаешь, будет тебе даровано.

— Я хочу увидеть тебя на Обсидиановом Престоле.

— Это не ответ, а увертка. Ну почему это должно быть тебе важнее, чем деньги или власть?

— А потому, что дабы вознести тебя на эту высоту, нужно будет сперва устроить избиение Лордов Мэральности, настолько подробное, что от Лиосалфара и Докалфара и даже от Совета Волхвов почти ничего не останется.

— И снова вопрос: зачем тебе это?

Вилл наклонил голову в сторону и тихо, бесцветно сказал:

— Мои родители были в Броселианде на вокзале, а тут прилетели драконы и сбросили золотой огонь. Моя жизнь была опрокинута боевой машиной, которая, возможно, принимала участие и в том самом налете. После моего изгнания ставшая мне родной деревня была сожжена армией Всемогущего. Все эти силы служили лордам Вавилона, да и сама война была результатом их безумной политики. — Теперь в глазах Вилла горела безмерная ненависть. — Убей их, всех, до последнего! Уничтожь виновников, больше я ни о чем не прошу.

— Милый, милый мой Джек. — Лорд Уиэри заключил Вилла в объятия и погладил его по голове. — Я не смогу отказать тебе ни в чем, — сказал он, вставая. — Моя война уже началась, и реальна она или нет, но тебе предстоит сыграть в ней важную роль. Вставай.

— Да, господин, — сказал Вилл и встал, морщась от боли. В глазах у него плыли яркие пятна.

— Надень рубашку и куртку. Я скажу врачу вколоть тебе экстракт ведьмячьей бородавки и лидокаин, а то ведь так и воевать не сможешь.

Штаб размещался в катакомбах. В тесноватом помещении, сплошь обставленном по стенам каменными мощениками и освещенном коптилками, в которых горело отработанное смазочное

масло, лорд Уиэри вместе со своими офицерами внимательно изучал карты, используя вместо стола огромный череп циклопа. Во всех местах, откуда можно было ожидать нападения татей, который уже день томились в дозоре опытные скауты. Путей из надземного мира в подземный было, конечно же, бесчисленное множество, но из них лишь очень немногие могли обеспечить проход сколь-нибудь значительных воинских сил.

Пока солдаты собирали винтовки, готовили бутылки с «молотовским коктейлем» и складывали в несколько раз мокрые банданы, чтобы хоть как-то защищать себя от слезоточивого газа, их командиры планировали засады и контратаки. Боеготовность этого войска вызвала у Вилла большие сомнения, ведь он своими глазами наблюдал, как солдаты параллельно с подготовкой оружия занюхивают эльфийскую пыль и передают друг другу дымящиеся косяки. Хуже того, чем больше он слышал о планах своего вождя, тем меньше он им доверял. Туннели были идеальным полем для партизанской войны — подожди, пока враг чрезмерно рассредоточит свои силы и от долгого безделья утратит бдительность, нанеси мгновенный кинжальный удар и растворишься в темноте. Идя на фронтальную схватку, они сразу же лишались этого преимущества. Но Уиэри твердо стоял на своем, и Виллу приходилось подчиняться.

В результате Вилл все на том же мотоцикле возглавлял теперь маленький передовой отряд, скрытно наблюдавший из темноты, как тати, уже заполнившие перрон «Третьей стрит», спускаются на рельсы. Эта станция была заранее закрыта, поезда перенаправлены, а третий рельс отключен от напряжения. Тати выдвигались на исходные позиции самым, как показалось Виллу, профессиональным образом. Все они были из народа тильвит-тег — опытные, тренированные и прекрасно вымуштрованные. У них были черные шлемы и пластиковые щиты. На ремне у каждого висели кобура с пистолетом и газовые гранаты.

В первых рядах наступающих были проводники саблезубых волков, которые сейчас буквально рвались с поводков. Со стороны все выглядело так, словно это волки тащат за собой упирающихся татей.

Вилл смотрел и ждал.

А затем в далеком катакомбном убежище, откуда лорд Уиэри ясно видел все происходящее в котелке, наполненном тушью, он

произнес короткое слово, заставившее Вилла содрогнуться.

Откуда-то из самой глотки земли подул наколдованный ветер, он поднимал с перрона рекламные листовки и газеты и превращал их в подобие птиц, так что они, дико хлопая крыльями, летели татам прямо в лица, словно стая взбесившихся куриц. Рваная выкинутая одежда поднималась и, словно надетая на невидимые тела, неотвратимо надвигалась на пришедших из верхнего мира захватчиков. Все это, вместе взятое и явившееся из ниоткуда, казалось на первый взгляд весьма серьезной магической атакой.

Два солдата — боевые маги, судя по их мундирам, — выступили вперед и вскинули навстречу надвигающимся бумагам и тряпкам титановые жезлы. В унисон, твердыми голосами они произнесли свое, другое слово.

И в ту же секунду ветер утих, а ожившие было газеты и тряпки рассыпались в пыль.

Теперь пришла очередь Вилла, давно уже державшего фальшфейер в одной руке, а зажигалку в другой. Пока жезлы магов перезаряжались, он откинул пальцем крышечку своей «зиппо», крутанул колесико, а затем опустил на глаза защитные очки и крикнул во весь голос:

— Ниже головы!

Снайперы, не имевшие защитных очков, ограничились тем, что закрыли глаза руками, а пятеро конных дружно подпалили свои фальшфейеры и швырнули их в сторону татей.

— Давай! — крикнул Вилл.

Он дал газ слишком резко, и мотор мотоцикла заглох; чтобы его оживить, потребовался ножной стартер — плюс многократные упоминания какой-то там матери.

План контратаки был предельно прост. В тот момент, когда тати не совсем еще пришли в себя после атаки мусорных призраков, ударить по ним и их волкам пылающими фальшфейерами, а затем, пока они еще ничего не видят, бросить на них всю свою немногочисленную конницу. Лошади прорвут своими мощными телами строй противника и помчатся вперед, до конца станции и дальше, за поворот и в противоположный туннель, сея по пути хаос и смятение. А тем временем Вилловы снайперы будут легко, словно в

тире, отщелкивать вражеских солдат — так, во всяком случае, планировалось.

На практике получилось иначе.

Заглохший мотоцикл задержал Вилла всего на какие-то секунды, но и за это время лошади умчались далеко вперед. Теперь он бессильно наблюдал, как их рвут саблезубые волки, которых ослепленные тати спустили с поводков. Полагаясь не столько на зрение, сколько на нюх, свирепые хищники прыгали навстречу лошадям и с торжествующим рычанием вонзали кошмарные свои клыки в их бледные шеи и ляжки.

Первой пала Эпона.

Вилл услышал отчаянное ржание и увидел, как лошадь и ее сегодняшний всадник скрылись под клубящейся массой черных косматых демонов. Всадник, безликая личность по имени Мамкотрах, умер почти мгновенно, а благородное животное продолжало сопротивляться, даже уже лежа на земле. Точно так же пали чуть отставшие от Эпоны Хенгроен и Холварпниа. Дженни спрыгнула с Эмбарра, столкнулась с волком в воздухе и упала, придавив его собой и вцепившись ему в глотку руками.

Вилл дал полный газ. С воплем не хуже волчьего он мчался туда, где пали всадники, надеясь не совсем понятно на что. Но в это время о шпалы и рельсы застучали баллончики слезоточивого газа, и на него и все его войско покатила едкая волна химического тумана. Мокрая бандана оказалась очень слабой защитой. Вилл ничего уже не видел, из глаз его потоками струились слезы. Он попытался было развернуть мотоцикл и упал вместе с ним на бок, безнадежно потеряв при этом зажигалку.

Вилл кое-как поднялся сам и стал поднимать мотоцикл.

Вокруг рычали саблезубые волки, искавшие себе добычу. Хотя кошмарные звери ничего сейчас не видели, а их обоняние было отбито слезоточивым газом, любому, на кого они натыкались, приходил конец.

Прямо перед Виллом появилась волчья морда, на руль его мотоцикла легли волчьи лапы. В паническом ужасе Вилл вскинул пистолет и даванул на спуск. Ни выстрела, ни даже щелчка.

Он забыл о предохранителе. Волк ухмыльнулся, оскалив

длинные белые клыки.

— Если ты решил обоссаться, то самое время, — сказал он. — Потому что сейчас ты умрешь.

Распахнутая пасть была готова уже вцепиться Виллу в лицо, когда ударил неожиданный выстрел; волк коротко хрюкнул, его череп взорвался облаком мельчайших красных брызг.

— Лихо позабавились, командор? — Дженни сверкнула бешеной ухмылкой, сунула пистолет за пояс и протянула Виллу руку.

Вилл поднял ее и посадил за собой. — Мотаем отсюда, на хрен! — крикнул он, не оборачиваясь.

Что они и сделали.

Таким был первый эпизод начавшейся войны. Тати продолжили наступление, а Вилловы снайперы убежали, ни разу даже и не выстрелив. Кони, вверенные ему, погибли, а их всадники, все, кроме Дженни, либо тоже погибли, либо попали в плен. Это было не только фиаско, но и, что много хуже, вполне заслуженное фиаско. Солдаты лорда Уиэри имели крайне слабую подготовку, а вся их тактика отдавала неумелой импровизацией. При встрече с организованной военной силой типа тех же самых татей они не могли надеяться ни на какой успех. Вилл и раньше это чувствовал, а теперь окончательно понял.

Фальшфейеры один за другим потухли, и в туннеле снова стало темно, саблезубые волки вернулись к своим проводникам. Вилл спрятал защитные очки в карман. Он знал, что тати продолжают продвигаться, но при этом не спешат, проявляют крайнюю осторожность. Отсутствие непосредственной опасности позволило ему сбросить газ и ехать помедленней. Только поэтому он успел среагировать, когда Дженни пробормотала: «Похоже, я сейчас отключусь» — и начала сползать с заднего сиденья.

Резко развернувшись, Вилл подхватил Дженни и одновременно ударил по тормозам. Каким-то чудом ему удалось остановить мотоцикл и при этом не уронить девушку.

Откинув ногой подножку, Вилл слез с мотоцикла и опустил свою помощницу на землю. На ее куртке и брюках проступали пятна крови, много пятен, очень много, больших.

— Вот же, мать твою, — пробормотал он сквозь зубы. Дженни открыла глаза.

— Ты посмотрел бы на этого волка, — сказала она и тускло, через силу улыбнулась.

Затем глаза ее начали закатываться, лицо обмякло.

Вилл кое-как перевязал Дженни, а затем с помощью петли, сделанной из двух поясных ремней, взвалил ее себе на плечи. Сгибаясь под не такой уж и маленькой тяжестью, он влез на мотоцикл и снова запустил мотор. Он и не хотел попасться татам, и не мог ее так оставить.

Они ехали и ехали во тьму.

В какой-то момент Дженни снова пришла в сознание.

— Я хотела бы тебе кое в чем признаться, — сказала она. — Помнишь, как лорд Уиэри велел тебя выпороть? Так мне тогда это понравилось.

— Извини, но я что-то... — начал потрясенный Вилл.

— Да ты не думай, я не в каком-нибудь злорадном смысле. — Дженни надолго умолкла, а когда продолжила, голос ее звучал совсем уже слабо. — Это меня вроде как возбудило. Может, когда все это кончится, нам с тобой...

Она снова потеряла сознание. Вилл обернулся и увидел, что Дженни совсем побледнела, ни кровинки в лице.

— Ну что же ты, потерпи еще немного, до доктора осталось всего ничего.

Теперь уже он гнал как сумасшедший, гнал, как никогда еще в прошлом.

Через какое-то время перед ним выросла фигура Оборванца. Здесь отдыхали те немногие Вилловы снайперы, которые не побросали винтовок, а отступили с оружием и в каком-то подобии порядка. Их было пятеро: Чеснок, Пузырь, Голодалец, Ксилия Аркадская и, конечно же, Оборванец.

Вилл слез с мотоцикла и осторожно опустил Дженни на землю.

— Вы только взгляните на ее раны, — сказал он. — Они получены в честном бою.

Ксилия Аркадская опустилась рядом с Дженни на колени. Затем встала и потрогала ее лоб, ее грудь, там, где сердце, и промежность.

— Мертвая, — вздохнула она.

Вилл тупо смотрел на труп, жалкий, как тряпичная кукла. Одежда Дженни была сплошь перемарана кровью, лицо, в котором не было уже ее личности, казалось тусклым и заурядным. Не привези он сюда ее сам, на собственном горбу, ни за что бы не поверил, что это она, Дженни. После долгого общего молчания над трупом наклонился Оборванец.

— Я возьму ее пистолеты, — сказал он. — Пусть побудут пока у меня.

И засунул пистолеты за пояс.

— Я возьму ее сапоги, — сказала Ксилия Аркадская. — Мне они не подойдут, но я знаю, кому они будут тютелька в тютельку.

Так же одну за другой они разобрали и остальные ее вещи. Вилл взял сигареты и зажигалку, а Пузырь — метательный нож. Голодалец взял брюки и куртку, осталась лишь маленькая серебряная орхидея на серебряной же цепочке, которую Чеснок снял с ее шеи, торжественно поцеловал и сунул в карман. Они смущенно молчали и не знали, куда деть глаза, а затем Вилл прокашлялся и начал:

— *Она пришла к нам с юга.*

— *Птица, бойцовая птица,* — сказала Ксилия Аркадская.

— *Чьи крылья взрезали воздух,* — сказал Пузырь.

— *Теперь она хочет вернуться,* — сказал Голодалец.

— *В тело той быстрой птицы,* — сказал Оборванец.

— *В битве оставив то тело, что было,* — заключил Чеснок.

Тело Дженни Танцышманцы, утратившее жизненную искру и освобожденное от власти вещей, уже начинало погружаться в бетонное дно туннеля. Сперва очень медленно, а затем все быстрее и быстрее оно ускользало во тьму земли, из которой все вышло и в которую все когда-нибудь вернется — хайнты в смысле более буквальном, чем все остальные, но в общем-то это касается всех.

Опорная база, куда они в конце концов добрались, бурлила и кипела. На платформах суетились хайнты, гонты и феи, деловито таскавшие бочки, шпалы и какие-то ящики для постройки и укрепления баррикад, разносившие оружие и боеприпасы по на скорую руку сляпанным огневым точкам. Тощий перепончатокрылый гонт с курьерской вализой в длинных кривых когтях торопливо влетел в тот самый туннель, из которого только что вышел Вилл со своей немногочисленной компанией. Все это выглядело откровенной любительщиной.

Станция «Порт Молитор» выглядела вроде бы удобной базой, ведь она располагалась как раз там, где от маршрутов 1, 2 и 3 ответвлялись линии «А», «Б», и «В», и была не слишком удалена от перехода на линии неглубокого залегания, давая таким образом свободный доступ ко всем четырем потенциальным зонам военных действий. Беда только в том, что «Порт Молитор» был призрачной, то есть построенной, но никогда не использовавшейся станцией, а потому не имел выхода на поверхность. Теперь, когда сюда со всех сторон подходили отступающие солдаты, когда разведчики докладывали, что по всем трем туннелям продвигаются тати, эта станция становилась ловушкой.

— Кто здесь главный? — крикнул Вилл. — Что там делают на рельсах все эти солдаты? Неужели никто здесь не командует?

— Лорд Уиэри поставил капитана Хекема командующим всеми защитниками левого окраинного туннеля, — сказала усталого вида хулдра. — Трепач отвечает за правый окраинный туннель, а сам он взял на себя командование силами, защищающими туннель, ведущий к центру. Привет, Джек.

— Хьердис? — удивленно воскликнул Вилл. — Ты все-таки вернулась.

— Как и все прочие. Все йохацу, бежавшие прежде, вернулись в туннель — все до единого.

— Но почему?!

Прежде Вилл настоятельно уговаривал тан-леди не выходить из войны лорда Уиэри, теперь он видел, что был тогда не прав. Она ушла, и очень правильно сделала. И не нужно было ей возвращаться.

— Не знаю. — На лице Хьердис было полное недоумение. — И не вижу к тому никаких разумных причин. Возможно, на нас лежит

какое-то вынуждение. Но если так, то вынуждает нас сила много большая, чем все, о чем я когда-либо слышала, ведь она управляет тысячами.

— Где лорд Уиэри? Если кто-нибудь и понимает эту загадку, то только он.

— Лорд Уиэри приказал, чтобы ты до начала приближающейся битвы обязательно с ним поговорил. А о чем, он не сказал. А теперь мне нужно уйти, я заведу здесь полевым лазаретом.

Проводив ее взглядом, Вилл повернулся к Оборванцу:

— Дай-ка мне нож.

С ножом в руке Вилл перелез через баррикаду, запустил мотор мотоцикла и, как ни больно было ему это делать, пробил ножом топливный бак. Из дырки брызнула струя бензина. Дав полный газ, он несколько раз проехал по рельсам туда и сюда, от одного конца станции до другого; на шпалах мотоцикл трясло и бросало, бензин расплескивался от стенки до стенки, а потом «кавасаки» чихнул, чихнул еще раз и совсем заглох.

— Ну, все в порядке, — сказал Вилл. — Теперь эти чертовы собаки не смогут нас здесь унюхивать, бензин перебьет все запахи.

И пошел на встречу с лордом Уиэри, а Оборванец вместе с ним.

Центровой туннель был укреплен попроще, чем окраинные, — единственное заграждение и даже лишенное амбразур, но зато оно было гораздо массивнее и почти упиралось в потолок. Первым, на кого наткнулся тут Вилл, был Томми Красная Шапочка. Вооружившись рулоном изолянта, он приматывал к основаниям опор какие-то ящики. Другие йохацу тянули от ящика к ящику электрические провода. Было ясно: это не что иное, как взрывные устройства.

— Какого хрена вы тут делаете? — поразился Вилл.

— А сам ты как думаешь? Эй там! — крикнул Томми. — Мне нужны еще взрыватели!

— Я думаю, что ты готовишься обрушить нам на головы половину Бауэри.

Хайнт, прибежавший с ящиком взрывателей, держал в зубах зажженную сигару. Взяв взрыватели и поставив их на землю, Томми

выхватил у хайнта сигару, сделал было движение, чтобы ее выбросить, но передумал и воткнул сигару себе в рот.

— Если ты такой догадливый, так чего тогда спрашивать?

— Если это делается по приказу лорда Уиэри, он окончательно сдурел, — поморщился Вилл. — Одно прикосновение к этим штукам, и ты нас всех угробишь.

— Думаешь, я боюсь умереть? — рассмеялся Томми Красная Шапочка и для убедительности стряхнул на взрыватели сигарный пепел. — В такой, как сегодня, день умереть будет даже приятно.

— И ты тоже сошел с ума.

— Может, и так, но у меня мало времени и много недоделанных дел. А если у тебя есть какие-нибудь жалобы, иди с ними к главному начальнику. — Томми ткнул большим пальцем вверх.

Там, наверху, была галерея, которую Вилл вроде бы никогда еще не видел, врезанная в стену как-то уж слишком, невозможно высоко. (Да и сама станция казалась слишком уж большой, но ему было некогда об этом думать.) Лицо лорда Уиэри было бледным овалом, плававшим во мраке, как луна, бесстрастно вззирающая с небес на грехи и пороки мира.

— Так я и сделаю, — сказал он — Только как туда попасть?

Этой лестницы Вилл никогда не видел. Два стражника с головами насекомых и в зеленых кожаных латах раздвинули перед ним скрещенные копья, но скрестили их снова, когда захотел пройти Оборванец. Оставив его ругаться с зелеными стражниками, Вилл поспешил наверх, прыгая через две, через три ступеньки. С бешено колотящимся сердцем — отдохнуть бы, ведь нельзя же столько без отдыха — он ворвался на галерею.

Лорд Уиэри стоял, опершись на мраморную балюстраду, и созерцал происходящее внизу. И лишь на мгновение отвлекся, чтобы взглянуть на запыхавшегося Вилла.

— Составь мне компанию.

Вилла охватила странная апатия, не оставлявшая места ни для какой торопливости. Казалось, что в присутствии своего сеньора он начисто лишается собственных амбиций. Свободной, прогулочной походкой он подошел к эльфийскому лорду и стал вместе с ним смотреть на суетящихся йохацу. Легкий ветерок приносил соленый запах моря, никак не похожий на подземную затхлость. Виллу показалось даже, что он ощущает запах каких-то цветов. Солнца он не видел, но оно явно грело ему спину.

— Что это за место?

— Осколок воспоминаний, никак не более. Мне следовало лучше сосредоточиться.

И вдруг они оказались в огромном пустом помещении со стенами из белоснежного мрамора. В высокие окна задувал легкий ласковый ветер. Посреди помещения стояло черное нечто. В некоторых ракурсах оно напоминало стул.

— Так это и есть...

— Да. Ты узрел Обсидиановый Престол.

Видение поблекло, воздух потемнел, Вилл вернулся к тоскливым запахам и еще более тоскливым перспективам подземной жизни.

— Приближается финальная схватка, — сказал после долгого молчания лорд Уиэри. — Слышишь?

Вилл слышал.

— Что это за звук? — спросил он. — Это... завывание.

— А ты смотри.

Завывание нарастало, пока не превратилось в квартет локомотивных гудков, визжавших почти в унисон. Они визжали все громче, а вслед за ними на станцию накатиł грохот железных колес. Земля содрогалась предвестием чего-то очень плохого.

Окраинные баррикады буквально взорвались. Локомотивы играючи прорвались сквозь наспех возведенные ограждения, в воздух взлетели пустые бочки, обломки дерева и солдаты, напоминавшие сверху тряпичных кукол.

Их было четверо, этих огромных зверей, и у каждого из них был навешен впереди бульдозерный нож, и все они мчались шеренгой и даже не замедлили бега, пролетая станцию. Они мчались плечом к плечу, перемалывая жалких противников своими стальными колесами. Пробив напоследок баррикаду, преграждавшую туннель, ведущий к центру, они с торжествующим воем умчались во тьму, оставив позади сотни мертвых, истерзанных тел.

Пальцы Вилла, вцепившиеся в балюстраду, побелели от напряжения, ему хотелось зажмуриться, но он все смотрел и смотрел. Стоны и вопли немногих, кто остался в живых, перекатывались в его ушах подобно звукам прибоя. Он не мог совладать со своими мыслями, они перескакивали друг через друга в какой-то бессмысленной чехарде.

— Ты знал, что это случится, — сказал он в конце концов, с трудом подавив тошноту. — Ты сам все это и устроил.

Лорд Уиэри печально улыбнулся, перегнулся через балюстраду и крикнул:

— Томми!

Следом за поездами двигались тати. Когда показались саблезубые волки, кто-то выстрелил сигнальной ракетой, и разбрызганный Виллом по туннелю бензин мгновенно вспыхнул. Но это их не остановило. Горящие, вконец рассвирепевшие волки

ворвались на станцию «Порт Молитор» и начали рвать на куски всех, кто не был еще убит. Следом за ними с оружием наготове шли уже сами тати. Виллу показалось, что их возглавляет Пылающий Улан.

Но и сквозь все это смятение крик лорда Уиэри дошел до того, кому предназначался. Маленький Томми Красная Шапочка оторвался от дымно тлеющего тела сдыхающего волка и нашел глазами галерею.

— Сэр?

— Взрывчатка заложена?

— Да, сэр!

— Стой около взрыв-машинки и жди моего приказа.

— Сэр!

Томми повернулся и исчез в насмерть перепуганной, не находящей спасения толпе.

Смятение Вилла было так велико, что его даже не удивило, когда на пороге лестничной двери показался Оборванец в окровавленной куртке и с пистолетами Дженни в руках.

— Предатель! — крикнул он и в упор разрядил их в голову лорда Уиэри.

— Увы, — вздохнул эльфийский лорд. — Как и многое другое, этот момент был гораздо приятнее в предвкушении, чем в актуализации.

Он разжал ладонь, на ней лежали две пистолетные пули. Он стряхнул их на пол.

— Ты мне надоел.

От лица болотного гонта отхлынула кровь, он умоляюще вскинул руки и замотал головой. Ничуть не спеша, лорд Уиэри протянул к Оборванцу руку, и его пальцы сомкнулись на внезапно опустевшем, рваном и засаленном пальто. Брезгливо поморщившись, лорд Уиэри отшвырнул эту грязную тряпку за балюстраду.

— Что это ты сейчас сделал? — удивился Вилл. — И как ты это сделал?

С лестницы появилась Хьердис — точно так же, как минуту

назад Оборванец.

— Он большой специалист по всяким морокам, — сказала она. — Или я ошибаюсь?

Лорд Уиэри улыбнулся и пожал плечами.

— Да, — сказал он, — я когда-то был главным царским Устроителем Развлечений. Не то чтобы, конечно, Его Отсутствующее Величество когда-нибудь прибегал к моим скромным услугам, и все же... У меня был определенный талант, и я поддерживал его регулярной практикой. Не один и не двое придворных были моими созданиями. Однажды я устроил бал-маскарад, половина участников которого не имели никакой объективной реальности. А наутро многие лорды и леди узнали, проснувшись, что их постельные партнеры суть воздух и причуды фантазии.

— Я ничего не понимаю.

— Он создает иллюзии, — объяснила Хьердис. — Очень убедительные. Для развлечения. Когда я жила в укрытии неподалеку от Баттери, власти прислали к нам посреди зимы такого вот морочника, и он заполнил все улицы кометами и яркими бабочками. — И печально добавила: — Так что же, несчастный Оборванец был, если разобраться, пустым местом, одним из твоих порождений?

— Вы уж простите старому эльфу его капризы, — виновато потупился лорд Уиэри. — Я сотворил его для большой ключевой роли, если это может быть объяснением. Он должен был застрелить меня как раз в тот момент, когда я собирался бы занять Обсидиановый Престол. Застрелить и тут же погибнуть от карающих рук вот этого нашего импульсивного героя. — Он кивком указал на Вилла. — После чего, лежа на руках у Джека, я попросил бы его взойти вместо меня на престол, что, по причине его амбиций и так как это была бы моя предсмертная просьба, он, конечно, исполнил бы. Увы, мой интерес к этой игре истлел и угас задолго до ее завершения. Ну что же тут можно поделать? Я полагаю, — обратился он к Хьердис, — что тебя привела сюда какая-то срочная необходимость.

— Да. Твои взрывники заминировали опорные сваи стоящих над нами зданий. Погибнут все мои йохацу и вся Армия Ночи.

— И это, как я понимаю, очень тебя беспокоит? — вздохнул

лорд Уиэри. — Глупая девочка. Начать с того, что их никогда и не было.

Все крики, стоны, вопли и прочие звуки, доносившиеся снизу, резко, как обрезанные, стихли. Хьердис выглянула наружу и увидела только вдруг опустевшие перроны и рельсы. Не было ни трупов, ни в щепки разнесенных баррикад, не было ни татей, ни обгорелых саблезубых волков, не было ни малейших следов повстанческой армии, не было ничего, кроме заброшенной станции метро и самого обычного мусора.

— Так, значит... все они — и йохацу, и тати — просто твоё порождение? И только я и Вилл были...

Лорд Уиэри вскинул бровь, и Хьердис замолкла. Надолго.

— А я-то считала себя настоящей, — сказала она наконец скучным, безжизненным голосом. — У меня же были свои воспоминания. Страсти. Друзья.

— Ты впадаешь в сентиментальность.

Лорд Уиэри потянулся к Хьердис, и его пальцы сомкнулись на какой-то тряпке. Он перекинул её через балюстраду точно так же, как и грязное пальто, бывшее когда-то Оборванцем.

— А теперь, как нетрудно догадаться, подошла моя очередь, — горько сказал Вилл и сжал кулаки. — А я ведь тебя *любил*! Из всех твоих жестоких, порочных деяний это хуже всего. Я заслуживал лучшего. Может быть, я и не реален, но я заслуживал лучшего.

— Ты столь же реален, как и я сам, — успокоил его лорд Уиэри. — Не больше и не меньше. — Он старел у Вилла на глазах. Его кожа, все ещё розовая и чистая, как у ребенка, обвисла складками. Его волосы тоже остались по-детски пушистыми, но стали совершенно седыми. Голос его проникал до самого сердца. — Прими это, если можешь, в качестве утешения. Лично я выбрал путь просветления, пролегающий через предательство и горы насилия. Теперь же, когда я постиг единство всего сущего, мне представляется, что старость пришла ко мне как раз...

Глаза лорда Уиэри закрылись, голова упала на грудь. Медленно, без шума и суеты он растворился. Вместе с ним исчезли и балюстрада, и вся галерея, и весь в мире свет. Вилл почувствовал, как его обнимает тьма, подобная теплым нежным рукам Матери Ночи.

Он уже не знал, существует он или нет, и ему это было безразлично. Война лорда Уиэри — если допустить, что она вообще начиналась, — закончилась.

Придя в сознание, Вилл обнаружил себя лежащим на рельсах в метро. Он кое-как поднялся на ноги и тут же был вынужден отскочить от мчавшегося по туннелю поезда.

Когда его на время ослепленные глаза снова начали видеть, Вилл пошел. Он не знал, что из того, что он за последнее время видел и чувствовал, происходило в действительности. Погибли друзья — но были они или не были? Были ли Костолом, Эпона, Дженни Танцышманцы и все остальные пустыми фантазмами? А если они не существовали, если они никогда не существовали, освобождает ли это его от всяких перед ними обязательств? Он взглянул на свои руки, на знакомые шрамы, полученные за время пребывания под землей. Уж они-то, во всяком случае, были реальны.

При всех своих стараниях он не мог обнаружить в пережитом ни малейшего смысла.

Он и плакать даже не мог.

Какое-то бесконечное время он блуждал в темноте. Иногда спал, иногда просыпался. Затем, пробудившись окончательно, он обнаружил, что боль хоть и не ушла, но стала терпимой.

Тогда Вилл вернулся на станцию «Нифльхейм», чтобы вытащить свою старую, припрятанную до времени одежду. Он завалил ее тогда кедровыми стружками, набранными в отвалах лесоторгового склада, так что она прекрасно уцелела. Он побрился и помылся в мужском туалете полуподвального помещения станции «Арсенал» (одной из многих, до которых можно было добраться по вентиляционным каналам, не выходя на улицу), надел новенькие ботинки из той партии в несколько сотен штук, которую он с тремя своими солдатами позаимствовал в удачно подвернувшемся товарном вагоне. Закончив туалет, он уже не был больше похож на одиозного командора Джека Риддла. Он вполне мог сойти за respectable гражданина.

Поднявшись на улицу, он увидел, что уже весна. Он провел под землей целую зиму.

У Вилла был целый карман мелочи, вытряхнутой как-то из любителя приключений, который забрел в темноту дальше, чем ему бы следовало, и по секундному порыву он сел на поезд, шедший к Висячим садам.

Висячие сады вполне заслужили свою славу, считать ли их парком, дендрариумом или сельскохозяйственной выставкой. В них был небольшой городок аттракционов с каруселью и колесом обозрения, плавательные бассейны и искусственные джунгли, где абатва^[47] с копьями, похожими на зубочистки, охотились на водяных драконов длиной с Виллову ступню. В птичьем вольере была добрая сотня разновидностей колибри, тринадцать разновидностей аистов и даже дюжина различных пилливигринов, которых на всем континенте больше нигде и не найдешь. Угрюмые фавны сидели на травке и торговали воздушными шариками. Но больше всего Виллу понравилась эспланада. Облокотившись на бетонный парапет, он смотрел, как далеко внизу, у причала, великаны, стоящие по пояс в воде, неспешно разгружают прибывшие контейнеровозы. С окаймляющего мир Океана дул свежий, с запахом соли ветер. Над водой кружились чайки, крошечные, как пылинки, пляшущие в солнечном луче.

Пролетел гиппогриф, рассыпая за собой звонкий смех.

Он пролетел так близко, что Вилл ощутил ветер от его огромных крыльев и острый лошадиный запах. Волосы всадницы вились за ее спиной как рыжий вымпел.

Вилл смотрел как громом пораженный. Молодая женщина, гордо восседавшая в седле, была само изящество, помноженное на атлетизм. На ней были зеленые брюки и в тон к ним мягкие кожаные сапоги. Зеленым же был и лиф, под которым золотом сверкала узкая полоска живота.

Она была великолепна.

Всадница случайно взглянула вниз и увидела заглядевшегося Вилла. Она тут же натянула поводья, так что ее птица-лошадь встала на дыбы и на мгновение остановила полет. Затем она взяла поводья в зубы и левой рукой сдернула вниз свой лиф, обнажив ослепительные груди. А правой рукой — показала ему средний палец. Затем, издевательски улыбнувшись, снова натянула лиф, схватила поводья и умчалась.

У Вилла перехватило дыхание. Эта незнакомка словно приставила к его груди пистолет. На какое-то мгновение она полностью им овладела.

И ведь он знать не знал, кто она такая, не знал, увидит ли когда-нибудь ее снова.

В этот сказочный момент, момент замешательства, в голову Вилла всплыла откуда-то мысль: *он зря растрачивает жизнь.*

Там, внизу, он был героем — а зачем? Он вел за собою солдат, которые не смогли бы выйти из туннелей, потому что боялись света.

Он понял, что не хочет возвращаться.

Вместо этого он покинул сады и пошел бродить по городу, иногда поднимаясь на лифте вверх, иногда спускаясь по лестнице. Долгие бесцельные блуждания привели его в тусклый запущенный квартал, и тут по мгновенному побуждению он вошел в первое попавшееся питейное заведение — грязноватую забегаловку «Крысиный нос». Он подойдет прямо к бармену и попросит какую-нибудь работу. Даже если ему поручат мыть посуду и подметать пол, это все-таки будет начало.

Из-под столика вылезла на четвереньках маленькая девочка и лучезарно ему улыбнулась.

— Привет, — сказала она. — Меня звать Эсме, а как звать тебя?

Нат опустил газету и тоже улыбнулся: — Ну вот, наконец-то! А то я начинал уже думать, ты никогда не объявишься.

КОМНАТУШКА В КОБОЛЬД-ТАУНЕ

— О'кей, о'кей, кто играет? — Нат кинул на столик карту. — Поставишь пятерку, получишь десятку, поставишь десятку, получишь двадцатку, если ты угадал! — Он кинул на столик вторую карту. — Угадай даму, чернявую даму, *la reine de la nuit*^[48], и ты сразу выиграл! — Он кинул третью карту и по очереди все их перевернул. Две красные двойки и дама пик. — Сколько ставим, сколько ставим? Поставишь сорок, получишь два по сорок, поставишь пятьдесят, получишь сотню. Игра — проще нет, как сказал старый дед! Ставим, ставим? — Он поменял пару карт местами, поменял еще раз, поменял еще раз. — Одна из них уж точно брюнетка, выбери брюнетку, и ты победил.

Под навесом обшарпанного кинотеатрика «Рокси» собралась небольшая толпа. Здесь были в основном хобгоблины и хайнты с малой подмесью рыжих карликов. Вилл стоял в самой гуще толпы, притворяясь, что глазеет на карты, а сам исподтишка высматривал клиента. Из хайнтов получались отличные налимь: они были заранее уверены, что к концу недели окажутся на мели, и наблюдали за исчезновением своих денег со стоическим спокойствием. Карлики любили играть, но совсем не умели проигрывать. Как правило, они не стоили связанного с ними беспокойства. А вот хобы — те были прижимистые, но при этом очень азартные. Вилл уже присмотрел одного хоба, который держался позади толпы и скептически хмурился, однако было совершенно ясно, что мельканье карт его завораживает.

Какой-то хайнт протянул замогильно-бледную руку и уронил на столик две скомканные долларовые бумажки.

— Вот эта, — ткнул он пальцем.

— Так не эта, говоришь? — Нат перевернул бубновую двойку, — И не эта? — Двойка червей. — Ты выбрал даму, ты победил! Поставил два, получай четыре. Шевелитесь, шевелитесь, делайте ставки. Поставил десять, получил двадцать, поставил двадцать, получил сорок. Что тут у нас, что тут у нас?

Хлоп-хлоп-хлоп — перевернулись карты. Хайнт оставил четыре доллара на столе и снова выбрал карту. Нат перевернул соседнюю.

— Нет, там уж точно не бубновая двойка. Две карты, только две карты на столе, и одна из них точно выигрывает, поставишь пять, получишь десять. Играйте, играйте, кто больше играет, тот больше получает. — Он поменял две карты местами и поменял еще раз, вернув их в начальное положение.

Хайнт упрямо потряс головой и ткнул прокуренным пальцем в ту же самую карту. Вилл уже понимал, что из этого больше не вытряхнуть. Наверное, Нат пришел к тому же заключению, потому что он снова переложил карты и при этом незаметно сунул даму в карман, заменив ее второй червовой двойкой.

— Последнее предложение, будешь удваивать? Нет? Ну, тогда мы открываем... двойку!

Деньги отправились Нату в карман.

— Кто теперь, кто теперь? Много поставишь, много получишь, ну как?

Хоб начал уже поворачиваться, собираясь уйти, и никто из остальных к столу особенно не спешил, поэтому Вилл протолкался вперед.

— Кладем три карты — раз, два, три. Теперь перевернем их. Три, два, один. Ну так что? Двадцать — сорок, полсотни — сотня.

Дама лежала посередине. Нат поменял двойки местами, затем поменял местами даму с одной из двоек. Вилл кинул на стол двадцатку.

— Эта, — сказал он и ткнул в среднюю карту.

По толпе прокатился страдальческий стон, ведь все они ясно видели, что дама с краю.

— Ты так думаешь? — ухмыльнулся Нат. — А вот на эту, — он указал на перевернутую даму, — поставить ты не хочешь? Нет? Ну ладно, тогда перевернем — раз, два, и кралечка моя.

— Ну конечно! — не выдержал соседний хайнт. — Дама, она же точно здесь, это же каждый видел.

— Слушай, друг, — вскинулся Вилл, — играй тогда сам, если ты

такой умный.

Хоб напряженно наблюдал и никуда уже больше не хотел уходить. Он был уже почти уверен, что выиграть проще простого. Налим проглотил наживку. Теперь его нужно подцепить.

— Поставишь десять, получишь двадцать, поставишь двадцать, получишь сорок, — тараторил Нат. — Угадаешь даму — получишь вдвое, черные бледных всегда побьют. Двадцатка — сороковка, полсотни — сотня, все очень просто, просто, как короста!

Он бросил три карты на стол и, торжествуя, перевернул их лицом вверх.

— Дай-ка я взгляну на эту твою даму!

Вилл схватил карту со стола, придирчиво осмотрел ее с обеих сторон и положил на место. В этот самый момент Нат зажмурился, заслонил рот рукою и громко чихнул, а Вилл успел тем временем загнуть уголок дамы. Когда Нат сгреб карты со стола, ничего, как видно, не заметив, Вилл повернулся к хайнту, который был так уверен, что карта выбрана неправильно, и заговорщицки ему подмигнул. И налим прекрасно это видел.

— От дамочек — от них вся радость! Ставишь двадцать, получаешь сорок. Ну так что? Вот три карты, запомните получше. Теперь мы их перевернем, пару раз переложим. Ставишь двадцать, получаешь сорок — это если угадал. Ставишь полсотни, получаешь сотню, ну так что?

Вилл швырнул на стол весь свой бумажник. Хоб подбирался к столу все ближе и ближе, в глазах его горела откровенная алчность.

— Две сотни, что дама посередке. — Вилл указал на карту с загнутым уголком.

— Извини, друг, но предел пятьдесят.

Толпа угрожающе зарычала. Нат с испуганным видом вскинул руки вверх:

— Ну хорошо, хорошо! Сегодня, так уж и быть, играем без лимита. — Без всяких на этот раз прибауток он перевернул карты. — Ты выиграл.

Самодовольно ухмыляясь, Вилл забрал свой выигрыш и отошел от столика. Как только Нат снова завел свою песню, вперед с криком

«Ставлю три сотни, что я угадаю даму!» протолкался хоб.

Налим попался на крючок, теперь его нужно подтащить.

— Ты хочешь сыграть? Так на сколько ты там сказал? Поставишь сотню — получишь две, поставишь три — получишь аж шесть. Угадай даму, и ты при деньгах. Чернявая дама, чернявая дама, чернявая дама. Черная краля, царица ночи, *la reine d'Afrique*^[49], угадал и выиграл. Раз... два... три. Выбирай.

Налим уверенно ткнул пальцем в карту с загнутым уголком.

Нат тут же ее перевернул.

Теперь наступали сладчайшие мгновения, когда до налива доходило: он увидел картинку карты, уголок которой Нат успел загнуть, и эта была, конечно же, *не* дама, чей уголок Нат столь же незаметно успел распрямить. Налим увидел, как его деньги исчезли в кармане Натовой куртки. Налим понял, что его надули, перехитрили, выставили полным идиотом. А еще, и это важнее, до него дошло, что он не может обвинить Ната в жульничестве, не признавшись одновременно в своем собственном бесчестном поступке. От растерянности пополам со злобой челюсть хоба отпала, его рот превратился в большую букву «о».

С привычным уже проворством Вилл скользнул за спину налима, его рука сжимала в кармане короткую тяжелую дубинку. Так, на всякий пожарный. Однако в данном конкретном случае данный конкретный хоб только возмущенно развернулся и ушел по каким-то своим хобячьим делам.

— Делаем ставки, делаем ставки.

Вилл снова стал оглядывать толпу — и увидел, что прямо на него смотрит да еще при этом слегка улыбается благопристойного вида хайнт в благопристойном же костюме-тройке. Для уличного мошенника он был слишком уж дорого одет. От него не исходило вайбов, свойственных леворукому братству, и уж точно он не был налимом. Так что же он тогда такое?

Раздумья Вилла были прерваны пронзительным свистом. Свистевшая в два пальца Эсме стояла у перекрестка на мусорном контейнере и энергично размахивала руками. Убедившись, что Вилл и Нат на нее смотрят, она указала на хуаку в форме городской стражи, который только что прошел мимо нее. Нат мгновенно сгреб

карты и деньги и пошел вдоль кинотеатра, ничуть не беспокоясь о складном столике, а зеваки и кандидаты в налимь, у которых, как правило, не было особых причин любить жандармерию, рассеялись по сторонам, Вилл же направился прямо к стражнику.

— Арестуйте этого негодяя! — потребовал он, яростно жестикулируя. — Он мошенник и проходимец, он выманил все мои деньги! — Бронзоволицый хуака попытался пройти мимо Вилла, но тот опять заступил ему путь. — Он не должен остаться безнаказанным!

— Да уберись ты, на хрен, с дороги, — прорычал хуака и оттолкнул Вилла в сторону.

Поздно, слишком поздно. Нат уже исчез в узком проулке между «Рокси» и соседствовавшим с ним москательным магазином. Стражник угрожающе двинулся на Вилла, но тот щеголял деловым костюмом и сногсшибательным репсовым галстуком, так что хуаке было не понять, можно начистить ему морду или стоит поостеречься, поэтому он ограничился словесным разносом и добрым советом больше не попадаться. А Вилл забрал Эсме, а так как его учительница музыки приболела, а тренер по фехтованию должен был драться на каком-то турнире, а значит, никаких уроков у него сегодня не было, они провели остаток дня в Дарул-эс-Саламских аркадах за игрой на механическом бильярде.

Вечером они, как обычно, встретились в заднем помещении «Крысиного носа», где Нат регулярно держал совет. Ловчилы и тролли, сутенеры, спреты и карманники, спанки, лабверкины и хобтраши приходили и уходили, хлопали друг друга по спинам, обещали друг другу мелкие услуги. Еле слышным шепотом передавали информацию либо (что чаще) пустяковую, либо (во всех прочих случаях) крайне сомнительную. Вилл крутил в ладонях недопитый стакан с пивом и слушал. За этот последний год он многому научился. Не только жульническим проделкам, посредством которых они с Натом набирали себе на мало-мальски сносную жизнь, но и просто обычаям этого города. Он узнал, что в Вавилоне «хрен ли ты уставился?» обозначает «привет», что «я, пожалуй, на тебя наеду» означает «дай мне десять долларов, и я буду смотреть в другую сторону», а «я тебя люблю» означает «снимай штаны и ложись на кровать, чтобы я могла зацапать твой бумажник и смыться».

Он узнал еще, что есть два вида магии: высокая и низшая.

Высокая магия имеет дело с первоосновами бытия, и даже самое слабенькое, неумело наложенное заклятие может заполнить мелькающим «снегом» экраны всех телевизоров на мили вокруг. А потому любой, в том заинтересованный, мог быстро ее обнаружить. А вот низшая магия могла быть такой простой, как умение сдать нижнюю карту колоды вместо верхней или вытащить из уха монетку. При правильном исполнении обнаружить ее просто невозможно. Но если ты даже был настолько беззаботен, что дал себя поймать, у тебя, при достаточной доле нахальства, не говоря уж о сообразительности, всегда остаются шансы выбраться из этой передраги, используя в качестве оружия свой собственный язык. Так что в определенном смысле низшая магия была посильнее высокой.

Вот Нат — тот был насквозь пропитан низшей магией.

Но он ни в коем случае не был просто мелким жуликом. Нат проводил подготовительную работу — во всяком случае, он так утверждал — для какого-то крупного, рассчитанного на долгое время и сказочно доходного мошенничества. В каковых видах Вилл изводил почти все свое свободное время на бесконечные уроки: музыка, хорошие манеры, дикция, фехтование... Это последнее Вилл едва не бросил, увидев однажды, как неотесанный новичок, размахивавший шпагой словно шваброй, выбил клинок из руки его тренера. Но с другой стороны: «Это умение бесполезно, а потому высоко ценится, — как объяснил в свое время знаменитый фехтовальщик Сент-Вир^[50]. — Если вы хотите убить благородного господина, воспользуйтесь пистолетом. Если хотите произвести на благородного господина впечатление, победите его в схватке на рапирах. Однако последнее гораздо труднее, и потому я советую вам учиться, учиться и учиться». Когда наступило временное затишье и никого, кроме них, в комнате не осталось, Вилл сказал:

— «Три листика», Нат, как-то приелись. Они стали привычной тягомотной работой.

— В чем-то ты, сынок, и прав. — Нат наклонился и заглянул под стол, где Эсме по бессчетному разу перечитывала свое собрание комиксов. — Ну как у вас внизу дела, бабуленька?

— В порядке, — рассеянно сказала Эсме.

— Так когда же мы все-таки... — начал Вилл.

Через стену просочился тот самый хайнт. Он был весьма

представителен и буквально лучился богатством — костюм-тройка с парчовым жилетом, сплошь расшитым солнцами, лунами и знаками зодиака, золотые часовые цепочки, свисающие петлями из каждого кармана. Его кожа была лиловой, как спелая слива.

— Том Никто, старый ты негодяй! — Он протянул вперед широко разведенные руки. — Я тут случайно услышал, что ты снова в нашем городишке.

— Теперь, дорогой мой Салем, я Нат Уилк. — Нат встал, они обнялись и стали с чрезмерным, словно на сцене, жаром тискать друг друга. А когда их страсть немного улеглась, Нат сказал: — А это, Вилл, достопочтенный Салем Туссен, олдермен.

У политика было крепкое рукопожатие, и, глядя Виллу прямо в глаза, он не то чтобы подмигнул, но что-то вроде, словно говоря: все мы здесь жулики, а потому должны держаться друг друга. Виллу он сразу понравился, но доверия не вызвал ни на грош.

— Я тебя сегодня уже видел, — заметил Вилл.

— Знаю, знаю, — кивнул Туссен и снова повернулся к Нату. — Так почему я сюда пришел. Мне нужен белый парень, чтобы бегать по поручениям в деловой части города, где мои обычные курьеры могли бы вызвать малость повышенный интерес. Умеющий смотреть и умеющий молчать. Способный понимать и соображать.

— Ты хочешь сказать: без всяких заморочек, что там честно, а что нечестно.

Салем Туссен широко улыбнулся, сверкнув двумя золотыми зубами с гравировкой в виде дьявольских рун.

— Ты знаешь меня как облупленного!

— Мы с этим мальчиком работаем тут над неким делом, но мне еще нужно несколько месяцев, чтобы толком все подготовить. На это время ты можешь его забрать.

Вилл был уже слишком профессионален, чтобы высказаться вслух. Однако он все же взглянул на Нату с откровенным недоумением. Нат похлопал его по плечу.

— Ты, сынок, уже прилично заточен, — сказал он. — Теперь тебя надо малость отшлифовать.

По большей части Виллова работа состояла в том, чтобы, благопристойно подстриженным, в благопристойном костюме и вообще имея подчеркнуто благопристойный вид, бегать по всяческим поручениям. Он собирал у туссеновских избирателей заполненные налоговые декларации, доставлял троллеобразным функционерам кипы какой-то документации, фиксировал нарушения лицензионного законодательства, преподносил уходящим на пенсию секретаршам богатые коробки с засахаренным корнем Иоанна Завоевателя и рассеянно ронял на канцелярские столы конверты с тем или иным количеством двадцаток. Когда умирал кто-нибудь значительный, он приносил к задним дверям Храма Тьмы белого козла для жертвы Безымянным. Когда чей-нибудь там сыночек попадал в армию или в тюрьму, он вбивал в нкиси-нконде, стоявший у Туссена в приемной, новый гвоздь за его благополучное возвращение. Он работал с избирателями из заселенных хайнтами районов вроде Джинни-Голла, Белутахатчи и Дидди-Ва-Дидди, где в барах не продохнуть от дыма, музыка играет хорошая и не дай тебе бог улыбнуться какой-нибудь шлюхе. Он вел переговоры с прожженными бюрократами из городского совета. Не все, что он делал, было абсолютно законно, но ничто из этого и не было явно преступным. Салем Туссен еще не проникся к нему полным доверием.

Как-то вечером Вилл на пару с Дохлорожим заряжал конверты, а тем временем Джими Бигуд^[51] просматривал вместе с самим олдерменом список квартальных ответственных, вычеркивая замеченных в том, что они клали деньги на кампанию себе в карман, а в день выборов ничего не делали либо, что еще хуже, направляли голосование совсем не в ту сторону, потому что работали на противников. Дверь из кабинета Туссена в приемную была слабо прикрыта, так что Вилл через щелку слышал, о чем они там говорят.

— Прошлым августом дед Домовой окаменел, — говорил Джими Бигуд, — и теперь, чтобы вывести словаков, нам нужно подобрать кого-нибудь другого. Есть там некая вила по имени...

Дохлорожий перетянул толстую пачку конвертов резинкой и швырнул ее в тележку, стоявшую в дальнем углу комнаты.

— Третья! — констатировал он и тут же добавил: — Хочешь знать, отчего у меня в заднице свербит?

— Нет, не хочу.

— А свербит у меня оттого, что вот сейчас мы с тобою делаем одну и ту же работу, но я тут буду лизать конверты до скончания века, в то время как ты двинешь прямиком на самый верх, и ты знаешь, почему это? Потому что ты прилично выглядишь.

— Это просто расистское дерьмоплетство, — покачал головою Вилл. — Туссен никогда меня не повысит. Хайнтам нравится видеть, как фей шестерит для Главного Мена, но они в жизни не примут меня в роли своего советника. Ты знаешь это не хуже меня.

— Да, но ведь ты не намерен долго здесь жопу просиживать, верно? Через пару лет у тебя будет должность при Мэральности. Я ничуть не удивлюсь, если ты доберешься аж до Дворца Листьев.

— Ты или треплешь чего ни попадя, или совсем идиот. Потому что если ты всерьез, то нужно быть полным идиотом, чтобы распускать про это варезку. Будь на твоём месте Туссен, он бы сперва точно убедился, что я его друг и что, если я туда пролезу, он получит надежного союзника. А у него, у Туссена, нам ещё учиться и учиться.

— Туссен — это старый пердун, только и знающий, что строить из себя рубаху-парня. — Дохлорожий понизил голос почти до шепота. — Мне нечему учиться у этого натужного бодрячка, напыщенного пустобреха...

Дверь кабинета резко распахнулась. На пороге стоял Салем Туссен с глазами, настолько закатившимися, что остались видны одни белки. Он вскинул руку и пустым, нездешним голосом сказал:

— Один из моих избирателей попал в беду.

И вообще в олдермене было что-то нездешнее. За долгие десятилетия, что он топтал кварталы Вавилона, соприкасался с его кирпичами и перилами, барами и борделями, бухгалтерскими конторами и подземными парковками, молекулы города насквозь пропитали его тело, а его собственные молекулы вошли в плоть и кровь города, так что между ними двоими уже не было разделения. Он был способен понимать настроения и мысли Вавилона, а иногда — вот как сейчас — город говорил с ним напрямую.

Туссен схватил свою шляпу, перекинул через руку пальто.

— Джими, — скомандовал он, — оставайся здесь и организуй насчет адвоката, со списком мы кончим потом. Дохлорожий, Вилл —

вы, ребята, пойдете со мной.

И олдермен вылетел в дверь. Дохлорожий за ним последовал, чуть замешкавшийся Вилл бросился их догонять.

По совместительству Дохлорожий работал у Туссена шофером. Забравшись в «кадиллак», он спросил:

— Куда мы, босс?

— Кобольд-таун. Там хайнта повинтили за убийство.

— Думаешь, его подставили?

— А кой хрен разница? Он избиратель.

Кобольд-таун был округом со смешанным населением — и со всеми сопутствующими проблемами. Хотя по улицам слонялась масса хайнтов, над дверями большого дома, рядом с которым стояло несколько полицейских машин, висели, чтобы отгонять это племя, зеленые веточки укропа. Лимузин Туссена подъехал как раз в тот момент, когда полицейские волокни отчаянно бьющегося хайнта, на запястьях которого уже были защелкнуты наручники из рябиновой древесины. Он вертел головой, дробно стуча, как горохом в погремушке, бусинками, висевшими на кончиках его дредов, и орал во весь голос.

— Я ни хрена такого не делал! — орал он. — Говно это все, говно собачье! Вот увидите, я вернусь, и вам тогда всем не жить!

Глаза хайнта горели адским огнем, вокруг головы дрожало голубое призрачное сияние — верные признаки тех, кто ширяется хрустальной дурью. Вилла удивляло, что он еще может стоять на ногах.

Как только машина остановилась, Вилл выскочил наружу и открыл перед Туссеном дверцу. Туссен важно вылез и царственным жестом остановил блюстителей закона, а затем бархатным голосом обратился к их невольнику:

— Успокойся, сынок, я позабочусь, чтобы ты имел хорошего адвоката, самого лучшего, какого можно нанять.

Вилл раскрыл свой мобильный телефон, набрал номер и начал торопливо, озабоченно бормотать. Все это было чистое

представление — он набрал прогноз погоды, а Джими Бигуд уже, без сомнения, связался с общественным адвокатом, — но в сочетании с присутствием Туссена этого представления хватило, чтобы хайнт притих и стал внимательно слушать.

— Ты только не лезь на копов, а то они тебя убьют, — заключил олдермен. — Тебе это ясно?

Хайнт молча кивнул.

В вестибюле двое полицейских разговаривали с привратником. При виде входящих хайнтов все трое заметно напряглись, но тут же расслабились, увидев, как Вилл возвращает на место веточки укропа, и облегченно разулыбались, когда узнали Туссена. Все это случилось в мгновение ока, однако Вилл успел заметить. А если заметил он, как могли не заметить его спутники? Как бы там ни было, олдермен величественно вошел, пожимая налево и направо руки и раздавая сигары, полицейские благодарно их принимали и прятали в карманы своих мундиров.

— Что за преступление? — спросил он.

— Убийство, — сказал один из копов.

Туссен удивленно присвистнул, словно это стало для него поразительной новостью.

— Какой этаж?

Они вызвали лифт, хотя лестница находилась рядом и подняться по ней было гораздо быстрее. Но Салем Туссен точно так же не мог подниматься по этим ступенькам, как не мог он сидеть за рулем своего автомобиля. Он должен был быть уверен, что вы понимаете, насколько он крупная личность, еще до того, как он похлопал вас по спине и угостил вашу лошадь кубиком сахара. Когда двери лифта разъезжались, Туссен повернулся к Дохлорожему и удивленно заметил:

— Ты какой-то как в воду опущенный. Что-нибудь стряслось?

Дохлорожий скованно, словно шея его плохо поворачивалась, помотал головой. Весь дальнейший путь он прошел, глядя прямо вперед и ни разу не сморгнув.

В промерзлой квартире работали два следака, оба из эльфов тилвит-тег, золотистые и остроухие, в длинных плащах, выглядевших

так, словно их специально и очень тщательно мяли. Когда коп, стороживший дверь, пропустил пришедшую троицу внутрь, они раздраженно обернулись — и обреченно увяли, узнав олдермена.

— Шулле! Ксисутрос! — Туссен хлопал по спинам и пожимал руки, словно пришел сюда выцыганивать деньги на избирательную кампанию. — Вы прекрасно выглядите, и ты, и ты.

— Добро пожаловать, Салем, на наше скромное место преступления, — сказал детектив Ксисутрос, щедрым жестом обводя комнату рукой.

Одно окно, полуоткрытое, и в него задувает зимний ветер. И подоконник, и вся стена под ним почернели от крови. Оконная решетка на месте и вроде бы цела. Зеркальный комод, кровать, щепки от расшибленного стула. От окна к распахнутой двери крошечной ванной тянется черный пунктир засохших капелек крови.

— Мне следовало заранее знать, что ты непременно здесь появишься.

На полу ванной распластался безжизненный боггарт. Его грудь была вспорота, а там, где прежде находилось сердце, зияла жуткая дыра.

— Кто этот жмурик? — спросил Туссен.

— Некто по имени Бобби Баггейн. Так себе, одно из низших разумных существ.

— Я вижу, что вы повинтили ни в чем не повинного хайнта.

— Слушай, Салем, не кати на меня баллон. Это дело, считай, закрыто, подшито и отправлено в архив. Дверь была заперта на ключ и еще на засов. Решетка на окне целехонькая, как и лапка укропа над ней. Единственный, кто мог сюда забраться, — это призрак. Он работает здесь охранником. Дрых у себя в полуподвале, там мы его и нашли.

— Хайнт. — Глаза Салема Туссена стали жесткими. — Так?

После кратчайшей из пауз детектив кивнул:

— Хайнт.

— Расскажи поподробнее.

— Около часа назад началась драка. Тупые удары в стену, треск

ломающейся мебели. Посыпалось множество жалоб. К тому времени, как прибежала консьержка, тут все уже стихло. Она вызвала нас. Мы взломали дверь.

— Почему у консьержки не было ключа?

— Ключ у нее был, но Баггейн запер дверь на засов. Можешь себе представить, как завелась эта старая перечница.

— Почему над дверью не было защиты от хайнтов?

— Никакой необходимости, в вестибюле сидит охранник. Единственный хайнт во всем здании.

Тем временем Вилл пристально всматривался в участок стены над дверью.

— Здесь еле заметное, но все же пятно, словно была когда-то защита, а потом ее сняли.

— Ну и?... — повернулся детектив Шулпе, до того все время молчавший.

— Интересно, что же это за парень, который запирается на засов, а защиту над дверью снимает? Бессмысленно как-то.

— А как раз такой парень, который не любит ширяться в одиночку и приглашает иногда для компании своего приятеля хайнта. — Детектив Ксисутрос указал подбородком на комод, где лежали шприцы, жгуты и пустые ампулы. — По словам консьержки, эти двое так нежно дружили, что соседи держали их за пидоров. Олдермен, — повернулся он к Туссену, — если ты хочешь поставить нашу здесь работу под сомнение — валяй, флаг тебе в руки. Я только хочу сказать, что надеяться этому парню практически не на что.

— А Вилл ведь прав! — сказал Дохлорожий, направляясь к окну. — И еще одно обстоятельство. Вы только посмотрите, сколько крови на подоконнике. Здесь это все и случилось. Так какого же хрена он пошел потом в ванную? Кто-то вырвал у него сердце и потому он решил помыть руки?

Теперь оба следака смотрели прямо на него. Смотрели жестко и враждебно.

— Ты мало знаешь про боггартов, — возразил Ксисутрос. — Они ведь ребята очень живучие. Оторви такому голову, он и то проживет минут пять, а сердце... так это вообще ерунда. Да, именно

это он и сделал, пошел помыть руки. Старые привычки — они очень устойчивы. Мы с того, собственно, и начали, что закрыли там воду. Я боялся, что в противном случае консьержка шлепнется в обморок.

— Но что же случилось с сердцем? — Дохлорожий обвел глазами комнату. — Куда оно все-таки подевалось? Вы же не думаете, что хайнт его съел? Или вы держите все наше племя за каннибалов?

— Да уберите же кто-нибудь, на хрен, этого Шерлока Холмса, — презрительно бросил Ксисутрос.

Салем Туссен взял Дохлорожего за локоть и подвел к двери.

— Почему бы тебе не погулять где-нибудь снаружи?

Лицо Дохлорожего стало пепельно-серым, он вылетел из комнаты в коридор и громко хлопнул дверью. Вилл тут же последовал за ним — он понимал, что это тоже входит в его обязанности.

Выйдя из здания, Дохлорожий сразу направился в проулок, куда выходило окно Баггейна. Судя по тому, что под окном не было ни пометок мелом, ни обрывков заградительной ленты, полицейские не нашли здесь никаких следов и улик. Да и сердце на тротуаре не валялось. Да, конечно, сердце могла утащить уличная собака или какой-нибудь случайный гонт. Только вот крови не было тоже, не считая пятен под окном и, может быть, капельки-другой, которых ночью и не заметишь.

— Так что же все-таки случилось с сердцем? — Не в силах устоять на месте Дохлорожий расхаживал взад-вперед. — Не могло же оно выпустить крылышки и улететь.

— Я знаю ровно столько же, сколько и ты.

— Ну, скажем, вот ты — Баггейн. Здесь, — Дохлорожий хлопнул ладонью по кирпичной стене, — у тебя окно. Ты стоишь там и смотришь на улицу. Я подхожу к тебе сзади. Мне нужно вырвать твоё сердце таким образом, чтобы вся кровь осталась на подоконнике. Со спины мне до сердца не добраться. Если ты повернешься ко мне лицом, кровь брызнет на тебя и в комнату, а никак не на подоконник. Эти безграмотные детективы думают, наверное, что хайнт может ввести свои руки в спину Баггейна и вытолкнуть его сердце наружу.

Только ведь так не получится. Два предмета не могут занимать одно и то же место в одно и то же время. Если я сделаю свои руки материальными, когда они находятся в твоей груди, я их, на хрен, все переуродую. Так что сзади он к тебе не подошел.

— О'кей.

— Но я уже говорил, что, если ты повернешься и я подойду к тебе спереди, кровь не попадет на подоконник. Значит, я должен быть между тобой и окном. Не знаю, обратил ли ты внимание, но на Айсе не было крови. Ни капельки. Зип. Нада. Если ты думаешь, что я могу вырвать чье-нибудь сердце, а затем сделать себя нематериальным так быстро, что брызнувшая кровь пролетит сквозь меня, то это вряд ли. Но даже если бы я и смог, кровь забрызгала бы и пол. Чего не было. Ну скажи мне теперь, могу ли я вырвать твое сердце так, что вся кровь попадет на подоконник?

— Не можешь.

— Благодарю вас. *Благодарю вас.* Совершенно верно. И я не могу, и никто не может.

— Ну и?..

— Есть во всем этом что-то очень сомнительное. Жульничество какое-то.

— Вроде?

— Я не знаю. — Руки Дохлорожего бессильно повисли. Казалось, что из него, как из проткнутого шарика, внезапно вытекла жизнь. — Не знаю, и все тут, — пробормотал он, еле ворочая языком.

— Дохлорожий, — прищурился Вилл, — с чего бы вдруг такая озабоченность? Ты назвал этого парня Айсом. Вы что, знакомы с ним?

Лицо хайнта закаменело и стало пепельно-серым.

— Больше чем знакомы, — сказал он убитым голосом. — Мы — родные братья.

Через улицу наискось светилась вывеска столовой, и они заказали там кофе. Дохлорожий смотрел в свою чашку, болтал в ней ложечкой, но пить даже не начинал.

— С Айсом всегда были сплошные неприятности. Он слишком любил улицу, любил наркотики, любил хулиганство и драки. Вот потому-то из него ничего и не вышло. — Он вытащил ложечку из кофе, осмотрел ее со всех сторон и положил на стойку. — А может, я просто чего-то не понимаю и это он замочил того боггарта. Может, и замочил.

— Ты прекрасно знаешь, что ничего такого он не сделал и сделать не мог. Ты сам же это и доказал.

— Ну да, но судью-то это не убедит?

Вилл был вынужден согласиться, что нет, не убедит.

— Вы с ним поддерживали связь? — спросил он после недолгой паузы.

— Не то чтобы часто. Я видел Айса пару месяцев назад. Он был обдолбанный в дупель и нес какую-то чушь про то, что ему все не перло, не перло, а тут вдруг крупно сорвал. Что скоро он будет курить сотенные сигары и таскать в постель тысячедолларовых шлюх. Звездел, конечно, но что-то за этим есть. Я сказал ему, убирайся на хрен, мол, слушать даже не желаю, что он там украл и где. Мой собственный брат. В последний раз, как я его видел, я сказал ему — убирайся на хрен.

Они немного помолчали.

— Не было ни слова, что они нашли там что-нибудь ценное, — заметил Вилл.

— Бывает, что копы суют то, что им приглянулось, себе в карман.

— Тоже верно. — Вилл обмакнул палец в кофе и начертал на линолеумной стойке Печать Озарения. Но ничто его не озарило. Он вздохнул. — А что бы делал в такой ситуации Большой Босс?

— Он? — горько усмехнулся Дохлорожий. — Стал бы, наверное, раздавать сигары.

— А что, — встрепенулся Вилл, — это же совсем не плохая идея. Там же, на улице, жуткая холодина. — Он посмотрел в окно, пересчитал полицейских и подозвал официантку. — Налей мне, пожалуйста, четыре больших кофе, сахар и сливки отдельно.

Покинув горестно ссутулившегося Дохлорожего, Вилл отнес

картонный поднос через улицу, где четыре полицейских переминались с ноги на ногу и притопывали, чтобы совсем не окоченеть. Приняв щедрый дар, они поблагодарили его короткими кивками. У всех четверых была темная кожа, короткие рожки и что-то такое в лицах и поведении, ясно говорившее, что они и сами знают, что не быть им настоящими детективами, никогда не быть.

— Работаешь на этого призрака, да? — спросил старший из них.

— Да Салем, в общем-то, мужик в порядке.

Коп усмехнулся левой половиной темного, как старый дуб, лица:

— Ты то, что еще называют Гончая Хулана. Слышал такое выражение?

— Нет, сэр.

— Это значит, что, если ты сидишь за рулем и он скажет гнать, ты выскочишь на обочину, встанешь на четвереньки и загавкаешь.

Копы дружно расхохотались. Затем трое из них куда-то ушли, оставив лишь самого молодого. Вилл вытащил пачку «Мальборо», предложил полицейскому, достал сигарету себе и чиркнул зажигалкой. Они докурили их почти до фильтра, не перекинувшись почти ни словом, а затем Вилл отщелкнул непотушенный окурок куда-то прочь. Полицейский поступил со своим иначе: отщипнул обуглившийся кончик и съел его. После всех этих preliminarii Вилл перешел к главному.

— Этот самый Баггейн, — спросил он, — ты его знаешь?

— А его тут каждый знал. Хреновый мужик, очень хреновый. Чаще сидел, чем гулял на свободе. А вот девка его симпатичная. Бегала к нам в участок, чтобы внести за него залог. Маленькая, худющая, сисек почти никаких. Ты замечал, что этим здоровым громилам всю дорогу такие маленькие и нравятся?

— Кое-кто из соседей считал его пидором.

— Сказали б они это ему в лицо, а я бы потом на них посмотрел. Баггейн был профессиональным бойцом. Какое-то время он дрался под именем Дуллаган Бессмертный.

— С таким не пошутишь, — согласился Вилл. — А зал его близко здесь?

— До конца этой улицы и пару кварталов налево. «Ногой по яйцам», так называется эта контора, мимо никак не пройдешь.

Дохлорожий все еще сидел в столовой, Вилл не стал его беспокоить, а написал записку и положил ее на приборную доску «кадиллака». Вскоре он был уже перед входом в тренировочный зал атлетического клуба «Ногой по яйцам». Уж чему Вилл научился, работая на Туссена, так это входить в любую дверь с таким видом, будто имеет на это полное право. Вот так он вошел и сейчас.

В зале было темновато и пахло о-очень крутыми ребятами. Висели боксерские груши. В той стороне, где качали железо, кто-то натужно всхрюкивал, всхрюкивал бездушно и ритмично, как заводная свинья. Посреди зала был боксерский ринг. Какой-то мужик в весе тролля пританцовывал там на цыпочках, боксируя с тенью.

— Иди домой, мальчонка, — сказал людоед в необъятных размеров кепке. — Для тебя здесь нет ничего.

— Да нет же, сэр, я совсем не за этим, — без запинки откликнулся Вилл, подразумевая под «этим» то, что уж там подразумевал сам людоед. Олдермен успел научить его никогда не встречать агрессию лобовым отпором.

— Нет? Ты не хочешь накачать себе мускулы, раздобыть девчонку, измочалить в капусту того, кто тебя достает? — Людоед сжал и отпустил Вилловы бицепсы. — Вполне пригодны для дела. Только не здесь. Здесь серьезный клуб для серьезных бойцов.

— Нет, сэр, я здесь от олдермена Туссена. — Лицо людоеда ясно показывало, что он узнал это имя и отнюдь не впечатлился. — Я надеялся, что вы сможете мне что-нибудь рассказать о Бобби Баггейне.

— Этот прощелыга. Теперь-то он что там еще натворил?

— Его убили.

— Что ж, я ничуть не удивляюсь. Баггейн был, в общем-то, большое дерьмо. Мог бы подняться до середины рейтинга, но не желал напрягаться. Всегда где-то шлялся с этим своим корешем-призраком, а нужно было работать.

— Поговаривали, что они на пару занимаются темными делишками.

Это был выстрел наугад, но шансы попасть прямо в цель представлялись очень приличными.

— Что ж, и снова скажу, что я б ничуть не удивился. Такая горилла, как Баггейн, да еще с сообщником хайнтом, может всякого натворить. Заходишь, скажем, в ювелирный магазин, а как только продавец отвернется, ворует ихнюю веточку укропа и заменяешь на копию из пластика. Выглядит точь-в-точь как настоящая. А ночью призрак туда забирается и отключает сигнализацию. А такой, как Баггейн, может и дверцу из сейфа выломать, и все, что там внутри, унести. Вот и в Виллидже, на этом складе, устроили нечто подобное. Месяцев шесть назад. Ушли с необработанным нефритом на многие сотни тысяч. Я хорошо запомнил, потому что как раз после этого Баггейн перестал к нам ходить и у меня появились подозрения.

— Сырой нефрит трудно продать, — скептически заметил Вилл. — В смысле, что если большую партию.

— Не так уж и трудно, если есть связи. А даже если их нет, с таким крупным делом можно обратиться как к посреднику к самому обычному барыге, переждав, конечно же, сперва, пока кипеш немного не утихнет. Сам-то я никогда в таком не участвовал, но понаслышке знаю.

— Ясно, — кивнул Вилл. — А эта его подружка — ты помнишь, как ее звать?

— Не-а. Дейра, Дейлия, что-то такое. А может, Даная. Я потому тут вообще что-то помню, что как-то спросил у Баггейна, кто она вообще такая — пикси, русалка или кто. И он сказал, что она — дайнер. Дайнер, а звать Деянира, вроде бы так. Это было для меня что-то новенькое. Я думал, что знаю все племена и расы, но в жизни не слышал ни о каких таких дайнерах. Слушай, парень, у меня правда по горло дел.

— Не буду тогда мешать, — сказал Вилл. — Спасибо за помощь. — Он еще раз окинул зал взглядом. — Думаю, Баггейну лучше было остаться на ринге.

— Да нет, он на ринге не дрался, он дрался в яме.

— А в чем тут разница?

— Бой в яме ведется до смерти. Два бойца спускаются в яму, а вылезает только один. У Баггейна был счет три к двум, а потом он

бросил.

— Каким таким хреном, — удивился Вилл, — у кого-нибудь может быть счет три к двум, если бой ведется до смерти?

Людоед широко ухмыльнулся. А затем объяснил.

Часом позднее Вилл, Салем Туссен и Дохлорожий стояли в темном проулке на задах городского морга и терпеливо ждали.

— Не совсем понимаю, — сказал Дохлорожий. — Я вроде бы знал все расовые типы от литовских ночных духов до тайских демонов испражнений, но ты говоришь, эта девица — кто?

— Дайнер, но это не порода, а должность. Дайнер — это служитель морга, ответственный за переноску и обмывание трупа. Кроме того, она помогает коронеру при вскрытии. Я навел по телефону справки, и эту неделю Деянира работает в ночь. Впрочем, я сильно подозреваю, что сегодня она уйдет с работы пораньше.

— Почему бы это?

— Это как раз сюда привезли тело Бобби Баггейна.

— Я думаю, мальчик, — твердым голосом вмешался Туссен, — что тебе пора бы рассказать нам эту историю целиком.

— Хорошо, — согласился Вилл. — Вот как я себе это представляю. Баггейн и Айс украли на пару чуть не целую машину высококачественного нефрита и договорились переждать шесть месяцев и только потом попытаться продать. Хранителем был Баггейн — думаю, он припрятал ворованное у своей подружки, но это не имеет особого значения, — и у всех у них было полгода, чтобы поразмыслить, насколько больше станет доля Баггейна, если он прикончит Айса. Возможно, Айс стал тревожиться об этом вслух. Тогда Баггейн идет к своему закадычному другу в его полуподвал, чтобы обо всем поговорить. Они выпивают, а может, и выкуривают немного крэка. Затем он предлагает ширнуться хрустальной дурью. К этому времени твой братец теряет всякое соображение, которого и прежде-то у него было маловато, и с радостью соглашается.

Дохлорожий уныло кивнул.

— Айс колет себя в вену первым, затем наступает очередь Баггейна. Только этот-то колется просто водой. Это очень просто

устроить — ну какой наркоман заподозрит другого наркомана в том, что тот недодаст наркотика самому себе. Когда Айс отключается, Баггейн возвращается в свою комнату, снимает со стены веточку укропа и спускает ее в туалет. Теперь, когда его найдут мертвым, подозрение сразу же падет на того единственного в здании, который может пройти сквозь запертую дверь. На того, кого полиция сразу же и найдет.

— Так кто же все-таки убил Баггейна?

— Все это чистая подстава. Баггейн приоткрывает окно и убеждается, что его подружка терпеливо ждет в проулке. Все готово, все на месте. Теперь он инсценирует драку. Он кричит, ревет, барабанит в стены, расшибает стул. Затем, когда все соседи поднимают крик, чтобы прекратили безобразие, он подходит к окну, набирает в легкие побольше воздуха и голыми руками разрывает себе грудь.

— А он такое может?

— Боггарты очень сильны, это следует помнить. Кроме того, если проверить шприц, лежащий у него на комод, я не удивлюсь, что в нем обнаружатся следы не дури этой, а морфия. Так или нет, но он вырывает из своей груди сердце и выкидывает в окно. Деянира ловит его в корзинку или там на расстеленное одеяло, так что кровь на землю не попадает. Теперь ничто не привлечет сюда внимание следователей.

— И она унесла его сердце.

— Баггейн скоро умрет, но у него есть еще в запасе пара минут. Он парень достаточно ушлый, чтобы не закрыть окно: на наружную часть подоконника попадет кровь, она может привлечь внимание. Но его пальцы сплошь окровавлены, а никак нельзя, чтобы детективы догадались, что все это сделано им самим, поэтому он идет к раковине и моет руки. К этому времени консержка уже ломится в дверь. Ну, и он умирает. Все идет в точности по плану.

— Веселенький планчик, — пробормотал Туссен.

— Да. Дальнейшее вы уже знаете. Приходят копы, они все видят, они всему верят. Если бы не шум, поднятый Дохлорожим, мы бы никогда не узнали всего остального.

— Я? Да я же ничего не сделал.

— Понимаешь, все это сильно пахло липой, но я не собирался вмешиваться в дела полицейских, пока не узнал, что это для тебя очень важно.

— Ты упустил самую важную часть, — заметил Туссен. — Зачем Баггейну нужно быть убитым? Как он сможет обратить это убийство себе на пользу?

— Да, меня это тоже ставило в тупик. Но когда боксер выбирает себе кличку Бессмертный, ты поневоле должен задуматься. А потом этот людоед рассказал мне, что у Баггейна был счет по схваткам в яме три — два, то есть он дважды уже умирал. Оказалось, что у Баггейна хрустальное сердце. Кусок хрусталя размером с добрый кулак. И как бы сильно он ни был изранен, это сердце может его починить. Даже после клинической смерти.

— А теперь его подружка ждет, когда привезут его тело, чтобы вставить сердце назад? — спросил Дохлорожий. — Нет, это бред какой-то, такого просто не может быть.

— Тсс, — оборвал его Вилл. — Думаю, мы все сейчас узнаем. Смотри.

Задняя дверь морга открылась, из нее вышли две фигуры. Меньшая помогала большей держаться на ногах.

Туссен улыбнулся, сверкнув золотыми зубами, улыбнулся впервые за вечер. И поднес ко рту полицейский свисток.

После того как Баггейна и его подружку арестовали, Дохлорожий на секунду стиснул Вилла в объятьях и убежал организовывать освобождение брата. Вилл с олдерменом направились к лимузину, припаркованному в двух кварталах от морга. Вилла очень беспокоило, что будет, когда он скажет боссу, что не может вести машину, потому что не имеет прав.

— Отличная работа, мальчик, — похвалил его Туссен. — Я тобою горжусь.

Что-то в его голосе, а может, и легкая насмешка, с которой он покосился на Вилла, сказали тому больше, чем любые слова.

— Ты знал! — укорил его Вилл. — Ты все время знал.

— Может, и знал, — усмехнулся Туссен. — Но за мной было

знание всего того, что известно нашему городу. И в любом случае это просто здорово, что ты сам во всем разобрался.

— Но к чему это все? Почему нельзя было просто сказать детективам то, что ты знал?

— Позволь мне ответить на твой вопрос вопросом: почему ты сказал Дохлорожему, что, по сути, это он раскрыл преступление?

Лимузин, к которому они как раз подошли, узнал хозяина и радостно заморгал огоньками, но Туссен не торопился садиться.

— Потому что мне с ним еще жить да жить. Я не хочу, чтобы он думал, что я держу его ниже себя.

— Вот именно. Полицейским больше по нраву услышать всю эту историю от белого парня, чем от меня. Я в их глазах не то чтобы совсем уж клоун, но что-то вроде. Хотя они и знают, что власть мою следует уважать, и мою должность тоже. Им было бы неловко и неприятно, если бы пришлось всерьез воспринимать и мой интеллект.

— Олдермен, я...

— Утихни, мальчонка, я знаю все, что ты хочешь сказать. — Олдермен распахнул перед Виллом дверцу. — Садись назад, поведу я сам.

А в начале весны Вилл вернулся в «Крысиный нос».

— Вернулся, — констатировал Нат.

— Я, ну, вроде как вытащил одного хайнта из неприятностей, и об этом стали говорить. И Салем сказал, что теперь я слишком уж заметен, чтобы и дальше на него работать.

— Кто это? — спросила, вылезая из-под столика Эсме.

— Я твой дядя Вилл, — объяснил Вилл. — Да ты меня помнишь, я был когда-то твоим папой.

— Ага. — Готовая, как и все дети, поверить чему угодно, Эсме приняла эту новую информацию, чтобы забыть ее, как только он исчезнет из глаз. Вилла неожиданно кольнуло сожаление, что теперь он ей больше не отец. — Можно, я возьму корзинку крендельков?

— Конечно можно, — улыбнулся Нат и повернулся к Виллу. — Ты носишь кольцо?

Вилл поднял руку, демонстрируя грошовое мельхиоровое кольцо, полученное им от Ната.

— Ты объяснишь мне когда-нибудь, зачем это было нужно?

— Сними его.

Вилл послушно снял.

— Вот на таких мелких деталях и строится правдоподобие, — Нат указал на неглубокую вмятину в пальце на том месте, где было раньше кольцо, вмятину, не спешившую расправиться, и добавил, доставая что-то из внутреннего кармана: — А теперь примерь это.

Сплетенное из тончайших волокон червонного, желтого и белого золота, кольцо было не то чтобы массивным, но почти. Яркий, как капля крови, рубин образовывал глаз в голове Червя, яростно вцепившегося в кольцо клыками. По внимательном рассмотрении Вилл увидел, что трехцветные золотые волокна образуют чешуйки на теле Червя, трижды обернувшегося вокруг пальца и кусающего свой хвост.

Во вмятину оно легло с идеальной точностью.

— Скажи мне, — сказал Нат, — если тебя представляют царственной особе, на какое колено ты припадешь?

— Непременно на правое.

— Слуга подошел к тебе с блюдом сыра. Какой рукой ты воспользуешься?

— Ни в коем случае не левой.

— Если играют музыку на три четверти, что ты будешь танцевать?

— Вальс.

— Если ты ввязался в схватку на кинжалах и твой противник бьет снизу направо?

— Я парирую из восьмой.

— Если эльфийская леди просит тебя поласкать ее грудь?

— Любой приказ леди должен быть выполнен неукоснительно, — ухмыльнулся Вилл.

— А если при следующей вашей встрече она ведет себя так,

словно этого никогда и не было?

— Этого никогда не было.

Нат вознес стакан в молчаливом тосте и выпил его до дна.

— Мой маленький мальчик совсем повзрослел! — сказал он, а затем достал из кармана куртки карточку и положил ее перед Виллом. Это было изящно напечатанное приглашение. — На следующей неделе во дворце Л'Инконну состоится бал-маскарад. Всем быть в смокингах.

— Что это ты еще задумал?

— Мы задвинем номер с Исчезнувшим Принцем, — сказал Нат. И добавил с шутовским поклоном: — Ваше величество.

Гости прибывали во дворец Л'Инконну на колесницах, в роскошных лимузинах, на рикшах, в паланкинах и наемных экипажах. Они приезжали на «дюзенбергах», «Харлеях» и в каретах, запряженных четверками белых жеребцов. Кто-то даже прилетел на верховой сове. Вместо обычных в подобных случаях фанфар трубач и рожечник встречали каждого вновь прибывшего короткими пассажирами из генделевской «Музыки на воде», в то время как слуги убирали их экипажи на стоянку. Чтобы смягчить переход от наружной обстановки к внутренней, скрипичный квартет играл в фойе Моцарта.

Вилл приехал на такси. По верхним уровням Вавилона недавно прошло дождевое облако, и теперь на мокрых мостовых играли яркие разноцветные пятна — отражения неоновых вывесок. Глубоко вздохнув и оставив на счастье двадцатку чаевых, он надел полумаску, прошел мимо строя слуг, герольдов и музыкантов, предъявил приглашение и любезно позволил ежесекундно кланявшимся ливрейным лакеям провести себя сквозь головоломную путаницу коридоров. В конечном итоге он оказался в обширной приемной, куда доносились звуки недалекого бала и где возвышалась чудовищная груда розового шифона — хозяйка дома, полулежавшая на некоем подобии дивана, искусно подогнанном под очертания ее тела. Она была столь огромна, что даже в таком положении гора ее бледной плоти доходила Виллу до подбородка. Наполовину эльфийка, наполовину термитная матка, царица термитника, она так плотно заполняла свое одеяние, что оно грозило треснуть при малейшем ее вздохе.

Какой-то невыносимо долгий момент она критически изучала внешность Вилла и его манеру себя держать. Оркестр негромко играл «Fly Me to the Moon»^[52].

— *Monsieur Pierrot, j'observe. Je presume vous parle le français*^[53].

— Да, мадам, и достаточно прилично, чтобы узнать *le bel accent d'Ys*^[54]. Но мой французский будет мучителен для ваших ушей.

В глазах матроны появился живой блеск, на огромном бледном лице приоткрылась крошечная улыбка, обнажившая мелкие острые зубы.

— Это очень заботливо с вашей стороны, господин... — она опустила глаза на приглашение, которое держал ливрейный карлик, прежде Виллом не замеченный, — Камбион. Весьма заботливо, особенно для того, кого я, насколько помню, не приглашала. Вы подделали эту бумажку?

— Только имя на ней, фата Л'Инконну. К тому же приглашение я приобрел у одного из беднейших ваших родственников.

— И для чего же вы это сделали?

Ее тон не был совсем уж ледяным, но и теплоты в нем не замечалось.

— Я стремлюсь завоевать положение в свете. — Вилл сопроводил свое признание легким поклоном.

И снова мелькнула крошечная острозубая улыбка, словно матрона была дуэлянтом, чей противник сделал неожиданно искусный выпад.

— Вы пытаетесь очаровать меня правдивостью?

— Это все, что у меня есть, мадам.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась матрона и вяло взмахнула рукой, в которую карлик тут же вложил платочек, чтобы она могла изящно промокнуть выступившие слезы. — Вы, мой галантный юный шут, есть не что иное, как прожженный плут, и, без всякого сомнения, стремитесь похитить либо мои драгоценности, либо честь какой-нибудь леди. Не будь я толстой старухой, непременно и с огромным удовольствием постаралась бы разобраться в ваших истинных мотивах. — Она вновь опустила на диван приподнявшееся было тело, и по этой чудовищной живой горе пробежала легкая рябь. — Но я не могу забывать о своих обязанностях хозяйки. Вы — лакомый кусочек, и *demoiselles*^[55] получают удовольствие, сумев разбить ваше неверное сердце.

— Вы плохо обо мне думаете, — сказал Вилл, наклоняясь и целуя мягкую, как пудинг, руку, — если считаете, что я не способен оценить вашу внутреннюю красоту.

— Ну не хитер ли он, Коротышка? Ну не находчив ли?

— Хитер, и даже слишком, — мрачно согласился карлик. — Как глава вашей службы безопасности я советовал бы немедленно его кастрировать. А потом высечь, чтоб на заднице живого места не осталось, и вышвырнуть на улицу.

— Слишком уж ты мнителен, Коротышка. Не лишай моих кошечек листика мяты, — Фата повернулась к Виллу. — Так давай же! К танцулькам через эту дверь и вниз по ступенькам.

И Вилл вошел в бальный зал.

Это была полукруглая терраса, навесом которой служило одно лишь звездное небо. Несомненно, ее защищали какие-то заклятия, потому что облако, обильно полившее улицу дождем, не уронило сюда ни капли. Танцевальный оркестр расположился в глубине террасы между двумя огромными хрустальными чашами, где плавали русалки, единственной одеждой которых были лифчики, сплетенные из пластиковой морской травы. Те гости, что не танцевали, стояли кучками у перил или сидели на стульях, беспорядочно расставленных по внутреннему краю террасы, под освещавшими ее факелами. Как и сам Вилл, эльфийские лорды были в голографических масках: костюмах ярмарочных шутов, речных богов и астронавтов, сквозь которые, если пристально присмотреться, можно было на долю секунды заметить формальные смокинги. Костюмы дам являли собою беспредельное буйство пышных перьев и драгоценностей вкупе со сложным многослойным колдовством. Вилл решил, что здесь собралось все худшее, что могли предоставить правящие классы. Но сколь бы ни были порочны эльфийские барышни (сомнения в этом даже не возникало), их красота была очевидна. Они сверкали на этой террасе как отравленные яблоки в корзинке. Вилл подошел к ближайшей из них и поклонился:

— Позвольте пригласить вас на танец.

— Разве мы с вами знакомы, лорд Пьеро? — Взгляд эльфийки был полон скептического высокомерия.

— А это имеет значение? — нагло улынулся Вилл.

Взгляд эльфийки скользнул по его рукам, и голос ее вдруг потеплел.

— Нет, — сказала она, — конечно же не имеет.

Она двигалась легко, как перышко на ветру, танцевать с ней Виллу очень понравилось, вот только костюм ее слишком уж отвлекал внимание. Это было платье Лилии святого Диониса, оставлявшее голыми груди, чуть припудренные золотым порошком. Украшенная перьями маска была заколдована так, что заменила ее голову головой свиньи — образ, знакомый Виллу по модным журналам, которые Нат заставил его изучать, образ Инанны^[56], воплотившейся в свинью. Свиньячья голова беззвучно щелкала зубами и слюнявилась, а когда он крутил партнершу — ее звали фата д'Этуаль, — по сторонам разлетались серебристые ниточки слюны.

— У тебя красивые руки, — заметила фата.

— У тебя красивые груди.

— Это старье? — притворно удивилась явно польщенная девушка. — Они болтаются у меня уже целую вечность. — И добавила, возвращаясь к своей первоначальной теме: — И кольцо у тебя тоже интересное.

— Да ничего такого особенного.

— Могу я спросить, откуда оно происходит?

— Да я и сам толком не знаю. Симпатичная побрякушка, доставшаяся мне по наследству. Поболтаем лучше о чем-нибудь другом. Расскажи мне, например, про себя. Что-нибудь интересное и неожиданное.

Лукаво улыбнувшись, фата Л'Этуаль склонила голову к самому уху Вилла и прошептала:

— Дома у меня есть очень древний, с сертификатом подлинности годмиш. Он тешил трех императриц.

— Я не знаю, что это такое — годмиш.

— Дурачок! Это же дилдо. — Она скромно потупила глаза и улыбнулась. — Я не шокирую тебя, мой принц?

— Я не принц.

— О? Ну, может быть, я ошиблась. — По лицу фаты скользнуло что-то опасное, словно она подавила внезапный порыв сунуть нож ему в спину — или руку ему в штаны. — Есть лишь один способ

убедиться наверняка.

— И какой же это?

— Ну... — чуть-чуть покраснела фата Л'Этуаль, — ты же знаешь, что говорят про знаки царственности.

Вилл не знал и, в общем-то, был бы не прочь узнать. Но Нат дал ему указание протанцевать с возможно большим количеством партнерш, а потому он с нескрываемым сожалением вернул фату Л'Этуаль на скамейку запасных, куртуазно с нею раскланялся и занялся другой фатой, не менее прекрасной.

— А тебя правда зовут Кристофер Пройдоха? — спросила Вилла четвертая партнерша, фата Кахиндо, смуглая брюнетка с большими глазами, в которых отсвечивало серебро. Ее голову окружало мерцающее облако светлячков, похожих на виртуальные частицы, то порождающиеся, то бесследно исчезающие. — Как-то не слишком царственное имя.

— А я и сам не слишком-то царственный.

— Царственность спрятать трудно, она как шило в мешке.

Девушка приблизилась к нему настолько близко, что вернее было бы сказать — прижалась. Так разговор и шел, от дамы к даме.

— Ты вернулся, чтобы востребовать свой престол? — спросила фата фон унд цу Хорзельберг.

— Насколько я понимаю, ты всем говоришь, что никакой ты не царь, — сказала фата Гардсворд. — Так почему же тогда...

— ...твои руки...

— ...твое кольцо...

— ...ваше величество...

— Вы разрешите разбить вашу пару?

Женщина в темно-сером с красным кантом мундире вклинилась между Виллом и его партнершей с ловкостью мясницкого ножа, проникающего между мясом и костью, чтобы отделить ножку курицы. Вилл взглядом, без слов извинился перед прекрасной, разъяренной и ничего не понимающей девушкой, так и оставшейся в середине зала. Затем опустил глаза и увидел серебряный значок с изображением орхидеи, проткнутой кинжалом.

В жилах Вилла застыла кровь, однако он заставил себя улыбнуться и небрежно сказал:

— Забавный у тебя костюм. Дворцовая стража Бригадунского замка?

— Это парадная форма политической полиции.

На лице неожиданной партнерши не было и тени улыбки.

— Станный выбор. С какой такой стати ты оделась как *une poulette*?

— Оскорбления ничуть меня не трогают. Я слышала, какими словами выражался тролль, когда ему защемили яйца плоскогубцами. А форма потому, что я здесь, как ты, несомненно, уже догадался, по служебному делу.

Вилл надел на лицо бессмысленное, ну-ты-даешь-сдохну-со-смеху выражение, для отработки которого он часами трудился перед зеркалом.

— Ты пришла меня арестовать? Буду несказанно рад, мое сердце и так у тебя в плену.

— Еще немного, и я бы поверила, что ты стопроцентный олух. Но потом я себя спросила: а не стал ли бы доподлинный олух стараться убедить меня, что он *не* олух?

— Ты хорошо танцуешь, — мгновенно посерьезнел Вилл. — Ты не лишена привлекательности. Ты достаточно умна, что я тоже нахожу привлекательным, и, приложив хотя бы минимум усилий, ты могла бы флиртовать не хуже любой из здесь присутствующих дам. Однако ты этого не делаешь. Ну зачем ты портишь серьезностью вечер, бывший до того бессмысленным, легкомысленным и абсолютно восхитительным?

Ногти политической агентессы болезненно впились ему в плечо.

— Мне уже хочется, — проворковала она, — препроводить тебя в камеру и лично заняться твоим допросом. Рано или поздно ты расколешься, иначе не бывает, но, если соблюдать хотя бы минимальную осторожность, тебя можно будет растянуть на несколько часов. Однако это к делу не относится. Некий бдительный гражданин проинформировал мое ведомство, что вы, уважаемый мистер Камбион, щеголяете кольцом, на которое не имеете права.

— Опять это кольцо! Я начинаю уже жалеть, что не забыл его дома. Похоже, все только о нем и говорят.

— Ты будешь убеждать меня, будто не знаешь, что на твоей руке фамильный перстень рода Сайн-Драко?

— Да ничего подобного. Ну зачем беспокоиться по всяким пустякам? Ну кольцо, ну в виде Червя, и камень во рту у него красный. Да такую штуку смастерит тебе любой ювелир.

— Ты старательно убеждал в этом добрую дюжину эльфийских леди. Но, как ни странно, все эти отрицания только сделали твоё мошенничество ещё больше похожим на правду. Весь этот зал гудит от сплетен о тебе.

Вилл пожал плечами, она могла бы этого даже не говорить. Куда бы он ни посмотрел, везде встречал взгляды — кипевшие возмущением, взволнованные, просто любопытные. Кучки эльфийских лордов яростно его обсуждали. Эльфийские леди прихорашивались.

— Флориан, похоже, только о тебе и думает.

— О? А кто это?

— Наш гостеприимный хозяин. — Партнерша одарила Вилла холоднейшей из улыбок. — Отпрыск и ближайший наследник титула в роде Л'Инконну. — Она указала подбородком в глубину зала, и Вилл с интересом повернулся.

Прямо под хрустальной чашей, в которой ходили бесконечными кругами зелено-золотистые русалки, через силу старавшиеся не показать, до чего же им скучно, стоял эльфийский лорд в обличье циркового медведя, стоял и смотрел прямо на него. Узнав лицо, полускрытое тупорылой мордой, Вилл внутренне напрягся.

— Ты его знаешь, — тут же заметила агентесса.

— Да, только я крайне сомневаюсь, что он сумеет меня узнать. При последней нашей встрече я был совершенно другим.

Что было абсолютной правдой. В те времена Вилл был командором Джеком Риддлом, воеводой йохацу, живших в подземных туннелях Вавилона, а Флориан из рода Л'Инконну был вожаком Сумасбродов — желторотых щенков, развлекавшихся тем, что охотились на этих несчастных. Вилл не был даже уверен, что они

действительно *виделись*. Вполне возможно, что их мимолетная, на воде замешанная встреча была полностью аннулирована смертью лорда Уиэри. Но это и не имело особого значения. Так или этак, у него сохранились воспоминания о кровожадном Флориане, и теперь его мнение об этом парне было хуже некуда.

— Ну что ж, — сказала агентесса, — поскольку я узнала сегодня все, что мне было нужно, то спешу оставить вас, юных джентльменов, вашим игрищам и беседам. — Музыкальный номер как раз закончился, и без всякой спешки, но и не делая понапрасну ни одного движения, Виллова инквизиторша препроводила его на край террасы. — Благодарю за танец, — сказала она. — Буду с нетерпением ждать следующего, более, будем надеяться, продолжительного. Мое имя Зоря Вечерняя. Возможно, я когда-нибудь услышу, как ты кричишь его, задыхаясь от боли.

— Ты упорно стараешься быть неприятной.

— Поверь мне, мальчик, весь этот город крайне неприятен для пойманных на попытке выдать себя за царственную особу.

Она повернулась и ушла.

Снова зазвучала музыка. Зоря Вечерняя оставила Вилла на той же стороне террасы, где стоял и Флориан Л'Инконну. Заметив, что медведевидный хозяин дома косолапит прямо к нему, Вилл торопливо отвернулся, чтобы выбрать себе новую партнершу из множества дам, наперебой старавшихся попасться ему на глаза. Совершенно случайно его взгляд зацепился за даму, одетую саламандрой. На ее лице пылала маска из красных перьев, такие же перья были вплетены в зачесанные кверху волосы, так что казалось, что вся голова ее в огне. Возможно, тут было и колдовство, но очень тонкое, без нажима. Эта, подумал Вилл и, не теряя времени, направился прямо к саламандре.

Но потом он узнал ее и замер на полпути.

В отличие от прошлого раза она была в полной боевой раскраске: губы и ногти краснее крови, ее алое платье длиною до полу и с разрезом по боку разительно отличалось от спортивно-мальчишеского костюма, в котором (и без которого) он видел ее тогда. И все же, без малейшей тени сомнения, это была она, девушка с гиппогрифом (сейчас — без), показавшая ему неприличный жест в день, когда он только что вышел из подземелья.

Это была незнакомка, в которую он влюбился.

На время между двумя ударами пульса, длившееся едва ли не вечность, Вилл застыл как молнией пораженный. Одернул манжеты с чем-то вроде безмолвной молитвы впервые надетому смокингу: я заплатил за тебя более чем достаточно, так придай же мне теперь уверенность, в которой я так нуждаюсь. Затем подошел к эльфийской девушке, сказал: «Потанцуем?» — и подхватил ее в вальсе, не дожидаясь ответа. Девушка смотрела на него с откровенным интересом.

— Ты всполошил весь здешний курятник. Все только и делают, что решают, кто ты такой и что у тебя за кольцо, настоящее или нет.

— Настоящее, вполне настоящее. Но это ведь только кольцо, и никак не более.

— Еще они говорят, что у тебя больше имен, чем числится во всем «Светском календаре».

— Плюнь ты на это, — отмахнулся Вилл. — Ну кому какая разница, назову я себя Фобетором, Хотспуром или Ваал-Пеором? И так, и так это — дерьмо собачье. Значение имеет только то, что год назад я тебя мимолетно увидел и мгновенно потерял свое сердце. И с той поры я тебя разыскивал.

— Бред какой-то, и к тому же тоскливый! Хотелось бы надеяться, что ты не подъезжаешь с ним к каждой встречной и поперечной, а хоть слегка разнообразишь свои приемчики.

— Я абсолютно серьезен.

— По моему опыту, искренность ценится незаслуженно высоко и с правдой она связана лишь очень косвенным образом.

— Каждое слово, что я сказал, чистейшая правда.

— Как особь мужского пола ты, конечно, и сам в это веришь. — Ее глаза сверкали, как изумруды, освещенные зелеными лазерами. Отпустив плечо Вилла, она сунула руку в потайной карман своего платья. А другой рукой коснулась его щеки. — Кто ты такой? Что ты такое? Это кольцо, оно настоящее?

— Вилл ле Фей. Мошенник. Насколько я знаю, нет.

Лицо Вилла залилось краской, он споткнулся и чуть не упал.

— О-ла-ла! — рассмеялась его партнерша. — Посмотрел бы ты сейчас на себя. — (Ухо Вилла ощущало теплоту ее дыхания.) — И ты, месье шут, совсем не единственный, у кого есть кольцо.

Мгновенным движением Вилл схватил сквозь ткань платья ее руку, так и пребывавшую в кармане.

— Это кольцо. — (Глаза девушки встревоженно расширились.) — Оно работает при контакте? Будет ли оно работать у меня? Кто ты такая и чем занимаешься?

— Да, — сказала девушка. — Да. Да, и мы видим, что работает. Алкиона. Воровка.

Она было вырвалась, но Вилл с почти непристойной на людях грубостью поймал ее за руку, и они снова начали танцевать. Он с головокружительной остротой ощущал упругость и теплоту ее талии, отделенной от его ладони лишь тончайшей шелковой материей. Он притянул ее поближе к себе. Ее тело было мягким, но никак не мясистым, мускулистым, но никак уж не жилистым. А еще оно было напряженным, сопротивлялось его объятью, хотя девушка и успела уже понять, что вырваться ей не под силу.

— Кольцо все еще у тебя на пальце. Если ты сомневаешься, люблю ли я тебя, так просто спроси.

— Если б меня это хоть чуточку волновало, — обрезала его Алкиона, — я бы давно так и сделала.

— Послушай, мы, похоже, начали все как-то не так...

— Ты так думаешь?

— ...но это еще не значит, что мы не могли бы...

— Ошибаешься, именно это оно и значит. — Они как раз оказались на краю танцевальной площадки; Алкиона резко остановилась и подала руку ближайшему существу мужского пола, щеголю в костюме Зеленого Рыцаря. — Благодарю вас, — произнесла она, хоть он ее и не приглашал, — я с удовольствием с вами потанцую.

Вилл был вынужден отдать свою саламандру ее мимолетному рыцарю.

И она унеслась в вихре танца.

Какую-то секунду Вилл задумчиво созерцал террасу, полную несравненных красавиц, любая из которых была бы в восторге от возможности потанцевать с ним, пофлиртовать с ним, проболтать с ним до самого рассвета. Любая, кроме единственной женщины, которая была ему нужна. Ну какова вероятность такого положения вещей? Не лежит ли на нем проклятие максвелловского демона, способного обратить все вероятности, превратить две теплые комнаты в нестерпимо жаркую и леденяще холодную, сделать любовные слова отвратительными для уха любимой, а ее саму, его отвергнувшую, еще более для него желанной?

А тем временем на другой стороне террасы цирковой медведь отчаянно махал правой лапой, пытаясь привлечь его внимание.

Кое-как сохраняя видимость апломба, Вилл нырнул в толпу и стал пробираться на выход. Выйдя из зала, уже в буфетной он спросил у слуги, где тут мужской туалет.

— Мимо этих жаровен и направо, — сказал карлик, даже не пытаясь изобразить поклон.

Туда Вилл и поспешил, почти уже ничего не видя.

Проблевавшись в унитаз, Вилл сдернул маску, и костюм Пьеро тут же исчез. Затем он прополоснул рот, плеснул холодной воды на лицо и причесался. На жилете его смокинга были два пятна от золотой пудры. Он сколько мог вытер их влажной салфеткой и попытался взять себя в руки. Он чувствовал себя абсолютно выжатым и сильно подозревал, что может отключиться совсем, настолько болела голова.

Пока еще оставались силы, Вилл вынул из кармана мешочек из кожи феникса, развязал его и достал бритвенное лезвие, обрезок пластиковой «макдоналдсовской» соломинки и пузырек эльфийской пыли. Вытряхнув пыль на гранитный подзеркальник, он разгреб ее бритвенным лезвием на две дорожки и поочередно их занюхал.

И, словно кто-то открыл Врата Рассвета, покинувшая было его энергия стала втекать обратно. Мысль об освещенном луной зале, полном прекрасных сильфид, наперебой старающихся попасться ему на глаза, перестала наполнять его ужасом. Вилл снова надел маску и покинул туалет.

За дверью его ждал медведь. Он стоял, скрестив руки и облокотившись о стену, рядом со скромной гравюрой Рембрандта, одетой в пышную золотую раму.

— Наконец-то я тебя поймал.

Медведь спрятал маску в жилетный карман и превратился во Флориана Л'Инконну.

— Я видел, как ты беседовал с этой ведьмой из политической безопасности. — Флориан вынул серебряный портсигар и открыл его. — Курить будешь?

Когда Вилл помотал головой, он достал сигарету, постучал ею о портсигар и небрежно сунул ее в рот — текучая изящная комбинация движений, тут же взятая Виллом на заметку: после небольшой тренировки он мог бы ее повторить.

— Ведьма? — С почти непростительным запозданием Вилл решил разыгрывать дурачка. — А-а, эта. Она что, правда из этих, как они там, органов? Думаю, она хотела заковать меня в кандалы и утащить в свои казематы.

— Здесь ты в полной безопасности, какие бы дела на тебе ни висели. Они не решатся задержать ни одну особу, находящуюся под покровительством рода Л'Инконну, а этот статус распространяется и на наших гостей.

— Я не совсем уверен, что попадаю под определение гостя. Коротышка настойчиво намекал, что это не так.

— Коротышка? Если ты имеешь в виду Хротгара Талвегссона, я бы очень тебе советовал никогда не использовать при нем этого мамашинного словечка. Такая вольность не сошла бы с рук даже мне. Хотя, в общем-то, Хротгар мужик неплохой. Познакомьтесь поближе, он тебе даже понравится.

— Это он напустил на меня эту Зорю Вечернюю.

— У нас с ним была уже беседа на эту тему, и могу тебе твердо обещать, что такого больше не повторится. Я вижу, — он указал сигаретой, — что ты повернул кольцо камнем вниз.

— Оно привлекает слишком много внимания. Было очень приятно с тобой поболтать, — соврал Вилл и коротко поклонился, — но мне уже нужно идти.

За его спиной кто-то прокашлялся. Он повернулся.

Три ряда зубов, похожих на кинжалы. Львиное тело. Косматая рыжая шерсть. Голубые глаза. Острые собачьи уши. Поросшая перьями спина. Бородатое человеческое лицо. Длинные, подкрученные кверху усы. Длинный, с жалом, как у скорпиона, хвост. Все эти черты были так гротескно несовместимы, что в первое мгновение Вилл даже не смог составить из них одно существо. Но затем все стало понятно.

Мантикор расплылся в улыбке, широкой как океан.

— Не покидай нас, кореш. — Из его пасти разило подгнившим мясом. — Не покидай, пока босс тебе не позволит.

Вилл сунул руки в карманы и вызывающе побренчал монетами. Тем временем он заглянул внутрь себя, где молча и настороженно лежал дракон, и спросил: что мне делать?

Они загнали тебя в угол. Сделай вид, что ты этого не замечаешь. Подыгрывай им во всем. Жди удобного случая.

— Я уйду, когда захочу и куда захочу. А что до твоих угроз, — он вынул руку из кармана и щелкнул под носом чудовища пальцами, — вот они мне что!

Мантикор презрительно фыркнул. Несмотря на все свое вызывающее поведение, Вилл был в ужасе. При поддержке дракона с Флорианом он уж как-нибудь справится. Но не с мантикором. Мантикоры прославились свирепостью. Гюстав Флобер писал от имени такого существа: «Лоснящийся багрянец моей шкуры сливается с блеском великих песков. Я выдыхаю ноздрями ужас пустынь. Я изрыгаю чуму. Я поедаю войска, когда они забираются в глушь»^[57]. Никто из живых не может с уверенностью сказать, что эти слова всего лишь метафора.

Да уж, попал так попал.

Успокойся, прошептал внутри него дракон.

— Так вот в чем наша с тобой проблема, — начал Флориан, дружелюбно беря Вилла под руку. — Мы оказались в состоянии квантовой неопределенности. Либо ты, как думает Хротгар, мошенник, либо законный наследник Его Отсутствующего Величества. — Он вел Вилла по коридору прочь от бального зала. — Возможно, во мне говорит романтик, но я бы очень хотел в тебя

поверить.

— Верь во что хочешь, но я и не мошенник, и не наследник.

— Да-да, конечно. Здесь существует три возможности. Одна — это что ты жулик, самый обычный, без всяких фокусов. В каком случае ты будешь быстро разоблачен, и я в этом деле не нужен. Вторая — что ты ни в чем не повинный парень, случайно вляпавшийся в чужие махинации и погрязший в них так глубоко, что не видишь теперь другого выхода, кроме как выгребать вперед и вперед в отчаянной надежде достичь дальнего берега. В каком случае я готов предложить тебе полную амнистию и прекрасную выгодную работу. Ты очевиднейшим образом парень очень неглупый, а у меня, как ты можешь видеть... — он кивнул на мантикора, — всегда найдется применение для неординарных способностей. Я могу поклясться своим именем, что, приняв это предложение, ты никогда о том не пожалеешь. — (Вилл промолчал.) — Тогда мы подходим к третьей и самой пикантной возможности. Я понимаю, что шансы на то, что ты действительно являешься внебрачным отпрыском нашего монарха, крайне малы. Но если это все же так, если это *так*...

— А если это так?

Все еще держа Вилла под руку, Флориан ласково, словно любимую игрушку, погладил его по груди и почти проворковал:

— Если это так, то мы с тобою сможем делать великие дела.

Они дошли до винтовой лестницы и стали по ней спускаться. Ступеньки вспыхивали у них под ногами и быстро меркли за спиной. Мантикор молча шел следом.

— Куда мы идем?

— Если ты этого еще не заметил, то сообщаю: я пытаюсь быть твоим другом, и такого друга очень даже стоит иметь. Твоя очевидная холодность дает основания предположить, что в прошлом я причинил тебе некое зло. Что ж, политика дело жестокое. В борьбе за народное благо я не мог не причинить отдельным и даже многим личностям тяжкое зло. Но если ты действительно взойдешь на Гибельное Сиденье, тебе понадобятся союзники. И ты не сможешь особо привередничать, чисты ли, мол, их руки. Так что достигнуть взаимопонимания было бы в наших обоюдных интересах.

Лестница закончилась, и они оказались в небольшой прихожей. Справа была деревянная двустворчатая дверь, украшенная резными, крайне непристойными изображениями Грангузье^[58] и Фальстафа — то ли реальных, то ли мифических героев хазарской династии, правившей когда-то Вавилоном.

— Позволь, я кое-что тебе покажу.

От прикосновения Флориановой ладони дверь распахнулась, представив взору обширную библиотеку с кожаными креслами, пепельницами, читальными столами и газетными стойками. Как только они вошли, в воздух взмыли эльфийские огоньки, залившие все огромное помещение мягким золотистым светом.

Пройдя по безбрежному, как океан, шелковому кашанскому ковру, узором которому служила пиктографическая история мира, они остановились прямо на Вавилоне. Вилл с любопытством запрокинул голову к куполообразному потолку, настолько высокому, что для доступа к книжным стеллажам, тянувшимся по всем стенам, потребовалась даже не просто галерея, а трехъярусная. Столь безумное расточение пространства — а в этих кварталах и вдвойне безумное — производило впечатление много большее, чем могла бы произвести гора бриллиантов и рубинов. В воздухе тихо вращались глобусы всех известных миров с аккуратно обозначенными названиями городов, народов и крупных массивов суши.

— Здесь, — сказал Флориан, вдавливая окурок в пепельницу, — мы положим конец всем загадкам. — Он взял с ближайшего стола небольшую деревянную коробочку, подбросил ее, поймал и поставил на прежнее место. — Ничего такого с виду особенного, верно?

Вилл почувствовал в учтивой улыбке Флориана ту же самую напряженную силу, какая ощущалась в немигающем взгляде мантикора. Он находился на чужой, незнакомой и очень опасной территории. Лучше всего было бы сбежать, да где тут сбежишь?

— Да, в общем-то, да.

— А ты попробуй поднять ее со стола.

Вилл попробовал. Сперва небрежно, одной рукой, потом двумя. И без всякого толка. Он поставил ноги поудобнее и потянул треклятую деревяшку изо всех, что были, сил. Но хотя от усилий на лбу его выступил пот, коробочка даже не шелохнулась.

— Фокус какой-то, — пробурчал он, оставив свои тщетные старания. — Электромагнит и железяка внутри?

— Какая там железяка, — рассмеялся Флориан. — Эта коробочка вырезана из древесины Иггдрасиля, мирового древа. Сдвинуть ее с места или открыть не под силу и всем, вместе взятым, армиям мира. Это могут сделать только члены нашей семьи. Но при всем при том эта коробочка — ерунда, пустая игрушка. Она служит лишь для того, чтобы хранить действительно драгоценный предмет... Ты видишь перед собой, — сказал он, открывая коробочку, — величайшее из сокровищ рода Л'Инконну.

В коробочке было пусто.

Флориан побледнел. Сперва его кожа стала белой как снег, а затем с негромким потрескиванием озона вокруг его головы засветился нимб. Его лицо превратилось в мертвую маску, глаза — в черные омуты бешенства. По залу пронесся ветер, газеты срывались со стоек и взмывали под потолок. Ну да, Флориан был пакостным щенком, но он же был и *силой*. Прямо здесь, на глазах он вырос на добрый фут и стал соответственно шире. Угрожающе надвинувшись на Вилла, он одной рукой схватил его за жилет и легко, как пушинку, вскинул вверх.

— Что ты с ним сделал?!

— Я не знаю, о чем это ты! — крикнул Вилл. Флориан сорвал с Вилла маску и ощупал взглядом его лицо.

— Нет, ты мне вроде бы не знаком, — сказал он наконец голосом, дрожащим от бешенства. — Ну как мог сделать такое тот, кого я даже не знаю?

— За то время, босс, пока я здесь, он ничего такого не делал, — вмешался мантикор. — Я следил за этим крысенком бдительно, как ястреб.

С ревом отчаяния Флориан отшвырнул Вилла прочь.

— Сиди здесь, следи за ним в оба, — приказал он мантикору. — Я схожу за Талвегссоном, уж он-то знает, что в таких случаях делают. — В дверях он обернулся. — Если этот тип попытается убежать, оборви ему руки и ноги. Но только чтобы остался жив и мог отвечать на вопросы.

Двери за ним с грохотом захлопнулись.

После того как Вилл соскреб себя с пола и снова надел маску, что тут же превратило его в Пьеро, мантикор широко зевнул и разлегся плашмя на ковре.

— Лопух ты, вот что я скажу, — заметил он, словно продолжая какой-то разговор. Перья на спине его аккуратно улеглись, но длинный, суставчатый, с жалом на кончике хвост продолжал беспокойно метаться, словно хвост настороженного кота. — Не знаю, как уж это у тебя получилось — считается, что открыть Флорианову коробочку может только чистокровный Л'Инконну, — но ты бы все-таки думал, кого стоит чистить, а кого нет.

— Мне надо вернуться на бал, — сказал Вилл.

— Мы оба с тобой прекрасно знаем, что об этом можно забыть. — Мантикор лениво прикрыл глаза. — Но если ты хочешь попробовать, я охотно дам тебе фору в десять шагов.

Его дыхание становилось все реже, хвост перестал метаться и лег на ковер.

Он слишком уж уверен в себе, прошептал дракон. Дай мне полную волю, и один к одному, что эта тварь будет дохлой, как половик под ногами, не успев даже понять, что же это с ним происходит.

Такие шансы Вилла не слишком устраивали, а потому он стал торопливо припоминать все, чему научился со времени приезда в Вавилон. Вот что сделал бы при таких обстоятельствах Нат? Что-нибудь очень ловкое, можно не сомневаться. Но Вилл отнюдь не чувствовал себя ловкачом. А что бы сделал Салем Туссен? Об этом стоило подумать.

— Я не вижу никаких причин, мешающих нам подружиться, — начал Вилл. — Ну чем я могу убедить тебя, что мы с тобой на одной стороне?

— Не могу себе даже представить, — сказал мантикор и чуть-чуть приоткрыл глаза.

— Тогда позволь мне сделать тебе предложение. — Вилл медленным движением достал из кармана бумажник, а затем еще более медленно открыл его и пересчитал лежащие в нем деньги. — У меня тут тысяча триста долларов. — Он положил бумажник на пол и

осторожно отступил на три шага. — Позволь мне уйти отсюда живым и здоровым, и все они станут твоими.

Манतिकор лениво встал, зевнул, потянулся и подошел к бумажнику. Его жуткая когтистая лапа осторожно перебрала купюры. Его синие, небесной красоты глаза встретили взгляд Вилла. Он широко улыбнулся:

— Проходи, дружище.

Вилл выскользнул из библиотеки, закрыл за собой дверь и помчался по лестнице вверх. *Мотай отсюда на хрен*, — посоветовал дракон, — и в кои-то веки Вилл с ним полностью согласился.

Но сколько бы Вилл ни пытался, он не мог найти выход. Он словно попал в лабиринт или запутался в бредовом сне. В какую бы сторону он ни поворачивал, рано или поздно каждый коридор выводил его к бальному залу. Ситуация представлялась крайне кислой, и все-таки, как ни странно, он ощущал подъем. Казалось, что вся энергия, ушедшая у него на танцы и пустую болтовню, вдруг вернулась едва ли не с добавкой. Над ним висела страшная опасность, и он мог с нею справиться. Вот только уйти бы подальше от этого бального зала.

А вот этого-то он и не мог.

Ну что ж, тогда оставался единственный выход, хотя слово «выход» не совсем здесь подходит.

За время его отсутствия в зале на небе возшла луна. Большая и рыжая, как перезревшая тыква, она висела прямо над горизонтом. Не обращая внимания на всю эту ораву эльфов, которые пилились на него и громко шушукались, Вилл стал искать глазами Алкиону.

Вспышка красного в глубине террасы.

Он пошел прямо к ней.

Вилл небрежно взял Алкиону за руку, словно они друзья, решившие прогуляться, и глаза ее потемнели от гнева. Ее свободная рука чуть приподнялась с намеком на намерение отвесить ему пощечину, однако она себя сдержала. Это было предупреждение.

— Мне, сударь, совсем не требуется внимание мелких ловчил.

— Улыбайся. — Вилл говорил, едва шевеля губами. — Они обнаружили кражу.

— Это невозможно. С какой бы стати...

— Флориан решил показать мне это кольцо. — Вилл приблизил губы к уху Алкионы, словно собираясь ласково куснуть ее за мочку, и прошептал: — Сейчас я тебя поцелую. Попробуй получить от этого удовольствие. Или хотя бы сделай вид. Затем отстранись, возьми меня за руку и тащи к ближайшей двери. Не надо никакой излишней тонкости. Я твоя добыча. Все они будут тебе завидовать. Мы уйдем, и очень важно, чтобы никто не догадался почему.

В холле толпились слуги, ливрейные карлики и хайнты, поэтому сперва, пока коридор не свернул в сторону, они шли вроде как не торопясь. А затем Алкиона выпустила руку Вилла, сбросила туфли, подобрала подол и помчалась со всех ног. Вилл помчался следом.

— Все пути к выходу ведут мимо фаты Л 'Инконну и этого карлика, ее *consiglieri*^[59]. К этому времени там уже выставлена охрана. К счастью, я предусмотрела такой вариант и заготовила себе путь отхода.

— Нам, ты имела в виду.

— Только если у меня не будет выбора.

— У тебя его нет.

Алкиона остановилась перед ничем не приметной дверью. От ее прикосновения дверь открылась, и они вошли.

Свет в этой комнате был только тот, что проникал из окна, однако Вилл рассмотрел кровать под балдахином, призывно вздымавшимся от дувшего с балкона ветерка. Такого ложа не постыдилась бы и сама Астарта. Пахло пудрой, духами и розами. Будь обстоятельства другими, здесь бы стоило задержаться.

Алкиона вышла через балконную дверь.

— Поторапливайся, жопа.

Вилл поторопился. На балконе Алкионов гиппогриф, оседланный и в полной готовности, мирно общипывал горшки герани. Глаза у него были большие как блюдца и красные как гранаты. И эти глаза внимательно взглянули на Вилла.

Вилл протянул руку, чтобы погладить чудище по голове.

— Ты там не очень, — беззаботно бросила Алкиона, — а то он кусается.

Вилл отдернул руку, и в тот же самый момент там, где только что были его пальцы, щелкнул страшный иззубренный клюв.

Алкиона не протянула руку, чтобы посадить Вилла в седло, но и не стала мешать ему забраться. Ее платье зацепилось за луку седла, и она, не раздумывая, разодрала его двумя руками снизу до самого паха, чтобы сесть на чудо-коня понадежнее, пробормотав при этом: «Зараза, ведь оно от Гивенши», а затем натянула поводья, и гиппогриф сиганул с балкона.

Огромные крылья раскрылись и поймали ветер. Они полетели.

Сразу же выяснилось, что лететь на гиппогрифе совсем не то что скакать на коне: с одной стороны, нет той тряски, с другой — как-то слишком уж необычно. Но это вполне соответствовало возбужденному состоянию Вилла. Он на свободе! Он остался жив! Он может делать все, что угодно! Это было невероятное ощущение, лучшее из возможных. Ему уже хотелось вернуться и сбежать еще раз.

Алкиона громко смеялась, и Вилл неожиданно сообразил, что и он смеется тоже. А тем временем сильные размеренные взмахи крыльев несли гиппогрифа уже над заливом Демонов. Окна покинутого ими Вавилона становились все меньше и меньше, в то время как сам город не уменьшался, он все так же заполнял половину неба. В холодном воздухе густо висели запахи гиацинтов и солянки.

— Слушай, скажи мне одну вещь, — начал Вилл, когда они отсмеялись. — Этот зверь не был привязан. Как я понимаю, он прилетел на твой зов. Так чего же ты не позвала его прямо оттуда, с террасы?

Алкиона обернулась и смерила его жестким взглядом. Ее улыбка не сулила ничего хорошего.

— Даже странно слышать такой вопрос от паяца. — Привязав поводья к руке, она перекинула через круп гиппогрифа сперва одну ногу, а потом и другую, так что оказалась в результате лицом к Виллу. — Ну-ка, посмотрим, на что ты похож. — Она сорвала с него полумаску, а вместе с ней исчез и костюм Пьеро. — Хмм. Малость

шероховато и с заусенцами, но совсем не так плохо, как можно бы ожидать.

— Ты не... зачем ты это?

— Успокойся и расслабься.

Она сдернула с него пиджак смокинга и развязала его галстук. Трепыхаясь, как птицы, они улетели в ночь. Ухватив его рубашку двумя руками, она с силою дернула. Запонки и вырванные с мясом пуговицы брызнули по сторонам. Если раньше Виллу было немного прохладно, то теперь стало холодно.

— Я спасла твою задницу, — сказала она, — и теперь предъявляю права на традиционную награду героя, в данном случае — героини. Ложись и получай удовольствие, если сможешь. Или хотя бы сделай вид.

— Да что это ты делаешь! — крикнул Вилл, когда его рубашка белоснежным буревестником улетела вслед за пиджаком; лохмотья Алкиониного платья бились на ветру, хлестали его по лицу и рукам, а всклокоченные, трепещущие волосы делали ее похожей на горгону Медузу. — Ничего ты меня не спасала, это я спас тебя!

Алкиона толкнула Вилла ладонью в грудь, так что он почти упал на спину. Затем она рванула ширинку его брюк — у него уже, конечно же, стоял — и сказала:

— Давай будем рассказывать эту историю в моем варианте, ладно? А пока что подними, пожалуйста, задницу над седлом.

Не имея особых вариантов, Вилл послушался, после чего она сорвала с него брюки и отправила их вслед за прочими элементами его туалета. Больше снимать с него было нечего. Ключья Алкиониного платья полоскались на ветру, словно красные вымпелы. Куски ее тела появлялись и исчезали с такой трепещущей скоростью, что их было толком не разглядеть. Медленно, с томительными остановками Алкиона нагнулась над Виллом. Он уже чувствовал, как к его члену приближаются ее губы.

А затем, вздернув Вилла за ноги, перекинув через себя, Алкиона сбросила его со спины гиппогрифа. Он полетел, кувыркаясь, в пустоту.

Это были мгновения чистого, ослепительного ужаса, а затем его ударила вода, жесткая, как деревянный пол. Вокруг него вскипели

пузырьки.

Задыхаясь и хватая ртом воздух, Вилл вынырнул на поверхность.

Гиппогриф описал круг и снова пролетел над ним, лихая наездница была вне себя от восторга.

— Бедняжка Вилл! — кричала она, давясь от хохота. — Какой восхитительный финал идеального вечера! Ну у кого и когда было такое роскошное первое свидание!

— Гарпия! — орал ей Вилл, бессильно грозя кулаком. — Горгона! Грымза! Сука заразная!

Алкиона натянула поводья, и гиппогриф повис на месте, взбивая воздух своими огромными крыльями. Сбросив в клочья изодранное платье, она достала из седельной сумки и надела футболку с эмблемой «Хард-рок-кафе», перехватила поводья одной рукой, достала из той же сумки джинсы, встряхнула их, чтобы расправились, и тоже надела.

— Пока, старина, еще увидимся. Хорошо мы поразвлекались.

Натянув поводья, она устремилась в небо.

Вилл смотрел вслед таявшему в ночи гиппогрифу с какой-то дурацкой смесью гнева и желания, пытаясь силой мысли заставить ее вернуться. Но нет. Гиппогриф на миг нарисовался на фоне огромной рыжей луны, а затем становился все меньше и меньше, пока не затерялся крошечной пылинкой в сонме пылинок, роившихся в ночи.

Все это время Вилл бестолково лупил руками по воде, а теперь осмотрелся и увидел, что находится менее чем в миле от берега. Видимо, Алкиона полетела не прямо в сторону залива, как он думал все это время, а где-то свернула по направлению русла Тихона. Так что все обстояло не так уж и скверно. А ведь могла бы сбросить его далеко в море, и тогда уж точно конец.

Вилл немного отдышался и поплыл к пристани. Затем он перестал работать руками и оглянулся через плечо на огромную, все еще низко висевшую луну. Где-то там была его воровка.

— Ну ладно, — вздохнул он. — Первый раз прощается, второй раз запрещается, будем надеяться на третий.

И продолжил свой долгий и скучный заплыв.

Начав абсолютно голым, без единого гроша в отсутствующем кармане, Вилл потратил полных три дня, чтобы воровством и попрошайничеством, ласками и сказками заработать на обратную дорогу в Вавилон. Можно было бы уложиться и в половину этого времени, однако гордость обязывала его вернуться домой с достаточным количеством денег, чтобы заплатить за смокинг, буде Нат решит списать безвозвратные потери на его счет.

Но тогда, в самые первые часы, он очень страдал от холода и отчаяния.

Слушая историю его злоключений (немного причесанную), Нат хохотал почти до колик.

— Ну, силен ты, сынок! Почти так же силен, как я!

— А мне казалось, что я только все испоганил. Политическая полиция хочет всерьез нами заняться. Флориан меня ненавидит. А Алкиона знает едва ли не все.

— А есть у кого-нибудь хоть какие-нибудь доказательства?

— Хмм... да нет.

— Так в чем же дело? И не беспокойся насчет врагов — чтобы эта штука сработала, враги нам просто необходимы. А если по большому счету, главное тут — просто позабавиться. Ты позабавился? Ну и ладушки.

ОКАМЕНЕВШИЙ ЛЕС

Вход в Публичную библиотеку охраняли два огромных мраморных льва. Прихватив с собой только что взятые книги, Вилл сел между лапами одного из них и начал читать. День был для осени необычно ясный и теплый, а так как фасад библиотеки выходил прямо на эспланаду, ступеньки купались в солнце.

Нат снимал в двух шагах от надземки квартиру — «гребенкой», без отопления и горячей воды, но читать там было не очень удобно. Регулярно, каждые десять минут, здание сотрясал идущий вверх фуникулер, и Эсме снова и снова подбегала к окну посмотреть, в чем там дело. Лестница насквозь провоняла вареной капустой, стиркой и облупившимся суриком. На первом этаже жило огромное семейство троллей, на втором — какой-то пианист, а на третьем — домовые. Так что если каким-нибудь чудом все они враз замолкали, то проходило совсем немного времени — и кто-нибудь уже начинал барабанить в потолок, негодуя на почудившийся шум. На улице с утра и до самой ночи орали мальчишки, игравшие в пристенный мячик, шлепавшие бейсбольными картами или ссорившиеся из-за бутылочных крышечек. Юные летучие девы и их столь же юные поклонники, не имевшие собственного жилища, по ночам оккупировали лестничные площадки и пилились там встояка. Рев доставочных фургонов не умолкал ни днем ни ночью.

Вилл решил сначала просмотреть газеты, отложенные Натом специально для него. Натов план сработал лучше любых ожиданий. Виллу потребовалось три дня, чтобы попрошайничеством, воровством, враньем и надувательством проторить себе путь домой, и, как оказалось, ровно столько же времени потребовалось прессе, чтобы разнюхать сенсационную новость. Ровно в день его возвращения слух о возвращении царя выплеснулся на первые страницы всех вавилонских газет. «СЛУХИ О РЕСТАВРАЦИИ МОНАРХИИ НАВОДНИЛИ ГОРОД», — констатировала «Таймс». «ЕГО НЕ-СТОЛЬ-УЖ-И-ОТСУТСТВУЮЩЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО?» — спрашивала «Пост». «РАЗЫСКИВАЕТСЯ РАНЕЕ НЕ ИЗВЕСТНЫЙ ПРИНЦ», — объявляла «Геральд трибьюн». И, подбивая всему этому итог, «Дейли ньюс» лихо заявляла: «НАСЛЕДНИК НАСЛЕДИЛ».

Редакционные колонки были полны дичайших спекуляций. Что бы это значило, задавались вопросом газетчики, что наследник вдруг взял да и появился? Может быть, царь умирает? (А он точно еще не умер, сообщала врезка, о чем свидетельствуют многие приметы и знамения, главное место среди которых занимает нетронутость Обсидианового Престола. Пока живет Его Отсутствующее Величество, этот престол будет доступен лишь для него либо его непосредственных наследников и станет верной смертью для любого другого, кто попытается его занять, — совокупность обстоятельств, о которых даже те, кто поддерживал абсолютную монархию, горько сожалели по причинам, наглядно выявившимся за время отсутствия царя.) Почему, если наследник действительно вернулся, он предпочел об этом не объявлять? А если ему так уж хочется скрыть свою личность, почему при первом своем появлении на публике он почти ее не скрывал — если, конечно же, это появление было первым? Другая врезка приводила обрывки старых сообщений и доводы экспертов, считающих, что нет, не первое.

Вилл отложил последнюю газету и взял из стопки книг верхнюю.

— «Гиппогрифы: питание и уход»? — пророкотал каменный голос. — Зачем о них читать? Гиппогрифы — мерзейшие твари. Крысы летучие, тьфу.

— Разве ты не знаешь, что читать через плечо неприлично? — возмущенно повернулся Вилл.

— Ничего не могу с собою поделать, — сконфузился лев — Неудержимая страсть к чтению. Читаю книги, газеты, коробки с сухими завтраками — все, на чем есть слова. Это мой единственный порок.

— Тогда у тебя не должно быть тут и никаких возражений. Слов в этой книге сколько угодно.

— Это совсем не значит, что у меня нет предпочтений. Иногда какой-нибудь лодырь приносит стоящую книгу. Фолкнер. Вирджиния Вулф. Шелли. Тут как-то летом некий тип ходил сюда как на работу, пока не прочитал «Войну и мир» от корки до корки. — Лев сладко зажмурился, по его телу пробежала блаженная дрожь. — Это было пиршество духа. — Затем он приподнял каменную лапу и осторожно тронул каменным когтем Виллову стопку книг. — А вот эти — они же все простые компендиумы сведений. Зачем ты тратишь на них

драгоценное время?

— Понимаешь, есть тут эта девушка...

— Всегда и везде есть девушка.

— Да ты все равно не поймешь.

— Ну конечно же, я ничего не пойму. Ну что там лев понимает в женщинах? Мы только и можем, что держать довольными и счастливыми маленькие такие прайды по семь — десять самок. Проще простого, это каждый может.

— А где они теперь, этот твой прайд? — спросил Вилл и отложил книгу в сторону.

— Я счастлив сообщить тебе, что в настоящий момент они рожают.

— Что? Все до единой? Одновременно?

— Неужели ты хочешь, чтобы я выделял каких-то любимиц? — возмутился лев — Каждая жена каждую ночь, так часто и так долго, как они сами того пожелают, — вот лучший путь к гармоничному браку. Поверь моему слову, если ты будешь придерживаться этого простейшего правила, твои браки никогда не распадутся.

— Но если они рожают, не должен ли ты находиться при них?

— Плоть мимолетна, камень долговечен. — В голосе льва звучало высокомерное сострадание. — Для нас все вы мимолетны, как отблески лунного света на капле воды. Мало удивительного, что вам никогда и ничего не удастся сделать! А наши жизни достаточно долги, чтобы их с чувством смаковать. Во времена моей молодости был всего лишь один материк. Представь себе мое удивление, когда речушка, которую я без труда перепрыгивал, стала широкой и превратилась в море! Я так был ошеломлен, когда одна земля разорвалась на много земель, которые разошлись, вращаясь, по всем уголкам Земли, да простят мне слово «уголки»! Иногда мне хочется закрыть глаза и на несколько тысяч лет вцепиться в землю когтями, только чтобы голова не кружилась.

К несчастью для меня, в то самое время я начинал задумываться о браке, и вот все мои предполагаемые невесты оказались на другой от меня материковой платформе. Это меня крайне встревожило. Будь я таким торопыгой, как вы, плотские, я утонул бы в заранее

обреченной попытке воссоединиться с ними, переплыв океан. Но как бы страстны ни были львицы, больше всего они ценят, когда на тебя можно положиться, и, как прямое следствие, презирают любую поспешность. Поэтому я не спешил. Я ждал. И вот по прошествии того, что даже мне показалось невыносимо долгим временем, их и мой континенты снова наехали друг на друга. Я стоял на берегу и смотрел, как сужается полоса воды. Я видел, как сталкиваются земли и в месте, где они столкнулись, вырастает могучий горный хребет. Когда все улеглось, я высмотрел наименее трудный проход между их материковой платформой и моей. И сел неподалеку.

Десятилетия бежали как стрелка по циферблату секундомера. Столетия текли подобно воде. Ни одна дама не любит проявлять в отношениях с мужчинами излишнюю заинтересованность. Спустя многие и многие зоны мимо меня неторопливо проследовали девять львиц. Восемь прошли, даже не повернувшись. Последняя, самая младшая, была уже готова сделать то же самое, но вдруг вздрогнула, заметив меня.

«О! — сказала она. — Ты что, все время был здесь?»

«Да, о моя сладкая безгривая», — ответил ей я.

Остальные описали полукруг и вернулись. Тела у них были длинноногие и крепкие. Они ступали по земле беззвучно, как тени.

«Возможно, ты нас еще помнишь», — небрежно заметила самая старшая.

«О темно-рыжая богиня, наша разлука продлилась сотни миллионолетий, и все это время я думал лишь о вас».

Медленно, неторопливо они ходили вокруг меня, и круги становились все теснее, пока их тела не стали касаться друг друга и даже иногда толкать меня то с одной, то с другой стороны. Их спокойные золотые глаза горели, как ветром раздутые угли. Запах их женских органов опьянял. Игриво и застенчиво они обнажали свои острые белые клыки. Я понимал, что это момент величайшей опасности. Они так долго меня ждали, что, покажи я сейчас хоть малейшую слабость или торопливость, они в своем разочаровании бросились бы на меня и разорвали в клочья.

«Разве ты не хочешь спросить, были ли мы тебе верны?» — спросила лучшая из них охотница и куснула меня в бедро.

«Будь у меня нужда задавать такие вопросы, я бы в вас не влюбился, о мое плотоядное сокровище».

«Но был ли верен нам ты?» — спросила самая умная.

«Но ведь я жив еще, верно?» — спросил я. О, я был бесстрашен! Я встряхнул своей гривой, чтобы дать им ею полюбоваться. Я встал и потянулся, чтобы они могли видеть мускулистое совершенство моего тела. «Вам хватило бы единственного взгляда, чтобы узнать о моем негодяйстве. Ваши зубы сомкнулись бы у меня на глотке. Ваши когти распорили бы мою шкуру, так что кровь моя хлынула бы на землю. Но я еще жив».

Мои слова взволновали их и возбудили. Раздалось громкое девятигласное рычание. Потом вперед вышла самая застенчивая из них и застенчиво пробормотала: «В таком случае ты можешь нас иметь». Я не шелохнулся, а только спросил: «Когда?» Они весело, с уважением переглянулись, и я понял, что прошел последнее и самое хитро задуманное испытание. Самая из них хорошенькая потупила глаза и сказала: «Сейчас».

Там же и тогда же мы справили нашу свадьбу, и наш брак был долгим и счастливым. Затем — не так уж и давно, в моем понимании этих вещей, но за пределами памяти вашего племени — дамы мои понесли. А ведь известно, что во время беременности особи женского пола наиболее уязвимы. И хотя мало кто из живых существ рискнет напасть на таких, как они... Когда время беременности измеряется в зонах, не стоит пренебрегать и самой малой вероятностью. Поэтому, как то водится у нашего племени, они нашли подходящую гору и вырыли под ее корнями глубокие норы, чтобы спать там в ожидании родов.

А я охранял их покой.

Иногда я отлучался на охоту или по естественным нуждам, но отлучки мои были краткими. Каждый такой раз я сажал для измерения времени яблоню, способную давать семена и продолжать свой род. И ни разу не случилось, чтобы к моему возвращению яблоневый лес погиб, настолько был я бдителен.

Но однажды, вернувшись после краткой отлучки, я увидел, что гора наполовину скрыта, а каменщики, плотники и каменотесы строят массивное здание на том самом месте, где затаились в глубине мои возлюбленные жены! Руководил же всем этим некий монарх,

необычайно высокий и статный по вашим меркам, хотя жалкая козявка — по моим.

«Что это?» — спросил я царька. Он был из ваших, из плотских, появившихся в мире совсем незадолго до этого.

Немного нервически — потому, наверное, что я сбил его с ног и слегка придавил к глине лапою, предотвращая любую попытку бежать, — Нимрод (так, он сказал, его звали) рассказал мне о своем грандиозном проекте и его священном предназначении, о многочисленных пророчествах его срединного положения в судьбе Тысячи Рас и неизбежном его владычестве над всем земным шаром, об изяществе его архитектуры и так далее. Во время нашей беседы сопровождавшие его солдаты осыпали меня дротиками и стрелами, каковые, конечно же, отскакивали от моих боков, не причиняя мне никакого вреда, я же ждал, а когда они утратили осторожность и подошли ко мне слишком близко, раздавил их в кисель. Однако Нимрода я не убил, потому что при любых обстоятельствах мой контроль над собой абсолютен.

С помощью своих зодчих, чертежей и множества страстных клятв Нимрод сумел убедить меня, что фундаменты Вавилона уходят под землю не так глубоко, чтобы причинить какой-либо вред моим спящим женам. А по здравом размышлении я даже решил, что строительство над их укрытием столь массивного города только обеспечит им еще большую безопасность от любого ущерба.

И я смирил свой гнев. А теперь наконец-то время моих жен пришло. Наверное, ты и сам иногда замечаешь легкую дрожь, пробегающую по башне, слышишь, как поскрипывает ее стальной каркас. Это значит, что у одной из них начинаются схватки. Когда-нибудь — может быть, завтра, может быть, через сто тысяч лет — мои жены начнут рожать; серьезного времени это не займет, и примерно через неделю все будет кончено. Тогда они стряхнут лежащий на них груз кирпича и камня, Жуткая Башня обрушится и все ее жители погибнут. Мои жены выйдут из нор на поверхность и попирашествоуют трупами, а я оближу своих детенышей, чтобы вдохнуть в них жизнь. Но счастливый день еще впереди, и я терпеливо жду. Я нанялся сторожить эту библиотеку, и хотя мой оклад смехотворно мал, мои нужды тоже невелики. Кое-как хватает. Я буду ждать, сколько потребуется. Я — само терпение.

Какое-то время Вилл молчал. Затем он кивнул на второго льва и

спросил:

— А твой напарник? У него что, все то же самое?

— У него? — удивился лев. — Не знаю. Я никогда у него не спрашивал.

— Ясно, — кивнул Вилл и вернулся к чтению. Согласно руководству, гиппогрифы едят как овес, так и мясо. И торговцев зерном, и торговцев мясом в Вавилоне более чем хватало, однако можно было не сомневаться, что Алкиона пользуется услугами поставщика, имеющего в предложении и то и другое. Загон для гиппогрифов должен иметь как доступ к открытому небу, так и травянистую площадку для выгула. Это была вторая ниточка. Жуликоватую эльфийскую девицу, играющую роль великосветской особы, обнаружить совсем не так трудно, как ей то, наверное, кажется. Стоит поискать ее через шорников. Гиппогрифы встречаются куда реже, чем их предки, грифы и лошади, а потому и сбруи для них готовят очень немногие мастера.

Алкиона, конечно же, прибегает к услугам самого из них лучшего.

Чтобы просмотреть все отобранные книги, Виллу потребовалось несколько часов. Он отложил «Аристократию небес», встал, зевнул, потянулся и собрал книги в пачку, чтобы сдать их в библиотеку. Он успел подняться только на пару ступенек, когда в ноги ему врезался ребенок.

— Дядя Вилл! Дядя Вилл! — Это была, конечно же, Эсме. Слегка отдышавшись, она сказала: — Деда сказал, чтобы ты не ходил домой. — В эти дни Эсме думала, что Нат ее дедушка. — Он говорит, что это важно.

Вилл наклонился, чтобы разговаривать с ней, глядя ей в глаза.

— А когда он это говорил? Недавно?

— Не знаю, — пожала плечами Эсме.

— А он больше ничего не говорил?

— Говорил, но я все забыла.

Вилл поневоле улыбнулся.

— Ну, конечно же, ты забыла. Я...

На плечи и бедра Вилла опустился неожиданный груз. Со странным чувством разрыва ткани времени он осознал, что на голове у него шлем из жесткой прорезиненной ткани, снабженный пластиковым щитком. Опустив глаза, он увидел на себе белый скафандр с желтыми резиновыми перчатками. Воздух подавался в шлем по наружным шлангам, тянувшимся к поясному компрессору.

А потом перед Виллом откуда-то появился Нат Уилк, на нем тоже был белый биозащитный скафандр.

— Что бы ты там ни делал, шлем не снимай, — предупредил он. — А то застынешь вне времени, как вся остальная здешняя публика.

Все это было до крайности странно.

— Нат, — сказал Вилл, — на хрена весь этот маскарад? И что здесь вообще происходит?

— А ты посмотри. — Нат отшагнул в сторону, чтобы не заслонять Виллу вид города.

А город был неподвижен. Остановилось уличное движение. Пешеходы застыли на полушаге и напоминали окаменевший лес. Цветочные лепестки, сдутые ветром из чьего-то заоконного ящика, навечно завязли в воздухе, как мошки в янтаре. Эсме, остановленная в прыжке, балансировала на кончике пальца. Нат вынул из кармана двугривенный и резким движением убрал из-под него ладонь. Двугривенный не упал.

— Сильное джу-джу, верно? Лорды Мэральности заморозили временной момент, после чего ввели в него полицию и спасателей. Цирк высшего разряда, ты просто счастливчик, что стал его зрителем. Заклинание такого масштаба накладывают не чаще чем раз в десятилетие, да и то по самой крайней необходимости. А то ведь никакой бюджет не выдержит. — Нат вынул двугривенный из воздуха. — Пошли.

— Мои книги...

— Я уже вернул их. Одно из преимуществ остановленного времени в том, что появляется возможность спокойно доделать недоделанные дела.

— А как же Эсме?

— Ничего, перебьется.

Вилл следовал за Натом, не задавая ему вполне естественных вопросов, а отвечая на них самостоятельно. Откуда Нат узнал про остановку времени? У Ната множество связей. Видимо, у него был «крот» в Мэральности или даже во Дворце Листьев. Где он взял скафандры? Из того же источника. Что он планирует теперь? Вряд ли что-нибудь определенное. Нат всегда предпочитал думать на ходу.

Город был беззвучен и прекрасен.

Стайка голубей, взлетающих с тротуара, образовала в воздухе нечто вроде лестницы. Нат взял одну из птиц, осторожно сложил ей крылья и засунул ее в карман случившегося рядом боггарта. Цепочкой бриллиантов повисли под выхлопом кондиционера сверкающие капельки воды. Нат собрал их штука за штукой, смял в единый водяной шарик размером с детский кулачок и засунул полицейскому под шлем. Выхватив из воздуха какую-то мошку он затолкал ее в ноздрю людоеда.

— Прямо как ребенок, — заметил Вилл.

— Знаю, знаю. Только что же мне делать? Как полноправный мастер Праведной и Почетной Гильдии Жуликов, Мошенников и Плуты, я несу определенные обязательства.

— Слушай, скажи мне одну вещь. Эта твоя гильдия — ты не являешься, случаем, ее основателем и единственным членом?

— Ну как же хорошо ты меня знаешь! — Рядом застыл богато одетый каменный тролль; Нат вытащил у него из кармана бумажник, задрал какой-то худре юбку и, весело фыркнув, засунул ей в чулок сотенную купюру. — Пусть поломают голову.

Затем он прошелся по улице, засовывая деньги в исподнее каждой сильфиды и гурии, попадавшейся на глаза. Когда бумажник опустел, он откинул его в сторону, и тот завис над мусорным баком, словно кожаная чайка.

— Слушай, — загорелся Вилл, — а ведь это же для нас прекрасная возможность. Чем растрачивать ее попусту, нам бы следовало выходить сейчас из банков с мешками золота. Ну, если хочешь, на благотворительность, но хоть сколько-то и для себя.

К его полному удивлению, Нат рассмеялся:

— Это не то, что делает настоящий мошенник. Не в его это духе. — Он понизил голос, словно сообщая что-то по секрету. — Нам нужно совсем не это.

— Так, значит, у нас есть какая-то цель.

— Абсолютно верно. Мы как взбивалка, взбивающая мир, без нас бы он застоялся и прокис. Каждая жизнь, которой мы сегодня коснулись, стала богаче и страньше.

— А вот этот кент, чьим бумажником ты распорядился, уж он-то точно не стал богаче.

— Думаешь? Нет, бесконечно богаче! Он застрял в колее и даже сам того не замечал. Он жил, засунув голову в этот несчастный бумажник, и был абсолютно слеп к чудесам мира. Сперва он будет убиваться по пропавшим деньгам, но уже вечером начнет размышлять, каким же он был идиотом, а утром будет наново переосмысливать жизнь.

— А эти юные особы?

— Когда девица находит у себя в трусах неизвестно откуда взявшуюся сотню, это для нее тревожный сигнал, и реакция ее очевидна — твердое волевое решение, что с этой разгульной жизнью надо кончать.

— А если она вполне добронравна? Если она не ведет никакой такой разгульной жизни?

— Тогда она может ее начать! — (Мимо прорычала полицейская машина, мучительно пробиравшаяся сквозь частокол застывшего уличного движения.) — Не мне увеличивать или уменьшать в нашем мире суммарное количество добродетели или порока — я могу лишь тормозить его, чтобы не залежался. Чтобы все мы не сдохли от тоскливой предсказуемости.

Город, до того молчавший, начинал шевелиться. Где-то выли сирены. Проскакал галопом улан в биозащитном скафандре. Но все это были лишь малые отклонения от всеобщего мертвого покоя.

— Почти дошли, — весело сообщил Нат.

На их пути строем стояли чучела с облитыми бензином и подожженными головами, оранжевые языки пламени светились, но

сохраняли полную неподвижность. Приподняв желтую полицейскую ленточку, тянувшуюся от чучела к чучелу, Нат поднырнул под нее сам и пропустил Вилла. Затем они свернули за угол.

— Да это же наша улица! — обрадовался Вилл. — А это наш дом!

— Делай что-нибудь, — прорычал Нат. — Веди себя так, словно ты один из них.

Здесь были сотни спасателей, полицейских и политических функционеров, и все они увлеченно соревновались за главенство в ситуации, когда настоящей осмысленной работы было разве что на десятую их часть. Нат с Виллом пробирались между автомобилями с символикой дюжины военных и полувоенных организаций и отчаянно мигающими мигалками. На мостовой змеились пожарные шланги. За всем происходящим мрачно наблюдали спецназовцы в увешанных амулетами шинелях. Рядом с домом стояли цепочкой эльфийские маги, настолько дряхлые, что их еще столетия назад полагалось бы объявить юридически мертвыми. Это они своими воздетыми жезлами поддерживали общегородской стасис. Из дома и обратно циркулировали полицейские; в коробках, которые они таскали, могло уместиться не только все хозяйство Ната, Эсме и Вилла, но и вещи доброй половины их соседей.

— Похоже, они тут заканчивают, — заметил Нат. Он наклонился, так что их шлемы почти что соприкасались, и сопровождал разговор короткими резкими жестами, словно отдавая какие-то указания. — Все это, собственно, небольшая вылазка в стан противника, чтобы посмотреть заглоти ли он наживку. Так что молчи как рыба, о'кей? Говори, только если к тебе обратятся.

— У тебя что, совсем крыша съехала? Это же полный бред. Во что ты меня втянул?

— Успокойся, все происходит строго по графику. Этого следовало ожидать. Возвращение царя — дело серьезное. Весь этот шухер был легкопредсказуем. — Нат говорил в своей всегдашней уверенной манере. — Идет большая игра, мальчик. Это как Эзопова крапива. Подойди к ней с опаской, возьми ее осторожно, и она обожжет как огонь. Но схвати ее смело, по-мужски, и она будет нежной как шелк. А еще не забывай, что никто из них не знает, как мы с тобой выйдем.

У Вилла были большие сомнения насчет такой крапивохватательной стратегии — понимать ее буквально или метафорически, — но он предпочел промолчать. Они влезли во все это слишком глубоко, чтобы заниматься софизмами.

— Они уже снимают с этого района охрану, — заметил Нат.

Аварийки начинали потихоньку отъезжать, полицейские тушили и снимали чучела. Оставались только главные участники операции, хотевшие видеть все до конца.

— Я никого здесь не знаю, — отметил Нат. — А ты, ты кого-нибудь знаешь?

— Вообще-то да. Вот эта, с яркой помадой и в героической позе. — Вилл указал подбородком. — Это Зоря Вечерняя. Она занимает в политической полиции далеко не последнее место, во всяком случае, мне так кажется.

— Вот же черт. У меня ведь список задержаний и судимостей длиною с член Короля-рыбака, она может меня и узнать. — Нат уставился в землю, нахмурился и пробормотал: — Слушай, детка, я в тебе нуждаюсь. Ты разбираешься в женщинах лучше, чем я. Взгляни на эту особу и скажи, как она тебе кажется.

— Че-го?

— Да не ты, — раздраженно отмахнулся Нат. — Да, я тоже так думаю. Хочешь принять бразды правления?

— Чего это ты такое несешь?

— Мне, мальчонка, нужно ненадолго отойти в сторону. Тут есть некая личность, с которой мне хотелось бы тебя познакомить. Говори этой личности все как на духу. Доверяй ей точно так же, как ты доверяешь мне.

— Уж тебе-то я совсем не доверяю.

Вилл шел следом за Натом к витрине углового храма, содержавшегося Культом Плотской Любви.

— Остряк-самоучка.

Они вошли в храм. То, что было внутри него, напоминало демонстрационный стенд разновидностей поклонения, практикуемых этим культом: флагелланты с кнутами, которые критическими

арабесками извивались над их согбенными спинами, самонаслаждатели, стоявшие кружком вокруг алтаря с закинутыми в экстазе головами, и, наконец, девственная жертва, привязанная к алтарю и совсем уже готовая принять грозное орудие кары, принадлежавшее, естественно, жрецу.

— А теперь гляди в оба, — сказал Нат, — это мой лучший трюк.

Он медленно, постепенно согнулся пополам. С минуту елозил и корчился внутри скафандра, словно тело его меняло форму. И наконец распрямился. За щитком шлема было совсем другое лицо.

— Так ты и есть тот самый мальчонка. Я много о тебе наслышана.

Незнакомка сверкнула сардонической улыбкой. Это была одна из тех женщин, которые кажутся в первый момент прекрасными, затем ты замечаешь их возраст, а затем они снова прекрасны. Ее ярко-рыжие волосы были коротко подстрижены, черты лица резкие и восточного типа.

— Я старая напарница Томба, — продолжила она и добавила, заметив, что Вилл не реагирует: — Святой Иоанн Злокозня? Мулла Насреддин? Том Никто? Лиана Странник? Нат Уилк? Ты скажи, когда будет горячо.

— Кто ты такая? — спросил Вилл. — И кто ты Нату?

— Он тебе что, ничего про меня не рассказывал? Вот же поганец. Он еще за это поплатится. — Она протянула руку для пожатия. — Я Лизетта иль Вольпоне Шахерезада Джонс. Только не зови меня Лиззи. Я партнерша Ната.

— Ты лисица, — догадался Вилл^[60]. — Та, что спасла его в «Цепкой трясине».

— Так он рассказывал тебе про меня. Вот ублюдок. Я же говорила ему, что не надо.

— Так ты, э-э... разделяешь с Натом его тело? — Вилл густо покраснел. — Я в смысле, что...

— Быстро соображаешь. Я поймала прямо сюда... — она постучала себя по груди, — заряд картечи, который изрубил мое сердце в фарш, так что пришлось лечь на дно и ждать, пока заживет; и продолжалась эта тощища несколько месяцев. Не будем вдаваться в

подробности. Они малость интимного свойства. Введи-ка меня быстренько в курс. Чем занимался Нат в мое отсутствие?

Вилл изложил ей краткую версию событий. Как они встретились в лагере «Оберон» и вместе доехали до Вавилона. Как Нат спас его от политической полиции, но зато потом из-за своего наплевательского отношения ко всем официальным документам поставил в положение нелегала. Ну и как они теперь на пару работают по исчезнувшему принцу.

— Да уж, наслышана, — усмехнулась лисица. — Один из столь любимых Натом переусложненных планов. Классические схемы работают лучше всего тогда, когда осуществляются без всяких затей. Но он же, видите ли, *артист*, ему так и чешется все переделать. Дай ему карманные часы, и он тут же их разберет, чтобы посмотреть, а нельзя ли туда добавить еще два-три колесика, а может, и кусок сливочного масла. Слушай, давай устроим этим ребятам маленькое чудо, — сказала она, подойдя к алтарю, а затем зачернила палец в благовонно-угольном порошке из еще не подожженной курильницы, начертала на животе жертвы руны девственности и сильно прихлопнула ладонями готовое к бою оружие жреца.

— Зачем ты все это? — спросил Вилл, выходя вслед за нею из здания.

— Член у жреца сразу обвиснет, он заорет благим матом, и жертвоприношение станет невозможным сразу по нескольким причинам. — Лисица коротко хохотнула. — Я только что создала этому культу его первую святую девственницу.

— Вы с Натом два сапога пара.

— Я воспринимаю твои слова как комплимент. Со мной согласились бы далеко не все.

Они вернулись на прежнее место, где стояли раньше Нат и Вилл. Прозвучал удар гонга, маги опустили жезлы. Время вернулось в свои права.

Вилл и лисица сняли шлемы, сняли перчатки, закурили и стали ждать, когда же Зоря Вечерняя закончит свой бесконечный разговор с кем-то из тилвит-тег. Маги расселись по ожидавшим их лимузинам и куда-то уехали. А вскоре прибежала Эсме.

— Дядя Вилл! Это кто, моя тетя Лиска?

— Да, моя милая, я она и есть. — Лисица подхватила ее, взяла за ноги и поболтала вниз головой, пока Эсме не стала захлебываться от хохота. — Деда говорил тебе, что я приду, да? — Она опустила Эсме на землю и сразу посерьезнела. — Нам нужно тут поосторожнее — у меня нет такого везения, как у Ната.

— Так это потому ему сходит с рук вся эта хрень, какую он вытворяет? Это что, сплошное везение?

— Да, но очень странное везение. Не хорошее, не плохое, а просто странное. Наверное, у Ната это от тебя, как ты думаешь, бабуленька?

— Наверное, — пожала плечами Эсме.

— Подожди. Эсме, она что, действительно его бабушка?

— А почему, ты думаешь, он попал в этот лагерь? У него было предчувствие, что мать его скоро умрет, и он захотел с ней повидаться. — Лисица извлекла из уха Эсме пятидолларовую бумажку и шлепнула ее по задку. — Сбегай и купи себе мороженое, а поиграем мы чуть позже. — Она снова взглянула на улицу. — Ну вот, расходятся наконец. Что там написано на спине моего скафандра?

— «АТО».

Задумчивая и мрачная, Зоря Вечерняя медленно шла по тротуару. Она подошла ко входу в проулок в тот момент, когда лисица только что содрала с себя скафандр, почти, но все-таки не совсем продемонстрировав больше голого тела, чем то позволяют приличия. Вилл избавился от своего скафандра более осторожным образом.

Лисица сунула скомканный скафандр прямо в руки полицейской.

— Привет, красотка. Будь ласка, поддержи это секунду.

— Я с тобою знакома? — Тон Зори Вечерней ясно говорил, что нет.

— Ким Фрейдисдоттир, «Алхимия, табак и огнестрельное оружие»^[61]. А это, — она, не глядя, ткнула большим пальцем в сторону Вилла, — Дан Пикаро^[62], мой стажер. Сегодня твой счастливый день.

Полицейская мельком взглянула на Вилла и снова уставилась на лисицу.

— Действительно?

— Да уж точно. Ты встретила меня, а я такая баба, каких ты прежде никогда не встречала.

— И что же в тебе такого необычного?

— Я веду абсолютно зачарованную жизнь. Столько лет в АТО, и меня ни разу не подстрелили. Ни разу не околдовали. Я ни разу не имела любовных трагедий.

— О? — заинтересовалась Зоря Вечерняя. Ее рот расцвел маленькой жесткой улыбкой. — Давай-ка я тебе поставлю.

Изнутри бар «Ле Вин» был оформлен под джунгли. Он густо зарос лианами, среди которых извивались зеленые и желтые змеи. Предупредительно раздвигая листву, сатир провел их к засыпанному орхидеями столику, стоявшему рядом с темным, мрачным омутом, из глубины которого глядели мертвенно-бледные лица.

— «Буддлс-мартини», очень сухой, со льдом и цедрой, — заказала Зоря Вечерняя.

— Я возьму «Кровавую Мэри», — сказала лисица — А стажеру ничего, он при исполнении.

— Хотите, чтобы я утопил в вашем стакане мышь? — почтительно изогнулся сатир.

— А что, давай.

Когда сатир принес стаканы и удалился, лисица сделала обстоятельный глоток и начала разговор:

— Вот. Так вы там думаете, что этот парень действительно ублюдочный сынок Его Отсутствующего Величества?

— В точности мы ничего не знаем — и не узнаем, пока не найдем его. Но ничто из известного в этот момент не противоречит такой возможности. Похоже, что он просто лопушок, попавший в дурную компанию. Тип, у которого он живет, — это мелкий преступник с таким арсеналом кличек, что вряд ли и сам он знает свое настоящее имя. Что отчасти объясняет, почему объект все время, на хрен, ускользает.

— Я тут разговаривала с парнем, который сказал, что вы его

повинтите буквально в три часа.

Зоря Вечерняя презрительно фыркнула.

Лисица выудила мышь из стакана, взяла ее за кончик хвоста и, закинув голову, отправила себе в рот; Зоря Вечерняя напряженно за ней наблюдала. Лисица, не разжевывая, проглотила добычу и вернулась к беседе.

— Ну и что же дальше?

— Дальше, — Зоря Вечерняя положила ладонь на запястье лисицы, — мы подали заявку на дополнительное финансирование, чтобы организовать поиски этого обалдую в двухгодичном прошлом и получить, таким образом, задел по времени.

— Дорогонько, — присвистнула лисица.

— Ты мне еще говоришь.

— Да и рискованно. А вдруг они его там убьют?

— Пока что этого не было, а значит, и дальше не будет. Нам просто хотелось получить в расследовании серьезный задел, и мы его получили. Ну почему, ты думаешь, мы так быстро к нему подобрались? — Зоря Вечерняя опрокинула в горло остаток мартини и крикнула: — Эй вы! Кого мне тут нужно освежевать, чтобы принесли несчастную выпивку?

С того времени, как Вилл стал работать с Натом, он только и делал, что не давал своему лицу ровно ничего выражать, и теперь эта долгая тренировка весьма пригодилась ему, чтобы скрыть свое потрясение. Так вот почему эти ведьмы набросились на рядовой, по сути, поезд, доставлявший в Вавилон перемещенных! Они искали его не потому, что он, сам того не зная, совершил какое-нибудь преступление, а потому, что считали его законным наследником Обсидианового Престола. Сразу получало объяснение и то, почему слух о возвращении наследника разлетелся так быстро и убедил столь многих. Почва для него готовилась добрых два года, и доверительные шепотки не могли не расползтись далеко за пределы правящей верхушки. Все начинало складываться в единую картину, приобретало осмысленный вид.

Он просто не знал, что об этом и думать.

— Слышь, слышь, ты ведь при следствии, так, может, поможешь

моему стажеру? — загорелась вдруг лисица. — Мальчонка ищет кой-кого.

— Да? А кого?

— Своего папашу. Только он о папаше почти ничего не знает. Даже имени не знает, а только то, что у того должен быть гиппогриф.

Зоря Вечерняя приняла из рук сатира новый стакан с мартини.

— Гиппогриф или симург? — повернулась она к Виллу.

— Гиппогриф.

— Чистых кровей или какая-нибудь помесь?

— С учетом личности владельца, наверное, чистокровный.

— Так значит, твой старик аристократ?

— Голубая кровь с малой капелькой красной, — вмешалась лисица; кровь смертных была красного цвета, потому что в ней содержалось железо. — Мы почти уверены, что денег у него более чем хватает.

— Тогда стоит подойти со стороны желудочных камней. У каждого серьезного грифера есть свой предпочтительный микс. Лунный камень, опалы, золотые самородки... Может, ты знаешь, что может любить этот всадник?

Изумруды, подумал Вилл. Под цвет ее глаз. Рубины под цвет ее волос. И это совершенно точно. Вслух же он сказал просто:

— Нет.

— Плохо. — Зоря Вечерняя снова повернулась к лисице. — Расскажи мне чуть побольше о себе.

— А рассказывать особенно и нечего. Я готова спать с кем угодно, если он, или она, или они думают, что способны разбить мое сердце. Потому что я точно знаю, что сделать это невозможно, и очень забавно смотреть, как они пытаются.

Глаза Зори Вечерней сузились.

— Я готова признать, что люблю трудные задачи. Хотя, говоря напрямую, ты не совсем мой обычный тип, и я не вполне уверена, что стоит тобою заняться.

— Да я же вижу, что ты меня хочешь, — пожала плечами

лисица. — Моя основная ориентация стандартная, но я готова попробовать все, что угодно, и пока что ни разу не испытала боль. Я имею в виду — душевную. И я, чтобы быть вполне откровенной, самый горячий номер, какой ты только видела.

Под столом она пнула Вилла в лодыжку.

Вилл поднял глаза и увидел, что обе женщины уперли в него одинаково холодные взгляды.

Побагровев от смущения, он встал, повернулся и вышел.

Карлики-ювелиры постоянно сидели, словно в пещерах, в своих мастерских, где в углах, подобно булыжникам, громоздились ящики и коробки, а ряды за рядами крошечных ящичков, напоминавшие слоистые скалы, таили в своих глубинах драгоценные камни, редкие минералы и волшебные кольца. Если вам потребуется меч Карла Великого, то после непременно стакана очень горячего переслащенного мятного чая из тени покажется подмастерье с длинным, завернутым в холст предметом, и на картонной бирке будут буквы, написанные четким каллиграфическим почерком и выцветшие от времени до почти неразличимого бурого цвета: «Joyeuse»^[63].

А вот фирма «Альбрехт и Тинг, Гастролитеры» была роскошна по любым, пусть и самым строгим меркам, и практически ничто в ней не указывало на расу владельцев (кроме, естественно, их имен). Обычно стулья у карликов стояли слишком маленькие и слишком низкие, чтобы удобно на них сидеть — сидеть кому-либо иному, кроме карликов, им-то они подходили прекрасно. Виллу было предложено кресло, ничуть не большее на вид, чем кресло Альбрехта, но притом удобное, и даже очень.

Альбрехт улыбнулся Виллу, словно давнему приятелю.

— Как тебе, конечно же, известно, — начал он в непринужденной манере тактичного знатока, который хочет и просветить дилетанта, и ничем его не обидеть, — желудочные камни, они же гастролиты, предназначены для того, чтобы разбивать в желудке животного твердые элементы пищи — зерна, семена и кусочки кости — на меньшие части, которые свободнее растворяются пищеварительными ферментами. Они лежат либо в мускульном, если таковой имеется, либо в истинном желудке. Просвет пилорического

сфинктера очень мал, что предохраняет гастролиты от выпадения. Но постепенно они истачиваются друг о друга, пока не становятся такими маленькими, что проходят через сфинктер вместе с переваренной пищей. Поэтому следует начинать с набора камней различных размеров, а затем регулярно его пополнять.

— Понятно.

— Наши камни изготавливаются с особым упором на их гастролитические свойства и проходят ручную огранку, делающую их одновременно привлекательными по внешнему виду и совершенно безопасными для животного. Вот, извольте попробовать.

Взяв пинцетом с подноса рубин, он протянул его Виллу. Как это принято у знатоков, Вилл покатал камень во рту. Рубин поворачивался на языке легко и свободно, его резко очерченные грани совершенно не царапали нёбо. Удовлетворенный ощущениями, он сплюнул камень в плевательницу, тактично поставленную чуть в стороне, словно нельзя было просто помыть и вернуть на место.

— Великолепно. Вы, конечно, можете представить рекомендации.

— Рекомендации?

Пожалуй, никогда еще абсолютное изумление не выражалось в столь сдержанной форме.

— Удовлетворенные клиенты. Из тех, я имею в виду, кто пользовался аналогичным подбором. Самый лучший отзыв заказчика смеси «бирюза — сапфир» не имеет ровно никакого значения. Ведь Шуйлер для меня куда больше чем просто призовой скакун, я не хочу ни малейшего риска.

— Хм, — сказал Альбрехт. — Посмотрим, что тут можно сделать. — И исчез в задней комнате.

Через несколько минут он вернулся с конвертом. Вилл открыл его и скользнул взглядом по списку из четырех имен, кивая на каждое — узнаю, мол. Первым шел Пиппин Друа-де-Сеньор^[64]. «Ну да, старина Стинки», — пробормотал Вилл. Второй была фата Мелюзина Санкюлот. Он слегка поджал губы и еле заметно покачал головой, словно говоря: а уж эта ничего мне не скажет, у нее на меня давний зуб, хотя когда-то мы... эх, да что там. Третьим был Эльрик фон Фенрис^[65]. Вилл негромко хмыкнул и перешел к четвертому имени:

Алкиона Л'Инконну.

Цепочка канцелярий Мэральности наматывалась на центральную вентиляционную шахту Вавилона сперва девятью витками вверх, а затем девятью витками вниз, так что она многократно самопересекалась, чем-то напоминая многоэтажный гараж. В результате каждый уровень имел два этажа, взаимопроникавших и пересекавшихся таким сложным образом, что, если учесть еще многие столетия перестроек и дробления на меньшие части, охранные заклинания и проклятия, наложенные неудачливыми искателями должностей, надежно гарантировало: отыскать дорогу в этом муравейнике могли только посвященные. Все остальные мгновенно в нем терялись и, чтобы дойти-таки до цели, должны были прибегать к помощи провожатых из местных.

Кабинет Алкионы располагался на третьем витке спирали, закрученной вверх. Вилл нанял в провожатые Грига, который, если верить его словам, первоначально пришел сюда получать лицензию на открытие собственного дела, но угробил все свое состояние в многолетних и в конечном итоге бесплодных попытках получить этот ничтожный документ и теперь никогда не покидал пределов здания, ел на приемах и презентациях, если таковые случались, и в каком-нибудь кафе для сотрудников, если нет, а спал в галерее для посетителей совещательного зала городского совета. Кузнечик-человечек был шустер и жизнерадостен, и Вилл по завершении пути дал ему сверх договоренного серебряный гривенник, а сам остался перед ничем не примечательной дверью с бронзовой табличкой.

308

А. Л'Инконну

Замдиректора

Знамена и приметы

Стучать Вилл не стал, а просто открыл дверь и вошел. Алкиона, сидевшая за письменным столом, подняла голову.

Несколько секунд они оба молчали.

— Вот, значит, и ты, — сказала наконец Алкиона. — Ну расскажи, расскажи мне, что этот незаконнорожденный принц, наследник Его Отсутствующего Величества, о котором все только и говорят, — это совсем не ты.

— Ну-у, в общем-то... и да и нет, если ты меня понимаешь. Можно, я сяду?

Алкиона молча, с леденящей любезностью кивнула в сторону стула.

— Какое-то время назад работа приводила меня в это здание по два-три раза в неделю, — отметил Вилл, обводя помещение задумчивым взглядом.

Хорошая мебель, но очень уж мрачный вид из окон — они выходили на вентиляционную шахту Отдела возмездия за противоправную деятельность, куда регулярно выставлялись головы злодеев, недостаточно отъявленных, чтобы заслужить головам этим место на городских воротах, и они торчали там на шипах, приделанных к подоконникам, как сыры в продовольственном магазине.

— Вот уж не думал, что вы тут так близко, — сказал он.

— А почему это имеет для тебя значение?

Ее манера была чисто деловой, без малейшего намека на игривость.

— Ты знаешь почему. Если хочешь, я скажу это вслух.

— В этом нет необходимости. — Алкиона взяла с подноса для входящих пачку бумаг и уронила ее на прежнее место. — Две недели назад был дождь из змей. Позавчера в Адской Кухне родился теленок с тремя головами. Не далее чем прошлой ночью по небу с визгом пронеслась кроваво-красная комета. Без всякой видимой причины граждане вспыхивают и сгорают. Вода в самых обычных водопроводных кранах превращается в кровь. В кварталах Верхнего Вест-сайда раз за разом замечают татцлвурмов. Статуи плачут, свиньи летают. На Шестой авеню некий торговец пытается раздать все свои товары бесплатно. Никогда еще не было такого обилия дурных примет и предзнаменований, а к тому же на сов напал какой-то мор. Сонный омут, каким был недавно мой отдел, неожиданно стал одним из главных предметов начальственного внимания.

Насколько я понимаю, все это твоя работа. А зачем, ради чего?

— Видимо, ради богатства.

— Но ты же не сможешь им попользоваться, просто не доживешь! — Алкиона яростно хлопнула ладонью по столу и встала. — Все твои амбиции — чистое идиотство, уважаемый мастер Ле Фей. Мне уже доводилось видеть смерть, ожидающую тех, кто из самых различных побуждений был столь амбициозен, что пытался занять Обсидиановый Престол, и могу тебя заверить: эта смерть весьма неприятна.

— Прошу тебя, — Вилл говорил негромко и без нажима, — не пользуйся этим именем. У меня есть причины предполагать, что оно скомпрометировано. А если говорить об Обсидиановом Престоле, я не планирую заходить так далеко.

— Какой же тогда смысл во всех этих хитрых интригах?

— Ну как это лучше тебе объяснить? — Вилл ненадолго задумался. — Давай я расскажу одну историю.

Ворон гулял, просто гулял (начал Вилл). Он не искал себе на голову приключений, но и не старался их избежать. Такой уж он был мужик.

Так вот. Он подошел к дому Скорпиона, и Скорпион пригласил его зайти. Скорпион налил ему выпить.

— Ты останешься поужинать?

— Да, так я и сделаю.

Скорпион достал столовое серебро и свой лучший фарфор и приготовил Ворону прекрасный ужин. Затем он спросил:

— Выпьешь чашечку кофе? И как насчет покурить?

— О, мне очень нравятся оба твоих предложения, а еще я останусь переночевать.

Скорпион достал свой самовар и сварил в нем «Блю маунтин», а затем дал Ворону кальян и турецкий табак. Он показал гостю все комнаты своего дома, кроме одной. Окончив осмотр, Ворон сказал:

— Я слышал, у тебя есть комната, полная сокровищ. Это все

говорят.

— Да нет там ничего особенного, — сказал Скорпион, но все же показал эту комнату Ворону.

Комната была битком набита золотом, серебром и драгоценными камнями. Однако Скорпион был прав — там не было ничего особенного. Самое обычное сокровище.

Обычное или необычное, но глаза Ворона заблестели от жадности.

— Великолепное сокровище, — сказал Ворон. — Только я не думаю, что тут оно находится в безопасности. Кто-нибудь может залезть ночью в окно и все украсть.

— Я как-то об этом не думал, — сказал Скорпион; дело было давно, и все вели себя куда приличней. — Неужели такое и вправду бывает?

— Еще как бывает. Думаю, я лягу сегодня спать рядом с твоим сокровищем, чтобы сторожить его от воров.

Но сколь бы наивны ни были те времена, о Вороне и его замашках ходили очень нехорошие слухи. Поэтому Скорпион ответил:

— Нет, нет и нет. Нельзя взваливать на гостя столь недостойную работу. Ты будешь спать сегодня в моей собственной кровати, на шелковых простынях и под ирландской кружевной накидкой. А сокровища я уж сам посторожу.

Так они и сделали.

Скорпион прошел в комнату, где хранилось сокровище, запер дверь, свалил все сокровища в кучу и лег на эту кучу, растопырив клешни и подняв готовое для удара жало. Всю эту ночь он беспокоился, какие хитроумные трюки может придумать Ворон, и не сомкнул глаз ни на секунду.

Утром Скорпион вышел из комнаты с сокровищем и обнаружил, что Ворона нет. И что вместе с ним исчезли постельные принадлежности, столовое серебро, фарфоровые тарелки, самовар и кальян.

Вилл развел руками — рассказ, мол, окончен.

— Это все.

— Так в чем же смысл этой аллегории? — спросила Алкиона после короткой напряженной паузы.

— Ну... У меня есть партнер. Пока меня готовят к коронации, он организует продажу титулов и должностей всем падким на такой товар по ценам, едва достаточным, чтобы не вызвать недоверия. Те, кто заподозрит меня в жульничестве — а таковых будет предостаточно, — не решатся его арестовывать, ведь иначе я сразу пойму, что за мною следят. К тому же меня поселят во Дворце Листьев, а уж там-то сокровища самые что ни на есть особенные. Ловкий человек может рассовать там по карманам столько, что станет богачом по гроб своей жизни. Поэтому противники будут ставить мне ловушки, начиненные такими чудесами, что искушению не смог бы противостоять ни один порядочный взломщик. Но пока они сторожат свои поблескушки и побрякушки, я смоюсь из города. Мои доходы будут относительно скромными, но я сохраню жизнь, а это тоже чего-то да стоит.

Алкиона нахмурилась и сжала пальцами переносицу, словно борясь с подступающей мигренью.

— Ну почему ты такой идиот? Почему изо всех обитателей Вавилона ты должен был рассказать все это именно мне? Я сотрудница администрации Его Отсутствующего Величества. Я — Леди Мэральности и наследница по женской линии рода Л'Инконну. В будущем, когда брат мой займется делами более серьезными, а так оно неизбежно и будет, мне обеспечено место в Лиосалфаре, а при определенной доле удачи я вырасту до членства в Совете Волхвов, даже не успев еще окончательно впасть в маразм. Я — все твои враги в одной упаковке.

— Нет. — Вилл встал и взял ее за руки. — Я тебе не верю. По пути сюда я задавался вопросом, какая часть моих к тебе чувств — это просто романтическая иллюзия, образ свободы, увиденный в тот момент, когда я только что вышел из-под земли, — и какая не более чем тяга к недостижимой авантюристке, встреченной мною на маскараде. Ты встретила меня ледяным холодом, без единого доброго слова, без единой улыбки. И все же я абсолютно уверен...

В дверь сунула голову молоденькая русалка:

— Алли, тут только что сообщили, что Запад пришел в

движение.

— Да, спасибо. — Алкиона слегка изменила позу, чтобы сотруднице не было видно, как она держится за руки с каким-то незнакомцем. — Так в чем же ты там уверен? — спросила она, когда дверь за русалкой закрылась.

— Я уверен, что...

В кабинет въехала муэра верхом на каком-то чиновнике, который шел, низко согнувшись и опираясь на две короткие палки, так что седло у него на спине держалось параллельно полу. На глазах у него были шоры, во рту — мундштук уздечки. Муэра — коза от талии вниз и девица сверху — была нагишом, если не считать татуировок, с волосами, дико всклокоченными и сплошь в колтунах, в знак преданного служения благу сограждан.

— Запад зашевелился! — воскликнула она.

— Да, да, я скоро этим займусь, — кивнула Алкиона и повернулась к Виллу. — Ты должен понять...

— Он зашевелился! Запад! Он пришел в движение!

— Благодарю тебя, глейстиг^[66].

Она отстранилась от Вилла в тот самый момент, когда в кабинет вошел черный карлик с корзиной живых куриц и сунул ей на подпись квитанцию безвозмездного изъятия. Из левой и правой стены почти одновременно вынырнули хайнты-посыльные и заговорили, перебивая друг друга. Вежливо постучав, но не дожидаясь ответа, в дверь вошел фоллет, он призывно махал пачкой принятых телефонограмм.

В дверь снова просунулась русалка:

— Алли, лорд начальник Главного финансового управления интересуется...

— Хватит!

Голова Алкионы окуталась голубоватым, нервно дрожащим сиянием, ветер, не коснувшийся в кабинете больше ничего, разметал ее волосы. В этот момент она была нестерпимо прекрасна и вызывала ужас.

— Закройте глаза, — сказала Алкиона.

Она хлопнула ладонями, и ударил оглушительный гром.

Они летели. Под ними ритмично покачивался мощный круп гиппогрифа, Вилл держался за талию Алкионы. За спиной Вилла к седлу была приторочена корзина с курицами. Они поднимались все выше, огибая Вавилон.

— Как ты это сделала? — спросил Вилл, задыхаясь от встречного ветра.

Алкиона оглянулась. Лицо у нее было сильное и суровое, лицо воительницы.

— Ты, маленький фей, играешь теперь в высшей лиге. Если тебе от этого несколько неуютно, может быть, самое время задуматься, разумно ли продолжать столь безрассудную аферу.

Мимо мелькали окна с бледными пятнами лиц. Дул сильный холодный ветер, грозивший вырвать Вилла из седла, бросить его вниз на камни, на верную смерть. Но рядом с любимой он об этом не думал, он просто был счастлив.

На вершине Вавилонской башни неровной зубчатой короной сидело кольцо небоскребов, названных по знаменитейшим священным вершинам мира: Килиманджаро, Олимп, Улуру, Синай, Маккинли, Тянь-Шань, Амнэ-Мачин, Аннапурна, Попокатепетль, Меру, Фудзи... По традиции высочайшему из них, какой бы небоскреб ни был высочайшим в данный конкретный момент, давалось название «Арарат», в честь горы, отдавшей свою каменную плоть на строительство Вавилона. И на самом верху этого мощнейшего и высочайшего здания был расположен Дворец Листьев. Усердно работая крыльями, гиппогриф летел прямо к нему.

— Куда это мы? — крикнул через свист ветра Вилл.

— Там увидишь.

Сам дворец, утопавший в буйно разросшихся садах и построенный в стиле Второй империи, представлял собой нечто вроде свадебного торта из белого сверкающего мрамора. Но стены крепости, служившей ему цоколем, были серыми и безликими и почти не имели окон. К этим стенам, выходившим на четыре стороны света, были прикованы кандалами четыре титана. Гог смотрел на север, Магог — на восток, Гогмагог — на юг, а четвертый гигант, не

имевший имени, — на запад. Это были Стражи Четырех Четвертей, которые всю Первую Эпоху держали на себе мир, но затем взбунтовались против наследников Мардука и были в наказание закованы в кандалы, а затем помещены сюда, где администрации Его Отсутствующего Величества было легче за ними присматривать — и где, при случае, она могла воспользоваться их провидческими способностями.

Гиппогриф приземлился на балкон настолько маленький, что издалека его попросту не было видно, и расположенный рядом с лицом западного титана. Голова титана была высотой в два роста Вилла, он словно не замечал их присутствия, а продолжал всматриваться в далекий горизонт.

— Дай мне курицу, — сказала Алкиона. — Достань из седельной сумки диктофон, проверь, чтобы на микрофоне был ветрозащитный экран, а затем проверь запись. Вся документация по этому делу должна быть очень четкая.

Вилл достал из корзины одну из куриц и передал ее Алкионе. Когда диктофон был проверен и запущен, Алкиона сказала:

— Сегодня день Кракена, вандемьер^[67], год Монолита, время, — она взглянула на часы, — приблизительно два тридцать дня.

Достав из поясной сумочки маленький серебряный серп, она отхватила курице голову и быстро повернула судорожно бьющуюся тушку таким образом, что брызги крови летели прямо на губы титана. Губы, похожие на два растрескавшихся выветренных камня, медленно раздвинулись. Серый, словно гранитный, язык высунулся и облизал их.

— А-ах, — вздохнул титан, — Давно, давно меня не кормили.

— Так покажи же тогда свою благодарность. Ты шевелился, наши наблюдатели отчетливо это видели. Что ты такое увидел, что тебя так встревожило?

Солнце померкло,
Земля тонет в море,
Срываются с неба
Светлые звезды,
Пламя бушует
Питателя жизни,

Жар нестерпимый
До неба доходит.

Титан умолк.

— Великолепно, — сказала Алкиона. — Услышав такое, наши будут просто в восторге.

— Это из «Мотсогнирсаги», одной из священных книг рода карликов, — сказал Вилл, нажав предварительно паузу, чтобы голос его не записался. — Впрочем, мне говорили, что никто из поверхностных никогда ее не читал.

— Ну что ж, верь не верь, но это куда более внятно, чем вся та чушь, с которой мы обычно имеем дело. Дай мне еще одну курицу. — Алкиона кивнула Виллу, чтобы он снова включил запись, и повторила ритуальное кровопускание. — Какую форму принимает эта угроза?

— *И другое знамение явилось на небе: вот большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим; хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю*^[68].

— Этого я не знаю, — заметил Вилл.

— Зато я знаю, — огрызнулась Алкиона, — и ничего хорошего это не сулит. Еще одну курицу! — Снова брызнула кровь. — Так это что же, будет война?

— *Я видел войну. Я видел войну на земле и на море. Я видел кровь, струящуюся из раненых. Я видел тела, валяющиеся в грязи. Я видел разрушенные города. Я видел голодающих детей. Я видел отчаяние матерей и жен...*^[69] В ответ я говорю: пусть они только попробуют^[70].

— Все веселее и веселее. Еще одну курицу!

— Это будет последняя.

— Ты просто пиши там и не мешайся, ладно? А что, эти беды совсем уже близко? — спросила Алкиона у титана. — Или ты видишь их в будущем?

— Куриная кровь очень жиденькая штука, — пророкотал титан.

— Вот уж не знала.

— Как же долго торчу я здесь и все сохну и сохну. Ну как же хочется чего-нибудь покрепче.

— Жизнь — штука тяжелая.

— Когда-то я извлекал кровь из миллионов таких, как ты. Толпы и толпы сходились ко мне на ладонь, а я давил их, как зерна граната, и выжимал из них сок. Я пил и пил, и даже того, что проливалось у меня мимо рта, хватило, чтобы сделать горы красными, а моря темными, как вино.

— Отвечай на мой долбаный вопрос. То, что ты видишь, оно уже близко? Или только когда-то будет?

Огромные каменные глаза медленно развернулись в орбитах и взглянули на Вилла с Алкионой. Затем с той же медлительностью они развернулись назад.

— Оно уже здесь.

Огромное каменное лицо вновь застыло в неподвижности.

Вилл выключил диктофон.

В приступе ярости Алкиона сшибла ногой с балкона куриные трупы и швырнула вслед за ними пустую корзину.

— Ну всегда, всегда одно и то же — высокопарные слова, которые ровно ничего не значат, и зловещие предупреждения об угрозах, неизвестно каких и неизвестно откуда! Теперь мне придется угробить добрых три дня, сочинять отчеты, из которых вроде бы получится, что мы тут что-то действительно узнали, а не плюхнулись мордой в лужу. Не знаю, почему бы нам просто не прикрыть нашу долбаную лавочку. — Она вспрыгнула в седло и протянула руку Виллу. — Залезай.

— Подожди — Вилл достал швейцарский армейский нож, резанул по своей левой ладони крестом и смочил брызнувшей кровью серые каменные губы. — Это не слишком много, — сказал он, — но ничего лучшего у меня нет, да и ты ничего лучшего быстро не добудешь.

Медленно, очень медленно губы всосались в рот — будь они из обычной плоти, это имело бы вполне определенный сладострастный оттенок — и столь же медленно вернулись в прежнее положение, уже

облизанные начисто.

— В тебе есть смертная кровь, — сказал титан.

— Я знаю. Но кормил я тебя совсем не ради этого.

— И темная сила. Ты считаешь, что обуздал ее, но это не так. Чудовище залегло в твоих потаенных глубинах и набирает силу.

— И не ради этого.

В огромных серых глазах появился злобный отблеск.

— Тогда спрашивай.

— Возможно, я хочу большего, чем мне положено, — начал Вилл, — но мне это ровно по хрену. Да мне и все ровно по хрену, кроме Алкионы. Смогу ли я ее завоевать? Может ли наша любовь быть долговечной? Сможем ли мы прожить вместе до конца наших дней? Это все, что мне хочется знать.

Губы титана слегка изогнулись, так что на каменном лице появилась откровенная издевка.

— Тебе нет нужды обращаться к оракулам, и без того понятно, что о браке леди из рода Л'Инконну и претендента на Обсидиановый Престол не может быть и речи. Особенно после того, как ты насмерть поссорился с ее братом. Но ты меня все же спросил, и таково мое предсказание. Если хочешь услышать больше, ты должен порезать себя еще раз, и поглубже.

Вилл дважды полоснул себя по руке и нагнулся, чтобы смочить своей кровью издевательски изогнутые губы.

— Я откажусь ото всех претензий на царский сан! Я буду ее альфонсом, ее никем не признанным рыцарем, ее тайным обожателем! Сможем ли тогда мы быть вместе?

— Нет. — Улыбка титана стала не только издевательской, но и жестокой. — Весь Вавилон вступит в заговор, чтобы не дать вам соединиться. Выдави из себя еще немного крови и спроси, есть ли для тебя хоть какая-то надежда в этом огромном мире.

Рука Вилла и так уже была сплошь изрезана, но он полоснул себя еще раз.

— Где угодно, в любом месте мира! — крикнул он. — Предложи мне надежду. Хоть какую-нибудь! Любую, какую угодно!

Хохот титана был похож на раскаты грома.

— Ни в каком месте Фейри не найдете вы себе тихую гавань и ни в каком другом месте этого мира, и, проживи вы хоть сотню веков, ни в одном из сотен миров не будет вам ни минуты покоя.

Вилл поднял уже нож, чтобы резать себя еще раз, но Алкиона спрыгнула с гиппогрифа и ухватила его за руку.

— Прекрати! — крикнула она. — Ты что, собираешься тут истечь кровью только потому, что недоволен его ответами?

— Да! — яростно крикнул Вилл. — И повторил, уже тише: — Да. — А затем повторил еще раз, и в его голосе звучала горечь отчаяния. — Да.

Алкиона обняла его, и они мгновенно оказались в другом, не нашем мире.

Во дворце Л'Инконну было бессчетное множество комнат и залов. После занятий любовью на пышной кровати, столь манившей Вилла в ночь маскарада, они с Алкионой, рука в руке, пошли блуждать из комнаты в комнату. Без всякой цели, никуда не направляясь, они шли вдоль галереи с древними, в Атлантиде вытесанными колоннами, мимо эротического фриза работы Фидия, по мощенным нефритом и яшмой баням, украшавшим когда-то дворец пресвитера Иоанна, под рисунками, которые в незапамятные времена были нанесены на стены пещер руками самых первых ведьм. Казалось, сюда собрали добрую половину бесследно исчезнувших сокровищ мира. Иногда они останавливались для поцелуя, а потом как-то так выходило, что они ложились на ближайший диван, или на бильярдный стол, или даже на пол, а не понять сколько времени позже поднимались, приводили в порядок свою одежду и шли дальше. Они остановились рядом с мавританским фонтаном в крытом дворе, стрельчатые окна которого выходили с одной стороны на небо, а с другой стороны на город. В небе играли зарницы, где-то очень далеко улюлюкала сирена «скорой помощи». Алкиона поболтала в воде бассейна пальцем, брызнула каплями на Вилла и засмеялась.

— У тебя будут неприятности, если запоздаешь с подачей отчета? — спросил Вилл.

— Нет. Конечно будут. Да какая мне разница?

В какой-то момент между приступами любви она трижды хлопнула в ладони, призывая шакалоголового служку, который, равнодушно игнорируя как присутствие Вилла, так и наготу Алкионы, принял и быстро транскрибировал аудиозапись ее беседы с титаном для передачи в контору. Это ясно показывало, что, какие бы чувства она ни испытывала к Виллу, мысли о работе не покидали ее ни на минуту.

— Тогда скажи мне: зачем ты украла кольцо?

— А с чего бы тебя это вдруг взволновало?

— С того, что я хочу знать о тебе абсолютно все. Лишая брата его побрякушки, ты шла на огромный риск, и можно не сомневаться, что причины для этого были очень серьезными. Конечно же, они имели для тебя какое-то глубинное значение.

— Конечно же, были и, конечно же, имели. Но я не собираюсь о них говорить.

Вилл бросил ироничный взгляд на свою забинтованную руку и с той же иронией взглянул на Алкиону. Что должно было значить: *Посмотри, что я сделал ради тебя.*

Алкиона отвела глаза.

— Ты просишь слишком многого. Я... слушай!

Где-то внизу зазвонил колоссальный набатный колокол.

От его звуков, хоть и глухих, словно шли они из центра земли, содрогались устилавшие двор каменные плиты. Алкиона встала.

— На меня наложили вынуждение вернуться в Мэральность. Мне под силу сопротивляться зову служебного долга только минуту-другую, не больше. Но я оставлю вместо себя свою заместительницу, чтобы она помогла тебе уйти из дворца.

Во дворе потемнело, его стены тошнотворно перекосились, Алкиона рывком открыла двустворчатую дверь, которой прежде в стене вроде и не было. За дверью обнаружился неглубокий чулан, совершенно пустой, если не считать высокого, от пола до потолка, бронзового зеркала. Она протянула к зеркалу руки, и в ответ ее отражение протянуло руки к ней. Две девушки схватили друг друга за запястья и стали тянуть: Алкиона отраженную — к себе, а та ее — внутрь зеркала.

Алкиона зацепилась ногой и качнулась вперед. Ее лицо на мгновение утонуло в блестящей бронзе, разделявшей два мира, но затем она отпрянула, ухватила покрепче и вытащила свое отражение из зеркала во двор.

— Это — мой двойник, — пояснила она, — или, если хочешь, двойняшка. Вытащи его отсюда более-менее живым, — сказала она двойняшке, а затем повернулась и побежала в глубь зеркала, быстро тускнея и пропадая из виду; колокольный звон звучал все тише, а вскоре и вовсе заглох.

Вилл проводил Алкиону взглядом, а затем посмотрел на ее двойняшку. Они были совершенно одинаковые, вплоть до мельчайших подробностей.

— Наверное, мне это приснилось, — широко ухмыльнулся он.

— Лучше бы тебе не просыпаться, — отрезала двойняшка, — Может, она тебя и любит, но я-то уж точно нет.

— Так ты думаешь, она меня любит? — спросил Вилл, все еще продолжая ухмыляться.

— Если ее любовь столь же сильна, как мое нерасположение, то ты — наихудшее бедствие, свалившееся на нее за всю ее жизнь.

— Ты что, сбрендила?

— Позволь мне кое-что тебе объяснить. У этого нет никакого будущего. Единственное, что вас связывает, — это твой член, да и то весьма эпизодически. Ты молод и нахален, и наивно считаешь, что этого вполне достаточно. У тебя нет ни образования, ни социального положения, позволяющего вращаться в тех же, что и она, кругах. Твой жизненный опыт, твои взгляды и ценности просто несовместимы с опытом и взглядами Алкионы. Тебе не понравятся ее друзья. Ей не понравятся твои. Ты без гроша за душой, а она богата, а значит, со временем ты станешь паразитировать на ее богатстве. И даже произношение у тебя не такое, как надо.

— Препятствия для того и существуют, чтобы их преодолевать.

— Любовь преодолевает все. Да, конечно же, — закатила глаза двойняшка. — Эти высокородные эльфийские сучки — ущербные плоды инбридинга, они весьма аристократичны, солипсичны, подвержены приступам социопатии и внезапной беспричинной мстительности, то кровожадны, то сентиментальны, порою склонны к

инцесту и постоянно — к самоубийству, страстны по случайному капризу и безнадежно унылы по натуре, совершенно непредсказуемы... Я могу понять, что привлекает тебя в Алкионе. Но она-то, она-то что в тебе нашла?

— Я могу сделать ее счастливой.

— А с чего ты взял, что она хочет быть счастливой?

— Какая женщина станет обнажать свои груди перед незнакомцами, зная наверняка, что они ее захотят и будут бессильны в этом влечении? — спросил Вилл. — Какая женщина станет красть кольцо, которое она может позаимствовать, стоит ей только спросить? Какая женщина разденет своего воздыхателя догола и скинет его в залив Демонов, даже ни разу не попробовав? Будет страстно заниматься любовью, а затем бросит его на свою двойняшку, так ни слова и не сказав о своих чувствах? Нет, мне кажется, не та, которая ценит свою судьбу, а та, которая с нею борется.

— А что ты реально для нее сделал? Заставил ее прогулять работу, испортил ее отношения с начальником, сделал ее предметом офисных толков. Ты, — двойняшка ткнула его в грудь пальцем, ноготок которого оказался очень острым, — настоящий разрушитель карьеры, это-то ты понимаешь?

— Если присмотреться и немного подумать, — раздраженно заметил Вилл, — ты ничуть не похожа на Алкиону.

— Дурак! Я она и есть — во всем, что имеет значение. Я... Закрытые было двери чулана с зеркалом резко распахнулись, и из них вылетел мантикор.

— Госпожа! — завопил он. — У нас чрезвычайная ситуация. Там... — Он на мгновение замолк. — А, приветик, Аноикла. Да и этот, укравший кольцо, тоже с тобой. Похоже, у нас тут свидание старых друзей.

— Фокус, тварь ты кошмарная! — накинулась на него двойняшка. — Что это ты там болтаешь о какой-то чрезвычайной ситуации?

— Похоже, там кто-то очень сильный и сплошь окутанный пламенем хочет ворваться в наш дворец. Хротгар пока что его удерживает, но с очень большим трудом.

— Наверное, это Пылающий Улан, — вмешался Вилл. — Боюсь, он ищет меня, — Он знал, что должен бы воспринять эту новость со значительно большей тревогой, знал, но не мог. Просто такой уж была его жизнь, и он уже к ней привык.

— Я вижу, что это известие не очень тебя огорчило, — холодно заметила Аноикла. — А ты-то куда намылился? — Последние слова были обращены к мантикору, который явно хотел улизнуть.

— Я хочу сообщить Флориану, что этот парень здесь, — потупился мантикор. — Это, ну, вроде как мой служебный долг.

— А вот мой долг, как это ни неприятно, состоит в том, чтобы обеспечивать этому парню полную безопасность, — ответила двойняшка. — А уж потом ты дашь Флориану самый подробный отчет.

— Э-э... пожалуй, я все-таки сделаю это сейчас.

— Ты действительно хочешь ввязаться в свару между братцем и мной? Думаешь, это будет разумно? Ты искренне веришь, что это легче сойдет тебе с рук по той единственной причине, что я не прототип, а всего лишь копия?!

В знак покорности мантикор положил голову на передние лапы и приподнял зад над полом.

— Нет, — пробормотал он, пряча глаза. — Я, в общем-то, так не считаю.

— Разумное создание. *Niceums pussums*. А теперь тащи сего господинчика наружу! Залезай к нему на спину, — повернулась она к Виллу.

Вилл подчинился, хотя не был уверен ни в разумности, ни в безопасности такого поступка.

— А как я свяжусь теперь с Алкионой?

— Я передам ей вот это. — Двойняшка наклонилась и вырвала из его макушки волос. — Теперь она, если захочет, сама тебя найдет.

— Но...

— Быстро!

Мантикор вскочил на ноги, через мгновение они были в коридоре, а еще через мгновение уже длинными стелющимися

прыжками слетали по лестнице. Чудище взглянуло через плечо на Вилла и расплылось в широкой улыбке.

— Зуб даю, ты думал, что из-за этой клоунской маски я тебя не узнаю, — сказал он и улыбнулся еще шире. — Но я же помню твой запах. Тебе бы лучше отказаться от жареного — для здоровья вредно. — Расшвыривая лапами ковры, он обогнул угол. — Кстати сказать, спасибо за взятку. Она уже вся истрачена, и Флориан заставил меня обещать, что больше я от тебя брать не буду, но, пока деньги не кончились, было просто здорово.

— Берегись геенны огненной! — крикнул Вилл.

Они пролетели через кухню — повара изумленно вскидывали головы, а поварята вскакивали на столы, — перепрыгнули через жарящегося быка. Смазанным пятном мелькнул вестибюль, и они оказались на улице.

— Надеюсь, у тебя не было из-за меня слишком больших неприятностей, — сказал Вилл, отчаянно цепляясь за мантикорову гриву, а они уже взлетели на крышу едущего автобуса и тут же спрыгнули на тротуар на другой стороне улицы.

Полетела вверх тормашками тележка торговца хот-догами, брызнула по сторонам стайка крылатых школьниц, и они вылетели на Пятую авеню.

— Не-а. Он знал, нанимая меня, что получает.

Кошмарная поездка завершилась на Большом центральном вокзале. Толпы пассажиров осаждали скоростные подъемники верхнего и нижнего направлений, из чрева грузового лифта выезжали боевые колонны «мерседесов» и «БМВ». Вилл еще раньше решил, что лучше всего слезть здесь — в этом случае, когда мантикор отчитается перед Флорианом, он не даст тому ни малейшего намека, куда направился беглец.

— Ты уж прости меня за это беспокойство, — сказал Вилл, обретя наконец твердую почву под ногами. — А еще — извини за унижение, вынесенное тобою из-за меня. Я совсем не хотел, чтобы Алкионова двойняшка так с тобой обращалась, это же просто нехорошо.

— Да, — осклабился мантикор, — я бы тоже с радостью стал социалистом, но в этих местах деньги работают все-таки лучше.

И в один прыжок исчез из виду.

— По бабам бегаешь? — спросила у Вилла лисица, когда тот подсел в ее кабинку.

Она оккупировала дальний угол закуской и с помощью небольших взяток администрации, а также щедрых чаевых обслуживающему персоналу превратила его в нечто вроде штаба. В отличие от Ната она совсем не нуждалась, чтобы в мозговом центре ее операций подавали алкогольные напитки.

— Я был с Алкионой, — признался Вилл; лисица щелкнула пальцами, привлекая внимание официантки, и указала на Вилла, ундины понимающе кивнула и повернулась к кофейной машине. — Только я не совсем уверен в ее ко мне чувствах.

— Ах, молодость, молодость! — Лисица приняла от ундины чашку кофе и поставила ее перед Виллом. — Поверь мне, ты ей понравился. Меня наводит на такое заключение твоя неуверенная походка, характерная для мужиков, которые стерли себе член до крови.

— Лиззи, — возмутился Вилл, — у тебя потрясающая способность превращать любовь и романтику в...

— Давай не будем выносить опрометчивых суждений об интрижке, пока мы не знаем, что из нее получится в конечном итоге. Все разговоры о романтике можно вести только в прошедшем времени. Давай-ка лучше посмотрим, на что эта стервочка похожа.

Лисица вытряхнула солонку на столик, дунула и пробормотала заклинание. Крупички соли подергались, подергались и обрисовали вполне узнаваемый портрет Алкионы. Легкий пасс над соляным портретом, и он окрасился в естественные цвета.

— Да, — фыркнула лисица, — яблочко от яблони. Да еще и рыжая. Наверное, это должно мне льстить.

Но, видимо, отнюдь не льстило. И все равно, взглянув на портрет Алкионы, Вилл не сдержал улыбки.

— Она уже почти что сказала, что любит меня, — похвастался он.

— Ну и чему тут радоваться? Ты хоть понимаешь, что, когда это

дельце подойдет к своему славному концу, мы будем вынуждены смыться из Вавилона? Смыться налегке, со скоростью пороссячьего визга, и если рискнем когда-нибудь вернуться, то разве что через много лет.

— Да знаю я, знаю. — Вилл словно упал с небес на землю. Лисица взгляделась в его лицо, а потом взяла со столика сигареты и закурила.

— Ладно, хватит об этом. Слушай меня внимательно. Тебе не стоит слишком часто выставлять свое личико на публику, и вообще веди себя поосторожнее. Органы уже знают, как ты выглядишь. Они там раздобыли твой снимок.

— Да где же они его раздобыли?

— Где-где... На сковороде. Это я его им послала.

Ястреб стрелою промчался над улицей и спикировал прямо на Вилла. Вилл отпрянул, закрывая лицо руками, а ястреб в самый последний момент сложил крылья и отвернул в сторону, чуть задев Вилла за щеку. Из его когтей что-то выпало. Сотовый телефон.

Телефон настойчиво звенел.

— У нас тут с друзьями клубный междусобойчик, — сказала Алкиона. — Стой, где стоишь, и я тебя подхвачу.

Вилл отступил в дверной проем пустующего банковского здания, построенного в модном когда-то стиле ар-деко, и стал ждать. Вскоре рядом с ним остановился лимузин, длинный, как неудалая жизнь, и бледный, как привидение. Шустро выскочивший лакей распахнул заднюю дверцу.

— Залезай, — сказала Алкиона.

Вилл залез, и машина тронулась с места. Они с Алкионой надолго застыли в поцелуе.

— Нам бы с тобой не стоило показываться вместе на публике, — сказал он в тайной надежде, что она предложит перенести свидание в какое-нибудь укромное место. — Теперь они знают мое лицо.

— Тсс. У меня есть волшебный эликсир незаметности. — Алкиона провела его в лимузин поглубже — мимо зарослей тропических цветов и небольшого водопада — и откинула туалетный столик. Надев одноразовые пластиковые перчатки, она открыла какую-то баночку. — Снимай рубашку, и я намажу тебя этой заразой.

Четверть часа спустя на Вилла смотрел из зеркала незнакомый чернявый фей. Алкиона втерла краску ему в волосы, и они стали пронзительно синими.

— Ну вот, теперь любой, кто на тебя посмотрит, увидит платного кавалера и второй раз смотреть не будет.

— А куда мы едем?

— В свет. — Алкиона сделала легкое движение рукой, звякнул

серебряный колокольчик, и появился хайнт-камердинер со стопкой одежды. — Сними свое тряпье и оденься в это.

Не обращая внимания на хайнта, который стоял чуть в стороне, готовый к выполнению дальнейших приказаний, Вилл снял свои джинсы и натянул плотно сидевшие панталоны. Он давно уже понял, что главная черта высоких эльфов — это полное безразличие к тому, что могут увидеть или услышать существа низшего достоинства, а таковыми они считали практически всех. Носки подошли великолепно, туфли тоже. Алкиона не позаботилась снабдить его нижним бельем, так что пришлось уж обойтись. Зато она лично подала ему белую шелковую рубашку, а когда он ее надел, расстегнула три верхние пуговицы и отступила на шаг, любуясь результатом.

— Чистым ты мне очень нравишься.

— Ты бы утром на меня посмотрела.

— Унеси это и сожги, — сказала Алкиона, передавая хайнту старую Виллову одежду, и тот исчез так же беззвучно, как и появился.

— Я не могу не заметить у тебя того, что твой брат называл величайшим сокровищем рода Л'Инконну. — Вилл тронул гладкое простое кольцо с лунным камнем и улыбнулся. — Спроси, люблю ли я тебя.

— Нет, — отдернула руку Алкиона.

— Тогда скажи мне, что ты меня любишь.

— Для тебя, Вилл, я сделаю все, что угодно. — (От взгляда ее поразительных глаз у Вилла кружилась голова.) — Для тебя я готова сделать такое, от чего покраснела бы и людоедиха.

Если сердце Вилла не взмыло в небо, то лишь потому, что не имело крылышек.

— И все-таки, ты меня любишь?

— Я... — отвела глаза Алкиона, — я не решаюсь.

— Но ведь это же очень просто — три коротеньких слова. И ни одного свидетеля, который мог бы потом тебе их припомнить.

— Свяжи меня, если хочешь, и отхлещи кнутом как Сидорову

козу. Отдери меня в три дыры, помочись на меня, одень молочницей, делай со мной все, что угодно. Проси меня о чем угодно — кроме этого.

— Почему?

— Потому что я долбаная аристократка, вот почему! — (Лимузин мягко остановился.) — Мы обязаны там появиться. Это сбор фондов на переизбрание фаты Блоудьюведд, но я уверена, тебе там понравится.

На галерее мрачно дрались два карлика, рыжий и черный. Их тела взмокли от пота, их ножи опасно блестели в свете софитов. Их ноги взбивали опилки, обильно насыпанные на пол, чтобы впитывать кровь. Они были совершенно голые.

Друзья и подружки Алкионы наблюдали за этой сценой с крыши оранжереи, лениво потягивая из бокалов. Вблизи они были такими же высокими и блестящими, какими выглядят по телевизору. Мужчины стояли, засунув левую руку в карман панталонов, и позванивали монетами. Лица женщин весьма искусно изображали скуку.

— Приветик, Алли! Чего там новенького? — спросил мужчина, про которого Вилл уже знал от Алкионы, что это военный стратег лорд Веньянса; рядом с ним стояли лорды Ягервульф и Ласко, а также фаты Калдогатто, Мизерикордия и Элспет, поголовно имевшие высокое положение в самых ответственных ведомствах.

— Ты, конечно, слышал, что Запад зашевелился. Надвигаются глад, мор и разруха. А что еще нового? С момента, как пришло это известие, я головы не поднимаю от стола, всё бумажки, бумажки и бумажки. А что у тебя?

— Мятеж в Исе, мелкий и быстро подавленный. Война продолжается и, судя по всему, вознамерилась продолжаться вечно. А с кем это ты?

— Его зовут Тенали Раман. — (Взгляды эльфов небрежно скользнули по Виллу и покинули его навсегда — как и было намечено Алкионой.) — Я ему показываю виды.

— Никакие виды никого уже больше не волнуют, — надула губки фата Элспет. — Я торчу на этой вечеринке уже битых пятнадцать минут, и никто еще ни слова не сказал про мои сиськи.

— Если я начну восхвалять твои груди, Спет, мы застрянем здесь до утра, — чуть поклонился лорд Ласко.

Фата Элспет благодарно улыбнулась. Внизу, на галерее, черный карлик натужно крикнул, получив удар ножом в бок. Вспыхнули и тут же заглохли жидковатые аплодисменты.

— Выше головы, плечи расправить, сюда идет наша будущая леди мэ, — еле слышно пробормотал лорд Ягервульф. Воздух начал слегка потрескивать, в нем пахло озоном. Приближалась эльфийская леди, окутанная аурой тьмы, что делало ее чуть похожей на грозовую тучу. — Ловите момент.

— Ну скажите мне, что я не забыла конверт для фаты Блоудьюведд. — Фата Мизерикордия принялась суматошно копаться в сумочке. — О боги, ну так и есть! Нет, вот он!

— Постой пока здесь, Тенали, — сказала Алкиона. — Мы намерены сделать совершенно добровольные и абсолютно законные взносы здесь, в месте, никоим образом не связанном с государственным аппаратом, за которые мы не ожидаем никакого вознаграждения, ни в смысле административного веса, ни в смысле доступа к каким-либо официальным лицам. Это займет буквально пару минут.

Вилл проводил ее взглядом, чувствуя себя неуклюжим и каким-то неприкаянным. Затем он встряхнулся и пошел искать блюдо с креветками. По его наблюдениям, на таких приемах обязательно где-нибудь было огромное блюдо охлажденных креветок.

Некая женщина, одетая в слишком уж подчеркнуто высокоэльфийской манере, чтобы действительно принадлежать к высоким эльфам, преградила ему путь вытянутой ногой. На ней были сапоги на высоких каблуках и черные кожаные брюки. Ее красная виниловая полурасстегнутая куртка являла изумленному взору бюстье с умопомрачительным декольте. Этот делано низкопробный, полный самоиздевки вид неизбежно привлек бы Вилла (и, заставил бы его презирать себя за то, что клюнул), не будь он сегодня здесь с Алкионой.

— Привет, — сказала женщина. — Я — фата Джейн.

— А я так, никто. Ты не видела тут блюдо с креветками?

— Нет. А почему бы нам не пойти ко мне и не поискать его там?

— Хмм... Если я не ошибаюсь, мы с тобою только что друг друга увидели. Давай не будем торопить события.

— Вот именно это я и ищу. Кого-нибудь, кто умеет быть милым и никуда не спешить.

— Послушай. Не знаю уж, почему ты ведешь себя столь необычным образом, но я пришел сюда не один. Поэтому, чего бы ты там уж ни хотела, этого не будет.

— Но я тебе нравлюсь? И вообще, тебя привлекают девушки?

— Если честно, то нет, — соврал Вилл. — А потому спасибо за компанию, я пойду дальше.

— О'кей, только дай мне сделать последнюю попытку.

Фата Джейн наклонилась к его уху и еле слышно пропела припев «Баллады Обероновой жопы»:

Он пердолил ее так,
Пердолил сяк,
Он ее пердолил наперекосяк.
Он делал даже то, чего не делает никто...
Им было это в кайф — ну а мы-то что?

— Попробуй что-нибудь новенькое, *mon petit serin*^[71]. Расширь свой кругозор.

Улыбаясь, она пососала кончик тонкого, с ярко-красным маникюром пальца, а затем тронула им щеку Вилла. Его детородный орган мгновенно набряк, стал твердым как камень. Его лицо налилось кровью, он с трудом дышал, столь велико было физическое желание.

— Несмотря на всю твою грошовую магию, — процедил Вилл сквозь до боли сжатые зубы, — ничего у тебя не получится. Но я джентльмен и, уважая твой пол, просто откланяюсь и уйду.

— Нет? — Фата беззлобно улыбнулась. — Ладно, поищу кого-нибудь другого. Но не бойся, шер, ты навсегда мне запомнишься как Тот, Который Сорвался с Крючка.

Минуту спустя появилась Алкиона со всем своим кортежем.

— Пошли, — сказала она Виллу и продолжила, когда друзья их

уже не слышали: — Я видела, ты болтал с этой кошкой помоечной. Она что, тебя клеила?

— Нет, мы с ней просто трепались.

— Ну и слава богам. Фата Джейн имеет в наших кругах печальную известность. Никто из тех, кто с нею уходит, никогда потом не возвращается. Поневоле задумаешься, что же такое она с ними делает.

Сидевший сбоку от сцены пианист играл «Звездную пыль». Пианистом был тощий, как хворостинка, хайнт, рукава его рубашки были схвачены эластичными лентами, котелок был лихо сбит набекрень. Когда члены клуба начали заполнять зал и садиться за столики, он взял микрофон и заговорил тихим масляным голосом:

— *Bienvenido, señores y señoras, a Le Club Frottage. Heute abend haben wir eine Festlichkeit für Sie.* Спектакль, редчайшее шоу, бесподобная звезда. *Je vous presente — El Somnambula! Der Traumengeist! L'oneiroi des Reves!* Единственный и неповторимый Нанше!

Ударив руками по клавишам, он извлек из рояля тревожные, режущие ухо созвучия, и в тот же момент три какодемона с острыми, как иголки, зубами и шустрыми глазками выпихнули на сцену сонную, обвисшую фигуру, раза в два превышавшую их по росту. Это был грудастый, с округлыми женскими бедрами гермафродит в незастегнутом купальном халате.

— Смотрите, смотрите, — сказала фата Мизерикордия. — Это просто чудесное представление. Я хожу сюда каждый вечер.

Голова Нанше с множеством светлых тугих косичек безвольно болталась. Его тонкий, возмутительно розовый пенис вяло свисал из складок ее половых губ. Какодемоны утащили его халат и рассыпались по сторонам, оставив ее обнаженной в самом центре сцены под золотистым светом софитов. Пианист заиграл бетховенскую сонату для клавира № 14 до-диез минор, «Лунную сонату».

Первую минуту не происходило ничего. Затем какодемоны вернулись с тюбиком увлажняющего крема, выдавили в ладонь гермафродита довольно длинную колбаску и бросились наутек. Глаза

Нанше чуть приоткрылись, его рука медленно, с очевидным трудом поднялась к лицу, на котором постепенно, как на проявляемой фотографии, стало возникать удивленное выражение. Затем, столь же медленно, как и поднималась, рука опустилась и осторожно, любовно смазала половые органы.

Оно, апатичное и сонное, начало мастурбировать.

— Потанцуем? — спросил лорд Ласко.

Алкиона встала и протянула ему руку, другую пару образовали Калдогатто с Мизерикордией. Элспет потянула за руку Ягервулфа, и тот, хоть и неохотно, тоже пошел танцевать. Оставался один лорд Веньянса, буквально прилипший глазами к сцене.

Момент был очень удачный, лучшего, подумал Вилл, пожалуй, уже и не будет. Без труда изображая свой же собственный врожденный акцент, немного пугливо, как и должно тому, кто ни на секунду не забывает о своем низком положении, он обратился к эльфу-стратегу:

— Сэр? Не могли бы хоть вы объяснить мне одну вещь? Я всех уже спрашивал, но никто, похоже, не знает.

— Э? — повернулся лорд Веньянса.

— Почему идет эта война?

— Она идет потому, что я работаю не покладая рук, соединяя в единое целое миллиарды долларов и сотни тысяч солдат, для чего ко всему прочему требуются линии снабжения, растянутые на половину материка, и медицинский аппарат, которого хватило бы для средних размеров страны. Скажи спасибо, что эту ношу взвалили не на тебя.

— Нет, я в смысле, что ее вызвало?

— Что вызвало? Упрямство. Лень, жадность, неумение предвидеть последствия, плохая разведка, а значит, отсутствие информации, нежелание идти на компромиссы, граничащее с прямым нежеланием слушать доводы разума, раз за разом повторяющаяся недооценка ресурсов и морального духа предполагаемого противника, непомерная поспешность, с какой принималось решение прибегнуть к силе... и я думаю, наша страна тоже не совсем без греха.

— Но какая при этом ставится цель?

— Хмм. Ну, насколько я понимаю, Запад хочет, чтобы мы ушли с его территории. Чего мы, конечно, сделать не можем, иначе их армии перейдут нашу границу и будут нам мстить. Так что в конечном итоге у нас нет иного выхода, кроме как стремиться к полной, окончательной победе. Жаль только, что Его Отсутствующее Величество не исполняет своих обязанностей, что лишает нас наших сильнейших средств борьбы, а потому победа вряд ли наступит скоро.

— Но если у этой войны нет ни причины, ни цели, почему же нельзя просто взять и закончить ее?

— По той же причине, по какой нельзя остановить лавину. Такие вещи всегда идут своим естественным чередом. В любом случае, — по лицу Веньянсы скользнула бледная тень улыбки, — война необходима, чтобы максимально выявить все наши способности. Неужели я должен перемещать по миру танкеры с нефтью или спекулировать зерновыми фьючерсами? Это бескровная, постыдная игра.

— Так примените свои способности, чтобы закончить эту войну! Уж это-то никак не будет стыдным. Если вы...

Их прервало возвращение танцоров, походивших в этот момент на птиц, рассаживающихся по насестам. Они чирикали и щебетали, продолжая разговор, который, похоже, не имел начала и не грозил когда-нибудь кончиться.

— ...все труднее и труднее относиться серьезно.

— Да никто уже, милочка, серьезно и не относится. Во всяком случае, никто из тех, кто хоть что-нибудь значит.

— А как тебе слухи об этом наследнике престола? Интересно, кто это их распускает?

— Да никто их не распускает, они зарождаются сами по себе, как мыши в грязном белье. Будь тут какой-нибудь заговор, кто-нибудь из нашего круга непременно бы это знал.

— А может, он и знает, да только не говорит, — возразила фата Элспет, многозначительно скосившись на Алкиону.

— Ради всего святого, Элспет.

— Твой, э-э, друг, — заговорил лорд Веньянса, словно забыв, что

Вилл стоит рядом, — считает, что нам бы следовало использовать все свои возможности, дабы закончить войну.

— Никто не может исцелить от всех несчастий и бед мира, — сказала Мизерикордия. — Каждый из нас, да и любой другой, располагает лишь ограниченным запасом сил, времени и денег, да и попросту сострадания. Один лишь царь мог бы исцелить все и сразу — и молитесь Семерым, чтобы он никогда не вернулся и не сделал такую попытку!

— Но ведь все только и мечтают о возвращении царя, — вмешался ошарашенный Вилл.

— И все они идиоты. Ну какой, скажите мне, смысл вкладывать всю имеющуюся власть в руки личности, чьи моральные принципы и компетенция вызывают большие сомнения, чьи пристрастия весьма своеобразны, а темперамент никому не известен, лишь потому, что его отец был царем? Никакого, абсолютно никакого.

— Во всяком случае, он мог бы закончить войну.

— Да, но какой ценой? В представительной демократии, даже такой бездарной и коррумпированной, как наша, обеспечено участие всех социальных групп, и все они худо-бедно защищены. Неужели хоть кто-нибудь искренне верит, что какой-то там царь будет понимать интересы и нужды венчурного предпринимателя, кобольда или просто мелкого бизнесмена столь же хорошо, как они сами? Кошмары и жестокости тирании чаще коренятся в непонимании, чем в чьей-то там злокозненности. А если ты думаешь, что монархия менее склонна к зарубежным авантюрам, чем демократия, я бы тебе посоветовал перечитать Геродота.

— Тут хотя бы тот плюс, что одну личность можно призвать к ответу.

— Нет, одну личность можно убить, а отвечать все равно придется обществу.

— Да, но...

— Мы уходим, — решительно поднялась Алкиона, уже минуты две хмуро смотревшая на сцену.

— Уже? — удивилась фата Мизерекордия. — Ты уверена? А ведь если Нанше на тебя брызнет, это точно к удаче.

У выхода из зала краснокожий черт с коротенькими рожками и в смокинге чуть поклонился Алкионе и спросил:

— Мадам не понравилось наше представление?

— Понравилось, вполне понравилось, но мне хотелось бы что-нибудь более... гнусное. Отвратительное? Нет, гнусное, *c'est le seul mot just*^[72].

— А-а-а, высокородная светская леди желает что-нибудь низкое и противное. — Он задумчиво подергал себя за козлиную бородку. — Ну что ж. За тысячу долларов я могу предложить вам разлагающийся труп морского льва. За три тысячи... — Черт взглянул на пачку купюр, которую вложила ему в руку Алкиона, и глаза его расширились. — Пожалуй, я знаю, чего вы хотите.

Они проследовали за ним в дверь с табличкой «Служебное помещение», а затем сквозь целый муравейник каких-то коридоров и узеньких лестниц. Чем дальше они шли, тем более убогой становилась обстановка, тем облупленнее краска на стенах, тем хуже освещение. Виллу невольно вспоминались дни, когда он был Джеком Риддлом.

Они вышли из здания в грязный проулок, сплошь заставленный переполненными мусорными баками. В противоположной стене была синяя железная дверь с намалеванной по трафарету надписью:

ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН

— А что там? — спросил Вилл, когда черт достал связку ключей и начал отпирать дверь.

— Да все, что сэру угодно! — Голос черта так и сочился лакейской любезностью. — Все, чего вы больше всего боитесь, — зверства и бессмысленная жестокость, отчуждение и отчаяние. Очень тошнотворно, очень отвратительно, но при этом приятно, как освежающая встряска. — Он распахнул перед Виллом дверь. — Сюда, пожалуйста.

Темнота не позволяла толком рассмотреть, что находится внутри, однако там пахло железом и керосином, и Вилл успел заметить какое-то пламя. Его сердце сжалось от ужаса, но нельзя же было показывать Алкионе свою nepотpeбную трусость. Он сделал глубокий вдох и шагнул вперед.

— Нет, не ходи туда. — Алкиона захлопнула дверь перед самым его носом. — Ты же здесь только затем, чтобы меня поддержать. — Повернувшись к их любезному чичероне, она объяснила: — Это не имеет к нему ровно никакого отношения. А вот я хочу встретиться лицом к лицу с худшим своим страхом.

Виновато улыбнувшись, черт выбрал из связки другой ключ. Дверь открылась в совершенно другое место. Алкиона, не раздумывая, шагнула первой, следом за нею Вилл и черт. Дверь захлопнулась.

Вилл едва не задохнулся от вони кала, застоялой мочи и физического разложения, исходившей от больничной кровати, стоявшей посреди комнаты. Однако сама комната была вполне чистой и ухоженной, с обоями в мелкую синюю розочку и кружевными занавесками, настолько плотными, что сквозь них едва пробивался безрадостный серый свет. В головах кровати стояла тумбочка с букетом засохших цветов и хрустальной вазой пыльных восковых фруктов. В аквариуме, стоявшем в ногах, одинокая сиамская бойцовая рыбка накручивала вокруг керамического замка один медлительный круг за другим. Ритмично тикали стенные часы, их минутная стрелка ежесекундно подергивалась, не в силах сойти с места: без трех минут двенадцать.

На кровати лежала старуха. В первый момент Вилл ее не заметил, принял за тень или какую-то игру света. Затем маленький сдвиг восприятия ее проявил — прозрачную, как стакан с водой. Ремни вокруг груди и талии не давали ей свалиться с кровати. Ее раскрытый, с отвисшей челюстью рот застыл в мучительной гримасе.

— Кто это? — спросил Вилл.

— Моя тетя Анастасия.

— А что это с ней?

— Слишком раннее просветление.

Вопрос Алкиону явно удивил, теперь же она взялась рукою за порядком замызганный поручень и присела на край кровати.

— Тетушка, поговори со мной.

— Боги долин... не боги в горах, — еле слышно прошептала старуха.

— Что?

— Этан... Аллен^[73], он это сказал. — С каждым словом ее голос крепчал, хрустальная прозрачность ее тела чуть-чуть замутилась цветом. Раздалось сумбурное лопотанье на неизвестных прежде языках. — Кит — это млекопитающее, не имеющее задних конечностей. Мы все поем, но грязь гнусна. И тут из бурых львиных глаз золотые покатались слезы. Без сомнения, этот телефонный звонок должен был стать самым историческим из всех, когда-либо сделанных. Нет работы слишком грязной для долбучего ученого. Сказано Мильтоном Кьюье Данбаром Блейком Диксоном Берроузом. Также здесь находятся многоцветные сады Госпожи. Кто сказал это, никто не знает. Но не я.

— Тетя, ты несешь чепуху.

— Нет, Харди! Нет, Харди! Это очень интересный момент.

Алкиона взяла тетю Анастасию за руки, так что кольцо с лунным камнем прикоснулось к прозрачной коже хрупкой, немощной старухи.

— Вернись в этот мир, — сказала она. — Тетя, я нуждаюсь в твоём совете. Вернись в этот мир, ко мне.

— Мэри Маккарти^[74] сказала, что Венеция — это бессознательное мира, сокровищница скряги, охраняемая зверем с глазами из белого агата и святым, который является в действительности принцем, только что убившим дракона. Тебе не кажется, что она имела в виду Вавилон? Вавилон — это город ростом в целую милю, город света, большое яблоко и первейший свиной мир. Все дороги ведут к нему, и тот, кто устал от Мировой Башни, устал от жизни. Я так устала от Вавилона, я так мечтаю о дороге, ведущей куда-нибудь еще.

— Кончай свои цитаты и шарады, — жестко окоротила ее Алкиона. — Властью этого кольца, выкованного на континенте, которого больше уже нет, задолго до того, как поднялась Тысяча Племен, я повелеваю: проясни свой разум и говори со мной простыми словами.

Веки старухи слегка затрепетали и приподнялись; глаза, скрывавшиеся прежде под ними, обвели комнату взглядом.

— Ты привела меня в сознание? — Руки старухи бессильно

подергали сдерживавшие ее ремни. — Какая мерзость. Ты всегда была жестоким ребенком.

— Да, милая тетя. Боюсь, что так я и сделала. Но уж слишком велика моя нужда. Ты обладаешь информацией, которую я не могу получить ни от кого другого.

Глаза снова закрылись.

— Спрашивай.

— У тебя был любовник, — начала Алкиона. — Это был позор нашей семьи. Никто не хочет об этом рассказывать. Но я подслушала достаточно разговоров, чтобы понять: за десятилетия до того, как просветление тебя сломало, у тебя был любовник. Расскажи мне, как это было.

— Это очень длинная история, спроси меня что-нибудь покороче.

— Тетя, ты же знаешь, что я не могу.

— Ну хорошо, — смирилась Анастасия. — Я была очень рано развившимся ребенком, ну примерно как ты, моя милая. Как говорится, я научилась ходить раньше, чем научилась ползать, и я левитировала еще в том возрасте, когда не умела толком стоять. Все места были для меня одинаковы, и если хоть что-то привязывало меня к какому-нибудь из них, то лишь капризное желание находиться скорее там, чем где-нибудь еще. К семи годам я читала мысли всех моих близких так же легко, как свои. Да-да, моя сладкая, знаю, ты могла это еще раньше, но только кто сейчас рассказывает, ты или я?

— Прости, пожалуйста.

— Опекуны решили смирить мою натуру холодными обливаниями и телесными наказаниями. Но до столь высокородной соплюхи никто и пальцем не смел дотронуться, поэтому заодно мне назначили мальчика для битья. Ходж был самым заурядным феем, вроде этого твоего друга. Однако, как и твой друг, он был симпатичным созданием. Мальчик для битья и должен быть привлекательным, он должен быть таким, с кем легко подружиться, иначе наказывать его будет просто бессмысленно... И вот мы росли с ним вместе. На беду Ходжа, я была отчаянной хулиганкой и ничего не могла с собой поделатъ, поэтому его секли едва ли не каждый день. Стыдясь за свою перед ним вину, я после таких порок смеялась

над ним — и слизывала слезы с его лица. Нужно ли говорить, что он меня любил? Конечно любил, иначе и быть не могло. Но только и я, от которой такого ну никак нельзя было ожидать, я тоже в него влюбилась.

— А что в этом странного? — удивился Вилл.

Левый глаз старухи открылся, медленно повернулся в глазнице и взглянул прямо на него. Через несколько секунд то же самое сделал и правый.

— Мы, высокие эльфы, подобны пузырькам в едва закипающей воде, которые, поднимаясь, растворяются, не дойдя до поверхности. Наша сила духовна по сути своей; чем больше она крепнет, тем слабее становится наша связь с этим миром. А потому мы заводим любовные связи, суем свой нос в чужие дела и лезем в управление государством. Секс, сплетни и бюрократия суть три великие силы, которые только и держат нас в мире.

— Я знал одну личность, которая, если верить ее словам, отсрочила свое полное растворение предательством и кровавыми авантюрами, — сказал Вилл.

Левый глаз уплыл куда-то в сторону, правый — все так же смотрел на него.

— Это рассказал тебе какой-то мужчина, да к тому же престарелый, иначе он не забыл бы подкинуть для комплекта и секс. Но отвечая на твой вопрос: главная беда с любовью состоит в том, что она зачастую делает тебя счастливой. Чистое, незамутненное счастье. Сколько дней его может выдержать такая как я или Алкиона, прежде чем оно нас уничтожит?

— Двадцать семь, — негромко сказала Алкиона.

— Да, приблизительно так. И как же быстро пролетают дни, когда ты любишь. Ты быстро теряешь им счет. Так что учти, юный романтик, что, свяжись ты с нашей маленькой Алли, не позже чем через месяц она станет такой же, как я сейчас.

— Но ведь ты-то жила со своим любовником, — напомнила Алкиона. — Значит, нашелся какой-то способ.

— Да, и для этого потребовалась вся моя хитрость. Я упорно старалась не быть счастливой. Я была крайне жестока со своим Ходжем и всячески подбивала его быть жестоким со мной. Мы все

время ругались и доходили даже до драки. И каждый раз, когда ко мне приближалась опасность сделаться абсолютно счастливой, я безжалостно секла его, секла до крови... Вот так и продолжалось одно ужасное десятилетие за другим. Но, как и бывает со всем, чем пытаются заменить секс, со временем наказания эротизировались. Боль стала прямым выражением моей к нему страсти. Он это понял и стал подбивать меня применять в наказании все больше и больше усилий. Пока не пришел день, когда мое наслаждение его муками стало настолько совершенным, что я не смогла остановиться и забила его до смерти.

Вилл вскрикнул от ужаса.

— Совершенство — это смерть, — продолжила Анастасия. — Мир несовершенен, но будь иначе, кто бы его любил? — Ее веки сомкнулись и застыли, бледные, как выцветшая бумага. — Сколько я понимаю, тема нашей беседы исчерпана. Позволь мне вернуться к манящему меня забвению.

— Да, моя милая. — Голос Алкионы был почти не слышен. — Прости, что я тебя побеспокоила.

— Песок утекает из этих проклятых часов... — пробормотала Анастасия. — Если ты успеешь хотя бы чихнуть в этом проклятом материальном мире, то считай, что тебе крупно повезло. Сэлинджер^[75].

Выходя из двери, Вилл оглянулся и увидел на больничной кровати не бледную старуху, а ослепительный сгусток света.

— А ты веришь тому, что говорят про Нанше? — спросила минут через пять Алкиона.

— А что там про это чудище говорят?

— Что он-и-она — это душа — Ка — Вавилона. Что этот наш мир есть не что иное, как его-или-ее сон, в котором мы живем, и любим, и сражаемся, и к чему-то стремимся, самонадеянно считая себя центрами вселенной. Но придет день, когда Нанше проснется, и все мы мгновенно, без всяких мучений перестанем существовать.

— Не знаю. Надеюсь, что это не так. А сама-то ты как думаешь?

— Я в раздумье. Хочешь знать, почему я вдруг встала и ушла из клуба? Я вроде бы слышала, как он-она простонало твое имя, и опасалась, что оно там дальше может сказать. — Алкиона сняла

кольцо и спрятала в сумочку. Лицо ее было все в слезах, и Виллу отчаянно хотелось осушить его поцелуями. — В чем, вообще говоря, есть определенная ирония.

— Алкиона, я...

— Стихны, — осадила его Алкиона, но тут же взяла себя в руки. — Маленькой девочкой я купила себе первого гиппогрифа и научилась на нем летать, потому что хотела свободы. Затем, с возрастом, я стала все чаще натекаться на непреодолимые ограничения и летала уже для того, чтобы узнать размеры своей клетки. А кончилось все тем, что я летаю, чтобы притворяться перед самой собой, что если не сейчас, то когда-нибудь свобода может прийти. — (Колеса лимузина мягко шуршали по мостовой. Время было уже позднее, машин на улицах почти не попадалось.) — Вот скажи, только честно, ты видишь хоть какой-нибудь способ, чтобы мы с тобой были счастливы вместе?

— Нет, — сказал Вилл после длительной тягостной паузы. — Нет, не вижу.

— Вот и я не вижу.

Она высадила Вилла на Бродвее, кварталах в сорока от того места, куда ему было нужно. Он шел домой сквозь холодную морось, принесенную ветром с моря.

Этот слух пронесся лесным пожаром по Гарлему, Джинни-Голлу, равно как и по соседним с ними общинам Белутахатчи и Дидди-Ва-Дидди: босой, в пропыленном плаще принц пришел к Салему Туссену, чтобы посоветоваться и, прежде чем предъявлять свои права на престол, получить у олдермена напутственное благословение. Хайнты высыпали на улицы, они сбегали по лестницам доходных домов, вываливались из пивных и бильярдных, выползали, пошатываясь, из опиумных притонов и дешевых борделей, выходили из парикмахерских и клубов по интересам, забывали свои вечерние школы и благотворительные кухни и глазами, полными несбыточных надежд, видели на асфальте его сияющие следы.

Вилл с лисицей намалевали их флуоресцентной краской еще ночью, прикрыв подавляющим заклятием, срок действия которого истекал сразу же после заката, но никто этого, конечно же, не знал.

Войдя в кабинет олдермена, Вилл скинул капюшон и какую-то долю секунды наслаждался полным, откровенным изумлением своего бывшего работодателя.

Затем Салем Туссен протянул руку и крепко сжал его локоть, словно уверяя самого себя, что Вилл — это действительно Вилл.

— Так ты по правде, что ли, царь? — спросил он с сомнением, но тут же вернулся к своей всегдашней безапелляционной манере. — Нет, конечно же, нет. Так что же это ты задумал?

— Во всяком случае, я никак не считаю себя настоящим наследником, — начал Вилл. — Но мне тут стали говорить, что все-таки я наследник, и теперь... — Он пожал плечами. — Теперь я просто не знаю. — Он нагло врал своему старому наставнику и должен был вроде бы терзаться угрызениями совести. Но на практике это давало ему странное и очень приятное ощущение собственной силы. — Теперь я просто действую по обстоятельствам. Плыву по течению и жду, куда вынесет.

— Не дури ты мне голову, молодой человек, этот город говорит

со мной без утайки. Что знает Вавилон, то знаю и я. И я очень надеюсь, мальчик, — Туссен надел самую строгую из своих бесчисленных масок, — что ты понимаешь, во что ввязался. А в противном случае позволь мне тебя предупредить: политика — это мясорубка. Не суй в нее пальцы, а тем более голову, если не имеешь точного представления, что и зачем ты делаешь. И даже если имеешь, все равно лучше не суй. А теперь скажи мне, что тебя сюда привело.

— Я хочу попросить тебя об одной услуге.

— Затем я, сынок, здесь и сижу, — облегченно улыбнулся Туссен, — затем я здесь и сижу. — Он вновь ощущал под ногами привычную почву.

— Нату нужна контора. В каком-нибудь таком месте, чтобы выглядело официально, но при случае сдавалось частным лицам. Чтобы выглядело вместе и солидно, и малость подзапущенно. Чтобы обилие посетителей не привлекало особого внимания. И чтобы кто-нибудь — ну, скажем, вроде тебя — мог быстро организовать аренду без всяких бумаг и за наличные. Вот эта ваша Старая Ратуша, — Вилл обвел рукою кабинет, — подошла бы идеальнейшим образом.

— Да зачем вам вдруг это?

— Ну... понимаешь... мы тут с ним прикинули, что, если появится новый царь, появится и уйма всяких личностей, которые хотели бы иметь к нему доступ, чтобы подсунуть свои жалобы и замыслы, и которые были бы вполне готовы ради такого доступа подмазать где и что надо.

— А-а, — понимающе кивнул Туссен, — Ты будешь продавать титулы и должности.

— Ты видишь меня просто насквозь! Ну так что, договоримся?

— Видишь ли, тут есть одно обстоятельство. Ната я, конечно же, очень люблю, но только он самую малость слишком известен в этих местах, чтобы мне можно было...

— Нет, что ты, — замахал руками Вилл, — и ноги его здесь не будет. Я и сказал-то про него, чтобы ты понимал: я ничего от тебя не скрываю. Заходите, графиня, — сказал он, распахнув дверь кабинета, а затем опять повернулся к олдермену. — Это графиня Лизетта иль Вольпоне. Это она будет сидеть в кабинете, как представительница Ната.

На лисице был мужской пиджак без галстука, с орхидеей на лацкане. Глубоко расстегнутый ворот рубашки открывал для обозрения верхнюю часть ее груди. В таком костюме вид у лисицы был обворожительный и чуть плутоватый, а подчеркнутая эксцентричность придавала фантастическому титулу нечто вроде достоверности.

— Знакомство с вами, олдермен, — это большая честь, — поклонилась лисица. — Вилл рассказывал мне о вас очень много хорошего.

— Миледи. — Салем обошел свой стол, низко склонился и поцеловал ей руку.

— Ой, мамочки! — зарделась лисица и обмахнулась веером. — Вилл, возьми на заметку. Зуб даю, этот кент никогда не ложится в постель в одиночку.

Туссен разулыбался, как десять тысяч добрейших дядюшек, слитые воедино.

В этот самый момент из боковой двери показался Джими Бигуд. Увидев Вилла, он пораженно присвистнул, пробормотал: «Чтоб меня черти драли», крикнул через плечо: «Дохлорожий, оторви свою задницу от стула и беги сюда!» — и недоуменно воззрился на Туссена.

— А не тот ли он, случаем?..

— Тише, тише, — успокоил его Туссен. — Не будем делать поспешных выводов. Лучше подождем и посмотрим, во что нам выгоднее верить. А пока что этой прелестной леди нужно помещение под офис.

Начались переговоры. Называли суммы, спорили о размере комиссионных. Предложения выдвигались и тут же забирались обратно. Затем наступил волшебный момент, когда все уже было согласовано, и Вилл поспешил объявить сделку заключенной, иначе лисица и олдермен промчались бы дальше и торговались всю ночь из чистого удовольствия иметь дело с достойным профессионалом. Туссен вручил лисице ключи от кабинета, расположенного не слишком близко к его собственному, но и не слишком далеко, чтобы всегда была возможность за нею присматривать. Лисица сложила перед собой ладони и низко поклонилась.

— *Домо аригато*^[76].

— *Де нада*^[77], - откликнулся Салем Туссен и тут же удивленно спросил: — А что это там за шум?

Джими Бигуд открыл окно, и они увидели, что улица внизу запружена хайнтами. И все они смотрели вверх, на здание. Заметив в окне движение, хайнты начали скандировать:

— *Дай-те нам царя, дай-те нам ца-ря!*

— Мать твою так, — сказал Дохлорожий.

— Слышишь, мальчик? — спросила лисица. — Это они тебя так любят. Выйди на балкон и помаши им ручкой.

Как ни странно, эта демонстрация преданности ввергла Вилла в тоску.

— Ну чего это их так волнует? — спросил он всех и никого. — Разве в те времена, когда Вавилоном, Вавилонией и Присовокупленными территориями правил царь, было хоть на йоту лучше? Ну с какой такой стати те, кто никогда не видел от монархии ровно ничего хорошего, приветствуют ее восстановление?

— *Дай-те нам ца-ря.*

— Его Отсутствующее Величество являет собой воплощение справедливости, — объяснил Салем Туссен. — Поэтому более чем естественно, что все честные граждане жаждут его возвращения, а те, кто их эксплуатирует, боятся. — Один из его золотых зубов жарко сверкнул на солнце. — И эта сцена наглядно подтверждает, что все мои избиратели суть порядочные граждане.

— *Дай-те нам ца-ря, дай-те нам ца-ря.*

Все это время Джими Бигуд дергал высокое, до пола, окно, выходившее на маленький захламленный балкон. Теперь его труды увенчались успехом: окно с треском распахнулось.

— Ты надел бы этот свой колпак, — посоветовал Виллу Туссен. — А потом выйди, чтобы они на тебя посмотрели.

Вилл вышел на балкон с чувством, близким к головокружению, и увидел внизу, на улице, море запрокинутых лиц. Не придумав ничего содержательнее, он вскинул руку.

Толпа взорвалась криками и аплодисментами, заморгали

слепающие вспышки фотокамер. Волна любви, кипевшая на улице, захлестнула Вилла и понесла, наполнила его невероятной энергией. Он чувствовал в себе достаточно сил, чтобы поднять автобус, достаточно ловкости, чтобы ходить по воде. Это было изумительное, незнакомое чувство. Он поворачивался то налево, то направо, махал то одной рукой, то другой и все улыбался, улыбался, улыбался, как слабоумный. Скажи ему прежде, что такое возможно, он бы никогда не поверил.

Но по прошествии какого-то — до обидного малого — времени чьи-то руки схватили его за плечи и втащили назад в кабинет. Он задыхался и хватал ртом воздух. А потом из тумана выплыло лицо Салема Туссена, и тот явно что-то говорил.

— Да послушай же ты! — Олдермен встряхнул Вилла за плечи. — Слышишь или нет? Я сказал Дохлорожему, чтобы подогнал машину. Нужно вытаскивать тебя отсюда. Это дело, — он повернулся к лисице, — слишком уж склизкое, чтобы мне напрямую с ним связываться. Но у меня есть какое-то странное предчувствие. Возьмите с собою Джими. Все прекрасно знают, что он из моих ребят, но в крайнем случае я всегда смогу сказать, что послал его как наблюдателя. Ну, — повернулся он к Виллу, — счастливо. Я так и считаю, что только полный псих может делать то, что уж ты там делаешь. Но будем надеяться, что как-нибудь оно проскочит.

— Спасибо, Салем, ты настоящий мен.

— Я вобью за тебя в нкиси-нконде новый гвоздь.

У парадного входа Старой Ратуши столпилась уйма зевак, у заднего входа их было немногим меньше, поэтому Вилл попытался проскользнуть в боковую дверь. Но все равно его заметили.

— Да это же белый, — сказал чей-то голос.

— Привет, очень рад с тобой познакомиться. — Вконец смешавшийся Вилл пожал какому-то хайнту руку. — Как жизнь? — Он хлопнул другого по плечу.

Подходили все новые и новые хайнты, они восхищенно бормотали, тянулись его потрогать, он ощущал на плечах и спине их легкие, как дуновение, пальцы, а сам тем временем пожимал руки и хлопал по спинам, как белый помолодевший извод Салема Туссена.

— Я с вами, — говорил он, — и спасибо за вашу поддержку. И

не считайте себя забытыми, потому что вас не забыли.

Дохлорожий сумел наконец подогнать «кадиллак». Дверца чуть приоткрылась, и Вилл, а за ним лисица и Джими проскользнули на заднее сиденье. Медленно и мучительно машина начала пробираться сквозь все прибывавшую толпу. По крыше и капоту барабанили, а несколько юных хайнтов даже залезли на багажник. Когда толпа осталась далеко позади, Дохлорожий притормозил, выскочил из машины и согнал лихих наездников. Теперь можно было вздохнуть свободно.

Прошло еще несколько минут, и сидевшая рядом с Виллом лисица вдруг согнулась пополам.

— Что с тобой? — встревожился Вилл, а затем вдруг увидел, как ее уши удлиняются и обрастают жестким волосом. — О-о-о.

Нат распрямился, сунул руку за ворот рубашки, вытащил наружу бюстгальтер и, подмигнув Джими Бигуду, спрятал его в карман. Потом застегнул рубашку доверху, выкинул в открытое окошко орхидею и повязал себе галстук, извлеченный из другого кармана.

— Гони вовсю, — сказал он затылку Дохлорожего. — Номер машины был на виду, так что нас наверняка уже ищут.

Дохлорожий изумленно обернулся:

— А где дамочка?

— Здесь. — Нат указал на свое сердце и тут же, сменив тему, удовлетворенно потер руки. — О'кей, один этнический блок электората нам обеспечен, можно заняться следующим. Это будут... — он взглянул на свой карманный органайзер, — клуриконы! Великолепно!

— Послушай, Нат, — взмолился Вилл, — у меня же ничего не получится.

— Поздно, сынок, слишком поздно. Ты уже в седле, и либо скачи, либо будешь затоптан. — Нат достал из кармана сотовый телефон. — Выдвигай громилу на исходные. Когда? А ты сам-то как думаешь? Прямо сейчас и начинается. Да. Да. Ты знаешь, где главный зал Общества клуриконов? Прекрасно. У них сегодня их ежегодный банкет с вручением премий. Встретимся снаружи, где-нибудь рядом со входом.

«Он грядет», — обещало огненное граффити на пешеходном мостке, оно осталось за спиной и быстро исчезло из виду. Зато показалось другое такое же, сиявшее на стене банка. «Он грядет», — кричали огненные буквы высотой в этаж, намалеванные вдоль целого квартала, «ОН ГРЯДЕТ!» — шипел и потрескивал призрачный голубоватый огонь на фанерных ларьках, краснокирпичных стенах и станциях подъемника.

— Ты только посмотри, — изумился Вилл, — они же буквально повсюду. Откуда это взялось?

— Прямо мурашки по коже, верно? Двадцать тэггеров три ночи подряд снашивали ноги до задницы. Во сколько обошлось — страшно даже вспомнить, но зато уж действительно запоминается. Сегодня здесь, в Малой Туле, только об этом и говорят.

Общество клуриконов было организацией, заботившейся о благополучии первых обитателей Блаженных островов. Говоря попросту, это был питейный клуб. Однако со временем, в силу того что среди его членов было много преуспевающих личностей, это общество приобрело серьезный политический вес. Что автоматически означало, что Салем Туссен был здесь постоянным посетителем, а значит, и Дохлорожий мог доехать туда с завязанными глазами.

Они остановились перед бывшим оперным театром, побывавшим затем последовательно кинотеатром, кафешантаном, оперативным штабом фирмы, занимавшейся доставкой обедов на дом, профсоюзным залом для собраний и мебельным складом, каковому последние покупатели, клуриконы, вернули нечто вроде изначального великолепия. У входа в зал тоскливо слонялся строительный великан, ни на секунду не расстававшийся с ржавой железной бочкой. Нат сразу же отошел побеседовать с троллем, курившим вонючую сигару чуть поодаль.

— Ну все, — сказал он, демонстрируя Виллу пустой, как башка идиота, бумажник. — Это были наши последние деньги. Если фокус не сработает, даже не знаю, на что нам и жить.

Но по тому, как Нат при этом улыбался, было понятно, что он ничуть не сомневается в успехе.

Над дверью висела веточка укропа, и Нат ее тут же снял, чтобы хайнты могли войти. Джими Бигуд провел их прямо к банкетному залу, но входить они не стали, а остановились у тяжелых двойных

дверей.

— Терпение — главная из добродетелей, — сказал Нат, заметив, что Вилл взглянул на часы. — Но еще важнее правильно выбрать момент.

Бум-м!

Там, на улице, великан шарахнул по железной бочке заранее припасенным стальным рельсом. Грохот прокатился по зданию и заставил утихнуть разноголосую болтовню в банкетном зале.

Бум-м!

Бочка гремела, как гром.

— Мы трое — его свита, — напомнил Нат Джими и Дохлорожему. — Держим себя с достоинством, идем, отставая от него примерно на шаг, и, что бы там ни случилось, никаких эмоций. Ну как, сумеете?

— Мен, я работаю на Салема Туссена!

— Аналогично.

— Ну и ладушки, ребята.

Бум-м!

Затем, как и было предусмотрено Натом, великан сложил руки рупором и проорал голосом, от которого задрожали перекрытия:

— ОН... УЖЕ... ЗДЕСЬ!

Нат и Дохлорожий дружно распахнули двери банкетного зала.

И Вилл вошел. Все сидевшие в зале повернули головы и смотрели теперь на него.

В наступившей гробовой тишине Вилл прошел сквозь зал с Джими Бигудом по правую руку и чуть сзади, Дохлорожим по левую и Натом прямо сзади. Дойдя до конца зала, он поднялся на помост вроде сценического, взошел на подиум и откинул капюшон, чтобы все могли видеть его лицо. Нат осторожно, как умелый дворецкий, снял с его плеч серый плащ. Теперь Вилл был в свободных белых брюках и свободной белой рубашке. Его фигура словно светила сама собой.

— Привет, — сказал он. — Прежде чем представиться, я хотел

бы сказать вам несколько слов.

Я хочу поговорить о молодом пилоте дракона — имени я не называю, — который, подобно тысячам сверстников, пошел добровольцем в армию, чтобы защитить свою страну и свою башню от иностранной агрессии. Он сражался умело и храбро, и тем больше была скорбь его товарищей, когда его любимая машина была подбита над джунглями в захолустной сельской провинции, известной тем немногим, кому она известна, как Спорные Горы. К счастью, он не погиб, хотя был ранен весьма серьезно. Местные жители нашли пилота висящим на парашюте и принесли в свою деревню, где умелые целительницы после долгих и тяжелых трудов вернули его к жизни.

Как вы, несомненно, знаете, все пилоты драконов отчасти смертны, потому что одна лишь красная кровь может выдержать соседство с таким количеством холодного железа. В жилах каждого из них течет кровь повелителей. Возможно, именно на это отозвались селяне, либо они распознали в нем некое врожденное благородство. Так или иначе, но как раз в эти дни умерла женщина, бывшая у них мэром, и они нуждались в новом вожде.

Они избрали его своим лордом. Пилот, ничуть не колеблясь, взялся править этой маленькой мирной общиной. Его работа была отнюдь не тягостна. Два-три раза в месяц он разрешал какие-нибудь споры, и его решения неизменно принимались со всеобщим восторгом, потому что были столь же милостивы, сколь и мудры. Простая, здоровая сельская жизнь текла своим чередом. Возможно, там не обошлось без девушки, которая... ладно, не будем об этом говорить.

Но сколь ни приятны радости сельской жизни, наш пилот был офицером ВВС Его Отсутствующего Величества и во исполнение присяги был обязан вернуться на службу. Пришел день, когда он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы покинуть деревню, и — сколько ни плакали его подданные — так и сделал.

По исстрадавшейся, разоренной войною земле он пробирался к границе. Усталый и голодный, избегая всяческих встреч, он крался по вражеской территории. Однажды он все же наткнулся на патруль кентавров. Огромные, сплошь поросшие волосом чернобородые скоты, не желавшие и знать о законах цивилизованной войны, едва его не убили, однако он оказался хитрее и сам перебил их всех.

Но, увы, его героизм оказался тщетным. Он был схвачен врагами и помещен в концлагерь. Вы можете себе представить, каковы были там условия: скудное питание, почти не пригодная для питья вода, непосильный принудительный труд, даже пытки. Но и здесь наш пилот не забыл свой долг. Он собрал павших духом товарищей по несчастью под своим руководством. Он пришел от их имени к коменданту лагеря и потребовал соблюдать Женевскую конвенцию. В довершение всего он устроил массовый побег.

И наконец, после многих трудностей и лишений, он снова оказался в Вавилоне. Здесь пилот узнал, что, пока он находился в лагере, срок его службы закончился и он, отсутствующий, был отправлен в почетную отставку. Я мог бы не говорить об этом, но наш пилот был сиротой, не имел ни дома, ни семьи, и податься ему было просто некуда. Потыкавшись туда-сюда, он решил в конечном итоге совершить паломничество к ясновидящей, обитавшей во тьме, в потаенных глубинах, у самых корней Вавилона.

Был ли путь пилота опасен и труден? Верно ли, что он видел солнце, восходящее в полночь? Об этом, как и о многом подобном, он поклялся ничего не говорить. Но так или иначе, он дошел до ясновидящей, заплатил ей цену, которую нельзя никому раскрывать, и узнал от нее то, что было для него самым главным: тайну своего рождения.

Путь из мрака наверх оказался не менее трудным. По чистой случайности он вышел на свет посреди Висячих садов и был тронут почти до слез красотой природы, представшей там перед ним. Он знал теперь, что имеет законное право на огромное наследство, однако не стал себя раскрывать. Дело в том, что он был лишен всякого честолюбия. Вместо этого он начал работать с самого низа и со временем стал собственником маленького бизнеса, внося — как и многие здесь присутствующие — свою скромную лепту в процветание нашей державы как целого.

Однако нельзя жить в городе и не видеть его невзгоды. Нищету, несправедливость, отсутствие руководства и перспективного мышления. И вот, в свободные от работы часы пилот начал искать ответы. Он бродил по городу, встречался с представителями всех племен и социальных классов, слушал их рассказы о наблевшем. Постепенно ему стало ясно, что нужно делать.

Вавилон опасно болен, и это потому, что нет царя. Простейшая

истина, которую никто из вас, здесь сидящих, не станет отрицать. Все наши беды коренятся в том факте, что Обсидиановый Престол давно пустует. Нужны серьезные радикальные решения, а их просто некому принимать. Оппортунизм и беспринципность — вот кто правит страной. Бедными пренебрегают, предприниматели стонут от бремени непомерных налогов, аристократия зажралась и обленилась. Вавилону нужен царь! Только где же его найти?

Вилл сделал долгую театральную паузу, а затем приблизил губы к микрофону.

— Меня звать Вилл ле Фей. Его Отсутствующее Величество был моим отцом.

Все, кто был в зале, вскочили на ноги и *взревели*.

Сыны Блаженных рванулись вперед, подняли его на плечи и торжественно вынесли на улицу, куда как раз подходили первые группы хайнтов из Джинни-Голла. Два встречных потока сомкнулись, образовав водовороты темных и бледных лиц, все пели и смеялись, друзья смыкали руки, незнакомцы обнимали незнакомцев.

Виноградные лозы пробивались сквозь асфальт и оплетали стены зданий. Там, где проносили Вилла, деревья покрывались цветами, а птицы начинали петь. Кто-то выбежал из мебельного магазина с чиппендейловским креслом, Вилла с размаху на него усадили, и этот импровизированный трон поплыл по Вест-Сайду, как пробка по бурной реке. Кто-то другой забежал в хозяйственный магазин и вынес оттуда охапку садовых факелов, которые тут же зажгли и раздали. Ликующая процессия превратилась в факельное шествие.

Как раз в эти дни на город нахлынули морские эльфы. И если во всем Вавилоне осталась хоть одна не соблазненная ими девица, значит, ей этого попросту не хотелось. Теперь они повываливали из пивных и стрип-баров, все в ослепительно белой, до хруста накрахмаленной парадной форме, увидели процессию и тут же в нее влились, маршируя шеренгами по четыре под старые хвалебные песни.

Пусть шарлатаны вкривь и вкось пророчат
Удел грядущий царства и царя,
Я не глупей всех этих звездоглядов

Мне их мудреной мудрости не надо.
Я попросту сказать вам рад,
Что все опять пойдет на лад,
Когда наш царь воссядет на престол.

И вся улица подхватила припев:

Я попросту сказать вам рад,
Что все опять пойдет на лад,
Когда наш царь воссядет на престол.

Под Вилловым престолом сам по себе появился грузовик с платформой. Граждане тут же забросали его цветами, так что исчезла из виду даже кабина. Цаплеголовые девушки выписывали в воздухе петли и размахивали яркими шелковыми вымпелами.

Все эмоции, кипевшие в этой толпе, втекали в Вилла, и через малое время он совсем от них опьянел. Он махал руками и рассылал воздушные поцелуи, а тем временем конфетти сыпались бумажной метелью, а вокруг грузовика кувыркались голые менады и фавны. Это было, словно он пробудился и увидел, что сон все равно продолжается, а затем пробуждался еще и еще, и всегда с одним результатом. Это было чудесное ощущение.

Среди приплясывающих голов хайнтов и клуриконов, ни на шаг не отстававших от грузовика, возникли ослиные уши. Вилл присмотрелся и увидел улыбку Ната.

— Ты на коне, сынок, ты на гребне. Это твой момент. Хватай его за глотку и не отпускай.

— Нат, это просто невероятно. Тебе бы стоило... — Но его слова потонули в гуле толпы.

А он хотел сказать, чтобы Нат никуда не пропадал, держался рядом, помогал советом, не давал увлечься и переиграть. Ведь рядом с этим грандиозным мошенничеством все, что он делал прежде, было просто тьфу.

Но Нат уже отстал и затерялся в толпе.

И думать об этом было некогда, потому что появились —

наконец-то — телевизионщики. Их машины зажали его в тиски, их прожектора зажгли его образ земной звездой на всех телевизорах города. Морские эльфы, все еще продолжавшие петь, снова дошли до припева и снова грянули хором:

Я попросту сказать вам рад,
Что все опять пойдет на лад,
Когда наш царь воссядет на престол.

Прошли ли часы? Или только минуты? Этого Вилл так никогда и не смог понять. Но в этот момент толпы вавилонян, миллионные, как тогда казалось, натолкнулись на жиденькую цепочку волхвов и колдуний, одетых в должностные белые мантии и вздымавших к небу волшебные жезлы, наглухо перекрывая дорогу к Арарату, высочайшему в городе небоскребу, на верхних этажах которого находился Дворец Листьев. При всей своей дряхлости и видимой слабости они с легкостью сдержали напор орды, накатившей на них штормовым, сокрушительным валом.

А потом заговорила старейшая из них, и, хотя ведьма говорила спокойно и тихо, слова ее услышали все.

— Выйди вперед, Претендент на Престол, и отдай себя нашей воле, дабы мы могли тебя испытать.

Толпа протестующе загудела, однако Вилл мановением руки призвал ее к молчанию.

— Успокойся, о мой народ! — воскликнул он. Выбор местоимения «мой» вместо царственного «наш» был осуществлен спонтанно и по наитию — скромность и простота выставляли нового монарха в свете куда лучшем, чем могли бы пышность и помпезность. — Естественно и справедливо, что Совет Волхвов хочет проверить мое происхождение. Ровно так же нет ничего плохого в именовании Претендент на Престол, оно совсем не означает, что мои претензии ложные, а только-то, что нужно проверить их истинность. И я не просто соглашаюсь на такую проверку, я ее требую, поскольку титул царя Вавилона не какой-нибудь пустячок, чтобы им распоряжаться бездумно, с ним связана огромная ответственность, нести которую способны лишь прямые потомки Мардука. Поэтому я весьма доволен моими волхвами и ведьмами. Верно и преданно хранили они мой престол, за что будут удостоены богатых даров,

когда я на него воссяду. Как и все вы, любезные мне, беззаветно мне преданные подданные, как и все вы!

Аплодисменты, переходящие в овацию.

— А теперь я вас покидаю, дабы меня проводили во Дворец Листьев и там подвергли всем расспросам и проверкам, какие нужны для доказательства моей законности. Они предписаны обычаем и никак не могут быть ускорены. Они могут занять недели и недели.

Толпа застонала.

— Но я спокоен и чужд нетерпения. И вы тоже не должны торопиться, будучи абсолютно уверенными в неизбежном счастливом исходе всех надлежащих проверок. Тем временем вы сможете следить за их продвижением через средства массовой информации, так что в некотором смысле мы с вами не будем разделены, но сохраним единство общей цели и уверенности. Мы с вами едины сейчас и пребудем едины.

Затем Вилл властно взмахнул рукой, и восторженно орущая толпа расступилась, расчистив проход от его чиппендейловского трона до недвижно стоящих волхвов, чьи лица сияли как фальшфейеры.

Он сошел с грузовика (вставший на колени людоед послужил ему ступенькой и был за то вознагражден чуть заметным кивком) и, все так же босой, направился к Совету Волхвов; все стоявшие по сторонам прохода опускались на колени и низко склоняли головы.

Кто-то истерически закричал. А затем по правую руку от Вилла тон и каденция звуков неожиданно изменились, это резало ухо, словно море вдруг поменяло свой голос. Всплеснулась багровая опасная теплота, а следом за нею нахлынул ужас. Вилл повернулся.

И увидел.

Как и где Пылающий Улан раздобыл себе лошадь? Как он вернул себе свою пику? Как он подобрался так близко, почему его никто не заметил? Такие вот глупые, никчемные вопросы затопили сознание Вилла, не оставив места ни для разумной оценки ситуации, ни для понимания, что же теперь следует делать.

На долю секунды Пылающий Улан заполнил собою двери ближайшей гостиницы, стекло в ней взорвалось и разлетелось по сторонам.

А затем, выкатив от ужаса глаза и широко раздувая ноздри, его тяжелый, как битюг, жеребец помчался прямо на Вилла. Толпа завопила и прыснула по сторонам.

Вилл стоял, словно примерзший к асфальту.

Он был один посреди этой улицы, опустевшей как по волшебству. Пылающий Улан набычил голову, нацелился пикой и пришпорил своего скакуна.

— Ублюдок! — кричал он. — Наконец-то ты умрешь!

Фигура улана разрасталась, заполняла все поле зрения. Вилл слышал где-то в своей глубине истошные вопли дракона, который требовал для себя полной свободы действий. Каковое требование с учетом обстоятельств было более чем разумным, но Вилл просто не мог ничего предпринять, он был как заяц, попавший в луч света от фары, или мошка, зачарованная пламенем, с той лишь единственной разницей, что для него парализующим светом стало ошеломленное понимание, что жизнь его стремительно движется к концу.

Возникшие из ниоткуда руки схватили Вилла и грубо отшвырнули в сторону.

Падая на землю, Вилл успел увидеть, что точно на том самом месте, где только что стоял он сам, стоит теперь Нат. Он видел, как пика вошла в Натово тело и вышла с другой стороны. Он увидел, как Натово лицо исказилось от боли. Он увидел, как брызнула кровь.

Он увидел, как Нат умер.

Но ровно через мгновение толпа вновь нахлынула и ликующе вскинула Вилла вверх, демонстрируя тем, кто подальше, что он не погиб. Пританцовывая от радости, его передали волхвам, которые, почтительно кланяясь, усадили претендента на престол в уже поджидавший портшез. Его почетный караул составили невозмутимые, в полной парадной форме офицеры политической полиции, а следом выстроились рядами самые видные из высоких эльфов, в их числе — все Лорды Правления. Затем четыре старейшие, почтеннейшие ведьмы подняли портшез на свои старушечьи плечи, и вся процессия проследовала к вестибюлю Арарата, откуда лифты должны были вознести их во Дворец Листьев.

А сзади, словно взбесившиеся призраки, визжали и улюлюкали

десятки сирен. Дробным стаккато мигали фотовспышки. Полицейские, сцепившись руками, еле сдерживали напор репортеров. Но Вилл всего этого не видел и не слышал, он закинул голову к небу и в голос завыл.

Ната Уилка больше не было.

Под звуки бойрана, флейты и цевницы беспомощного Вилла уносили все дальше от его окровавленного тела. Бесись сколько хочешь, вой сколько хочешь, все равно никто тебя не услышит.

А на улице оркестрик из дуппи наяривал регги и граждане весело танцевали.

Царевич, законный наследник нашелся, и монархия восстановилась. Распорядительству Совета Волхвов, Лиосалфара, Докалфара и Лордов Мэральности пришел конец. О демократии можно было забыть. И все, как казалось, жители Вавилона были вне себя от радости.

Для них это был счастливейший из дней.

В ТЕНИ ОБСИДИАНОВОГО ПРЕСТОЛА

Значение ночного гудка паровоза одно и то же на всех языках. Оно замешано на одиночестве, инаковости и бессильном желании быть где угодно, но только не здесь, кем угодно, но лишь не этим проклятым собой. От этого звука сердце сжималось мучительным осознанием, что поезд уезжает без тебя и так же будет и в будущем. Ты никогда не поспеешь на волшебный поезд, который унесет тебя в дальнюю страну, где лежат решения всех твоих проблем. Ты никогда не приедешь в тот сказочный город, где все, к чему ты втайне стремился, раздают бесплатно на улицах.

Сидя в полуночном саду на резной серпентиновой скамье и слушая, как затихает далекий гудок, Вилл уже почти жаждал, чтобы этот поезд все-таки пришел и унес его к смерти.

Он тяжело вздохнул.

— Сэр? Вам что-нибудь нужно? — спросил бесплотный голос мажордома.

— Нет. Конечно же нет. У меня есть все. Ну что мне может быть нужно?

— Сэр?

— Уйди, Ариэль.

У ног его поблескивал пруд, темный, как лужица туши. Над ним висела луна. Он посмотрел сперва на луну, а затем на пруд. В этом пруду водились рыбы ничуть не менее странные, чем все, что можно найти в хрустальных чертогах луны. И все равно он не мог себе даже представить ничего столь же странного, как он сам — фактический царь, только и мечтавший, что ускользнуть от всех этих слуг, богатства и дворца, жулик и проходимец, жульничеством загнавший себя в самую роскошную тюрьму во всей мировой истории.

— Сюда идет Мастер Испытаний.

— Заткнись, Ариэль.

Беззвучно ступая по гравию садовой дорожки, едва различимый во мраке, Мастер подошел к скамейке и сел рядом с Виллом.

— Думаю, теперь ты ориентируешься в ситуации получше, чем при первой нашей встрече.

Это был Флориан Л'Инконну. Он не то чтобы улыбался, но смотрел на Вилла с выражением далеко не таким недружелюбным, как мог бы тот ожидать.

— Я чувствую себя как в капкане.

— Тебе ни к чему так думать. Тем более теперь, когда испытания прошли столь успешно.

Так оно, в общем-то, и было. Анализы показали наличие в крови Вилла значительной смертной доли, что ничуть того не удивило, а кольцо, полученное им от Ната, было объявлено достаточно старым и вполне соответствующим описаниям царского фамильного перстня, что, если учесть всегдашнее стремление Ната к максимальной правдоподобности, тоже было вполне естественно. Но удачно прошли и личные испытания: мгновенное исцеление золотушного чертенка, когда Вилл коснулся его рукой, и одобрение волхвами невзрачной деревянной ложки, выхваченной им наугад из целой россыпи всевозможных безделушек, — чего он никак уж не ожидал. А не далее как этим утром сивиллы подкинули семнадцать монет, чеканенных из самородного серебра, и все они выпали орлом. Это стало для Вилла, который мог бы проделать тот же самый трюк дюжиной различных способов, наилучшим доказательством, что идет откровенный мухлеж в его пользу.

— Ну и что? Конец тут может быть только один.

— Да, — кивнул Флориан, — я знаю, что ты считаешь себя самозванцем. Но не исключено, что ты ошибаешься, не забывай и о такой возможности. Было допрошено достаточно беженцев из этой твоей деревни, чтобы надежно установить: твое происхождение более чем туманно.

— Иначе говоря, я ублюдок, незаконнорожденный.

— Чего отнюдь не следует стесняться, если отец твой царь. Монарх по сути своей божествен. Его прикосновение возводит простолюдина в рыцарское достоинство. Его семя порождает наследников.

— Ну да, — кивнул Вилл, — роскошный способ клеиться. — Он надолго замолчал. — А как там она?

— Да вполне нормально. — Флориан не стал притворяться, будто не понимает, о ком речь. — У нее по горло работы, это затягивает. Помнишь, как ты пришел к Арарату и привел за собою весь этот сброд? Там же стоял наш драгоценный Совет в полном составе, без никаких уклонистов. Так знаешь, кто это организовывал? Алкиона, ей дали за это почетный значок.

— Рад слышать.

— И все время спрашивает, как у тебя дела. Так, словно между прочим. Кстати сказать, как тебе здешняя обслуга?

— Из кожи лезут, — фыркнул Вилл. — Мне тут захотелось пофехтовать, чтобы форму совсем не утратить, и я попросил у них оружие. Думал при этом о шпаге, но сошла бы и рапира, так что конкретизировать я не стал. Свет! — скомандовал он, чуть возвысив голос, и тут же вспыхнула вереница садовых факелов. — А теперь смотри, что они мне дали.

На ладони Вилла сам собою лег японский меч. Освободив клинок от ножен, он протянул его Флориану.

— Масамунэ!^[78] — Флориан повернул клинок таким образом, чтобы в свете факелов засверкали мартенситовые кристаллы. — Ты только посмотри на эти ниэ! Словно звезды! Поддержать такой меч в руках и то уже огромная честь!

— А они вот дали его мне.

— Самому достойному.

— Я фехтую очень посредственно и всегда имел дело с европейскими клинками. Я же раньше катану и в руках-то никогда не держал. Вряд ли этот меч нашел во мне самого достойного хозяина.

— Что-то ты сегодня не в духе, — сказал Флориан и положил ладонь на Виллову коленку.

— Так ты что, — изумился Вилл, — *этого* хочешь?

— Как? Да нет, что ты. То есть я отнюдь не против, но по большому счету мне нужен царь. Абсолютный монарх — это оружие, превосходящее по остроте все творения великого Масамунэ, и я хочу, чтобы это оружие было в руках у меня. Первый же удар, — он

взмахнул мечом, — напроць снесет всю бюрократию, которая мешает Вавилону сделать хоть что-нибудь путное, второй — обезглавит законников. Третий — покончит с предателями, которые по возвращении с фронта распускают зловерные слухи, что война безнадежно завязла и что выиграть ее нельзя. Еще один для подрывных элементов, движимых классовой завистью, для профсоюзов, интеллигенции, пораженцев...

— Наличие у нас законов и юристов, а также правдоговорительниц имеет под собой самые серьезные основания, — заметил Вилл, вставая, — а действие ради действия — это какой-то абсурд. — Он пошел по аллее, и Флориан последовал за ним.

В саду Дворца Листьев росли деревья двенадцати видов: береза, ясень, ива, ольха, боярышник, дуб, остролист, виноград, орешник, плющ, бузина и калина. Само собой, виноград записали в деревья исключительно из уважения к его многим заслугам. В результате этот сад образовывал гримуар, начертанный рунами Алфавита Деревьев, и поэтому для каждого, кто знал эти руны (а таковых в услужении Его Предполагаемого Величества было хоть пруд пруди), в нем содержались все мыслимые пророчества. Далее, в соответствии с квантово-астрологическим законом «как Вверху, так и Внизу» и принципом обратной причинности, любое его предсказание автоматически вызывало предсказанное событие.

— Смотри. — Вилл сорвал с ветки листик бузины и уронил его за парапет. Листик попорхал на ветру, покрутился и быстро исчез из виду. — Я только что вызвал на другом конце мира страшнейшую бурю. А может, смирил землетрясение. Вскоре родится ребенок с двумя лишними пальцами. Предполагавшийся хромым калека останется здоровым. Так или этак — мы не можем этого знать, верно?

— Верно.

— Ну и что же тогда слепо вмешиваться?

— Не слепо, лорд, но смело. — Изящным кошачьим движением Флориан встал в боевую стойку. Неуловимо быстрым взмахом катаны он отрубил нависавший сук березы. Уже на излете лезвие вскользь полоснуло по стволу огромного дуба. Полетели клочья коры. — Тонет корабль! Город объявляет о своем банкротстве! Революционеры предпринимают массированный ракетный обстрел

на ранее спокойном участке границы! — На голову Флориана дождем посыпались мелкие ветки, и он торжествующе рассмеялся. — И слава падает с небес!

— Ради милости Семерых! Прекрати! Сейчас же! Ты ведь и сам не знаешь, что делаешь!

— С какой такой стати это должно меня беспокоить? — По лицу и голове Флориана побежали электрические искры. — Для меня любое развитие событий, пусть даже ведущее к моей смерти, предпочтительнее мира и стагнации.

Вилл почувствовал, как вскипает в нем драконья ярость, и привычно ее заглушил.

— Убери катану, — скомандовал он, и меч исчез из руки Флориана, а мгновение спустя исчезли лежавшие на скамейке ножны. — Так значит, — сказал он Флориану, — ты хочешь заменить нашу де-факто демократию верховенством силы. Это не что иное, как примитивнейший анархизм.

— А чем тебе так уж мил наш теперешний режим? Демократия — это тупая скотина, которая только и хочет, чтобы ее оставили в покое, не мешали ей бесконечно жевать свою жвачку и удобрять навозом поля. Она не любит кровь. Она не умеет переносить трудности и боится боли. Только в самых крайних обстоятельствах, понукаемая элитой, может демократия возвыситься до величия, а затем, когда кризис позади, непременно вновь погрязает в трясине бездействия и мелкой коррупции.

— Тебе бы следовало молиться, чтобы я *не* стал царем. Потому что я никогда не доверюсь таким как ты.

— Нет, мой царь. Только на меня ты и можешь положиться, потому что я перед тобой раскрылся — полностью и без утайки. Ты думаешь, что другие разумнее меня? Или не такие безжалостные? Чушь! Они будут тебе улыбаться, будут льстить тебе и врать, а ты, прекрасно это понимая, будешь теряться в догадках — с какой целью? А я — тигр, и ты меня понимаешь. И когда возникнет нужда, ты непременно обратишься к тому, чьи изъяны видны как на ладони.

— Если так, то в том факте, что я никогда не стану царем, есть и много хорошего. — Вилл привалился к садовому парапету, ощущая лицом теплое усталое дыхание города. Соседние, чуть пониже здания горели тысячами окон. — Я мог бы, — сказал он, почти удивляясь

собственному голосу, — прямо здесь и сейчас перепрыгнуть парапет и улететь.

— Ты хочешь сказать, имей ты крылья.

— А даже и без них. Я стал бы свободным. На какое-то время, — мрачно добавил Вилл и повернулся к Флориану. — Я устал и хочу отойти ко сну. Позволяю тебе удалиться.

— Мой повелитель — Флориан поклонился и ушел. Если он при этом и ухмыльнулся, то разве что едва заметно.

А Вилл все смотрел в темноту и думал, и мыслями этими он не стал бы ни с кем делиться. Время шло и шло.

— Сэр? — спросил осторожный голос. — Вам потребуется постелить постель?

— Мотай отсюда на хрен, Ариэль.

Претендент проснулся не сам по себе. Предупреждая, что его пребыванию в царстве снов приходит конец, в голове у него зазвучало пение эльфийских флейт. Затем негромкий почтительный голос сообщил, что наступило утро. Две девушки-якши приподняли его с кровати. Пока они его одевали, пожилой, в красном бархатном кафтане карлик зачитывал ему программу на день.

— ...испытание огнем и кипящим маслом. После чего вы будете лично надзирать за установкой новой садовой мебели.

Вилл зевнул и потянулся, заставив якши, державшую наготове парчовый жилет, метнуться вслед за его рукой.

— А это обязательно?

— Как вы, конечно, помните, сэр, это было ваше пожелание. Вы были лично и глубоко вовлечены в разработку дизайна.

— Да, конечно. — Вилл рассеянно поскреб себе живот, отчего очаровательно надула губки вторая якша, которая стояла на коленях, застегивая его клетчатые горские штаны, и должна была теперь опять их расстегнуть, чтобы заправить рубашку. — Продолжай, прошу тебя.

— Затем будет час свободного времени, каковое вы можете использовать, чтобы вздремнуть, либо заняться каким-нибудь легким

спортом, либо в образовательных целях.

— Сегодня мне хотелось бы затравить единорога.

Карлик мягко улыбнулся, словно беседуя со своенравным, но, в общем-то, разумным ребенком, который даже не догадывается, насколько прозрачны все его обманы.

— Вряд ли, сэр, на это будет достаточно времени. К тому же в период испытания вам нельзя покидать дворец. Если желаете, можете взять сокола, подняться на крышу и поохотиться оттуда на голубей.

— Но ведь это совсем не то, ты согласен, Эйтри? Пожалуй, я проведу этот час в кунсткамере.

Добрая половина дворца была для Вилла недоступна, потому что там располагались жилые помещения слуг и было бы неудобно вламываться к ним без предварительного извещения. Кроме того, в любой конкретный момент для него была закрыта примерно половина остальных помещений, потому что их чистили, прибирали, ремонтировали или расколдовывали и никак не подобало, чтобы служба работала в его присутствии. Было много помещений, которые попросту ему не нравились, и еще больше таких, назначение которых было для него темно и загадочно. Но и того, что оставалось в конечном итоге, хватило бы любому привереде.

Виллу особенно нравились библиотека, сауна, расположенный на крыше сад с планетарием и выгородкой для рептилий, викторианская папоротниковая оранжерея и устроенная тут же обсерватория. Картинная галерея никак не оправдала его ожидания (все лучшие полотна были переданы в бессрочное пользование общедоступным музеям, но, как объяснили Виллу, могли быть потребованы назад на период его коронации), зато курительная комната с уистлеровскими^[79] павлинами и золотой лепниной, а также гостиная работы Фрэнка Ллойда Райта^[80], спасенная из почти уже снесенного здания, были выше всяких похвал. Но что ему нравилось больше всего, нравилось насквозь, без всяких оговорок, так это кунсткамера.

Во всяком случае, он позаботился, чтобы в этом был абсолютно уверен весь персонал дворца.

Вот и сегодня, после того как он одобрил новые плетеные столы и стулья (столы походили на перевернутые бельевые корзины,

походили сильнее, чем можно бы ожидать, но это и к лучшему) и понаблюдав за высадкой по сторонам садового навеса колючей изгороди из роз, он позволил отвести себя к любимейшему из своих сокровищ.

— Сэр, — сказала хранительница, отвесив ему микроскопический, предельно чопорный поклон.

— Госпожа Серена, — откликнулся Вилл. Из всего персонала дворца одна только госпожа Серена не позволяла Претенденту обращаться к ней фамильярно. Но Вилл все равно пытался. — Сегодня вы столь же очаровательны, как и всегда.

— Чушь, — чуть поморщилась госпожа Серена. — Старость наложила на мои плечи свою свинцовую руку, сделав меня горбатой, костлявой, как высохший сучок, и настолько сморщенной, что мой вид заставляет содрогаться даже печеные яблоки. Джентльмен — а принадлежность к этому сословию не передается по наследству, даже царь обязан ее заслужить — никогда не коснулся бы предмета столь болезненного.

— Эйтри говорит, что в юности вы были царской любовницей.

— Меня не волнует, что он говорит.

— Он говорит, что вы были любовницей двух царей и воплощенным ужасом для всех их наследников.

— Эйтри — мелкий вонючий сплетник и гнусный стукач. Будь у вас хоть капля самоуважения, вы не стали бы его слушать. Ладно. Так что вы хотите увидеть сегодня?

Хотя первоначальная кунсткамера могла уместиться в одном-единственном шкафу, это собрание дикувинок быстро расплзлось и разбухло, так что теперь оно представляло собой огромный сводчатый зал, сплошь заставленный стендами, витринами и какими-то загадочными ящиками. Конестогский фургон, в каких древние американцы переселялись на запад, китобойный вельбот, космический корабль «Союз», подвешенный прямо к потолку. Скифский барашек, выращенный в кувшине, соседствовал с чучелом козерога. Запрятанные подальше ящики содержали в себе прекрасные коллекции уральских каменных цветов и сушеных грибов из *Foret de Verges*^[81], на стенах висели единственные достоверно прижизненные портреты царицы Лилит и повелителя Хумбабы^[82]. Здесь же

находились котел богини Керидвен^[83], огромный стол, на чью полированную столешницу пошел поперечный срез рога Бегемота, бесконечные полки японских эротических гравюр, говорящий хрустальный череп, непрерывно болтавший какую-то бестолковщину, семь оправленных в коралл медных бутылок, куда Соломон заточил мятежных джинов, один из которых, судя по взломанной печати, все-таки сумел улизнуть, и многое, многое другое.

— Да, пожалуй, амулеты власти, — небрежно бросил Вилл.

— Идите за мной.

Госпожа Серена скользила по проходу, даже не удосуживаясь взглянуть, следует ли за нею Вилл. В конце концов она остановилась перед заурядного вида шкафом. Повинуясь ее взгляду, ящики шкафа стали поочередно выдвигаться, в каждом из них лежали сотни и сотни амулетов. Вилл наугад ткнул пальцем в бусы из мелких гранатов.

— Вот эта штука, что она делает?

— Наденьте это ожерелье предмету своего желания, и он — либо она — тут же в вас влюбится. — Госпожа Серена презрительно фыркнула. — Ну как, загорелись глазки?

— Увы, — вздохнул Вилл. — Сделать, чтоб женщина тебя полюбила, — это еще самое легкое.

— Совершенно верно, — сухо согласилась хранительница. — Хотя я совершенно не понимаю, где и как мог усвоить эту благую истину такой юнец. Да, впрочем, и не слишком хочу понять. — Она кивнула, и все ящики закрылись. — Что еще вам хотелось бы посмотреть?

— Там еще был один ящик с очень интересными амулетами...

— Очевидно, вы имеете в виду амулет из рога единорога, на котором вырезано тайное имя огня. Тот, который вы пытались слямзить, когда приходили сюда в прошлый раз. Нет, я не думаю, что вам нужно на него смотреть. Что еще?

— Госпожа Серена, — возмущенно выпрямился Вилл. — Я некоронованный, но уже полноправный царь не только этой башни, но и всей Вавилонии, а также половины остального цивилизованного мира, и этот амулет по праву мой. Вы можете, если вам хочется, сколько угодно сомневаться в законности моих притязаний на

престол, но будь я даже самозванцем, что страшного в моей просьбе? Ну куда я сбегу с этим амулетом?

Лицо хранительницы потемнело от гнева, кожа на высоких скулах натянулась. Глядя на эту старуху сейчас, было нетрудно представить, что видели в ней когда-то ее давно усопшие любовники. Ее длинный костлявый палец болезненно ткнул Вилла в грудь.

— Так ты думаешь, желторотый нахал, что твой титул меня впечатлит? Меня? Даже и не надейся. У меня есть пожизненная должность и связанные с ней полномочия. И давно миновали те времена, когда одно уже слово «царь» вызывало у меня почтительную дрожь. Посмотревши хоть раз, как абсолютный монарх, пьяный в дупель и сплошь измазанный блевотиной, растирает по лицу слезы и сопли из-за того, что у него никак не стоит, навсегда теряешь благоговение перед любыми царственными особами. Ну ладно. Мне придется повторить вопрос: что еще?

— Ну-у... может... ветры?

Шкатулка ветров представляла собой набор неглубоких поддонов, разгороженных на квадратики на манер типографских касс. В каждом отделении лежала коротенькая веревка, завязанная замысловатым узлом, причем все узлы были разные. Дейм Серена тронула четыре веревки, лежавшие по углам верхнего поддона.

— Это *анемои*, разложенные согласно греческой классификации: Борей — северный ветер, Зефир — западный, Нот — южный и Эвр — восточный, известные в средневековой системе румбов как Трамонтана, Поненте, Остро и Леванте, до стандартной октавы их дополняют Маэстро, Либеччо, Сирокко и Греко. Теоретически дробление может быть сколь угодно мелким, в этом собрании находятся несколько сотен особо интересных образцов.

— Эти из Лапландии, верно? — спросил Вилл, трогая пальцем северный край поддона. — А что случится, если я развяжу вот этот? — Он извлек из поддона один из узлов.

— Только мы никогда этого не узнаем, верно? — Госпожа Серена стукнула его по руке. — Положите на место, — приказала она. — Сегодня вас так и тянет на проказы.

— Да это же совсем невинный Зефир, — успокоил ее Вилл и вернул взятый узел в опустевший было квадратик, причем проделал это с такой суетой и преувеличенной осторожностью, что госпожа

Серена даже не заметила, что он успел подменить настоящий узел аккуратно вывязанной копией.

Час пролетел почти незаметно. («Десять минут, ваше величество», — сказал Ариэль. «Иди ты в жопу», — откликнулся Вилл.) Но когда Вилл совсем уже собрался уходить, госпожа Серена открыла еще один ящик.

— Вот это вам непременно захочется посмотреть, — сказала она. — Это миниатюрнейшее из владений вашего величества. Его осмотр не займет почти никакого времени.

В ящике плескались голубые океанские воды, в которых весело играли киты, крошечные, как мошара. Посреди океана высился скалистый остров, не более ярда в поперечнике, с тихими бухтами, оживленным портом и маленькими, как игрушки, каменными городами.

Придерживая дыхание, чтобы не сдуть островитян ураганом, Вилл наклонился к чудесному миру поближе и начал его рассматривать. Но тут в глазах у него поплыло, а когда все прояснилось, оказалось, что он стоит под навесом на роскошном, из белого песка пляже. Вокруг цвели яркие тропические цветы. «Где я?» — растерялся он. Тут же рядом стояла высокая, стройная эльфийская девушка в бирюзово-зеленом саронге. Даже по меркам своего племени она была сказочно прекрасна.

— Кончай таращиться на мои сиськи! — прикрикнула на Вилла девушка. — Зенки износишь.

— Госпожа Серена? — изумленно выдохнул Вилл, узнавший вдруг эти скулы.

— Ты бы удивлялся потише, — посоветовала девушка. — Так трудно поверить, что когда-то я выглядела совсем неплохо? Ну ты невежа. А что до того, где мы находимся, так это Страна Вечной Юности. Мы не сможем задержаться здесь надолго.

— Это что, такая аллегория?

— Аллегория? — улыбнулась девушка и крепко его ущипнула. — Это как по ощущениям, очень аллегорично?

— Нет, не очень, — поморщился Вилл, растирая ущипнутое

место. — А почему мы здесь?

— Дворец — он, конечно, архитектурное чудо, но в нем не стоит и надеяться на приватность. У нас же там настоящее фашистское государство, везде соглядатаи и микрофоны. А вот здесь, в Стране Вечной Юности, этих опасностей нет. Мы с Мардуком Семнадцатым приходили сюда, чтобы... Ладно, об этом не стоит. Но если бы его лизоблюды прознали, мне бы никак не дали дожить до такого омерзительного возраста. Здесь мы можем говорить совершенно свободно.

— Ммм... верно, пожалуй. О чем мы будем говорить?

— Они знают, что ты намерен бежать. Прошу тебя, даже и не пробуй.

— Госпожа Серена, в этом дворце я фактически заключенный. — Вилл говорил негромко и серьезно. — А заключенный просто обязан попытаться сбежать.

— Ну что ж, обязан так обязан. Мне и в голову не придет вставать между идеалистом и его совестью, сколь бы оторванными от реальности ни были и он, и она. Но сегодня уж точно не надо. Они ожидают, что ты выкинешь что-нибудь эдакое, и будут настороже.

— А откуда вы знаете? — удивился Вилл.

— Я же говорила тебе, что Эйтри — заядлый сплетник. Мы регулярно сходимся за чашкой чая. Это единственный порок, оставшийся мне доступным.

Земля Вечной Юности заколыхалась и исчезла, Вилл снова стоял посреди кунсткамеры. Вновь постаревшая госпожа Серена вжала ему в ладонь какой-то предмет. Тот самый огневой амулет, который он попытался, но не сумел украсть.

— Возьми, — прошептала она, едва шевеля губами. — На всякий случай, вдруг будет нужно.

— Что это, госпожа Серена? — изумился Вилл. — Выходит, я вам все-таки нравлюсь?

— Закрой поддувало, или схлопочешь по морде. Ты дурак, подобно всем известным мне монархам, а я дура вдвойне, что пытаюсь тебе помочь. Но, увы, — ее лицо как-то сразу смягчилось, — у меня всегда была слабость к царям.

Они ждали, что сегодня он что-нибудь предпримет. Конечно же, он так и сделал.

Все началось тем же вечером, когда Вилл прогуливался по саду.

— Сэр, — сказал бесплотный голос Ариэля, — с вами желает встретиться Мастер Испытаний.

— Флориан? Направь его в зал аудиенций. И пусть подождет.

— Сэр, он говорит, что дело очень срочное.

— Тогда скажи ему, что я постараюсь прийти поскорее, а через час напomini мне, что он там ждет.

Вилл вытащил из пачки сигарету и закурил. Это был поступок вызывающе провокационный, и реакция не замедлила последовать. Тут же откуда ни возьмись примчался Эйтри.

— Сэр! Сэр! — визжал карлик, заламывая в отчаянии руки. — Здесь нельзя курить!

— С чего это?

— Есть муниципальное постановление, запрещающее курить в государственных садах и парках. К каковым юридически относятся и все ваши сады.

— У вас, сэр, есть курительная комната, — встрял в разговор Ариэль. — И весьма неплохо оборудованная.

— Правда, что ли? А мне неохота туда тащиться. — Вилл выпустил струю дыма в общем направлении мажордомова голоса. — Ну и как же все вы думаете теперь поступить?

— Конечно же, сэр, я не могу вас и пальцем тронуть. Но я могу после каждого подобного инцидента удерживать дневную зарплату всего дворцового персонала. — Эйтри, обремененный картежными долгами и ошибочно полагавший, что об этом не знала во дворце ни одна живая душа, выглядел уязвленным в самое сердце. — Если вы хотите именно этого.

Вилл непечатно выругался, бросил сигарету на землю и растоптал ее каблуком. В то же мгновение Эйтри упал на колени и начал сгребать пепел в ладонь.

— Ладно, вы только мотайте все отсюда к такой-то матери, все до единого, договорились? Оставьте меня в покое. Если курить нельзя, так дайте мне хотя бы пять минут побыть в одиночестве. Уходите, оба, и заберите с собой весь остальной персонал.

— Да, сэр, — поклонился Эйтри. — Спасибо, сэр.

— Как желаете, сэр.

Близость Ариэля всегда вызывала у Вилла мерзостное ощущение, теперь оно совершенно исчезло.

Оставшись в одиночестве, Вилл тут же перевернул плетеный стол, так что он превратился в корзину с короткой толстой ножкой посередине, выкинул фрукты из стоявшей на другом столе бронзовой вазы и аккуратно поставил эту чашу на ножку, торчавшую посередине корзины. Затем бросил в чашу огневой амулет и активировал его руну, пробормотав нужное слово. Жар рванулся из чаши вверх, не настолько сильный, чтобы оторвать шатер от земли — это будет позднее, — но вполне достаточный, чтобы удерживающие его веревки слегка натянулись. Отвязав поочередно эти веревки от колышков, Вилл привязал их к краям корзины. Шесты, натягивавшие шатер, он просто бросал на землю.

Все было готово! Нагрузив для равновесия один край корзины подвернувшимися под руку растениями в горшках, Вилл торопливо забрался в нее и устроился на другом краю.

— Сэр? Да что это вы делаете?

— Моя обязанность, — ответил Вилл, не слишком заботясь о вразумительности своего ответа.

Затем он пробормотал еще одно слово, которое задействовало огневой амулет на полную силу. Из вазы рванулся мощный поток горячего воздуха, полотняный шатер громко хлопнул и начал надуваться.

Вилл достал из кармана обрезок веревки, развязал колдовской узел, и послушно прилетевший западный ветер начал раскидывать по земле бумаги и салфетки, а главное — потянул надувшийся шаром шатер на восток.

В тот самый момент, когда импровизированный монгольфьер оторвался от земли, на крышу начали сбегаться слуги. Одни из них врезались в свежесаживаемые розовые кусты, другие обегали их,

перепрыгивая новую садовую мебель либо о нее спотыкаясь. Они подскакивали вверх, тщетно пытаясь схватить улетающую корзину, Вилл хохотал в их запрокинутые лица и...

— Хватит.

Воздух резко похолодел. Летающий шатер немного обмяк и перестал трепетать. Посреди сада возник Ариэль в его телесной форме: худощавая фигура с бледным, как известка, лицом, гладкими черными волосами и петушиным гребнем. Его рот был горько перекошен, однако голос оставался спокойным и был все так же сладкозвучен.

Ариэль извернул в сторону кисть правой руки, и монгольфьер покорно вернулся к точке отлета. Мгновенно сбежавшиеся слуги схватили и унесли огневой амулет, поставили плетеный стол в нормальное положение, собрали во все еще теплую вазу рассыпанные фрукты и вновь натянули шатер на шесты. В какие-то секунды все стало, как было прежде.

Поймали. А как бы могли они не поймать? Теперь, глядя на холодные глаза и тонкие жесткие губы Ариэля, Вилл окончательно уверился, что именно эта тварь была главным в его окружении шпионом, что именно Ариэлю доносили обо всем увиденном и девушки-якши, и Эйтри, а может быть — как знать? — и госпожа Серена.

Ариэль поблек, стал полупрозрачным, а затем и вовсе исчез.

— Сэр? — Его голос опять звучал словно из ниоткуда. — Возможно, назначенный час не совсем еще истек, но... вы просили напомнить, что вас ждет Флориан Л'Инконну.

Подобно большинству помещений Дворца Листьев, зал аудиенций казался Виллу слишком уж большим и слишком уж разукрашенным, а в результате — предельно неудобным. Потолок тут был белый с обильной приторно-розовой лепниной в виде фруктов, лент, гирлянд и медальонов. Нечто подобное могло бы получиться, если бы Фаберже изготовил розовый веджвудский чайник размером с автобусное депо, а затем вывернул его наизнанку.

А вот Флориан, конечно же, был здесь в родной стихии. Когда на пороге появился Вилл, он гибко встал из кожаного кресла и затушил

окурок сигары в ближайшей пепельнице.

— Мне нужно побеседовать с тобой на весьма щекотливую тему, — начал Вилл без всяких прелиминариев. — Прошлым вечером ты наговорил мне много такого, чего никак не стал бы говорить, не имея ты полной уверенности, что тебя не слышит ни один шпион. Из чего я делаю естественный вывод, что ты можешь обеспечить нашей беседе полную конфиденциальность.

Флориан достал из жилетного кармана коммуникатор «блэкберри», нажал несколько кнопок и снова его спрятал.

— Можешь говорить, что душе твоей угодно.

— Скажи мне, — прищурился Вилл, — я действительно царь?

— Да, — кивнул Флориан, — я искренне полагаю, что так оно и есть.

— Тогда на колени.

— Что?

— На колени! — Голос Вилла возрос почти до крика.

Флориан Л'Инконну, Мастер Испытаний, пожизненный член Лиосалфара и наследник знаменитого богатейшего рода, опустился на одно колено и склонил голову, как последний раб или кухонный мужик.

— Ваше величество.

— На оба колена!

Лицо Флориана потемнело, однако он подчинился.

— Дотронься лбом до земли.

Красный от нестерпимого унижения Флориан сделал и это.

Так вот, думал Вилл, какова на вкус абсолютная власть. Со временем он мог бы ее полюбить. А злоупотреблять ею было бы проще простого. Что само по себе уже более чем достаточная причина, чтобы не засиживаться в этом месте ни одной лишней минуты.

— Встань, — скомандовал он, — и разденься догола.

Флориан подчинился, но на этот раз на лице его было явное сомнение.

— Можно мне спросить, для чего все это?

— Ну конечно можно. — Вилл подхватил со стола тяжелую хрустальную пепельницу и опустил ее на голову Флориана. — Пока ты будешь валяться в больнице, я успею сбежать из Вавилона.

Колдовство, примененное Виллом, чтобы сыграть роль Флориана, было на скорую руку сляпано из оберточной бумаги, лунного света, паутины и приворованных про запас обрезков ногтей. Если бы такую штуку использовал заключенный самой обычной тюрьмы, она сработала бы не лучше, чем пистолет, вылепленный из мыла и покрашенный гуталином. То есть достаточно хорошо, чтобы ввязаться в серьезную заварушку, но недостаточно, чтобы и вправду вырваться на свободу.

С Флориановым лицом и в его одежде Вилл беспрепятственно дошел до центральной лифтовой, и дежурный хайнт, настолько почтительный, что его будто и вообще там не было, нажал кнопку вызова. Раздвинулись высокие бронзовые двери, Вилл сказал оператору: «Нижний этаж», и лифт начал опускаться. Остановился он только однажды, на семидесятом, чтобы впустить еще одного пассажира.

Не пассажира, а пассажирку. Алкиону.

Сердце Вилла дрогнуло, однако он сумел сохранить ледяную гримасу.

— Ну, братец, что нового?

— Вавилон как стоял, так и стоит. Испытания проходят успешно. Где-нибудь на той неделе мы усадим Претендента на престол.

— И ты все еще думаешь, что Обсидиановый Престол его примет?

— А какая разница? И так, и так я останусь доволен. Если он настоящий наследник, в моих руках окажется марионетка, если же нет... — Вилл на секунду замолк. — Если же нет, я немного позабавлюсь, наблюдая за его мучительной медленной смертью.

— Да? — На лице Алкионы отразилось изумление. — Вчера ты говорил об этом как-то поспокойнее. Вчера ты сказал, что

практически надел уже на руку эту... — Алкиона оборвала фразу, пристально всмотрелась в его лицо, и глаза ее расширились. — Вилл? — выдохнула она.

Вилл остерегающе приложил палец к губам и стрельнул глазами в сторону лифтера. Который, по счастью, стоял лицом к двери и смотрел строго вперед, то ли ничего не слыша, то ли тактично не позволяя себе что-либо думать об услышанном. Осторожно, не поворачиваясь, Вилл взял Алкиону за руку и ощутил ответное пожатие. Она была с ним, на его стороне. На какое-то мгновение, никак не дольше, Вилл воспарил духом.

Затем двери лифта открылись, и Вилл шагнул в вестибюль Аларата. Между ним и выходом на улицу стояла цепочка охранников, львиноголовых демонов. Во главе их был Флориан. На какое-то мгновение Вилл потерял дар речи, а потом все понял.

— Ну и сука же ты, Флориан, — ощерился он. — Подставил меня с этим своим долбаным двойником.

Лицо Алкионы застыло, превратилось в мраморную маску.

— Понимаешь ли, есть много направлений проверки претендента на царство, — улыбнулся Флориан. — Ну конечно же, законность его претензий. Но не менее важно быть совершенно уверенным, что кандидат способен быть правителем. Должен признаться, что в этом отношении я сильно в тебе сомневался... Чтобы отвлечь внимание от задуманного побега, ты притворялся стоящим на грани самоубийства. Что же касается самого побега... в общем-то, это было весьма изобретательно, тут нужно отдать тебе должное, но при этом не очень убедительно. Даже при помощи попутного ветра ты не мог всерьез надеяться обогнать и самого простецкого гиппогрифа. Да и вряд ли разумно отдавать столь ненадежное воздушное судно на волю ветров, порожденных близостью Жуткой Башни и печально известных своим непостоянством. Поэтому твой план, разрушенный Ариэлем в самой начальной стадии, отнюдь меня не впечатлил. Я совсем уже было махнул на тебя рукой. Но затем подумал о времени, когда ты выступал как уличный мошенник, подмастерье мастера, настолько скользкого и ушлого, что его не сумела обнаружить даже наша политическая полиция, приложившая к этому огромные усилия. Может ли тот, кто получил такое образование, ограничиться столь очевидным планом? Нет. Ты заранее ожидал, что твой побег на

монгольфьере будет раскрыт и предотвращен, потому что он предпринимался лишь для отвода глаз от твоего настоящего побега, который действительно был задуман очень хитро. Он даже мог бы сработать, не предвидь я заранее какую-нибудь неожиданность.

Глаза Флориана горели желтым волчьим огнем.

— Ты доказал свою лживость, вероломность и жестокость. Из тебя получится прекрасный правитель. Ты прошел свое последнее испытание. У тебя есть все качества, чтобы сесть на Obsidianовый Престол.

Вилл направлялся на коронацию словно на казнь.

Обсидиановый Престол располагался глубоко во чреве того же самого здания, на верхушке которого примостился Дворец Листьев. Но сперва коронационная процессия семижды обогнула Арарат противусолонь. Причем впереди выступала, расчищая путь, львиная гвардия, а сзади, вперемежку, следовали духовые оркестры, колонны вивернов^[84] и пауколапые гегемоты, лицедеи выплясывали с мячами, а циркачи жонглировали пылающими факелами. Вилл сидел на лошади, уступавшей мощью и красотой разве что самой Эпоне, а слева и справа его охраняли отряды телохранителей, сформированные из людей-скорпионов.

Перед ним танцевали нимфы в длинных белых туниках, осыпавшие все вокруг лепестками роз и ловко крутившие маршальские жезлы.

На тротуарах толпились несметные орды зевак. Зеваки были и в окнах всех окрестных зданий, те же, которые умели летать, густо обсели все крыши и стаями кружили в небе. Восторженные крики и здравицы сливались в сплошной пандемониум. Везде, где ни проезжал Вилл, с тротуаров выпускали сотни ярких воздушных шариков, и они устремлялись вверх сквозь сыплющийся вниз дождь разноцветных конфетти и стаи только что выпущенных голубей, которые, ошав от неожиданной свободы, выписывали в небе дикие пируэты. Все было организовано несравненно лучше, чем его Выдвижение, но казалось в то же время как-то очень зарепетированным и не совсем натуральным. Настроение толпы было не столь уже радужное, приветственные крики звучали не так спонтанно. Букентавры^[85], трусившие вслед за Виллом, разбрасывали пригоршни золотых солейлей и серебряных лунаров с его профилем на аверсе, только что вышедших из-под чеканного пресса. Это должно было символизировать, что его правление начинается с изъятия щедрой благожелательности, но зеваки бросались на монеты, как изголодавшиеся шакалы, и на всем пути Вилла постоянно вспыхивали потасовки.

Вилл ехал со склоненной головой, потому что мысли у него были мрачные и ему не хотелось, чтобы кто-нибудь прочел их по его глазам.

— Улыбайтесь, сэр, — прошептал ему на ухо Ариэль. — Помашите им рукой.

Вилл через силу поднял руку и помахал. Было как-то нечестно не ответить на приветствия граждан, но он не мог заставить себя улыбнуться. Ну не мог он любить их с той же силой, как в тот день, когда они во всеобщем порыве подхватили его на руки и вознесли из Малой Тулы на вершину Вавилона. Он не испытывал к ним никаких чувств, кроме презрения, безразличного, отстраненного презрения.

А затем, как-то слишком уж быстро, шествие завершилось.

Вилл оказался там, откуда начинал. Когда он спешил, три ряда горнистов со сверкающими горнами сыграли героическую фанфару, специально сочиненную для этого случая. Сатрапы вассальных государств бросались ниц, образуя своими спинами ковер для его шагов. Знаменитейшие знаменитости резво выскакивали из своих лимузинов и неслись, отталкивая друг друга, к Арарату, чтобы распахнуть его двери.

Он вошел. Хотя все охранники и политики, участвовавшие в процессии, хлынули за ним потоком, лишь малая их часть сумела попасть в вестибюль. И еще меньшая часть сумела втиснуться вместе с ним в первый поданный лифт, и как-то так вышло, что очень многие куда-то пропали за время пути по длинным узким коридорам. Когда же за Виллом захлопнулись стальные двери тронного зала, Вилл с тревогой осознал, что его сопровождение уменьшилось до двух людоедов, державших его за руки, и Флориана Л'Инконну, указывавшего им путь.

— Наступает момент, иже воздаст вам за все, — сказал Ариэль. — Сэр.

Вилл оглянулся и увидел, что никто за ним не идет.

— А где же все? — растерянно спросил он, а тем временем людоеды сажали его на престол.

Кожаные ремни обездвигили его руки и ноги, еще один ремень затянул его грудь. Он не мог пошевелиться.

В тесноватой комнате со стенами из шлакоблоков тускло горела

одна-единственная лампочка. На полу по соседству с престолом были видны какие-то потеки, а может быть, и следы огня. В воздухе воняло гарью. В одной из стен имелось большое окно. По ту сторону окна выстроился длинный ряд эльфийских нотаблей в темно-синих защитных очках и просвинцованных куртках. Все они смотрели на него, смотрели холодно и бесстрастно.

— Что здесь происходит? Почему на них вся эта защита?

— Так, пустая предосторожность.

Флориан открыл безликий инструментальный шкафчик и вытащил оттуда путаницу кабелей и проводов. Людоеды тут же принялись распутывать их, а затем втыкать в стенные розетки и какие-то электрические приборы. На голове у Вилла затянули гладкий металлический обруч шириною приблизительно в половину ладони.

— Ваша корона. — Флориан взял длинный провод с «крокодилами» на концах и прицепил одного «крокодила» к короне, а другого к чему-то похожему на генератор.

— Не понимаю, — сказал Вилл, стараясь побороть подступавшую панику. — Я представлял себе все как-то иначе.

Людоеды мазнули его шею слева и справа какой-то липкой заразой и прикрепили к ней два электрода.

— Если будет тошнить, — предупредил Флориан, — постарайтесь отвернуть голову в сторону, чтобы ничего здесь не закоротить.

— А что, это очень возможно?

— Бывает все, сэр, — чопорным голосом сказал Ариэль. — Может случиться, что вы к тому же обгадитесь.

К своему полному ужасу, Вилл почувствовал, что на глаза ему набегают слезы, и постарался их сморгнуть.

— Пожалуйста, — попросил он, — только не так. Позвольте мне умереть хоть с каким-то подобием достоинства.

Ему никто не ответил. Людоеды ушли. Затем ушел и Флориан Л'Инконну, сухо поклонившись, перед тем как захлопнуть дверь снаружи.

Вилл остался один.

Минуту спустя Флориан появился по другую сторону окна, он надел защитную куртку и очки и присоединился к прочим наблюдателям. Эльф, стоявший у другого конца окна, повернулся к стене, и Вилл впервые заметил там большой рубильник, зафиксированный в выключенном состоянии двумя предохранительными болтами. Эльф вытащил из кармана отвертку и неторопливо, но умело вывернул болты. А затем взялся за ручку рубильника.

— Постарайтесь расслабиться, сэр, — прозвучал из паршивого динамика жестяной голос Ариэля. — Вы можете ощутить легкое неудобство.

Мир словно взорвался.

Вилла ударило по глазам ослепительное сияние, и он провалился.

Рассыпая по пути фейерверки искр, Вилл падал сквозь бесконечный мрак. Мрак был виртуальный, так что, строго говоря, его не было, однако чувство падения было абсолютно реальным, потому что он погружался все глубже и глубже в неосязаемый мир духов. Вилл раскинул руки, так что стал походить в собственном представлении на акварель Уильяма Блейка с изображением падающей звезды.

Он падал и, падая, впервые постиг природу Обсидианового Престола. Это был более чем символ власти и более чем прибор для окончательной проверки законности нового царя. Эти функции лишь случайно сопутствовали его истинному назначению. Это был центральный распределительный узел, обеспечивавший доступ ко всем электронным и тавматургическим^[86] данным, собранным Вавилоном. Здесь хранились вся мудрость и тайны Башни Царей, Вилл мог узнать здесь все, что угодно.

Только с чего начать?

Вилл сидел у ручья, болтал ногами в воде и беседовал со своим лучшим другом, Паком. Над тростниками суматошно метались стрекозы. Приятно пахло болотной сыростью. На один ошеломительный миг ему показалось, что он все еще в своей деревне

и что все его приключения в широком мире — это не более чем морок, насланный Семерыми, чьи капризы и причуды пользовались печальной славой и чьи мотивы неисповедимы. Но затем мимо прошли двое абатва, тащившие на прогибавшемся от тяжести сучке убитого водяного дракона, и он осознал, что находится в вавилонских Висячих садах.

— ... настрадался, чтобы попасть сюда и одарить тебя знанием, — говорил Пак. — Вот оно: когда ты умрешь, то вдруг окажешься посреди луга, поросшего короткой зеленой травой, вроде как городской газон. Над головой у тебя будет яркое синее небо, но только без солнца. Там будет дорога, и ты пойдешь по ней, потому что больше и делать-то будет нечего. В конце концов ты увидишь камень — здоровенный, поставленный торчком, как каменная баба. Большинство народа огибает его слева, там дорога сильно утоптана. Но если присмотреться получше, то видно, что есть и путь направо. В тебе не одна кровь, а две, поэтому ты можешь пойти любым путем. Если ты пойдешь налево, то родишься вновь. Что случится, если пойти направо, не знает никто из живущих.

— А я что, мертвый? — опасливо спросил Вилл.

— Нет, конечно же, нет. Поверь мне, если бы ты умер, ты бы знал об этом.

— Тогда зачем ты мне все это рассказываешь?

Пак Ягодник подался вперед и уставил на Вилла пронзительный взгляд своих черных, как омуты, глаз. Лицо у Пака было бледное и опухшее, как у утопленника, только что вытащенного из воды.

— Во всяком случае, не для того, чтобы советовать, какой путь тебе лучше избрать, — это уж твоя воля. Когда подойдет тот момент, ты должен знать, что у тебя есть выбор. У тебя всегда есть выбор.

Только тут Вилл вспомнил, что Пак давно уже мертв, и по коже у него побежали мурашки.

— А ты правда здесь? — спросил он. — Или я тебя просто воображаю?

— Во внутреннем мире нет места для подобных различий. Возможно, я просто ментальный артефакт, сколоченный из твоих воспоминаний и эмоций. А может быть — лично я считаю это более вероятным, — что я посланец из некой далекой страны. — Он

улыбнулся широкой лягушачьей улыбкой. — Ты все-таки уселся на Обсидиановый Престол, и теперь мы с тобой можем беседовать без всяких затруднений, вот и все.

— А как это получилось? Почему он меня не убил?

— Потому что ты и есть единственный настоящий царь.

И тут Обсидиановый Престол раскрылся перед ним окончательно. Языком, на котором говорили в рассветные времена, до изобретения лжи, который забылся миллионы лет назад, но был настолько прозрачен, что каждый его слышавший все понимал, Престол сказал Виллу, что он был законным, неоспоримым наследником, а значит, стал сейчас царем. Затем он объяснил ему, как это могло случиться, вернее, как это случилось.

Так вот и вышло, что первые слова, какие произнес Мардук XXIV, Милостью Семерых Царь Вавилонской Башни и Повелитель всей Вавилонии с Присовокупленными территориями, Защитник Фейри, Покровитель Малой Фейри, Вождь Рода сайн-Драко, Владетельный Князь Коронаты и Островов Авалона, Наследственный Лэрд Западного Парадиза, были:

— Ну ты и зараза!

Нат Уилк был его отцом.

Раз произнесенное, это становилось очевидным. Нат подкараулил Вилла на идущем в Вавилон поезде и использовал всю свою хитрость и уловки, чтобы привлечь его к себе. Когда Вилл проявил недостаточное желание стать его напарником, он потерял его багаж, сделав Вилла беспаспортным нищим, существом вне закона. Нат, согласно его же словам, был вавилонским аристократом и сбежал от всего своего богатства. Но у какого аристократа, не считая самого царя, могли столь очевидным образом отсутствовать высокоэльфийские гены? И какому аристократу, не считая опять же царя, мог вообще *потребоваться* побег?

Нат изолировал Вилла, обучил его хитростям и обману, познакомил его с высшим обществом. Как искусный лучник стрелу, он нацеливал Вилла на задуманную мишень — Обсидиановый Престол. И за все это время он с высокомерным упорством не запятнал себя ни единой ложью. Он обманывал Вилла, разыгрывая

роль закоснелого лжеца, сам же при этом всегда говорил простую, неприкрашенную правду.

Сколько раз он называл Вилла сынком?

В висках у Вилла болезненно бился пульс, к горлу подступала тошнота, его запястья стали холодными как лед и мучительно ныли. Вот такие же ощущения испытывал он, сидя в драконовом кресле. Так что же, значит, все то же самое и он никуда не убежал?

Каким-то уголком своего сознания Вилл видел эльфийских нотаблей, тесно стоявших в наблюдательной камере. Они облегченно улыбались и снимали защитные очки. Затем они, непринужденно болтая, толпою ввалились в тронный зал. Они считали, что новый царь все еще оглушен, не вышел из обморока, и торопились отключить его от Престола. В следующий раз, когда Вилл опять воссядет на Престол, все будет совершенно иначе. Они будут следить, не захочет ли он использовать силы Престола в своих собственных целях. У них будут наготове нейроманты, читающие его мысли, а какой-нибудь тупоголовый, но абсолютно лояльный им людоед будет, на случай если Вилл вдруг взбунтуется, держать у его виска взведенный пистолет.

В стране так долго не было царя, что эти ребята совсем позабыли, сколь огромны его возможности.

Вилл покинул Висячие сады и плавал теперь в безбрежном океане информации. Здесь был записан весь Внешний Мир, каждая бензозаправка, каждая травинка и каждый аристократ, и все они, переведенные в двоичную ману, отслеживались в реальном времени. А значит, в соответствии с квантово-алхимическим принципом подобия «как Внутри, так и Снаружи», любая модель, порожденная во Внутреннем Море будет иметь точное подобие в реальной вселенной.

Вилл запустил в тронный зал надуманный им ветер, который мгновенно сдул эльфийских лордов в приемную и погнал их, испуганно визжавших, нелепо взмахивавших руками, по длинным коридорам Арарата, вниз по лестнице и, в конечном итоге, на улицу. Затем Вилл запер за ними дверь. На каком-то повороте Ариэль исхитрился отстать от прочих и забиться за алебастровую кадку с пальмой. Но Вилл никак не мог этого не заметить, а невидимость Ариэля имела значение только во Внешнем Море. Злорадно

ухмыльнувшись, Вилл взорвал алебастровую кадку, надежно обеспечив, чтобы в тело мажордома не попал ни один осколок. А затем ухватил своего недавнего тюремщика за шкуру и скинул в густые заросли терновника.

От души, одним словом, повеселился.

Вилл быстро пробежался мыслями по Дворцу Листьев, рассматривая все уголки и запирая все двери. Обеспечив себе безопасность от любых нежеланных гостей, он оставил дворец.

Было самое время познакомиться с полученными по наследству силами. Вилл отпустил свое сознание блуждать по домам и улицам города, от разума к разуму.

Он был каменным львом, пере-пере-перечитывавшим без всякой спешки и без всякого удовольствия «Аристократов воздуха», книжонку о гиппогрифах, украденную им у какого-то зазевавшегося деревенского лопуха, и в тысячный раз проклинал этого дурошлепа за жалкий, примитивный читательский вкус.

Он был финансовым следователем из народа тилвит-тег, завершавшим разработку мелкого казнокрада по имени Салем Туссен. Год за годом олдермен исхищрялся переводить общественные средства неким частным (а зачастую имевшим лишь одного хозяина) благотворительным фондам, исходя из упрямого убеждения, что только он один и знает, как и на что их следует потратить. Вилл заставил следователя аккуратно собрать все бумаги, накопившиеся за три года упорной работы, и восемь раз прогуляться к мусоросжигалке, а затем наложил на него вынуждение пойти в ближайший бар, нажраться там до полной отключки и очнуться потом без малейших воспоминаний о каком-то там деле Туссена. В заключение Вилл стер из всех электронных баз данных все до единой записи, хоть чем-то опасные для его когдатошнего ментора, а заодно переписал избирательные законы, понижавшие явку хайнтов на выборы, и отменил закон, который ограничивал некоторые виды банковских операций.

Он был тощим, как тростинка, шелликоутом, боязливо выбиравшимся на поверхность из жерла полуподземной линии метро. Он принадлежал к общине йохацу, транспортные копы прогнали их из старого обжитого сквота, и сегодня тан-леди послала его наверх за нужным позарез материалом для матрасов — тряпками, стружками,

обрывками газет — да чего там только не бывает. На соседний пустырь вывернул грузовик, и шелликоут испуганно забился в тень. Затем его глаза удивленно расширились — из кабины выскочил рыжий карлик, тщательно проверил накладную, пожал плечами и начал скидывать на землю новехонькие, завернутые в пластик матрасы.

Он был одним из лошадиных — тощий, худой, но гордый своим табуном. Так как этот народ не имел и не хотел иметь ничего, кроме слепых от рождения пещерных лошадей, Вилл был не в силах что-нибудь им дать, и он поспешил дальше.

Он был, совсем недолго, госпожой Сереной. Вилл поразился, узнав, насколько она богата. За последние двести лет каждый царь — в том числе, если верить слухам, и панически ее боявшиеся — оставлял госпоже Серене приличное состояние. Вилл заглянул в ее воспоминания, покраснел и постыдно бежал.

Вилл отпустил свое сознание блуждать по всем семнадцати округам столицы, перетекать от хайнта к троллю, карлику и палочнику, через хобтрашей, ночников и ночных гонтов, уличных умников и регулировщиков уличного движения, кошководьмочек и милкдиков, русалку, притворявшуюся в грошовом стриптизном баре, что хочет совокупиться с шестом, псоглавцев и ониса, клурикона, умиравшего в маленькой комнате над баром, червивцев и ловкачей, подпиливавших золотые монеты, поваров, жуликов и лопушистых лохов, на все согласных слабаков, продажных юристов и благоразумных сантехников, клабберснапперов, водяных и портовых докеров со склонностью к поэзии, подметальщика улиц, тратящего последние тринадцать долларов на лотерейные билеты, игошей, итчикитчев, громил и безработных иммигрантов, младенцев в загаженных пеленках, каменщиков и девочек с кудряшками, биржевых брокеров и вконец отчаявшейся клюды, задумавшей набег на мусорный бак за рестораном и преобразующейся для этой цели в свою собачью форму, галантерейщиков и рыботорговцев, вышибал и лексикографов, престарелого каригана, вспоминающего о былых деньках на бродвейских подмостках, украинцев и русинов, инспектора по технике безопасности, горделивых старух и разукрашенных шрамами заслуженных вояк, а дальше нимфы, никси, состоятельные наследницы, домашние хозяйки, дурковатые девственницы, заботливые бабушки, оптимистичные чудовища...

И вдруг он увидел лисицу на мотороллере, ехавшую по двухрядной дороге прочь от Вавилонской Башни, увидел и не смог внедриться в ее сознание. Сперва Вилл подумал, что дело просто в расстоянии, слишком уж далеко до нее от Престола, но затем лисица свернула на обочину и резко затормозила.

— Ты здесь, — сказала она. — Я тебя чувствую.

Лисица расстегнула притороченную к сиденью сумку и достала из нее пистолет, а затем куколку, такую крошечную, что она умещалась у нее в кулаке.

— Мы с тобою не были такими уж большими друзьями. — Она хищно улыбнулась, сверкнув белыми острыми зубами. — Но ты же все-таки Натов ребенок, и я дам тебе послабление. — Она разжала ладонь и показала фигурку, грубо слепленную из вара и соломы с клочьями светлых волос, прилепленных к макушке, и пуговицей от одного из Вилловых блейзеров, пришитой к тряпке, изображавшей рубашку. — Догадайся, на чьей крови и чьих соплях лепила я эту штуку? — Она приставила к куколке ствол пистолета. — Еще одна попытка заползти ко мне в голову, и соломенному мальчику каюк. Ты даже не успеешь сообразить, что с тобою случилось. А может, — она ласково улыбнулась, — я просто блефую. Проверь, если хочется.

Лисица убрала пистолет и куколку, села на мотороллер и поехала. Перед тем как исчезнуть за поворотом, она оглянулась и постучала себя по сердцу. «Он здесь, — понял Вилл. — Он живет». Лисица послала ему воздушный поцелуй и пропала из виду: «Счастливо оставаться».

Получив абсолютно полную картину Вавилона, от демонов, чинивших канализацию, до горгулий, восседавших на крыше, Вилл обратился мыслями к войне. Для начала он вошел в мозг лорда Веньянсы, стратега, знакомого ему по встрече в Алкионовом клубе, и быстро выяснил, что заявленные поводы к войне: пограничные споры, идущие еще со времен Хай-Бразильского соглашения, потопление морским змеем у побережья Мах-Мелл чьей-то там канонерской лодки и отказ Дочерей Запада принести в дань чистокровного быка, чья родословная восходит к Финдбеннаху Ай^[87], - куда менее значимы, чем контроль над нефтью Северного моря, стратегические запасы марганца и доступ к Гиперборейским

проливам. Чем глубже Вилл вникал, тем туманнее становилось, кто же все-таки был изначальным агрессором и как можно помирить враждующие стороны. Но, ознакомившись затем со стратегией и логистикой, Вилл быстро сообразил, что без адекватной воздушной поддержки Западная военная кампания неизбежно сойдет на нет.

Он принялся менять коды доступа всех боевых драконов ВВС Его Наличествующего Величества, чтобы после любой посадки было невозможно приказать им снова подняться в воздух.

— Ох, Вилл. Ну что же ты тут наделал?

Вилл поднял глаза и увидел, что стоит на темной, всеми ветрами продуваемой равнине. Вдалеке смутно виднелись горные вершины. И ни звездочки в небе. Перед ним стоял ну точно вроде бы Пак Ягодник, но только это был никакой не Пак.

— Я знаю, кто ты такой, — сказал Вилл. — Откройся.

«Пак» нехорошо ухмыльнулся, ухватил себя за ухо и, словно резиновую маску, сдернул свое набухшее водой лицо. Под ним оказалось другое лицо, нежное и розовое. Как кожа под только что скovyрнутым струпом. Собственное Виллово лицо.

— Тебе не провести меня, старый хохмач, — вконец разозлился Вилл. — Я сразу узнал тебя, дракон Ваалфазар.

— Неужели ты думаешь, что я пытаюсь тебя обмануть? — удивился дракон. — Не забывай, что я стал твоей частью. Мы с тобой никогда уже не сможем освободиться друг от друга. — Однако он все же принял свою духовную форму, гибкую и волнистую, с прожилками света. И запредельно прекрасную. — Ты хочешь закончить войну — давай заканчивай. Но добьешься ли ты этого, приковав к земле свои ВВС? Не будет этих, так построят другие.

— Умолкни, Червь! Я знаю, на чьей ты стороне.

— Да при чем тут все эти ваши стороны, меня интересует одно лишь разрушение. Вопрос состоит в том, на чьей стороне *ты*. Ведь ты же клялся принести Вавилону войну, или уже позабылось? Неужели твои молодые порывы ничего больше для тебя не значат? Давай я покажу тебе, как это могло бы выглядеть.

Звук был оглушительный, словно разом закричало все сущее. Он был настолько первозданен, что лишь какое-то время спустя Виллов мозг опознал его как грохот чудовищного взрыва. Теплая рука

спрессованного воздуха толкнула Вилла в грудь, и он отлетел на добрый фут. Неожиданно оказалось, что в ушах у него звенит. Он подумал, что вроде бы что-то изменилось, и одновременно почувствовал, что весь Вавилон неуютно сдвинулся у него под ногами.

Вилл повернулся в одну сторону, затем в другую, но ничего необычного не заметил. На тротуаре — пешеходы, в воздухе — стайки девочек-стрекоз, фавн торгует с тележки жареными каштанами.

А затем увидел народ на эспланаде и пальцы, дружно тычащие вверх, где высоко-высоко из непомерно огромной туши Вавилона пробивался голубой дымок.

— Так прямо и врезался! — крикнул чей-то возбужденный голос. — Я сам видел!

Вилл выворачивал шею, стараясь получше все рассмотреть. Из башни рвался дым. Казалось невероятным, что может быть так много дыма. Он рвался из города неудержимым потоком, словно стремясь затопить все небо. Ну конечно же, думал Вилл, он скоро изойдет на нет — просто потому, что нечему будет гореть. Но дым все прибывал, и прибывал, и прибывал...

У Вилла зрело нехорошее предчувствие. Нет, никакой такой грубятины, как рука, сама собою пишущая буквы, однако предчувствие было настолько острым, что он не мог сомневаться в его правоте: должно было случиться нечто плохое.

— Смотрите! — заорал какой-то хайнт. — Вон там! Он повернулся как раз вовремя, чтобы успеть увидеть, как по небу черной тенью скользнул дракон. На какую-то долю мгновения Вилла кольнуло ощущение родства, а затем дракон врезался в бок Вавилона.

Грохот был за пределами любого грома, телесное ощущение, что вторглось нечто чужое, было настолько огромно, что взрыв топливных баков боевой машины всего лишь продолжил его и усилил. И снова Вавилон содрогнулся.

В голубом сияющем небе уже появились другие драконы. Крошечные, как мошкара, они со всех сторон слетались к Жуткой Башне. Их были сотни и сотни. Не переставая наблюдать за их ленивым полетом, Вилл частью своего сознания вошел в генеральный реестр ВВС и с ужасом узнал, что на каждого дракона, которого он

видит, за горизонтом есть сотни других. Все пригодные к полету драконы его империи самопроизвольно взмыли в воздух. До предела форсируя двигатели, они рвались выполнить свою последнюю миссию: достигнуть Вавилона, пока от него хоть что-то остается.

В тело Вавилона вонзился третий дракон, а за ним и четвертый. По всему городу выли сирены, улицы бурлили живыми водоворотами. Вилл ощущал панический ужас, но вместе с тем и странный подъем.

— Ну разве не здорово быть царем? — ликовал дракон. — И не вдвойне ли здорово быть последним царем Вавилона и наблюдать падение башни?

Нет, хотел ответить Вилл, нет, не здорово. Хотел, но не мог. В духовном мире невозможно было врать. Он не мог с чистым сердцем отрицать прилив черного восторга, испытанный им при мысли о всеобъемлющем отмщении.

— Я... — Вилл судорожно сглотнул. — В смысле, что я... Мне кажется, что...

— Возьми с них свое воздаяние! Начни с царя, который соблазнил твою мать и наставил рога тому, кто должен был стать твоим отцом. С тетки, которая помыкала тобою, а затем, когда ты вошел в силу, стала тебя бояться. С дружков, которые на тебя ополчились. И дальше все по порядку — деревня, тебя изгнавшая, бандиты, пытавшиеся тебя убить, стукачи, доносившие на тебя, лагерный комендант, который тебя шантажировал, беженцы, хотевшие сделать тебя тем, чем ты не был, мелкие чиновники, грубо выпихнувшие тебя за пределы закона, власти, травившие тебя как дикого зверя, любовницы, тебя предававшие, последователи, тебя оставившие, нотабли, считавшие, что ты не стоишь даже их презрения, аристократы, хотевшие увидеть в тебе то, чего в тебе не было, эльфийская леди, не решавшаяся тебя любить, народ, насильно сделавший тебя царем. Ну чем ты им обязан, кроме муки вровень с твоею собственной? Они — все до единого! — причиняли тебе страдания, пока сила была на их стороне. Так почему бы теперь, когда ты сильнее, тебе не ответить им ровно тем же? Что видел ты в этом мире, кроме уродства, мерзостей и насилия? Ты пытался быть добрым, и что тебе это дало? Этот мир реагирует только на кнут. Так собери же все свои силы и заставь его харкать кровью.

Вилл огляделся по сторонам.

— Что это за звук? — удивился он. — Я слышу какой-то звук.

— Не отвлекайся, — оборвал его дракон. — Мы говорим о вещах куда бодее...

Но Вилл уже открыл глаза.

Кто-то в голос ревел.

Вилл неуверенно огляделся по сторонам и ничего не увидел. Затем он повернул голову и увидел маленькую девочку, которая дергала кожаный ремень, крепивший его левую руку на подлокотнике.

— Эсме?

Пряжка ремня расстегнулась, Вилл поднял руку и только тут обнаружил, что его правая рука тоже свободна. Исчез и ремень, стеснявший ему грудь. И тот, что был вокруг лодыжек. Только сил у него совершенно не было, все, что он мог, — это столкнуть с головы корону. Она громко клацнула о загаженный бетонный пол.

— Иди сюда, маленькая. — Вилл похлопал себя по ноге, и Эсме вскарабкалась к нему на колени. — Не плачь, все уже в порядке. Как ты сюда пробралась?

— Я много умею всякого. Умею проскальзывать мимо охранников. Умею открывать замки. Умею проходить сквозь стены. Умею... что-то еще, но я не помню что. Но мне это было совсем нетрудно, я умею почти что все.

— Да, я помню. — Все, что Вилл помнил, было словно из другого мира, другого времени. Затем у него появилась новая мысль. — А почему ты еще здесь? С твоей удачливостью, ты бы должна была бежать из Вавилона, и не позднее чем вчера. Здесь теперь небезопасно.

— Я знаю, ты хочешь его разрушить. Ты хочешь убить мою жабу!

— У тебя есть жаба?

— Большущая жаба, я думаю, ты с ней знаком. Она такая большущая, что не может покинуть свой бар и целыми днями

слушает радио и читает газету. Она мне что-то про тебя говорила, только я не помню что.

— Ты имеешь в виду Герцогиню? Эсме, держись от нее подальше, эта тварь предаст кого угодно.

— Вот, я вдруг вспомнила, что сказала мне жаба! Она сказала, что ты ее не любишь. Но я-то ее люблю! Она такая милая, она давала мне крендельки.

— Эсме, тебе нужно отсюда уйти. Тебе нужно поискать какое-нибудь убежище. Город горит...

И только тут Вилл понял, что никакого пожара нет. Боевые драконы, тучами врезавшиеся в город, были всего лишь мороком, видением, которое наслал на него Ваалфазар, драконья грань его самого. Город цел-целехонек, а всемогущие боевые драконы прикованы к земле и не смогут взлететь, пока он не даст им свободу. Содрогнувшись от ужаса, он стиснул Эсме в объятьях. Ведь он же почти ее убил! Об этом даже не хотелось думать. Ну и как же он мог замышлять уничтожение целого города, когда не хватало духа убить одного-единственного ребенка.

— Ладно, Эсме, — пробормотал он, смущенно отводя глаза. — Я буду хороший.

Эсме выпуталась из его рук, прижалась лобиком к его лбу и спросила, глядя прямо ему в глаза:

— Честное слово?

— Честное слово. Но все равно здесь не стоит оставаться. Ты можешь выбраться из дворца и чтобы никто не поймал?

— Ну конечно могу, я же везучая.

— А меня с собою можешь провести?

— Тебя? — На личике Эсме появилось сомнение — Вряд ли мое везение такое уж сильное.

— Конечно нет, да я и сам так не думал. — Вилл чмокнул девочку в лобик и опустил ее на пол. Он был совсем уже готов шлепнуть ее по попе и отослать прочь, когда глаз его зацепился за нечто непонятное. — А что это за большая булавка приколотая спереди к твоему свитерку?

— Ну да, конечно, это для памяти. У меня же было для тебя письмо. Только оно мне мешало, и я его куда-то засунула. — Эсме порылась в кармане джинсов и извлекла мятый-перемятый конверт. — Вот оно.

— Благодарю, — поклонился Вилл без малейшей тени иронии. На конверте было написано «Прочесть без промедления», однако он сунул его в карман, не заглядывая внутрь. — А теперь беги! С тобою все будет в порядке.

— Я знаю, — согласилась Эсме. — Я же везучая. И убежала, весело взбрыкивая ногами.

Теперь Виллу предстояло решить, что же делать дальше. Он не хотел больше садиться на Обсидиановый Престол — а вдруг не удастся обуздать дракона? Да и быть оружием лордов Вавилона в их войне против Запада, ему тоже совсем не хотелось. Сила, полученная им по наследству, была слишком огромна, чтобы быть в распоряжении одной единственной личности. Как царь он был бы постоянной угрозой безопасности этого города, а с ним и всего остального мира, а потому он должен был устраниваться. Тем или другим способом.

Два извива коридора, один поворот, длинная лестница, ведущая вверх, и Вилл вконец заблудился. Заблудиться — это просто чудесно, если у тебя есть время и настроение наслаждаться этим чудом. Все ново и удивительно, даже тяжелые медные плевательницы. Муравейник служебных коридоров, долженствующих скрывать от барского взгляда слуг, просто поражает. Вилл неизбежно задержался бы поудивляться надписи «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ЦАРЯ», сделанной по трафарету на внутренней стороне двери, чья лицевая сторона была ничем не примечательна, не услышь он голоса, гулко отдававшиеся на лестнице. Дворцовый персонал явно возвращал себе утраченные позиции. Он ломанулся в какую-то дверь и попал в коридор, сплошь уставленный алебастровыми статуями и часами из золоченой бронзы.

Затравленное животное не бежит со всех ног, когда хищника еще не видно, но экономит силы для решительного броска. Вот так и Вилл. Он неспешно побежал по коридору, а когда где-то за спиной распахнулась дверь, ускользнул в ближайшую комнату.

И не комнату, собственно, а неясного назначения зал со слишком, как и везде здесь, высоким потолком и красного дерева стенными панелями, на которых были искусно вырезаны некие нимфы в греческих шлемах. В зале имелась еще одна дверь, но по проверке там оказалась лишь маленькая кухонька. А топот бегущих по коридору ног становился все громче.

Вилл распахнул окно и выбрался на карниз.

Карниз был узенький. Ветер был холодный. Вилл притворил за собой окно и, прижимаясь спиной к стене, чуть отошел в сторону, чтобы из зала не было видно. Затем случайно посмотрел вниз, почувствовал, что кружится голова, и чуть не упал.

А падать пришлось бы долго, можно было бы, наверное, даже и заскучать. Внизу проплывали облака, сквозь их просветы проглядывала земля. Она выглядела недостижимо далекой и невероятно романтической. Ему страстно хотелось быть сейчас там, внизу, на обочине какой-нибудь из паутинно-тонких дорог, стоять, выставив руку с отставленным большим пальцем, и ловить попутку, которая подбросит его поближе к Лемурии.

Из только что покинутого им зала донеслись приглушенные голоса. Вилл затаил дыхание. Но никто так и не догадался выглянуть в окно, и через пару минут все стихло.

Вот уж влип так влип. Он боялся вернуться, а пройти по карнизу дальше просто не мог физически. Вилл сунул совсем окоченевшие руки в карманы и наткнулся на то самое письмо.

Решив, что самое место и время, он вынул его и начал читать.

Дорогой сын.

Теперь-то ты все уже знаешь! Прости уж, что я сыграл с тобой такую скверную шуточку, но что мне было еще делать? Вавилон нуждался в царе, а я для этой роли немного староват и слишком уж независим во мнениях. Да и не я, собственно, решил втягивать тебя в это дело. Престол пустовал настолько долго, что сам уже начал тебя искать. Он тебя притягивал. Не будь моего вмешательства, нашли бы тебя на этом поезде, шедшем из лагеря «Оберон», — и когда бы тебя сделали царем, ты не был бы готов принять то решение, которое ты только что принял.

Ну конечно же, я не знаю, чего ты там решил, выбор был полностью твой, но мне кажется, что я изучил тебя довольно подробно. Так вот, если я не ошибаюсь — а когда это я ошибался? — ты ищешь, куда бы приложить вновь обретенные силы, и пытаешься рассудить, что же все-таки следует сделать с нашим миром.

Но есть один небольшой секрет, который останется между нами: ничего с ним делать не надо.

Мир далеко не идеален и никогда не будет идеальным. Но сколько бы ни было в нем страданий и мук, мир — прекрасное место, и жить в нем прекрасно. Он даровал мне, хотя и ненадолго, тесное знакомство с тобой, и, что касается меня, это с лихвой окупает все, что угодно. Научись восторгаться неидеальным миром. Ты ловкач не хуже меня самого. Сделай так, чтобы путь твой был радостным, и ты будешь не просто ловкачом, а великим.

С любовью,

твой отец (Нат), милостью Семерых

Мардук XXIII Отсутствующий

Вилл отпустил письмо на волю ветра, а затем глубоко, прерывисто вздохнул. Холодный воздух бодрил, как шампанское со льда. Жизнь билась в нем и кипела, как никогда прежде. И она представлялась ему драгоценной тоже как никогда прежде. Он взглянул на уходящий вниз склон Вавилона. Отсюда, сверху, город казался поразительно хрупким и беззащитным. И поразительно прекрасным.

За такой город можно и умереть.

Вдалеке на фоне облаков плясало крошечное темное пятнышко. Оно смутно напоминало нечто знакомое. Вилл не был уверен, что ему достанет храбрости прыгнуть вниз, этой мысли противилось все его тело. С огромным удивлением он осознал, что то, что казалось ему прежде нескончаемой вереницей несчастий и бед, было в действительности очень хорошей жизнью, и было до слез обидно, что придется с нею расстаться. Он глубоко, как перед прыжком в холодную воду, вздохнул.

Словно чудом возникшая, Алкиона натянула поводья буквально под самым его карнизом.

— Садись, придурок хренов! — крикнула она, еле сдерживая громко ржущего гиппогрифа. — Еще минута, и они нас заметят.

Вилл вытаращил глаза.

Затем прыгнул на круп гиппогрифа и крепко обхватил ее за талию.

— Как ты узнала, что я на этом карнизе? — спросил он с благодарным облегчением.

— А зря я, что ли, возглавляю этот проклятый отдел знамений и пророчеств? Кому, как не мне, знать подобные вещи.

Оставшийся за спиною Арарат становился все меньше и меньше. А впереди безбрежным океаном простиралось небо с плывущими по нему материками облаков, со множеством гаваней и городов и зыбко колышущихся замков.

— Мы не можем быть вместе. Четыре недели, и нам конец.

— Тоже мне умник нашелся. Знаю я это, прекрасно знаю. Только не думаю, что за неделю или там, скажем, за три ты сделаешь меня чрезмерно счастливой. Ну а потом... что ж, через год можно будет сделать новую попытку.

— А спорим, что за три недели я сделаю тебя чрезмерно счастливой. Да что там три недели, я уложусь в десять суток, если не меньше.

— Жопа ты с ручкой! — рассмеялась Алкиона, развернула свою зверюгу, и они летели по плавной дуге, и он был молод и радостен и безгранично влюблен. Его любимая была рядом, и она тоже его любила. В их распоряжении был весь мир, и мир этот искрился бесчисленными возможностями.

Ну да, долго это не продлится. А кому какая, на хрен, разница?

Вернуться в Вавилон было для Вилла все равно что взяться перечитывать любимую книгу, которую он помнил едва ли не дословно. Конечно же, Вавилон содержал в себе тысячу тысяч рассказов — уже само его название означало на древнем языке «книга», хотя некоторые ученые толковали его чуть иначе: «библиотека», — и эти рассказы постоянно изменялись, заканчивались, начинались вновь. Но если посидеть на Обсидиановом Престоле, получить власть и силу царя-дракона, дающие возможность воспринять и понять весь город как целое, нельзя не увидеть, что все это один рассказ, славный и горестный, и он повторяется вновь и вновь, как времена года.

Прошло уже лет двадцать, как Вилл последний раз был в Вавилоне. Каждый здешний кирпич, каждый запах заставляли его сердце сжиматься. Последний раз он ходил по этим улицам совсем еще юным. Сейчас-то юным его не назовешь. Но годы ушли не просто так, они оставили ему богатство в виде хитрости и сноровки. Нат был бы вправе гордиться своим сыном. Увидев Вилла сейчас, никто бы не смог догадаться, что он кого-то ждет, и ждет напряженно, с замирающим сердцем. Случись кому-нибудь посмотреть в его сторону (но они *не* смотрели в его сторону, когда ему самому этого не хотелось), этот «кто-то» принял бы его за праздного фланера, ненадолго остановившегося перед тем, как проследовать дальше по своим пустяшным делам. А шрам на лице он неизбежно истолковал бы как след некой юношеской спортивной забавы.

А ведь он стоял здесь уже много часов. И был готов стоять хоть всю вечность.

И вдруг его сердце подпрыгнуло.

Дверь, за которой он тайком наблюдал, открылась, и оттуда вышла девушка. Худощавая, в панковской кожаной куртке и с остроконечными ушами, явно говорившими, что в ее жилах течет благородная кровь. Была в ней и смертная кровь, но чтобы это заметить, нужен был такой, как у Вилла, опыт. Ее губы были

окрашены черной помадой, ее голова наполовину выбрита. Лицо у нее было какое-то оголодавшее.

Губы Вилла изогнулись в улыбке, которую не смог бы уловить ни один фотограф. Это была она! Чтобы найти эту девушку по немногим ключам, предоставленным ее матерью, ему потребовались годы. А теперь он с первого взгляда понял, что это — именно она, и навсегда прикипел к ней сердцем. Он подождал, пока девушка с ним не поравнялась, а затем протянул руку с пачкой «Мальборо».

— Слышь, принцесса, — спросил он с дружелюбной фамильярностью, — огоньку нет?

---

notes

Примечания

1

Вечный свет (*лат.*).

Пак — проказливый эльф из английского фольклора, один из персонажей комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь». Позднее эльф Пак появляется в детской исторической книге Р. Киплинга «Пак с Паковой горки».

Отец Лжи — сатана, лукавый (Ин 8:44).

Ноябрь (гэльск.).

Закон подлунного мира (*лат.*).

Электрум — природное низкопробное золото либо сплав золота с большим количеством серебра.

Зеленые рубашки — прямая отсылка к Робин Гуду и его лихим друзьям, которые тоже ходили в зеленом.

Согласно верованиям многих народов Полинезии, мана — это некая важная, очень общего плана сверхъестественная сущность, способная концентрироваться в людях и предметах. В частности, количество маны определяет силу и влияние человека.

Любовные песни (фр.).

«Колдуньей Мэб сон этот наведен. / Она ведь повитуха сновидений / У эльфов. И катают еженощно / Ее по переносицам людским / Лошадки-крохотки...» (*Шекспир У. Ромео и Джульетта. Акт I, сцена 4. Перевод О. Сороки*).

Оберон — король эльфов из «Сна в летнюю ночь» У. Шекспира.

Дух места (*лат.*).

В действительности — «помни о смерти».

Отсылка к английскому детскому стишку, который переводится примерно так:

Бенжамен Делл жиру не ел,
Жена его Молл не терпела постного.
Так что, садясь за обеденный стол,
Бенжамен с Молл подметали все дочиста.

Ламия — мифическое чудовище, змея с головой и грудью прекрасной женщины. Автором придуман ее дублер мужского пола — ламий.

Кернунн (в латинизированном написании Сернуннос) — кельтский рогатый бог плодородия, отвечающий по совместительству за богатство и подземный мир. Его именем назвала свой клуб одна из английских байкерских компаний.

Древнеисландский эпос «Старшая Эдда», фрагмент песни
«Прорицание вёльвы», перевод А. И. Корсуна.

«Мотсогнирсага» — «Сага о Мотсогнире». Мотсогнир — самый старший из племени карликов, мельком упомянутый в «Прорицании вёльвы».

Faerie Minor — это название (и написание с умляутом) Суэнвик позаимствовал у Сюзанны Кларк. В русском переводе ее рассказа «Том Ветер-в-поле, или Как был построен волшебный мост в Торсби» (сборник «Дамы из Грейс-Адье и другие истории») это название передано как Малые Королевства (переводчик М. Клеветенко).

Лабрис — древнегреческий двусторонний топор, главным образом церемониальный.

Древний кельтский термин для чего-то вроде вдохновения, прозрения.

Букв, курочки, цыпочки (*фр.*). На французском аргю — полицейские, обычно мужчины, но, вообще говоря, безотносительно к полу.

Сценическое имя, сценический псевдоним (*фр.*).

В Карибском фольклоре дуппи — своего рода дух, призрак.

C'est impossible (*φρ.*) — это невозможно.

В кельтской мифологии есть Тир-на-ног, страна вечной молодости, буквально — страна молодых. По-английски *bog* — трясина, болото (особенно ирландское), а на сленге — сортир. Изменив одну букву, остряк превратил кельтскую страну молодых в сортирную страну.

Персонаж зулусского фольклора.

Водяной дух в скандинавском фольклоре.

Демон-великан в японской мифологии, клыкастый и рогатый.

Очень сильный дезинсектант, запатентованный в XIX в.

Сядь на поезд «А». (англ.).

Джон Филип Суза (1854–1932) — американский композитор, прозванный Королем маршей.

Джек Демпси (Уильям Харрисон Демпси, 1895–1983) — боксер-профессионал по кличке Костолом из Манассы, чемпион мира в супертяжелом весе. Мохаммед Али (Кассиус Клей, р. 1942) — боксер, чемпион Олимпийских игр 1960 г. в полутяжелом весе, многократный чемпион мира среди профессионалов (1964–1974) в тяжелом весе.

Riddle (*англ.*) — загадка.

Баст, Бастет — древнеегипетская богиня радости, веселья и любви, женской красоты и домашнего очага, изображалась в виде кошки или женщины с головой кошки.

Weary (*англ.*) — усталый, утомленный

Турецкая матерщина, успевшая проникнуть в современный американский сленг.

Закон возмездия (*лат.*).

В скандинавской мифологии Нифльхейм — мир мрака, загробный мир, существовавший еще до начала творения.

Тан — шотландский лорд, предводитель клана. Тан-леди (каковых никогда не бывало) — женщина-тан.

Сируш — страшный дракон, символическое животное Мардука, главного вавилонского бога.

Король-Рыбак — второстепенный персонаж артуровского цикла легенд о Святом Граале. Ранение в пах сделало его импотентом.

Псевдоним (*фр.*), букв, «боевое имя».

De la Cocksaigne (*фр.*) — из Кокейна. Кокейн — сказочная страна дураков, страна изобилия и безделья, где на деревьях растут пироги.

Эпона — одна из главных богинь континентальных кельтов, бывшая наряду со многими прочими функциями небесной покровительницей лошадей.

Счастье в среднем (*лат.*).

В мифологии зулусов абатва — племя человечков настолько крохотных, что они охотятся на муравьев и могут прятаться под травинками.

Царицу ночи (*фр.*).

Царица Африки (*фр.*).

Герой романа Эллен Кашнер «На острие клинка».

Jimi Begood — хулиганский гибрид Джими Хендрикса с песней Чака Берри «Johnny B. Goode».

«Отправь меня на Луну» (1954) — поп- и джазовый стандарт Барта Говарда.

Мсье Пьеро, как я вижу. Я думаю, вы говорите по-французски (фр.).

Очаровательное произношение [уроженки города] Ис (*фр.*). Ис — легендарный город в Бретани, затопленный морем примерно в IV–V вв.

Барышни (*фр.*).

Инанна — древнешумерская богиня плодородия, плотской любви и распрей, позднее превращавшаяся у разных народов в Иштар, Астарту, Афродиту и Юнону. Считалась покровительницей проституток, гетер и гомосексуалистов. Ее культ был связан с неистовыми оргиями, а вот свинский аватар придуман, похоже, автором.

Флобер Г. Испытание святого Антония. Перевод М.
Петровского.

Отец Гаргантюа у Ф. Рабле.

Советника (*ит.*).

Тут самое время вспомнить, что «вольпе» — это по-итальянски лисица.

Переименовывается название американского Федерального агентства по борьбе с незаконным оборотом алкоголя, наркотиков и огнестрельного оружия.

Picaro (*исп.*) — плут, хитрюга.

«Веселый» (*фр.*) — меч Карла Великого.

Droit de seigneur (*фр.*) — право сеньора, более известное у нас как право первой ночи.

Фенрир (в англозированной форме Фенрис) — хтоническое чудовище, огромный свирепый волк, с большими хлопотами и потерями привязанный богами к огромному камню. Во время битвы богов, знаменующей конец старого мира, сорвется с привязи и много чего натворит, в частности проглотит самого Одина.

Персонаж шотландской мифологии, полуженщина-полукоза.

Вандемьер — первый месяц (сентябрь-октябрь) французского революционного календаря.

Откровение св. Иоанна 12:3–4.

Ф. Д. Рузвельт. Речь 14 августа 1936 г.

Дж. Буш. Пресс-конференция 3 июля 2003 г.

Мой лопушок, мой простофилюшка (*фр.*).

Это единственно верное слово (*фр.*).

Этан Аллен (1738–1789) — американский бизнесмен и землевладелец, писатель и философ, герой Войны за независимость.

Мэри Маккарти (1912–1989) — американская писательница, автор известных травелогов о Венеции и Флоренции. На русский язык переводились только «Камни Флоренции».

Сэлинджер Дж. Зуи. Перевод М. Ковалевой.

Один из многих в японском языке вариантов фразы «Большое спасибо».

De nada (*исп.*) — не за что.

Знаменитый японский оружейник XIII–XIV вв.

Джеймс Эббот Макнил Уистлер (1834–1903) — англо-американский художник, предтеча импрессионизма и символизма.

Фрэнк Ллойд Райт (1867–1959) — американский архитектор-новатор, создатель «органической» архитектуры.

Лес Фаллосов (*фр.*), присутствующий в навязчивом сне героя «Тошноты» Ж.-П. Сартра.

Хумбаба — страшное чудовище шумеро-аккадской мифологии.

Керидвен — кельтская богиня плодородия; в своем колдовском котле она год и один день варила волшебный напиток знания.

Виверны — геральдические драконы, крылатые, двулапые, со скорпионьим жалом на конце змеиного хвоста.

Букентавры — полулюди-полубыки.

Тавматургический — колдовской, волшебный.

Финдбеннах — удивительный бык из ирландского эпоса «Похищение быка из Куальнге» (его имя означает «белорогий»).